РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ВАЛЕНТИН ПОНТИФИК

ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ ЛОКУС

«Я счастлив снова посетить Маджипур и благодарен за то, что в этом великом и замечательном мире есть еще место для новых приключений».

Asimov`s Science

fanzon

Валентин Понтифик
Роберт Силверберг

Аннотация
Роберт Силверберг. Валентин Понтифик
Часть I. Книга короналя
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
Часть II. Книга водяных королей
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Часть III. Книга разорванных небес
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Часть IV. Книга понтифика
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7

Глава 8
Часть V. Книга воссоединения
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8

Аннотация

Мучимый кошмарами о Маджипуре, пораженном штормами и землетрясениями, лорд Валентин верит, что это знамения войны между его народом и метаморфами – меняющими облик, которые когда-то правили планетой. На протяжении веков они плели заговор, чтобы вернуть свою украденную планету.

С тех пор как Валентин пришел к власти, политика согласия и примирения заставила многих придворных усомниться в его подлинных мотивах и лояльности и позволила им отстранить лорда от руководящих обязанностей, избрав его на более высокий и церемониальный пост понтифика.

Но если Валентин примет мантию понтифика и уступит свой пост будущему преемнику, о нем останется память как о лидере, который уклонился от своих обязанностей и разрушил мир, царивший в течение восьми тысяч лет…

Роберт Силверберг
Валентин Понтифик

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Посвящаю
Карен
Сандре
Кэтрин
Джерри
Кэрол
Эллен
Дайэнн
Хилари
Диане
– волноломам в сезон штормов

…Великий испуг:
Не крушенья ли срок сужденный настал,
Чтоб низвергнуть мир, чтобы хаос опять
Безвидный объял и людей, и богов,
Окружил и твердь, окружил и моря,
Чтобы скрыла огни блуждающих звезд
Природа опять.
…

Неужели из всех, сколько было, племен
Только мы сочтены достойными пасть
Под крушеньем небес?

Сенека. Фиест[1]

[1] Примечания: 1
Перевод С. А. Ошерова.

Часть I
Книга короналя

Глава 1

Валентин пошатнулся и оперся свободной рукой о стол, стараясь не расплескать вино.

Что за странное ощущение, подумал он: кружится голова, путаются мысли. Перебрал вина? Духота? Или, быть может, здесь, глубоко под землей, сила тяжести ощущается сильнее…

— Ваше высочество, — пробормотал Делиамбер, — произнесите тост. Первый за понтифика, потом за его советников, потом…

— Да. Да, я знаю.

Валентин растерянно водил взглядом по сторонам, как ститмой в заливе, окруженный копьями охотников.

— Друзья… — начал он.

— За понтификаТивераса, — резко прошептал Делиамбер.

Друзья… Да, рядом с ним сидят самые близкие люди. Почти все — нет Карабеллы и Элидата: она отправилась на запад, где он встретится с нею, а Элидат в отсутствие Валентина держит на Замковой горе бразды правления. Но все остальные здесь: Слит, Делиамбер, Тунигорн, Шанамир, Лизамон и Эрманар, Тизана, скандар Залзан Кавол

и хьорт Эйзенхарт — да, самые дорогие ему люди, опора его жизни и царствования.

— Друзья, — сказал он, — поднимите кубки и присоединитесь к тосту. Как вам известно, Божество не даровало мне легкой и приятной жизни на троне. Вы все знаете, какие трудности выпали на мою долю, с какими испытаниями довелось столкнуться, какие задачи возложены на меня и какие серьезные проблемы до сих пор ждут решения.

— Мне кажется, это неуместно… — негромко проговорил кто-то за его спиной.

И опять бормотание Делиамбера:

— За его величество понтифика! Вы должны произнести тост за его величество понтифика!

И то, и другое Валентин пропускает мимо ушей. Слова идут откуда-то изнутри, будто сами по себе.

— И если мне будет дарована милость вынести эти беспримерные трудности, — продолжал он, — то лишь благодаря поддержке, любви и советам друзей и товарищей — а этим могли бы похвастать немногие из когда-либо царствовавших правителей. И именно с вашей неоценимой помощью, дорогие друзья, мы наконец добьемся спасения от бед, терзающих Маджипур, и

вступим в эру истинного братства, которого так желаем. Итак, мы готовы — охотно и с радостью — выступить завтра в великое паломничество по нашему царству, и я, друзья, поднимаю последний на сегодня тост — за вас, за тех, кто все эти годы поддерживал и направлял меня, и…

— Как странно он выглядит, — пробормотал Эрманар, — здоров ли он?

Валентина пронзил спазм ужасной боли. В ушах загудело, воздух в гортани и легких сделался горячим, как огонь. Он будто погружался в ночь — ночь столь ужасную, что она затмила весь свет и захлестнула его душу приливом черной крови. Кубок выпал у него из рук и разбился, и с ним раскололся весь мир, разлетелся на тысячи мелких осколков, что рассыпались по всем концам Вселенной. Головокружение сделалось невыносимым. И тьма — абсолютная, беспросветная, полное затмение…

— Ваше высочество! — крикнул кто-то. Хиссун?

— Он принимает послание! — другой голос.

— Послание? Не может быть! Ведь он не спит.

— Мой повелитель! Мой повелитель! Мой повелитель!

Валентин опустил взгляд. Все вокруг было чер-

ным, вверх от пола ползла тьма. Чернота будто звала его. Иди сюда, шептал тихий голос, вот твой путь, вот твоя судьба — ночь, тьма, гибель. Покорись! Покорись, лорд Валентин, что был короналем и что никогда не станет понтификом. Покорись. И Валентин покорился, поскольку пребывал в замешательстве и оцепенении духа, и ничего иного не смог сделать. Он заглянул в захлестывающий его черный омут и позволил себе упасть в него. Безропотно, не пытаясь хоть что-нибудь понять, он погрузился во всепоглощающую тьму.

«Я мертв, — подумал он. — Я плыву по течению черной реки, что возвращает меня к Источнику, и скоро я встану и пойду по берегу, чтобы найти дорогу к Мосту Прощаний, а потом перейду его и попаду в то место, где начинается и заканчивается всякая жизнь».

Его объяло какое-то странное умиротворение, ощущение чудесной легкости и покоя, неодолимое чувство, что вся Вселенная слилась с ним в священной гармонии. Ему казалось, будто он наконец-то освободился от бремени власти и снова лежит в колыбели, завернутый в теплые пеленки. До чего же хорошо! Тихонько лежать, и пускай все тревоги проплывают мимо! Это что

— смерть? Что ж, тогда смерть — это радость!

— *Мой повелитель, вы заблуждаетесь! Смерть — это конец всем радостям.*

— *Кто здесь?*

— *Вы знаете меня, мой повелитель.*

— Делиамбер? Ты тоже умер? Ах, старый друг, какое уютное и безмятежное место смерть!

— *Вы вне опасности, это да. Но вы не умерли.*

— *Но чувствую себя очень похоже.*

— *Вы настолько хорошо разбираетесь в смерти, мой повелитель, что так уверенно об этом рассуждаете?*

— *Но что же это, если не смерть?*

— *Больше похоже на чары,* — сказал Делиамбер.

— Твои, колдун?

— Нет, не мои. Но, если позволите, я могу их снять. Ну, просыпайтесь. *Просыпайтесь.*

— Нет, Делиамбер! Оставь меня.

— *Надо, мой повелитель.*

— Надо, — с горечью произнес Валентин. — Надо! Всякий раз надо! Неужели нет мне отдыха? Оставь меня здесь, Делиамбер. Это место — такое мирное, а я не воинственный человек.

— *Ну же, мой повелитель!..*

— *Скажи еще, что это мой долг.*

— Нет нужды говорить то, что вы и так знаете. Просыпайтесь.

Он открыл глаза и обнаружил, что не касается пола, а лежит, безвольно обвиснув, на руках Лизамон Халтин. Воительница несла его легко, как куклу, прижимая к огромной груди. Немудрено, что он вообразил себя лежащим в колыбели или же плывущим по черной реке! Рядом с ним находился Аутифон Делиамбер — он сидел на левом плече Лизамон. Кончики трех щупальцев врууна касались его лба, щеки и груди, и Валентин понял, каким образом колдун вытащил его из обморока.

Чувствуя себя очень глупо, он сказал:

— Можешь опустить меня на землю.

— Вы очень слабы, ваше высочество, — громыхнула Лизамон в ответ.

— Думаю, не настолько. Поставь меня на ноги.

Осторожно, как будто Валентину по меньшей мере девятьсот лет, Лизамон поставила его на пол. Тут же головокружение вновь накрыло его, и он вытянул руки и оперся на великаншу, которая на всякий случай не отходила от него. Зубы стучали, тяжелые одежды, будто саван, липли к влажной коже. Ему стало страшно, что стоит ему хоть на мгновение закрыть глаза, как тьма вновь

поднимется и поглотит его. Но он заставил себя твердо встать на ноги, хоть это и была всего лишь видимость. Давние тренировки дали себя знать: какие бы страхи ни мучили его, он не мог допустить, чтобы его видели растерянным и слабым.

Мгновение спустя он успокоился и смог оглядеться. Его вынесли из большого зала, и сейчас он находился в каком-то ярко освещенном коридоре, стены которого были инкрустированы тысячами переплетающихся и наползающих друг на друга эмблем понтифика — повторяющимся символом Лабиринта, от которого рябило в глазах. Вокруг сбились в кучу испуганные и встревоженные люди: Тунигорн, Слит, Хиссун и Шанамир из его собственной свиты и несколько приближенных понтифика: Хорнкаст, старый Дилифон, и за их спинами еще полдюжины голов в желтых масках.

— Где я? — спросил Валентин.

— Уже подходим к вашим покоям, ваше высочество, — ответил Слит.

— Я долго был без сознания?

— Всего две или три минуты. Вы стали падать, когда говорили речь, но Хиссун и Лизамон поймали вас.

— Это все вино, — произнес Валентин, — ду-

маю, я перебрал — кубок здесь, кубок там…

— Вы практически трезвы, — возразил Делиамбер, — и прошло всего несколько минут.

— Позволь мне еще какое-то время верить, что это было вино, — сказал Валентин.

Коридор повернул влево, и перед ним появилась огромная резная дверь его апартаментов — со знаком пылающей звезды и инкрустированной золотом личной монограммой Валентина — «ЛВК».

— Тизана, где ты? — позвал он.

— Я здесь, мой повелитель, — откликнулась толковательница снов.

— Отлично. Я хочу, чтобы ты вошла в покои вместе со мной. Еще Делиамбер и Слит. Больше никто. Понятно?

— Могу ли я тоже войти? — раздался голос из свиты понтифика.

Это был тощий тонкогубый человек со странной пепельной кожей, и в следующее мгновение Валентин узнал его — Сепултров, личный врач понтифика Тивераса.

Валентин покачал головой:

— Благодарю за заботу, но, думаю, вы не понадобитесь.

— Но, мой повелитель, столь внезапный обмо-

рок требует диагноза.

— Его слова не лишены смысла, — тихо заметил Тунигорн.

Валентин пожал плечами:

— Ладно. Но попозже. Сперва позвольте мне поговорить с моими советниками, добрый Сепультров. А потом можете постучать мне по коленкам, если вам так уж хочется. Тизана, Делиамбер, пойдемте.

Собрав последние остатки царственного достоинства, он вошел в апартаменты, и когда тяжелая дверь закрылась, отсекая суетящуюся в коридоре толпу, с тяжелым вздохом рухнул на парчовую кровать, не скрывая дрожь облегчения.

— Ваше высочество… — мягко начал Слит.

— Постой. Подожди. Дай прийти в себя.

Он потер пульсирующий лоб и зудящие глаза. Делать вид, что он быстро и полностью пришел в себя после случившегося на банкете, чем бы оно ни было, далось ему дорогой ценой. Но постепенно силы все же возвращались к нему. Он посмотрел на толковательницу снов: эта крепкая, сильная, широкая в кости пожилая женщина казалась ему сейчас самой надежной опорой.

— Тизана, сядь рядом со мной, — произнес Валентин.

Она опустилась рядом с ним и обняла его за плечи. Да, подумал Валентин. О да, хорошо! Тепло возвращалось в его замерзшую душу, и тьма отступала. А Валентина переполняла любовь к Тизане — крепкой, надежной, мудрой; именно она в дни изгнания первая открыто приветствовала его как лорда Валентина, тогда как сам он все еще считал себя простым жонглером. Как много раз, уже в годы его царствования, она делила с ним открывающее разум вино сновидений и обнимала его, чтобы выведать все тайны тревожных картин, что являлись ему во сне! Как часто облегчала она ему тяжкое бремя власти!

Правда, Валентину так и не удалось уговорить ее и остальных товарищей по былым скитаниям обращаться к нему попросту, не как к короналю, а как к жонглеру Валентину когда-то. На «ты» с ним теперь разговаривали только несколько друзей самых юных лет да Карабелла.

— Я очень испугалась, лорд Валентин, когда вы упали, а вы знаете, что меня нелегко напугать. Так вы считаете, что это было вино?

— Да, так я сказал там, в коридоре.

— Ну а я считаю, что вино тут ни при чем.

— Пожалуй, что так. Делиамбер думает, что это были чары.

— Чьи же? — спросила Тизана.

Валентин посмотрел на врууна:

— Чьи же?

Очень редко ему случалось видеть маленького колдуна в таком замешательстве: бесчисленные щупальца свивались и развивались, большие желтые глаза странно блестели, клюв, похожий на птичий, открывался и закрывался.

— Я не знаю ответа, — сказал в конце концов Делиамбер. — Как и не все сны являются посланиями, так и не у всех чар есть создатели.

— То есть заклинания создаются сами по себе? — спросил Валентин.

— Не совсем так, мой повелитель. Бывает, что чары появляются спонтанно — изнутри, из пустот собственной души.

— О чем ты, Делиамбер? Я что, навел порчу сам на себя?

— Сны, чары — это все одно и то же, — мягко сказала Тизана. — Это те или иные предчувствия в твоем сердце. Они пытаются стать видимыми и принимают форму знамений. Надвигается буря, и это ранние предвестники.

— И ты так сразу все поняла? Знаешь, перед банкетом я видел дурной сон, и, скорее всего, он был наполнен знамениями, предчувствиями и

признаками беды. Но ведь я ничего тебе не говорил, если, конечно, не болтал во сне.

— Думаю, мой повелитель, что вам приснился хаос.

Валентин уставился на нее:

— Откуда ты знаешь?

Пожав, плечами, Тизана ответила:

— Потому что хаос должен наступить, и мы все об этом знаем. В мире осталось незаконченное дело, которое буквально взывает к завершению.

— То есть меняющие облик, — пробормотал Валентин.

— Я не смею давать вам советы относительно государственных дел… — начала пожилая женщина.

— Избавь меня от излишних церемоний. От советников мне нужны советы, а не политес.

— Моя область — исключительно сны, — сказала Тизана.

— Мне снились снег на Замковой горе и жуткое землетрясение, расколовшее мир.

— Растолковать вам этот сон, мой повелитель?

— Как ты его растолкуешь, если мы еще не выпили вино сновидений?

— Сомневаюсь, что это хорошая идея, — заметил Делиамбер. — С короналя более чем хватит

видений на сегодня, и сонное вино лишь повредит ему. Считаю, толкование стоит отложить…

— Этот сон растолкует и ребенок, — ответила ему Тизана, — даже без вина. Землетрясение? Распавшийся на части мир? Что ж, мой повелитель, вы должны готовиться к худшему.

— Но что ты все-таки имеешь в виду?

За нее ответил Слит:

— Это знамения войны, ваше высочество.

Валентин повернулся и посмотрел на невысокого человека.

— Война? — выкрикнул он. — *Война*? Я первым из короналей за восемь тысяч лет вывел войска на поле битвы. Неужели мне придется повторить это?

— Мой повелитель, — сказал Слит, — вы и сами знаете, что война за реставрацию была лишь первым сражением настоящей, большой войны, которая сейчас назревает. Много веков все шло к этой войне, и, думаю, вы понимаете, что ее не избежать.

— Неизбежных войн нет, — ответил Валентин.

— Вы уверены, мой повелитель?

Кородаль взглянул на Слита с гневом и печалью и ничего не ответил. О сказанном только что он успел догадаться сам, без посторонней помо-

щи, но не хотел слышать подтверждений своей догадки, чтобы не наполнять душу невыносимой тревогой. Он встал и принялся молча расхаживать по комнате. У противоположной от двери стены огромная и жутковатая скульптура из резных костей морского дракона: обращенные вверх сцепленные ладони с переплетенными пальцами, но с тем же успехом она могла изображать и огромную зловещую пасть со смыкающимися клыками. Валентин довольно долго стоял перед ней, бесцельно поглаживая лоснящуюся полированную кость. Незаконченное дело, сказала Тизана. Да. Да. Меняющие облик. Меняющие облик, метаморфы, пьюривары — назовите их как угодно, но они коренные жители Маджипура, и это у них первопоселенцы со звезд отобрали их чудесный мир четырнадцать тысяч лет назад. «Уже девятый год, — думал Валентин, — я стараюсь понять чаяния этого народа, но так ничего и не знаю о них».

Он повернулся и сказал:

— Когда я поднялся, чтобы сказать тост, я думал о словах верховного глашатая Хорнкаста: «Корональ — это мир, а мир — это корональ». И внезапно я стал Маджипуром, и через меня прошло все, что происходило во всех концах мира.

— С вами уже бывало такое, — сказала Тизана, — в снах, которые я толковала вам: когда вы держали в правой руке двадцать миллиардов золотых нитей, растущих из земли, и другой сон, когда вы раскинули руки и обняли весь мир, и еще…

— В этот раз было по-другому, — сказал Валентин, — мир раскололся.

— Как?

— Буквально. Разлетелся на куски. Осталось только море тьмы, и я упал в него.

— Хорнкаст сказал очень верно и точно, — тихо ответила Тизана, — вы и есть мир, ваше величество. Со всего мира к вам притягиваются дурные эмоции и мысли. Так что, ваше величество, это действительно было послание, но не от Повелительницы, не от Короля Снов, а от самого мира.

Валентин посмотрел на врууна:

— Что скажешь на это, Делиамбер?

— Я знаком с Тизаной уже лет пятьдесят и ни разу не услышал от нее ни единой глупости.

— Значит, быть войне?

— Уверен, что война уже началась, — ответил Делиамбер.

Глава 2

Хиссун долго корил себя за опоздание на банкет. Первое официальное мероприятие с тех пор, как его неожиданно включили в свиту лорда Валентина, — и он не успевает вовремя. Непростительно!

В чем-то это была вина его сестренки Эйлимур. Пока он возился с парадным облачением, она постоянно суетилась вокруг него: то поправляла цепь на плече, то ее не устраивали длина и покрой туники, то она находила на его начищенных до блеска башмаках пятна, которых не видел никто, кроме нее. Ей было пятнадцать лет — трудный возраст для девочки, хотя Хиссун порой думал, что у девочек *любой* возраст трудный, — и она пыталась вести себя как настоящая хозяйка, лезть повсюду со своей точкой зрения и вникать во все домашние дела.

Эйлимур изо всех сил старалась, чтобы Хиссун выглядел на пиру у короналя достойно, но в итоге лишь помогла ему опоздать. Одну только нашивку с его званием — небольшой эполет с изображением пылающей звезды, который полагалось носить на левом плече с аксельбан-

том, — она прилаживала, как ему показалось, минут двадцать, постоянно сдвигая на доли дюйма то туда, то сюда, чтобы попасть точно в центр, и наконец сказала:

— Ну-ка, посмотри. Отлично, правда!

Она схватила свое зеркальце — старое, все в пятнах, исцарапанное и ржавое с обратной стороны, и сунула ему под нос. Хиссун увидел в нем свое тусклое и искаженное отражение — какой-то незнакомец, пышно разодетый, будто на маскарад. Костюм выглядел совершенно неестественно, театрально, но в то же время наполнял душу совершенно новым ощущением спокойствия и власти. Вот чудеса, подумал он: как изменил его костюм, второпях подогнанный портным с Площади Масок. Он больше не суетливый уличный оборвыш Хиссун, и не беспокойный, неуверенный в себе молодой чиновник Хиссун теперь он — щеголь, павлин, гордый соратник короналя.

А еще он опаздывает. Но если поспешит, то может добраться до Большого зала понтифика вовремя.

Но тут возвратилась с работы его мать Эльсинома, и пришлось еще ненадолго задержаться. Она вошла в его комнату — невысокая, бледная,

с темными волосами и усталым взглядом — и уставилась на него в страхе и восхищении, как на комету, которую кто-то поймал и пустил летать по их убогой квартире. Ее глаза светились, а лицо сияло, Хиссун никогда раньше не видел мать такой.

— Ах, Хиссун, ты выглядишь великолепно! Потрясающе!

Он усмехнулся и повернулся вокруг себя, демонстрируя свое великолепие.

— Абсурд какой-то, правда? Я похож на рыцаря с Замковой горы!

— Ты похож на принца! На короналя!

— Ага, лорд Хиссун. Но тогда мне еще надо горностаевую мантию, хороший зеленый камзол и, пожалуй, большой яркий медальон в виде пылающей звезды на шею. Но ведь и так неплохо, верно, мама?

Они засмеялись, и, несмотря на усталость, мать обняла его и немного протанцевала с ним по комнате. Отпуская его, она сказала:

— Уже поздно, тебе пора.

— Да, пора. — Он пошел к двери.

— Как это все странно, мама, — идти на пир к короналю, сидеть рядом с ним, сопровождать его в великом паломничестве, поселиться на

Замковой горе…

— Да, это очень странно, — тихо ответила Эльсинома.

Они встали в ряд — Эльсинома, Эйлимур, младшая сестренка Мараун, и посерьезневший Хиссун поцеловал их, пожал руки, а когда они попытались обнять его, отстранился, чтобы не помять одежду. Мать и сестры глядели на него, как на самого короналя, а то и вовсе какое-то богоподобное существо, как будто он не принадлежал к их семье, а спустился этим вечером с небес, чтобы немного пройтись по их мрачным комнатам. И на мгновение ему самому показалось, будто он не провел все восемнадцать лет своей жизни в тесной и темной квартире на первом уровне Лабиринта, но всегда был и есть Хиссун с Замковой горы, посвященный в рыцари, постоянный гость королевского двора и знаток всех его удовольствий.

«Глупость. Безумие. Всегда помни, кто ты такой, — сказал он себе, — и откуда ты родом».

Но и не думать о произошедших в их жизни переменах трудно, думал он, спускаясь по бесконечной винтовой лестнице на улицу. Столько перемен! Когда-то они с матерью добывали пропитание на улицах Лабиринта: она выпрашивала

милостыню у проходящих мимо господ, он бегал за туристами и настойчиво предлагал за небольшую сумму — полреала, редко больше, — стать их проводником по красотам и чудесам подземного города. И теперь он — юный протеже короналя, а мама благодаря его новым связям распоряжается винами в кафе на Дворе Шаров. И все из-за его удачи, необычного и непостижимого везения.

Или дело не только в везении? Когда ему было всего десять лет от роду, он предложил свои услуги проводника высокому светловолосому человеку, и кто бы мог подумать, что тот человек оказался не кем иным, как лордом Валентином — свергнутым, изгнанным и ищущим в Лабиринте поддержки понтифика, чтобы вернуть престол.

Но и то, что это был лорд Валентин, еще ничего не значило. Хиссун часто спрашивал себя, чем же он так приглянулся лорду Валентину, что тот, вернув себе корону, вспомнил его, нашел, забрал с улицы, дал работу в Доме Записей и вот теперь призывает его в святая святых государственного управления. Возможно, дело в его бесцеремонности, колкостях, в его независимом поведении и полном отсутствии благоговения перед короналями и понтификами, в самостоятельности, проявлявшейся даже в десять лет. Должно быть,

это впечатлило лорда Валентина. А все эти рыцари с Замковой горы, подумал Хиссун, такие вежливые, воспитанные. Наверное, я казался короналю чужаком почище какого-нибудь гэйрога. И ведь в Лабиринте полно таких мальчишек, и любой из них мог ухватиться за рукав короналя вместо меня. Повезло. Повезло.

Он вышел на небольшую пыльную площадь перед домом. Перед ним лежали узкие кривые улочки Двора Гуаделума — района, в котором он прожил всю свою жизнь. Над головой возвышались кривобокие здания, пришедшие в ветхость за тысячу лет и составлявшие границу его мира. Под резким белым светом, ярким до рези в глазах — таким светом, столь непохожим на тихое золотистое с зеленью сияние солнца, лучи которого никогда не проникали сюда, освещался весь этот уровень Лабиринта, — выщербленные серые камни старых домов прямо кричали о страшной усталости и изношенности. Хиссун подумал, что раньше не замечал, как же тут мрачно и убого.

На площади было полно народу. Не многим жителям Двора Гуаделума хотелось коротать вечера в темных квартирах, поэтому народ собирался на улицах на своего рода променад — просто бесцельно послоняться. Пока Хиссун в своих бли-

стающих одеждах пробирался сквозь толпу, ему казалось, что все, кого он когда-либо знал, вышли сегодня на улицу, чтобы похихикать над ним, поглазеть на него, кто хмуро, а кто и сердито. Он увидел Ванимуна, который родился с ним в один и тот же день и час и был ему почти как брат, и младшую сестру Ванимуна, уже подросшую, стройную с миндалевидными глазами, и Хойлана, и его трех здоровенных братьев, и Никкилона, и невысокого косого Гизнета, и врууна с глазами-бусинками, продающего засахаренные корни гумбы, и Конфалюма-карманника, тезку древнего понтифика, и старых сестер-гэйрогов, которых все, кроме Хиссуна, за глаза звали метаморфами, и еще кого-то, и еще, и еще… И все уставились на него, словно спрашивая: «Куда же ты, Хиссун, такой красивый собрался?»

Он с трудом пробирался сквозь толпу, отчаянно сознавая, что банкет вот-вот начнется, а ему еще так далеко идти. И все, кого он когда-либо знал, глазели и не давали пройти.

Первым его окликнул Ванимун:

— Хиссун, ты куда? На маскарад?

— Нет, он на Остров собрался, с Повелительницей в спички играть!

— Нет, он будет охотиться на морских драконов

с понтификом!

— Дайте пройти, — спокойно сказал Хиссун, видя, что вокруг него собирается толпа.

— Дайте пройти! — весело подхватили вокруг, но никто не двинулся с места. — Дайте ему пройти!

— Хиссун, ты где взял такой чудной прикид? — спросил Гизнет.

— Поносить взял, — сказал Хойлан.

— Украл то есть, — добавил кто-то из его братьев.

— Небось раздел пьяного рыцаря где-нибудь в переулке!

— Пустите, — сказал Хиссун, которому все труднее было оставаться спокойным. — У меня важное дело.

— Важное дело! У него важное дело!

— У него встреча с понтификом!

— Понтифик сделает Хиссуна герцогом!

— Герцог Хиссун! Принц Хиссун!

— А чего сразу не лорд Хиссун?

— Лорд Хиссун! Лорд Хиссун!

В их голосах звучала угроза. Десять или двенадцать человек обступили его плотным кольцом. Ими двигали обида и зависть. Его яркий костюм, цепь на плече, эмблема, башмаки, плащ — все

это было для них чересчур, слишком уж бесцеремонно подчеркивало разверзшуюся между ним и соседями пропасть. Вот уже они дергают его за тунику и за цепь. Хиссун был близок к панике. Пытаться говорить с ними было глупо, драться — еще более глупо, а уж надеяться на патруль имперских прокторов в таком захудалом районе — и вовсе безнадежно. Он был один-одинешенек.

Стоявший ближе всех Ванимун попытался толкнуть Хиссуна в плечо. Тот отпрянул, но Ванимун успел оставить след грязных пальцев на его бледно-зеленом плаще. Внезапно его захлестнула бешеная ярость.

— Только тронь меня еще раз! — закричал он, делая в сторону Ванимуна знак морского дракона. — Не смейте ко мне прикасаться!

С издевательским смехом Ванимун снова протянул руку, но Хиссун поймал его за запястье и сжал из всей силы.

— Эй, пусти! — прокряхтел Ванимун.

Вместо этого Хиссун дернул руку Ванимуна вверх и назад, развернув его спиной к себе. Маленький и щуплый Хиссун никогда не был силен в драке, он больше полагался на скорость и находчивость, но ярость придала ему силы. Сейчас он весь кипел и готов был убивать. Низким, дро-

жащим от напряжения голосом он произнес:

— Ванимун, если понадобится, я тебе и руку сломаю. Не смейте ко мне прикасаться!

— Больно же!

— Будешь еще руками размахивать?

— Да я только пошутил…

Хиссун завернул руку Ванимуна еще выше, до предела:

— Сейчас сломаю.

— Эй… Пусти…

— Не приближайся ко мне.

— Да. Да! Хорошо!

Хиссун отпустил его руку и перевел дыхание. Он весь вспотел, сердце колотилось. О том, как он сейчас выглядит, не хотелось даже думать. И все труды Эйлимур пропали…

Ванимун отступил, угрюмо потирая запястье:

— Боится он, что я ему одежку запачкаю. Не хочет мараться о простой народ…

— Точно. А теперь иди отсюда, я и так опаздываю.

— К короналю на ужин, полагаю?

— И снова точно. Я опаздываю на ужин к короналю.

Ванимун и остальные вытаращились на него со странной смесью злости и благоговения на

лицах. Хиссун растолкал всех и быстро зашагал через площадь.

«Не слишком удачное начало», — подумал он.

Глава 3

Однажды в середине лета, когда солнце неподвижно стояло над Замковой горой, корональ лорд Валентин в наилучшем настроении выехал прогуляться по усыпанным цветами лугам у подножия левого крыла Замка.

Он отправился один, не взял с собой даже свою супругу — леди Карабеллу. Советники постоянно возражали против его выходов без охраны даже в пределах Замка, а уж тем более — за обширный периметр резиденции правителя, и всякий раз во время спора Элидат бил по ладони кулаком, Тунигорн выпрямлялся во весь рост, будто хотел преградить собой Валентину путь, а невысокий Слит буквально чернел от ярости и напоминал короналю, что враги уже свергали его и могут сделать это снова.

— Ах, на Замковой горе мне совершенно ничего не может угрожать, — настаивал Валентин.

Но им всегда удавалось переспорить его — вплоть до сегодняшнего дня. Безопасность короналя Маджипура, говорили они, превыше всего. И поэтому куда бы лорд Валентин ни ехал, рядом с ним всегда находились Элидат, или Туни-

горн, или Стазилейн, как когда-то в детстве, а на почтительном расстоянии незаметно следовали еще шестеро солдат гвардии короналя.

Однако в этот раз Валентин каким-то образом ускользнул от них. Он сам толком не понял, как ему это удалось, но когда утром он ощутил непреодолимое желание проехаться верхом, то просто пошел в конюшни южного крыла, оседлал своего скакуна без помощи конюха и поскакал по зеленым фарфоровым плитам необычно пустой площади Дизимоля, стремительно пронесся под огромной аркой и очутился на Большом Калинтэйнском шоссе, окаймленном живописными полями. Никто не остановил его, никто не окликнул, словно он по волшебству сделался невидимым.

Пусть на час или на два, но свободен! Корональ откинул голову и захохотал, как давно не смеялся, подстегнул скакуна и помчался через луга так быстро, что копыта огромного пурпурного животного почти не касались бесчисленных цветов.

Вот это жизнь!

Он обернулся. Замок позади стремительно уменьшался в размерах, но даже с такого расстояния казался невероятно огромным, растянутым больше чем на полгоризонта. Непостижимое

здание из более сорока тысяч комнат казалось каким-то огромным чудовищем, забравшимся на вершину Горы. После возвращения на трон Валентин ни разу не бывал вне Замка без охраны. Ни единого раза.

Зато теперь выбрался. Валентин посмотрел налево, где тридцатимильная Замковая гора спускалась вниз под головокружительным уклоном, и увидел Горный Морпин, город удовольствий, сверкающий внизу как изящная золотая паутина. Поехать туда, провести день в развлечениях? Почему бы и нет? Ведь он свободен! Или поехать дальше, побродить в садах Барьера Толингар среди халатинг, танигалов и ситерилов и вернуться с желтым цветком алабандины на шляпе вместо кокарды? Почему бы и нет? Весь день в его распоряжении. А можно поехать в Фурибл, посмотреть там на кормление каменных птиц, поехать в Сти и выпить золотого вина на вершине башни Тимина, отправиться в Бомбифейл, в Перитол, в Банглекод…

Скакун, казалось, способен довезти его куда угодно. Час за часом он нес всадника, не выказывая ни малейших признаков утомления. В Горном Морпине он привязал его у фонтана Конфалюма, выбрасывавшего на сотни футов

в воздух прямые, как копья, струи окрашенной воды, которые благодаря какой-то древней магии не разбрызгивались и оставались такими же прямыми, а сам пошел бродить по улицам из плотно переплетенных золотых канатов и скоро вышел к зеркальным горкам, где они с Вориаксом, будучи детьми, часто проверяли свою ловкость. Он вышел на сверкающую поверхность, и никто не обратил на него внимания, будто все считали неучтивым глазеть на катающегося с горки короналя. Или, может быть, он все еще оставался скрытым от посторонних глаз этой непонятной невидимостью? Ощущение было странным, но он не придавал ему большого значения. Накатавшись вдоволь, он сперва подумал посетить силовые туннели или джаггернауты, но затем решил, что просто поехать дальше будет гораздо приятнее, и отправился в Бомбифейл. В этом древнем городе, самом красивом из всех городов, где закругленные стены из темно-оранжевого песчаника венчали изящные белые башни с коническими крышами, однажды, давным-давно, когда он отдыхал в одиночестве в таверне со сводами из оникса и полированного алебастра, его нашли пятеро его друзей. С удивлением и смехом Валентин приветствовал их, а они преклонили

перед ним колени, сделали знак пылающей звезды и крикнули: «Валентин! Лорд Валентин! Слава лорду Валентину!» И первой мыслью его тогда было, что это какая-то дурная шутка, ведь он не кораль, он — младший брат кораля и отлично знает, что коралем ему не стать и вовсе не хочет им становиться. И хотя он был не из тех, кто легко впадает в гнев, но тогда рассердился, что друзья так жестоко шутят. Но потом он увидел их бледные лица и странное выражение глаз, и на смену гневу пришли горе и страх. Так он узнал, что его брат Вориакс погиб и кораль теперь он. И сейчас, спустя десять лет, Валентину в Бомбифейле показалось, что каждый третий встречный мужчина похож на Вориакса: черная борода, красное лицо, жесткий взгляд. Это расстроило его, и он поспешил покинуть Бомбифейл.

Больше он не останавливался, ведь столько еще предстояло увидеть, так много сотен миль проехать. Он проезжал город за городом, спокойно и бестревожно, как будто плыл или летел. Снова и снова открывался перед ним с края обрыва удивительный вид на всю Гору внизу, на все ее Пятьдесят городов сразу, на бесчисленные города у ее подножия, на Шесть Рек и на широкую равнину Алханроэля, простирающуюся до

отдаленного Внутреннего моря. Какое великолепие, какое изобилие! Без сомнения, Маджипур был самым прекрасным из миров, по которым расселилось человечество за тысячи лет великой экспансии за пределы Старой Земли. И весь этот мир держит в руках он, он отвечает за все, и от этой ответственности нельзя отказаться.

Продолжая путь, он почувствовал, что происходит что-то непонятное. Воздух стал холодать, небо потемнело, и это было очень необычно для Замковой горы с ее рукотворным климатом, где всегда царила благоуханная весна. Затем его легонько ударило по щеке что-то холодное, будто кто-то плюнул. Валентин оглянулся по сторонам, но так и не увидел никого, кто мог бы его оскорбить, а плевки все продолжались, и наконец он догадался, что это ледяной ветер швыряет ему в лицо крупные снежинки. Снег на Замковой горе? Холодный ветер?

Дальше хуже: земля вдруг застонала, словно чудовище в родовых муках. Скакун, который всегда слушался его, в страхе попятился со странным ржанием, тряся в испуге тяжелой головой. Валентин услышал раскаты грома вдалеке и странный скрипящий звук совсем близко и увидел ползущие по земле огромные трещины. Все вокруг

бешено тряслось и вздымалось. Землетрясение? Вся Гора тряслась, как мачта корабля охотников за драконами под напором горячего сухого ветра с юга. Небо стало свинцово-темным, налилось внезапной тяжестью.

Что это? Милостивая Госпожа, матушка, что творится на Замковой горе?

Валентин отчаянно приник к спине брыкающегося перепуганного животного. Казалось, весь мир раскалывался, рассыпался, растекался, рушился. И его долг — сохранить этот мир, прижав континенты к груди, удержать моря на своих местах, вернуть в русла реки, что поднялись в злобной ярости на беспомощные города…

И он не мог ничего сделать.

Происходившее оказалось неподвластно ему. Могучие силы ставили на дыбы целые провинции и бросали войной друг на друга. Валентин пытался удержать их, жалея, что у него лишь руки, а не железные обручи, которыми можно было бы стянуть мир. И опять не смог ничего сделать. Мир дрожал, вздымался, раскалывался, черные облака пыли закрыли лик солнца, а Валентин не в силах был подавить этот чудовищный катаклизм. Одному человеку не под силу остановить распад огромной планеты. Он позвал друзей на

помощь:

— Лизамон! Элидат!

Ответа не было. Он кричал снова и снова, но его голос утонул в грохоте и скрежете.

Мир лишился стабильности. Происходившее походило на аттракцион «зеркальные горки» в Горном Морпине, где надо подпрыгивать и пританцовывать, чтобы устоять на ногах, а изгибающиеся склоны вращаются и раскачиваются, но то была игра, а здесь — настоящий хаос. Мир отрывался от корней. Валентина сбило с ног и покатило, он изо всех сил цеплялся пальцами за мягкую податливую землю, чтобы не упасть в одну из многочисленных трещин, разверзшихся вокруг. Из трещин слышался ужасный смех и вырывалось багровое сияние упавшего под землю солнца. В воздухе над ним проплывали искаженные злобой лица, и он вроде бы должен был узнать их, но они все время изменялись, не позволяя разглядеть себя, глаза становились носами, носы — ушами. И вдруг за всеми этими кошмарными рожами он увидел другое лицо, знакомое, с теплым и добрым взглядом, обрамленное блестящими темными волосами. Владычица Острова Сновидений, его добрая мать!

— Хватит, — сказала она, — просыпайся, Ва-

лентин!

— Это сон? Я сплю?

— Конечно.

— Тогда я должен досмотреть его, чтобы понять.

— Ты уже понял все, что нужно. Просыпайся.

Да, не стоило перебирать, избыток подобного знания мог бы и убить его. Как его когда-то учили, он выдернул себя из неожиданного сновидения и теперь сидел, моргая, пытаясь избавиться от оцепенения и замешательства. Картины титанического катаклизма все еще эхом отдавались в его душе, но постепенно он осознал, что вокруг него мир и покой. Он лежал на покрытой дорогой парчой кушетке в высокой сводчатой комнате, отделанной зеленым и золотым. Но что остановило землетрясение? Куда девался его скакун? Как он сам здесь оказался? А, его принесли!

Рядом с ним устроился на корточках бледный худой седовласый человек с рваным шрамом во всю щеку. Слит. А за ним стоит Тунигорн — мрачный, брови сошлись в одну сердитую линию.

— Успокойтесь, — говорит Слит, — успокойтесь. Это был сон, теперь все хорошо.

Сон? Всего лишь сон?

Похоже, что да. Он вовсе не на Замковой горе.

Не было ни снежной метели, ни землетрясения, ни пыли, затмевающей солнце. Сон, да. Но до чего ужасный! Пугающе убедительный и яркий, настолько мощный, что из него трудно вернуться к реальности.

— Что это за место? — спросил Валентин.

— Лабиринт, ваше высочество.

Что? Лабиринт? То есть, получается, его во сне перенесли сюда с Замковой горы? Валентин чувствовал, как по его бровям стекают капли пота. Лабиринт? Ах, да, да. Действительность, неотвратимая, как сжатые на горле руки. Он вспомнил. Государственный визит, до окончания которого, хвала Божеству, осталась одна ночь. Ужасный банкет, от которого никак не отвертеться, и Проклятый, невыносимый Лабиринт, и он находится сейчас на самом нижнем его уровне. Стены в его апартаментах украшали чудесные фрески с видами Замка, Горы, Пятидесяти городов — настолько красивыми, что сейчас они казались ему издевательством. Он так далеко от Замковой горы, от ласкового солнечного тепла…

«До чего же безрадостно, — подумал он, — проснуться от кошмарного сна, полного бед и разрушения, только для того, чтобы осознать себя в самом мрачном месте на земле!»

Глава 4

За шестьсот миль к востоку от сверкающего яркими кристаллами города Дюлорна, в болотистой местности, известной как Престимионова долина, где несколько сотен семейств гэйрогов выращивали на широко раскинувшихся плантациях лусавендру и рис, подходило время сбора урожая — середина года. Почти созревшие стручки лусавендры — черные, блестящие и пузатые, свисали пышными гроздьями с верхушек изогнутых стеблей, поднимавшихся над полузатопленными полями.

Аксимаан Трейш — старейшая и умнейшая фермерша Престимионовой долины — десятилетиями не испытывала такого волнения, как в эту страду. Эксперимент по протопластовой подкормке, который она начала три года назад под руководством правительственного сельскохозяйственного агента, близился к завершению. В этом году она засеяла новым видом лусавендры все свои поля, и вот они, стручки, в два раза крупнее обычных, готовые к сбору! Никто больше в Долине не отважился на такой риск, пусть Аксимаан Трейш сперва попробует. И она по-

пробовала, и скоро об ее успехах узнают все, и заплачут, да-да, заплачут, когда она появится на рынке на неделю раньше остальных и со вдвое большим, чем обычно, количеством зерна!

Она стояла по колено в грязи на краю поля и ощупывала пальцами ближайшие стручки, пытаясь понять, насколько они созрели, когда к ней подбежал один из старших внуков:

— Отец велел сказать вам, что он слышал в городе, что из Мазадоны выехал сельскохозяйственный агент. Он уже в Хелкаплоде, а завтра поедет в Сиджанил.

— Значит, на втородень он будет в Долине, — сказала она. — Хорошо. Отлично. — Ее раздвоенный язык затрепетал. — Беги, дитя, возвращайся к отцу. Скажи, что в моредень мы устроим праздник для агента, а сбор урожая начнем на четвородень. И пусть вся семья через полчаса соберется в усадьбе. А теперь беги!

Плантация принадлежала семье Аксимаан Трейш со времен лорда Конфалюма. Она имела форму неправильного треугольника, границы которого тянулись около пяти миль вдоль берега реки Хэвилбоув, в юго-восточном направлении доходили неровной линией до границ Мазадонского лесного заповедника, и затем плавно

сворачивали обратно на север, к реке. На этом участке Аксимаан Трейш имела абсолютную власть над пятью сыновьями, девятью дочерьми, бесчисленными внуками и двадцатью с чем-то работниками — лииименами и вруунами. Когда Аксимаан Трейш говорила, что пора сеять, — все выходили сеять. Когда Аксимаан Трейш говорила, что пришла пора собирать урожай, — они собирали. В большом доме на краю андродрагмовой рощи обед подавали лишь тогда, когда Аксимаан Трейш выходила к столу. Даже спала семья по расписанию, утвержденному Аксимаан Трейш — гэйроги впадают зимой в спячку, но она не могла позволить спать всему семейству сразу. Так, ее старшему сыну было положено бодрствовать первые шесть недель, пока мать зимой спала, следующие шесть недель без сна доставались старшей дочери. Аксимаан Трейш составляла для всей семьи расписание сна сообразно нуждам хозяйства. Никто никогда не задавал ей вопросов. Даже во времена ее молодости — а это было очень-очень давно, при понтифике Оссьере, когда лорд Тиверас был короналем в Замке на Горе, — в тяжелые времена все шли за советом именно к ней, даже отец и муж. Она пережила и их обоих, и некоторых своих потомков, на Замковой

горе сменилось много короналей, а Аксимаан Трейш все жила и жила. Ее толстая чешуйчатая кожа утратила блеск и покрылась фиолетовыми старческими пятнами, вьющиеся змееподобные волосы, бывшие когда-то черными как смоль, стали бледно-серыми, холодные немигающие зеленые глаза помутнели, но все равно она неустанно работала.

На ее земле можно было выращивать только лусавендру и рис, да и то с трудом. Ливни и бури с дальнего севера легко попадали в провинцию Дюлорн через скальный проход Разлома, и хотя сам город Дюлорн стоял в засушливой зоне, к западу от него лежала богатая и плодородная, щедро увлажняемая и хорошо осушаемая местность. А вот район к востоку от Разлома, где располагалась Престимионова долина, был совсем иным — влажным, полностью заболоченным, с тяжелой сизой илистой почвой. При тщательном соблюдении сроков, в конце зимы, перед началом весенних паводков можно было сажать рис, а поздней весной и в конце осени — лусавендру. Аксимаан Трейш разбиралась в сезонных ритмах лучше всех в округе, и только самые нетерпеливые фермеры начинали сев до того, как просачивались слухи о том, что на ее

полях приступили к посадкам.

Несмотря на всю властность, престиж и авторитет, у Аксимаан Трейш была одна черта, которую жители Долины считали непостижимой: она внимательно, как примерный ученик к учителю, прислушивалась к советам сельскохозяйственных агентов. Два или три раза в год агент из Мазадоны — центрального города провинции — объезжал болотистые земли, и первой его остановкой в долине всегда была плантация Аксимаан Трейш. Она принимала его в большом доме, открывала бочки с игристым вином и самогоном из нийка, посылала внуков на Хэвилбоув наловить вкусных мелких хиктиганов, что сновали между камнями на быстрине, приказывала разморозить хранящиеся впрок стейки из мяса бидлака и поджарить их на длинных ароматных твейловых поленьях. После пиршества она отводила агента в сторонку, и до поздней ночи они говорили об удобрениях, рассаде, прививках, уборочной технике, а ее дочери Хейнок и Ярнок сидели рядом и записывали каждое слово.

И никто не мог понять, почему Аксимаан Трейш, которая, скорее всего, знала о выращивании лусавендры больше всех на свете, прислушивалась к словам мелкого правитель-

ственного служащего. Никто, кроме ее семьи. «У нас есть традиции, и мы будем их придерживаться, — часто говорила она, — мы делаем то же, что и раньше, потому что раньше это себя оправдывало. Сажаем семена, ухаживаем за саженцами, следим, как зреет урожай, потом собираем, ну а потом точно так же начинаем снова. И если урожай не меньше прошлогоднего, то считается, что все хорошо, а на самом деле это неудача, и значит, что мы едва справляемся. Мир устроен так, что нельзя стоять на месте. Стоять на месте — значит утонуть в болоте».

Вот поэтому Аксимаан Трейш выписывала журналы по сельскому хозяйству и время от времени посылала внуков учиться в университет, и всякий раз внимательно прислушивалась к сельскохозяйственным агентам. Год за годом ее агротехнические методы совершенствовались, и все больше мешков с семенами лусавендры отправлялись на рынок в Мазадону, и риса в закромах Аксимаан Трейш становилось все больше. Ведь всегда можно научиться делать лучше, чем умеешь, и Аксимаан Трейш старательно училась. «Маджипур — это мы, — любила повторять она. — Большие города стоят на подножиях из зерна. Не будь нас, опустели бы и Ни-мойя,

и Пидруид, и Кинтор, и Пилиплок. Города растут с каждым годом, значит, и нам нужно работать больше, чтобы их всех накормить, разве не так? У нас нет другого пути, такова воля Божества. Разве не так?»

На ее памяти сменилось уже пятнадцать, если не двадцать агентов. Впервые они приезжали к ней совсем молодыми, с новейшими агротехническими идеями, и часто боялись предложить их ей. «Не думаю, что смогу чему-нибудь вас научить, — говорили они, — это я должен учиться у вас, Аксимаан Трейш!» И ей каждый раз приходилось подбадривать их и убеждать, что ей действительно интересны последние достижения науки и техники.

Поэтому, когда агенты уходили в отставку, на их место приходили молодые, она каждый раз испытывала досаду. С возрастом ей все труднее становилось налаживать полезные отношения с молодежью, порой на это уходило несколько лет. Но с Калиманом Хэйном, который появился пару лет назад, проблем не возникло. Это был молодой парень лет тридцати-сорока или пятидесяти — все младше семидесяти казались Аксимаан Трейш молодыми; резкий и бесцеремонный, он не заискивал и не пытался льстить, чем пришел-

ся ей по вкусу.

— Говорят, что из всех фермеров вы чаще всех применяете новинки, — сказал он прямо буквально через десять минут после знакомства. — А что бы вы сказали насчет метода, позволяющего удвоить урожай лусавендры без ущерба для вкуса?

— Я бы сказала, что меня держат за дурочку, — ответила она, — слишком уж заманчиво, чтобы быть правдой.

— Тем не менее это возможно.

— Неужели?

— Мы готовы начать опытное применение в ограниченных масштабах. От своих предшественников я слышал, что вы склонны к экспериментам.

— Да, это так, — сказала Аксимаан Трейш. — И что же это за технология?

По словам агента, речь шла о протопластовой подпитке, при которой ферменты растворяют клеточную оболочку растений, обеспечивая генетическому материалу доступ внутрь. Это вещество затем может подвергнуться обработке, после которой клеточная ткань, или протопласт, помещается в культурное растение, где ему дают восстановить клеточную оболочку. Из одной-

единственной клетки можно вырастить целое растение со значительно улучшенными характеристиками.

— Я думала, что это искусство на Маджипуре утратили сотни тысяч лет назад, — сказала Аксимаан Трейш.

— Лорд Валентин поощряет возрождение интереса к древним наукам.

— Лорд Валентин?

— Да, лорд Валентин, корональ, — ответил Калиман Хэйн.

— Ах, корональ! — Аксимаан Трейш отвела взгляд. Валентин? Валентин? Ей вроде бы говорили, что короналя зовут Вориакс, но мгновением позже она вспомнила, что Вориакс погиб. А его место занял лорд Валентин, точно, она слышала. Еще немного подумав, она вспомнила, что с этим Валентином вроде бы случилось нечто странное — не он ли поменялся телами с другим человеком? Может, и он. Но коронали мало что значили для Аксимаан Трейш, она не покидала Престимионову долину не то двадцать, не то тридцать лет, и Замковая гора с ее обитателями находилась так далеко, что воспринималась как нечто мифическое. Для Аксимаан Трейш имело значение, лишь то, что было непосредственно

связано с выращиванием риса и лусавендры.

Калиман Хэйн рассказал ей, что в имперских ботанических лабораториях получили усовершенствованный клон лусавендры, который надо испытать в полевых условиях. И он пригласил ее принять участие в испытаниях, а за это обещал не предлагать новое растение больше никому в Престимионовой долине, пока она не засеет им все свои поля.

Желание попробовать было непреодолимо. Агент дал ей мешочек поразительно больших лусавендровых зерен — круглых, блестящих, размером с глаз скандара. Она посадила эти зерна на дальнем участке, чтобы избежать переопыления с нормальной лусавендрой. Зерна быстро взошли и дали побеги, отличавшиеся от обычных лишь двойной-тройной толщиной стебля. Потом они зацвели, и махровые пурпурные цветки были огромными, как блюдца, и дали по четыре стручка небывалой длины, из которых в пору сбора урожая были извлечены гигантские зерна в огромных количествах. Аксимаан Трейш испытывала искушение посадить их осенью, чтобы засеять все свои поля новым сортом лусавендры и следующей зимой собрать небывалый урожай. Но ей не пришлось этого сделать, так как по согла-

шению она вернула Калиману Хэйну почти все чудесные зерна для лабораторных исследований в Мазадоне. Но того, что он ей оставил, хватило, чтобы засеять почти пятую часть ее земель. В этом сезоне, по инструкциям, надо было сажать зерна нового сорта вместе с обычными, чтобы они переопылились и все растения приобрели улучшенные характеристики. Предполагалось, что черты нового сорта окажутся доминантными, но в таких масштабах исследования еще не проводились.

И хотя Аксимаан Трейш запретила говорить об эксперименте, в Престимоновой долине невозможно было долго держать новость в тайне от других фермеров. Растения второго поколения с толстыми стеблями, поднимавшиеся по всей плантации, едва ли можно было скрыть, и тем или иным путем вся долина узнала, чем занимается Аксимаан Трейш. Любопытные соседи напрашивались в гости и с изумлением глазели на новую лусавендру.

Но все же они сомневались.

— Такие растения высосут из почвы все питательные вещества за два-три года, — говорили одни. — Если она и дальше будет их сажать, то вся ее земля превратится в пустыню.

Другие думали, что гигантские зерна окажутся безвкусными или вовсе горькими. Третьи считали, что Аксимаан Трейш знает, что делает, но даже они считали, что пусть урожай она получит сперва на своем поле.

В конце зимы она собрала урожай. Обычные семена, как всегда, отправились на рынок, а гигантские были отложены на посадку. В третьем сезоне все встанет на свои места: одни гигантские зерна были от клонов, другие, возможно, большая часть, были от гибридов простой и гигантской лусавендры, и оставалось только посмотреть, какие зерна дадут эти гибриды.

В конце зимы, перед весенними паводками, пришла пора сажать рис. Когда с рисом управились, в самой высокой и сухой части полей посадили семена лусавендры. Всю весну и лето Аскимаан Трейш наблюдала, как вырастают толстые побеги, раскрываются гигантские цветы, удлиняются и темнеют толстые стручки. Время от времени она разламывала стручок и рассматривала мягкие зеленые семена. Они были большими, без сомнения. Но каковы они будут на вкус? Вдруг безвкусными или невкусными. Ее ставкой в этой игре был весь урожай.

Что ж, и скоро будет ответ.

В звездодень пришло известие о приезде сельскохозяйственного агента и о том, что на плантации он будет, как и ожидалось, во втородень. Но были и другие новости, беспокоящие и загадочные: приезжает вовсе не Калиман Хэйн, а другой агент, какой-то Эревейн Нур. Аксимаан Трейш не могла понять, как это Хэйн, такой молодой, вдруг ушел в отставку. Еще ее выбивало из колеи, что исчез он как раз перед завершением опытов с протопластом.

Эревейн Нур оказался еще более молодым, чем Хэйн, и раздражающе неопытным. Он начал было в затасканных цветистых выражениях говорить, какая большая для него честь познакомиться с ней, но Аксимаан Трейш оборвала его.

— А куда девался тот? — резко спросила она.

Нур ответил ей, что этого никто не знает, и, запинаясь, объяснил, что Хэйн ушел три месяца назад, ничего никому не сказав, и оставив после себя ужасный беспорядок в делах.

— Мы до сих пор за ним разбираем. Как оказалось, он начал сразу несколько экспериментов, но мы не знаем, каких и с кем, и…

— Один из экспериментов проходит здесь, — холодно сказала Аксимаан Трейш. — Опытный посев усиленной протопластами лусавендры.

— Спаси Божество! — простонал Нур. — Со сколькими же еще личными проектами Хэйна мне придется столкнуться? Усиленная протопластами лусавендра, верно?

— Вы так говорите, будто никогда о ней не слышали.

— Слышал. Но не могу сказать, что много об этом знаю.

— Пойдемте, — сказала Аксимаан Трейш и зашагала мимо рисовых полей, где стебли выросли уже по пояс, в сторону лусавендры. Злость придавала ей силы, и молодой агент с трудом поспевал за ней. На ходу она рассказывала о мешке гигантских зерен, что дал ей Хэйн, о том, как она посадила эти зерна, о гибридизации с обычной лусавендрой, о вызревающем сейчас новом поколении гибридов. Добравшись до первых рядов лусавендры, она внезапно остановилась, побелев от ужаса.

— Владычица, помилуй нас! — закричала она.

— В чем дело?

— Смотрите! Смотрите!

Чувство времени подвело Аксимаан Трейш. Гибридная лусавендра самым неожиданным образом начала разбрасывать семена на две с небольшим недели раньше, чем ожидалось. Под

палящим летним солнцем огромные стручки раскрывались с противным щелкающим звуком, похожим на треск ломающихся костей. И каждый, взрываясь, выбрасывал во все стороны огромные семена почти со скоростью пули, они пролетали по воздуху тридцать-сорок футов и тонули в густой грязи, покрывавшей затопленные поля. Конца этому, похоже, не было, через час все стручки раскроются и урожай будет потерян.

Но это было еще не самое худшее.

Из стручков разлетались не только семена, но и тонкая бурая пыльца, очень хорошо известная Аксимаан Трейш. Со всех ног она побежала в поле, не обращая внимания на семена, больно бившие по ее чешуйчатой шкуре. Схватив нераскрывшийся стручок, она разломила его, и облачко пыльцы вылетело прямо ей в лицо. Да. Она самая. Лусавендровая сажа! В каждом стручке оказалась чуть ли не чашка спор, и сейчас на дневной жаре взрывался стручок за стручком, бурая пыль висела над полем отчетливо видимой дымкой, и легкий ветерок относил ее в сторону.

Эревейн Нур тоже хорошо знал, что случилось.

— Зовите работников! — крикнул он. — Здесь все надо сжечь!

— Поздно, — сказала Аксимаан Трейш гробо-

вым голосом. — Уже ничего не сделать. Слишком поздно, слишком поздно. Сажу уже не сдержать.

Ее земля была заражена, заражена безнадежно. Какой-то час — и споры разлетятся по всей Долине.

— Нам конец, разве не видите?

— Но ведь лусавендровую сажу победили давным-давно! — произнес Нур глупым голосом.

Аксимаан Трейш кивнула. Она хорошо помнила, как это было: поджоги, опрыскивания, выведение устойчивых к лусавендровой саже сортов, тщательная прополка всех растений, на которых мог предположительно жить смертельный грибок. Семьдесят, восемьдесят, девяносто лет тому назад они работали как проклятые, чтобы избавить мир от этой заразы! И вот она снова здесь, в этом новом сорте. Только эти растения на всем Маджипуре могли стать убежищем для сажи — ее растения, с такой любовью и заботой выращенные. Своей собственной рукой она вернула лусавендровую сажу в этот мир и выпустила, чтобы заразить соседские поля.

— Хэйн! — взревела она, — Хэйн, где ты? Что ты со мной сделал?

Ей хотелось умереть прямо здесь и сейчас, прежде чем случится то, что должно случиться.

Но она знала, что не дождется такой милости: долгая жизнь, что была ее благословением, станет теперь ее проклятием. Треск лопающихся стручков гремел в ушах, как выстрелы наступающей на Долину армии. Она жила слишком долго, подумалось ей, и вот, дожила до конца света.

Глава 5

Хиссун, потный, растрепанный и полный неясных опасений, спускался все ниже и ниже по знакомым с детства проходам или на лифтах. Скоро убогий мирок внешнего кольца остался далеко позади. Он проходил ярус за ярусом, мимо чудес и диковин, которых не видел уже несколько лет: Двор Колонн, Зал Ветров, Площадь Масок, Двор Пирамид, Двор Шаров, Арена, Дом Записей. Люди, приехавшие с Замковой горы, с Алиазора, Стойена, или даже из невообразимо далекой, чуть ли не легендарной Ни-мойи на другом континенте, бродили здесь ошеломленные и подавленные, восхищаясь гениальностью тех, кто придумал и построил все эти причудливые сооружения на такой глубине. Но для Хиссуна это был все тот же старый Лабиринт — тусклый и скучный. Он не видел ни красоты, ни таинственности, это был просто его дом.

Большая пятиугольная площадь перед Домом Записей являлась нижней границей общедоступной зоны Лабиринта, все помещения ниже ее занимали государственные учреждения. Хисссун прошел под огромным светящимся зеленоватым

экраном на стене Дома Записей, где были перечислены все понтифики и коронали — две колонки текста, тянувшиеся вверх, куда не достигнет и самый зоркий глаз: где-то наверху имена Дворна и Меликанда, Баргольда и Стиамота, правивших сотни лет назад, а внизу — Кинникен, Оссьер, Тиверас, Вориакс и Валентин. Возле дальнего конца списка государей Хиссун показал документы охранявшему вход одутловатому хьорту в маске и вошел в самые глубины Лабиринта. Он спускался ниже и ниже: мимо загородок и нор бюрократов средней руки, мимо резиденций высших министров, мимо туннелей, что вели к огромным вентиляционным системам, от которых зависела вся здешняя жизнь. То и дело его останавливали на постах и просили предъявить документы. Здесь, в государственном секторе, к вопросам безопасности относились очень серьезно. Где-то в этих глубинах находилась берлога самого понтифика — говорили, что безумный старый монарх живет в специальном большом стеклянном шаре, сидит там на своем троне и к нему подведены трубки жизнеобеспечения. Интересно, подумал Хиссун, этот шар предназначался сначала для защиты от убийц? Если то, что он слышал о понтифике, было правдой,

то отсоединить все эти трубки и отправить бедного старого Тивераса наконец к Истоку было бы чуть ли не милосердием Божества. Хиссун не мог найти ни одной приемлемой причины для того, чтобы десятилетие за десятилетием поддерживать жизнь в дряхлом, утратившем разум понтифике.

Наконец, запыхавшийся и помятый, Хиссун встал на пороге Большого зала на самом дне Лабиринта. Он безнадежно опоздал — чуть ли не на час.

Трое огромных мохнатых скандаров в форме гвардии короналя преградили ему путь. Под свирепыми высокомерными взглядами четверуруких гигантов Хиссун съежился и с трудом переборол желание упасть на колени и попросить прощения. Каким-то образом он собрал остатки самоуважения и, стараясь глядеть в ответ с таким же превосходством — а это нелегко, когда приходится смотреть в глаза девятифутовым гигантам, — сказал, что он состоит в свите лорда Валентина и приглашен на банкет.

Он был почти уверен, что стражи с насмешками прогонят его, словно назойливую муху. Но нет: они серьезно посмотрели на его эмблему, сверились с какими-то списками и, низко

поклонившись, пропустили через огромные, окованные бронзой двери.

Наконец-то он добрался на банкет к короналю!

Сразу за дверью стоял пышно разодетый хьорт с огромными выпуклыми золотистыми глазами и выкрашенными в оранжевый цвет усами, совершенно не сочетавшимися с сероватой грубой кожей лица. Этой удивительной персоной был Виноркис, мажордом короналя, он торжественно приветствовал его и воскликнул:

— О! Посвященный Хиссун!

— Пока еще не посвященный, — попытался объясниться Хиссун, но хьорт уже величественно повернулся и, не оглядываясь, зашагал по центральному проходу. Хиссун последовал за ним на негнущихся ногах.

Он чувствовал себя здесь совершенно чужим. В зале находилось чуть не пять тысяч человек, они сидели за круглыми столами на дюжину гостей каждый, и Хиссуну показалось, что все уставились на него. Пройдя шагов двадцать, он, к своему ужасу, услышал смех, сперва тихий, затем все громче и громче, и вот уже по залу волнами перекатывается туда-сюда безудержный хохот. Никогда раньше он не слышал такого громкого раскатистого звука, примерно таким он представ-

лял шум прибоя где-нибудь на диком северном берегу.

Хьорт шагал не останавливаясь, казалось, уже полторы мили, а за ним через океан веселья мрачно шел Хиссун, желая стать ростом в полдюйма. Однако он скоро понял, что все вокруг смеются вовсе не над ним, а над выступлением акробатов-карликов, которые со смешными ужимками пытались построить гимнастическую пирамиду, и Хиссун немного успокоился. Затем он увидел, что сам лорд Валентин, улыбаясь, машет ему с возвышения и указывает на пустое кресло рядом с ним. Хиссун чуть не всплакнул от облегчения. В конце концов все вышло хорошо.

— Ваше величество! — прогрохотал Винорккис. — Посвященный Хиссун!

Уставший Хиссун с благодарностью опустился в кресло как раз в тот момент, когда по залу разнеслись громкие аплодисменты — это гости хлопали акробатам. Слуга подал ему полный кубок какого-то искрящегося золотого вина, и когда Хиссун поднес его к губам, все, сидящие за столом, приветственно подняли кубки. Вчера утром во время короткого, но удивительного разговора с лордом Валентином, когда он предложил ему присоединиться к его свите на Замковой горе, Хиссун уже

видел некоторых из этих людей, но тогда не было времени на знакомство. Теперь же они сами приветствовали его — его! — и представлялись. Но в этом не было нужды, поскольку героев, что были с лордом Валентином во время славной войны за возвращение престола, знали все.

Сидящая с ним рядом огромная воительница, наверняка Лизамон Халтин, личный телохранитель короналя. Рассказывают, что, когда короналя проглотил морской дракон, она прорубила путь наружу из его чрева. А человек небольшого роста с удивительно бледной кожей, совершенно седыми волосами и шрамом на лице мог быть только знаменитым Слитом; он в годы изгнания научил короналя жонглировать. А тот, с проницательным взглядом и густыми бровями, — Тунигорн, лучший стрелок из лука на Замковой горе. Маленький вруун со множеством щупалец — не иначе как колдун Делиамбер. Молодой, на вид ненамного старше самого Хиссуна, мужчина с веснушчатым лицом, скорее всего, бывший пастух Шанамир. Вот этот стройный величавый хьорт, должно быть, гросс-адмирал Эйзенхарт. Кругом одни знаменитости, и Хиссун, всегда считавший, что не испытывает перед ними ни благоговения, ни трепета, попав в их общество, обнаружил, что

очень даже благоговеет перед ними.

Не испытывал благоговения? Да, некогда он лично подошел к лорду Валентину и бессовестно выклянчил у него полрояла за экскурсию по Лабиринту и еще три кроны сверху за то, что нашел ему и его свите жилье во внешнем кольце. И никакого трепета он тогда не ощущал. Коронали и понтифики были такими же людьми, просто имели больше власти и денег, чем все остальные, и на троне оказывались лишь потому, что им повезло родиться на Замковой горе, в семье аристократов, и удачно подняться по карьерной лестнице на самый верх. Хиссун давно понял — чтобы стать короналем, не требуется даже особого ума. В конце концов, лорд Малибор каких-то двадцать лет назад вышел в море охотиться на морских драконов и совершенно по-глупому погиб — его проглотили. Так же глупо — от случайной стрелы на охоте — погиб в лесу лорд Вориакс, а его брат, лорд Валентин, который производил впечатление довольно умного, проявил непростительную беспечность — сел пьянствовать с сыном Короля Снов, в результате его напоили, начисто стерли память и свергли с трона. Какой может быть трепет перед такими людьми? Да в Лабиринте любой семилетка, так относящийся к собственной без-

опасности, прослыл бы безнадежным идиотом.

Однако Хиссун заметил, что с годами его неуважительность стала чуть меньше. Когда тебе десять лет и ты с пяти или с шести живешь на улице и сам себе командир, то немудрено, что плевать ты хотел на власти. Но ему уже не десять, и он уже не уличный мальчишка. Он уже знает гораздо больше и понимает, что быть короналем Маджипура — вовсе не простое дело. И сейчас, когда Хиссун смотрел в сторону плечистого золотоволосого человека, одновременно величественного и мягкого в поведении, одетого в зеленый камзол и горностаевую мантию — знак второй по значению персоны во всем мире — и понимал, что всего в десяти футах от него сидит сам корональ лорд Валентин, и его одного он выбрал из многих миллиардов жителей Маджипура, и пригласил на пир, и по спине его бегали мурашки. Он признался себе, что действительно испытывает благоговение: и перед знаками власти, и перед самим лордом Валентином, и перед загадочной цепью событий, что привела простого мальчишку из Лабиринта в эту августейшую компанию.

Он потягивал вино и ощущал, как тепло разливается в душе. Неприятное начало вечера уже не

имело значения. Он был здесь желанным гостем, и пускай Ванимун, Хойлан и Гизнет лопнут от зависти! Он сидит среди великих, он начинает восхождение к таким вершинам мира, откуда всех ванимунов его детства невозможно будет разглядеть.

Но спустя немного времени чувство благополучия покинуло его, и он снова оказался в смущении и замешательстве.

Все началось всего лишь с небольшой ошибки, абсурдной, но простительной, и едва ли это была вообще его вина. Слит отметил, что приближенные понтифика всякий раз глядят в сторону стола короналя с явным волнением, похоже, они очень боялись, что лорду Валентину может не понравиться банкет. И Хиссун, новичок в их компании, разгоряченный вином и осмелевший от радости, бездумно ляпнул:

— Правильно волнуются! Им нужно произвести хорошее впечатление, иначе потом окажутся на улице, когда лорд Валентин станет понтификом!

За столом послышались изумленные возгласы. Все уставились на Хиссуна, как будто он сказал чудовищное богохульство, один лишь корональ поджал губы и отвернулся, будто увидел лягушку в супе.

— Я сказал что-то не так? — спросил Хиссун.

— Тихо! — свирепо прошептала Лизамон Халтин и ощутимо ткнула его локтем под ребра.

— А что не так? Ведь лорд Валентин в свое время станет понтификом, и тогда у него будут уже свои придворные.

Лизамон снова двинула его локтем, и на этот раз он чуть не слетел с кресла. Слит метнул на него свирепый взгляд, а Шанамир резко прошептал:

— Замолчи, ты только хуже себе делаешь!

Хиссун помотал головой и, стараясь скрыть смущение, упрямо сказал:

— Не понимаю.

— Потом объясню, — сказал Шанамир.

— Но что я такого сделал? — не унимался Хиссун. — Только сказал, что когда лорд Валентин станет понтификом…

— Лорд Валентин, — перебил Шанамир ледяным голосом, — не хочет об этом говорить, а тем более — за столом. В его присутствии не принято обсуждать этот вопрос. Теперь тебе понятно? Понятно теперь?

— Да, теперь — да, — жалким тоном ответил Хиссун.

От стыда ему хотелось спрятаться под столом. Ну откуда он мог знать, что корональ так чувстви-

тельно относится к неизбежному вступлению в должность понтифика? Ведь так же всегда происходит, разве нет? Когда понтифик умирает, его место автоматически занимает кораль и назначает нового кораля, который в свою очередь тоже переедет в Лабиринт. Это система, и она работает на протяжении тысячелетий. Если лорду Валентину так уж не хочется становиться понтификом, тогда ему придется отказаться от поста кораля, а закрывать глаза на порядок престолонаследия в надежде, что он отпадет сам собой, просто бессмысленно.

И хотя кораль хранил холодное молчание, Хиссун понял, что действительно навредил сам себе — хуже некуда. Сначала опоздал, а потом, как только впервые открыл рот, ляпнул непростительную глупость — какое ужасное начало! Неужели ничего нельзя исправить? Хиссун раздумывал об этом во время скучного выступления жонглеров и еще более скучных речей, последовавших за ним, и мучился бы так весь вечер, если бы не случилось нечто гораздо худшее.

Настала очередь лорда Валентина говорить тост. Но когда кораль поднялся с места, у него был странно отрешенный и озабоченный вид. Он будто спал на ходу — неуверенные движения,

невидящий, туманный взор. За высоким столом начали шептаться. Пугающе долго он молчал и наконец заговорил, но сбивчиво и не по делу. Короналю нездоровится? Он пьян? Внезапно попал под какие-то злые чары? Хиссуна встревожило его странное состояние. Только что старый Хорнкаст сказал, что корональ не только правит Маджипуром, но в какой-то степени корональ и есть Маджипур, и вот он, корональ — с заплетающимся языком, и шатается, будто вот-вот рухнет.

Хиссун подумал, что его нужно взять за руку и усадить на место, не то он упадет. Но никто не смел двинуться с места. Пожалуйста, безмолвно умолял Хиссун, глядя на Слита, Тунигорна, Эрманара. Помогите ему, кто-нибудь, помогите ему. И по-прежнему никто не двигался с места.

— Ваше величество! — раздался хриплый крик.

И Хиссун понял, что крикнул это он сам, уже рванувшись вперед, чтобы подхватить короналя, пока тот не упал лицом на блестящий деревянный пол.

Глава 6

Вот сон понтифика Тивераса.

В царстве, где я нынче обитаю, ничего не имеет цвета, ничего не издает звука, все недвижно. Цветы алабандинов черны, и блестящие листы семотановых деревьев белы; птица, что не летает, поет песню, которую не услышать. Я лежу на ложе из нежного, мягкого, упругого мха и смотрю вверх, на капли дождя, которые не падают. Когда ветер дует в долине, неподвижные листья не шелестят. Имя этому царству — смерть, и алабандины мертвы, и семотаны мертвы, и птица мертва, и ветер, и дождь — все мертво. Мертв и я.

Они приходят ко мне, стоят вокруг, спрашивают:

— Ты Тиверас, что был короналем Маджипура? Ты понтифик Маджипура?

И я говорю:

— Я умер.

— Ты Тиверас? — снова спрашивают меня.

И я говорю:

— Я — мертвый Тиверас, что был вашим короналем и вашим понтификом. Вы видите — я не

имею цвета, не издаю звуков? Я умер.

— Ты не умер.

— Вот, по правую руку от меня — лорд Малибор, что был моим первым короналем. Он мертв, не так ли? Вот, по левую руку — лорд Вориакс, бывший мой второй корональ. Разве он не умер? Я лежу между двух мертвецов. Я тоже мертвец.

— Поднимайся, вставай и иди, Тиверас, что был короналем, Тиверас, что ныне — понтифик.

— Мне нет нужды этого делать. Мне можно, я мертв.

— Услышь наши голоса.

— Ваши голоса беззвучны.

— Услышь, Тиверас, слушай, слушай, слушай!

— Алабандины — черные. Небо — белое. Это царство смерти.

— Поднимайся, вставай и иди, властитель Маждипура.

— Кто ты?

— Валентин. Я твой третий корональ.

— Слава тебе, лорд Валентин, понтифик Маджипура!

— Этот титул пока еще не мой. Поднимайся, вставай и иди.

И я говорю:

— Этого не требуется от меня, потому что я

мертв.

Но они говорят:

— Мы не слышим тебя, тот, кто был короналем, и тот, кто ныне понтифик. — И голос, который сказал, что он Валентин, снова говорит мне: — Поднимайся, вставай и иди.

И в этом царстве, в котором ничто не движется, рука Валентина в моей руке, и она тянет меня вверх, и я плыву, легкий, как воздух, я плыву по воздуху вперед, двигаясь без движения, дыша без дыхания. Вместе мы переходим мост, что изогнулся как радуга, над бездной столь же глубокой, сколь велик мир. И от каждого моего шага искрящийся металл моста звенит, словно голоса юных дев. На той стороне все залито цветом: янтарным, бирюзовым, коралловым, сиреневым, изумрудным, каштановым, индиго, малиновым. Небосвод — нефритовый, солнечные лучи пронзают воздух, как сверкающие бронзовые спицы. И все плывет, все колышется, здесь нет неизменности, здесь нет постоянства.

Голоса говорят:

— Это жизнь, Тиверас! В этом царстве тебе надлежит быть!

Я не отвечаю, поскольку мертв, и пускай все это мне только снится, я плачу, и слезы переливают-

ся всеми оттенками небесных звезд.

И это тоже сон понтифика Тивераса.

Мой трон — машина, и я внутри машины, и вокруг меня — голубая стеклянная стена. Я слышу бульканье и тихое тиканье сложнейших механизмов. Мое сердце медленно бьется, я чувствую каждый тяжелый толчок жидкости в его камерах, я думаю, что эта жидкость, может быть, и не кровь. Но чем бы она ни была, она движется во мне, я чувствую, как она движется. Значит, скорее всего, я жив. Но как? Я так стар, разве я не пережил саму смерть? Я — Тиверас, который был короналем при Оссьере, и я однажды касался руки лорда Кинникена, когда Замок принадлежал ему, Оссьер был тогда лишь принцем, а Лабиринтом владел понтифик Тимин. Если это так, то я — единственный, кто живет еще со времен Тимина. Если я, конечно, жив. Думаю, жив. Но я сплю. Я вижу сны. Тишина обнимает меня. Цвета утекают из мира. Все черно, все бело, нет ни движения, ни звука. Вот каким я представляю царство смерти. Взгляните, вот понтифик Конфалюм, а вот Престимион и Деккерет! И все эти великие властители лежат, обратив лица вверх, навстречу каплям дождя, что не падает. И они говорят, не издавая звука:

— Добро пожаловать, бывший Тиверас, добро пожаловать, усталый старый государь, ляг подле нас, ведь ты мертв, как и мы. Да. Да. Ах, как же здесь прекрасно! Посмотрите, вот лорд Малибор — тот человек из города Бомбифейл, на которого я так надеялся и в котором так ошибся, и он мертв. А вот лорд Вориакс — чернобородый и красношекий, но сейчас его щеки покинул румянец. Наконец-то мне дозволено присоединиться к ним. Все безмолвно. Все недвижно. Наконец-то, наконец-то, наконец-то! Наконец-то мне позволили умереть, пускай даже это только сон.

Вот так понтифик Тиверас парит между мирами — ни мертвый, ни живой, ему снится живой мир, и он думает, что сам он мертв, он мечтает о царстве смерти и помнит, что жив.

Глава 7

— Дай, пожалуйста, вина, не сочти за труд, — попросил Валентин.

Слит вложил ему в руку кубок, и кораль сделал большой глоток.

— Я просто задремал, — пробормотал он, — ненадолго прилег перед банкетом, и такой сон! Такой сон! Слит, позови, пожалуйста, Тизану. Мне необходимо его растолковать.

— При всем уважении, ваше величество, сейчас нет времени, — сказал Слит.

— Мы пришли за тобой, — вставил Тунигорн. — Банкет вот-вот начнется, и согласно протоколу ты должен уже сидеть на своем месте, когда представители понтифика…

— Протокол, протокол! Да этот сон — точь-в-точь послание, как вы не понимаете! Зрелище такой катастрофы…

— Кораль не получает посланий, ваше величество, — тихо заметил Слит, — и банкет начнется с минуты на минуту, а нам еще надо помочь вам одеться и сопроводить вас. Если так нужна Тизана со своими снадобьями, то позовете потом, мой повелитель. Но сейчас…

— Мне очень важно детально понять этот сон!

— Понимаю. Но времени и вправду нет. Пойдемте, ваше величество.

Он знал, что Слит и Тунигорн правы: нравится ему, не нравится, но он должен присутствовать на банкете. Потому что это не только важное придворное событие, но и выражение вежливости: вышестоящий монарх оказывает честь младшему — приемному сыну и помазанному наследнику. И корональ не имеет права отнестись к этому небрежно, даже если понтифик дряхл и практически безумен. Нужно идти, а сон подождет. Настолько яркие, полные знамений сны нельзя оставлять без внимания, толкование обязательно нужно провести и, скорее всего, еще посоветоваться с колдуном Делиамбером — но все это потом.

— Пойдемте, ваше величество, — повторил Слит, подавая парадную горностаевую мантию.

Через десять минут, когда Валентин входил в Большой зал понтифика, кошмарные картины, явленные во сне, все еще смущали его душу. Но корональ Маджипура не имеет права на мрачный или озабоченный вид во время такого события, поэтому, шагая к своему столу, он постарался придать лицу самое приветливое выражение,

какое мог.

Впрочем, он вел себя так на протяжении всей нескончаемой недели официального визита: фальшивая улыбка, заученная благожелательность. Из множества городов огромного Маджипура Валентину менее всего нравился Лабиринт. Он оказывал на Валентина мрачное, гнетущее действие, и корональ появлялся там, лишь если того настоятельно требовали государственные дела и избежать визита было нельзя. Насколько живым он ощущал себя под теплым летним солнцем и бескрайним небосводом, проезжая верхом где-нибудь по лесу с густой листвой, когда славный свежий ветер треплет ему золотые волосы, настолько же сильно он всякий раз, входя в безрадостный подземный город, ощущал себя безвременно похороненным заживо. Валентин терпеть не мог эти мрачные, спиралью спускающиеся вниз коридоры, бесконечность погруженных в тень подземных уровней. Атмосфера Лабиринта вгоняла его в клаустрофобию.

Но отвратительнее всего было для него осознание неизбежности предстоящего рано или поздно расставания со всеми милыми радостями Замковой горы — приняв рано или поздно титул понтифика, он должен будет до конца своих дней

пребывать живьем в этой жуткой гробнице.

Сегодняшний вечер был особенно неприятен. Валентин попросту страшился банкета в находящемся в самой глубине унылого подземного города, Большом зале, кошмарном угловатом помещении, залитом ярким светом и отделанном зеркалами, отбрасывающими вездесущие слепящие блики, где соберется множество напыщенных чиновников понтифика в нелепых традиционных масках и будут звучать многословные скучные речи, и все это усугубится ощущением того, будто весь Лабиринт давит на плечи своей колоссальной каменной массой. Стоило только подумать об этом, и сердце наполнялось ужасом. Валентину пришло в голову, что и кошмар, который только что приснился ему, был лишь предвестником того напряжения, которое ему придется вынести нынче вечером.

Однако, к собственному изумлению, он вскоре понял, что беспокойство покидает его, на душе становится легче и он чуть ли не получает удовольствие от банкета. Нет, конечно, насчет удовольствия это явное преувеличение, но, по крайней мере, он способен вытерпеть происходящее.

На пользу пошло и новое оформление зала. Ви-

севшие повсюду яркие флаги — зелень с золотом, цвета короналя — маскировали и размывали очертания, внушающие эту странную тревогу. За время, прошедшее с его последнего визита, здесь переделали и освещение — теперь в воздухе свободно плавали шары, испускающие мягкий спокойный свет.

Чиновники понтифика явно не пожалели ни сил, ни денег, чтобы создать праздничную атмосферу. Из легендарных погребов понтифика достали потрясающий набор лучших вин со всей планеты: золотое огненное вино из Пидруида, сухое белое из Амблеморна и нежное красное вино из Ни-мойи, а затем — крепкое пурпурное малдемарское, урожая времен еще лорда Малибора. К каждому вину, конечно, шла подобающая закуска: охлажденные ягоды токка, копченое мясо морских драконов, калимботы по-нарабальски, жареная ляжка билантуна. И нескончаемый поток развлечений: певцы, мимы, арфисты, жонглеры. Время от времени кто-то из подчиненных понтифика кидал осторожный взгляд в сторону стола на возвышении, где сидел лорд Валентин со свитой, как бы спрашивая: всего ли хватает? Довольно ли ваше величество?

Валентин отвечал на каждый такой взгляд теп-

лой улыбкой и дружеским кивком. Он поднимал кубок, словно успокаивая хозяев: да, да, я очень доволен всем, что вы для нас сделали.

— Вот шакалы трусливые! — воскликнул Слит. — За шесть столов чувствуешь, как они потеют от страха.

Что и привело к дурацкой и неприятной реплике Хиссуна о том, что, вероятно, они подлизываются к Валентину, зная, что тот станет понтификом. Эта неожиданная бестактность обожгла Валентина, будто удар хлыста, и он отвернулся. Его сердце колотилось, в горле пересохло, но он заставил себя успокоиться, улыбнулся поверх столов верховному глашатаю Хорнкасту, кивнул мажордому понтифика, окинул взглядом еще кого-то, слыша, как за его спиной Шанамир сердито выговаривает Хиссуну за недопустимую оплошность.

В тот же миг гнев Валентина улегся. В самом деле, откуда пацану знать, что это запретная тема? Но он ничем бы не смог помочь опростоволосившемуся Хиссуну, не выдав, насколько глубоко она затрагивает его, поэтому снова включился в разговор, будто ничего не произошло.

Тут, к счастью, вышли пятеро жонглеров, которые отвлекли внимание гостей. Три человека,

скандар и хьорт закрутили бешеную карусель из факелов, серпов и ножей, заслужив одобрительные возгласы и аплодисменты короналя.

Конечно, они тянули разве что на третий сорт, их ошибки и промахи не могли ускользнуть от опытного глаза Валентина. Но какая разница — ему всегда нравились выступления жонглеров, они всякий раз вызывали в памяти то странное, блаженное время, когда несколько лет назад он сам был жонглером и странствовал по городам с разношерстной бродячей труппой. Он был тогда невинен, бремя власти не давило на него, и он был действительно счастлив.

На энтузиазм Валентина Слит ответил хмурым взглядом и угрюмо произнес:

— Ах, ваше величество, неужели вам они действительно понравились?

— Они очень стараются, Слит.

— Когда скотина в засуху траву ищет, она тоже очень старается. Но она скотина. А эти ваши старательные — не более чем любители, ваше высочество.

— Ох, Слит, Слит, ну будьте поснисходительнее!

— Ваше величество, в этом деле, как вы, скорее всего, помните, есть определенные нормы.

Валентин хмыкнул:

— Радость, которую они мне приносят, не зависит от их мастерства. Я смотрю на них и вспоминаю о былых временах, о жизни, что была тогда проще, об ушедших товарищах.

— А, вон что, — сказал Слит. — Тогда другое дело, ваше величество! Но то сантименты, а я говорю о мастерстве.

— Значит, мы говорим о разных вещах.

Жонглеры завершили представление вихрем сложных бросков и удалились. Валентин с радостной улыбкой сел на место. «Веселье кончилось, — подумал он, — теперь будут речи».

Речи оказались на удивление терпимыми. Первым выступил Шинаам, министр внутренних дел в правительстве понтифика, гэйрог с блестящей чешуей и трепещущим красным раздвоенным языком. Изящно и кратко он официально приветствовал лорда Валентина и его окружение.

Адъютант Эрманар произнес ответную речь он имени короналя. После него настала очередь старого сморщенного Дилифона, первого секретаря понтифика, который передал личные приветствия высочайшего монарха. Валентин знал, что, скорее всего, это выдумка, потому что все знали, что от старого Тивераса уже десять лет

не слышали членораздельной речи. Однако он вежливо выслушал произнесенное дрожащим голосом сочинение Дилифона и попросил Тунигорна выступить с ответной речью.

Слово взял Хорнкаст, верховный глашатай понтификата, толстый, исполненный торжественности — подлинный правитель Лабиринта при впавшем в старческое слабоумие понтифике Тиверасе. Он заявил, что будет говорить о великом паломничестве, и Валентин приготовился внимательно слушать, так как именно о великом паломничестве думал весь год — о продолжительном церемониальном путешествии по всему Маджипуру, во время которого корональ показывает себя людям и получает взамен их уважение, преданность и любовь.

— Кому-то может показаться, — говорил Хорнкаст, — что это лишь увеселительная поездка, обычный отдых от государственных дел. Но это не так! Не так! Ведь сама персона короналя — именно человек, а не плакат, флаг или портрет, — связывает все отдаленные провинции мира воедино. И лояльность народа поддерживается только путем таких непосредственных контактов.

Валентин помрачнел и отвернулся. Внезапно

ему представилась тревожная картина: раскалывающийся, встающий на дыбы Маджипур и один-единственный человек отчаянно борется со стихией, пытаясь вернуть все на свои места.

— …Так как корональ, — продолжал Хорнкаст, — это воплощение Маджипура. Персонификация Маджипура. Корональ — это мир, а мир — это корональ. И когда он совершает великое паломничество — как это сделаете вы, лорд Валентин, впервые после славного восстановления на престоле, — он не только идет навстречу миру, он идет навстречу самому себе, своей душе, навстречу глубочайшим корням своей личности…

Правда ли? Да. Правда. Хорнкаст, конечно, несет стандартную высокопарную чушь, которую Валентину так часто приходилось терпеть. Но в этот раз, кажется, эти слова разбудили что-то в нем, открыли некий полный тайн темный тунель. И этот сон — холодный ветер на Замковой горе, стенающая и раскалывающаяся земля… Корональ — воплощение Маджипура, корональ — это мир…

За время его царствования это единство однажды нарушилось, когда Валентина вероломно отстранили от власти, лишили памяти и даже тела, и вышвырнули в изгнание. Неужели это

повторится? Еще один переворот, еще одно падение? А может, надвигается что-то еще более страшное, касающееся куда более серьезных вещей, нежели судьба одного человека?

Он почувствовал незнакомый привкус страха. Наплевать на протокол; он должен немедленно уйти с банкета и заняться истолкованием этого сна. Совершенно ясно, что какое-то мрачное предвидение пытается проявиться, достичь сознания. С короналем творится что-то странное, а ведь это значит, что неладно со всем миром…

— Ваше величество? — это был Аутифон Делиамбер, маленький колдун-вруун. — Ваше величество, пора произнести завершающий тост.

— Что? Когда?

— Сейчас, ваше высочество.

— Да, конечно, — отстраненно сказал Валентин, — да, завершающий тост.

Он поднялся и обвел взглядом огромный зал, всматриваясь в его самые затененные углы. Со странным ощущением он понял, что совершенно не готов. Он с трудом понимал, что нужно говорить, к кому обращаться и даже — и даже! — что он тут делает. Это Лабиринт? Он действительно находится в Лабиринте, в этом отвратительном

месте, где нет ничего, кроме теней и плесени? Зачем он здесь? Что все эти люди от него хотят? Может быть, это просто еще один сон и он даже не покидал Замковой горы? Валентин не знал. Он не понимал ровно ничего.

«Что-то произойдет, — подумал он. — Вот-вот случится, нужно лишь немного подождать». И он ждал, но ничего не происходило, лишь усиливалось ощущение странности происходящего. Он почувствовал пульсирующие толчки во лбу и звон в ушах. Затем пришло мощное осознание, что он находится в Лабиринте, а Лабиринт находится в самом центре мира, в ядре гигантской планеты. И какая-то непреодолимая сила тащит его оттуда. В следующий миг ему показалось, что душа покинула тело и, словно огромное облако света, поплыла вверх, сквозь многочисленные этажи Лабиринта к поверхности, а затем растянулась и охватила всю необъятность Маджипура, до самых дальних берегов Зимроэля и почерневшего от солнца Суврaэля и неизведанный просторов Великого океана на другой стороне планеты. Он накрыл весь мир собой, будто светящейся вуалью. И в этот ошеломляющий миг почувствовал, что является единым целым со всей планетой, что воплотил в себе двадцать миллиардов населения

Маджипура — людей, скандаров, хьортов, метаморфов и всех прочих — все они двигались в нем, словно кровяные частицы. Он находился везде и сразу: он был всей печалью мира и всей его радостью, всеми его стремлениями и нуждами. Он был всем. Он был кипящей вселенной, полной столкновений и противоречий. Он ощущал жар пустыни, и теплый тропический дождь, и мороз на пиках высоких гор. Он смеялся и плакал, он умирал и занимался любовью, и ел, и пил, и танцевал, и сражался, и бешено скакал в незнакомых горах, выбиваясь из сил, работал в поле и прорубал тропу в опутанных густыми лианами джунглях. В океанах его души всплывали на поверхность огромные морские драконы, издавали чудовищные блеющие и рычащие звуки и снова скрывались в глубине. Перед ним плыли, уставившись на него, безглазые ухмыляющиеся лица. В воздухе мелькали костлявые изможденные руки. Хоры пели нестройные гимны. И все это сразу, все это вместе, все одновременно — ужасный сон наяву!

Он стоял молча, сбитый с толку и потерянный, а зал бешено вращался вокруг него.

— Ваше величество, произнесите тост. — Казалось, Делиамбер повторяет это снова и снова. — За

понтифика, его советников, потом…

«Возьми себя в руки, — прикрикнул на себя Валентин, — ты же корональ Маджипура».

Он прилагал отчаянные усилия, чтобы вырваться из чудовищного видения.

— За понтифика, ваше высочество…

— Да. Да, я знаю.

Призрачные образы никак не отпускали. Бесплотные пальцы хватали его. Он боролся. *Держаться. Держаться. Держаться.*

Он совершенно не понимал, что происходит.

— Тост, ваше высочество!

Тост? Тост? Какой тост? А, церемония. Его прямая обязанность. *Ты — корональ Маджипура.* Да. Он должен говорить. Должен что-то сказать этим людям.

— Друзья… — начал он. А затем последовало головокружительное падение в хаос.

Глава 8

— Тебя желает видеть корональ, — сказал Шанамир.

Хиссун испуганно вскинул голову. Уже полтора часа он напряженно ожидал в унылой многоколонной передней с нелепым выпуклым потолком, размышляя о том, что же произошло за закрытой дверью покоев лорда Валентина и сколько времени ему еще предстоит здесь оставаться. Было уже далеко за полночь, и через каких-то десять часов корональ и его свита должны покинуть Лабиринт и продолжить великое паломничество, но странные события этой ночи изменили план. Хиссуну все равно нужно было подняться на самый верх, во внешнее кольцо, собрать пожитки, попрощаться с матерью и сестрами и снова вернуться сюда, чтобы присоединиться к уходящим, ну и поспать немного было бы тоже неплохо. Но все перепуталось.

После того как корональ упал в обморок и его унесли в покои, после того как банкетный зал опустел, Хиссун и кто-то еще из свиты короналя собрались в этой унылой комнате. Через какое-то время им сообщили, что лорд Валентин пришел

в себя, ему лучше, а им всем следует ждать дальнейших указаний. Затем их по одному стали вызывать к короналю — сначала Тунигорна, затем Эрманара, Эйзенхарта, потом Шанамира и так далее, пока Хиссун не остался один среди гвардейцев короналя и каких-то мелких чиновников. Хиссуну не хотелось спрашивать у них, что ему делать, но и уйти он тоже не смел, поэтому он ждал, и ждал, и еще ждал, и снова ждал.

Он закрыл пересохшие от усталости, зудящие глаза, но задремать никак не удавалось. В мыслях вновь и вновь вставала одна и та же картина: кораль падает, и они с Лизамон Халтин одновременно вскакивают с кресел, чтобы подхватить его. Он никак не мог избавиться от воспоминаний об ужасном завершении банкета: кораль со смущенным и жалким видом путается в словах, не в силах подобрать нужные, пошатывается, теряет равновесие, падает…

Конечно, кораль мог, как и любой другой, напиться и вести себя по-дурацки. Одной из многих вещей, что Хиссун усвоил, когда работал в Доме Записей и без разрешения читал чужие воспоминания в Регистре Памяти душ, было то, что в человеке, носящем корону звездного огня, нет ничего сверхъестественного. Поэтому вполне

возможно, что этим вечером лорд Валентин, который, кажется, очень не любил Лабиринт, пытался поднять себе настроение вином и в итоге захмелел настолько, что путался в словах, когда пришло время произносить тост.

Но все же, хотя сам лорд Валентин сказал, что причиной случившегося было вино, Хиссун сомневался в этом. Пока произносили предыдущие тосты, он видел короналя вблизи, и тот вовсе не казался пьяным: дружелюбным, спокойным, даже довольно веселым, но не пьяным. И потом, когда маленький чародей-вруун вывел лорда Валентина из обморока, дотронувшись до него щупальцами, корональ имел несколько неуверенный вид, какой и бывает после потери сознания, но все равно пребывал в ясном рассудке. Невозможно так быстро протрезветь — это факт. Нет, думал Хиссун, скорее всего, тут что-то другое, не опьянение, а какие-то чары, тайное послание, захватившее разум лорда Валентина. И это было очень страшно.

Хиссун поднялся и пошел по извилистому коридору к покоям короналя. Не успел он подойти к украшенной причудливой резьбой двери с яркими золотыми знаками пылающей звезды и монограммами короналя, как она открылась, и

оттуда появились Тунигорн с Эрманаром, осунувшиеся и угрюмые. Они кивнули ему, и Тунигорн одним движением пальца приказал гвардейцам впустить Хиссуна.

Лорд Валентин сидел за широким столом из какого-то редкого полированного дерева кроваво-красного цвета. Крупные, с узловатыми пальцами ладони короналя опирались на стол, будто он не мог без опоры сидеть прямо. Бледное лицо, блуждающий взгляд, опущенные плечи.

— Мой повелитель… — неуверенно начал Хиссун, запнулся и умолк.

Он все еще стоял в дверях и чувствовал себя неловко и неуместно. Лорд Валентин, казалось, не замечал его. В комнате была старая толковательница снов Тизана, и Слит, и вруун, но никто не произнес и слова. Хиссун совсем стушевался. Он не знал, как, согласно этикету, следует обращаться к усталому и, видимо, больному короналю. Выразить сочувствие или сделать вид, что монарх пребывает в добром здравии? Хиссун сделал рукой знак звездного огня и, не получив ответа, повторил жест. Его щеки пылали.

Он попытался найти в себе хоть каплю былой самоуверенности, но не нашел. Странно, но чем больше он смотрел на лорда Валентина, тем

больше смущался. Непонятно почему.

В конце концов спас его Слит, объявивший:

— Мой повелитель, посвященный Хиссун.

Кораль поднял голову и впился взглядом в Хиссуна. В его застывших, будто стеклянных глазах отражалась страшная, неимоверная усталость. Но все же, с удивлением отметил Хиссун, лорд Валентин сумел превозмочь крайнее изнеможение — так человек, падающий в пропасть, хватается за лозу и с непреодолимой силой взбирается по ней в безопасное место. Удивительно было видеть, как на его щеки вернулось подобие румянца, как оживилось выражение лица. Он даже умудрился изобразить подлинно монаршее достоинство, привычку повелевать. Хиссун с благоговением подумал, может, это какой-то особый трюк, которому учат будущих короналей на Замковой горе.

— Подойди ближе, — сказал лорд Валентин.

Хиссун сделал два шага вперед.

— Ты боишься меня?

— Мой повелитель…

— Хиссун, я не могу позволить тебе тратить время на страх передо мною — у меня и без этого слишком много дел. И у тебя тоже. Когда-то я был уверен, что ты не испытываешь никакого

трепета передо мной. Я ошибался?

— Мой повелитель, все потому, что у вас такой усталый вид, и сам я тоже устал. Думаю, это была очень странная ночь — для меня, для вас, для всех…

Корональ кивнул:

— Да, ночь великих странностей. Сейчас ведь уже утро? Всякий раз, когда бываю здесь, не могу понять, который час.

— Немного за полночь, мой повелитель.

— Всего лишь немного за полночь? Я-то думал, что почти утро. Какая же долгая ночь! — Лорд Валентин тихо рассмеялся. — Но здесь, в Лабиринте, всегда немного за полночь, верно, Хиссун? Клянусь Божеством, если б ты знал только, как я хочу снова увидеть солнце!

— Мой повелитель, — тактично пробормотал Делиамбер, — действительно, уже поздно, а еще столько нужно сделать…

— Да. — На мгновение взгляд короналя вновь остекленел. Затем, собравшись с силами, он произнес: — Что ж, к делу. Прежде всего я хочу выразить тебе благодарность. Если бы ты не поймал меня, я бы сильно расшибся. Ты, наверное, бросился ко мне еще до того, как я начал падать? Неужто было настолько заметно, что я вот-вот

свалюсь?

— Заметно, ваше величество, — ответил слегка покрасневший Хиссун, — по крайней мере, я заметил.

— Ага.

— Но, быть может, я наблюдал за вами более пристально, чем остальные.

— Да, полагаю, что так все и было.

— Надеюсь, ваше высочество не слишком страдает от прискорбных последствий…

На губах короналя появилась слабая улыбка.

— Хиссун, я не был пьян.

— Я вовсе не то… Я имел в виду… Я хотел сказать…

— Нет, это не опьянение. Чары или послание — кто знает… Вино — это одно, а колдовство — это другое, и, думаю, я все еще способен их различать. Это было темное видение, мальчик мой, причем не первое. Знамения самые тревожные. Надвигается война.

— Война? — выпалил Хиссун. Слово было незнакомым, чуждым, отвратительным, оно повисло в воздухе, как какое-то мерзко зудящее насекомое в поисках жертвы. Война? Война? В голове Хиссуна возникли картины событий, случившихся восемь тысяч лет назад, из увиденных в Регистре

Памяти душ: охваченные пламенем сухие холмы далеко на северо-востоке, черные от поднимающегося дыма небеса — последняя жуткая судорога затяжной войны лорда Стиамота против метаморфов. Но это все было в древней истории, за все прошедшие века больше не было войн, кроме войны за восстановление лорда Валентина на престоле. Но в той войне благодаря стараниям лорда Валентина, который ненавидел насилие, почти не было жертв.

— Как это — война? — спросил Хиссун. — У нас на Маджипуре нет войн!

— Война на пороге, парень! — резко сказал Слит. — И когда она начнется, от нее не спрятаться, клянусь Владычицей!

— Но с кем воевать? У нас же самый спокойный из миров. Какие у нас могут быть враги?

— Враг у нас один, — ответил Слит. — Или вы в Лабиринте настолько зарылись в землю, что тебе непонятно?

Хиссун нахмурился:

— Вы говорите о метаморфах?

— Да, парень, именно о метаморфах! — воскликнул Слит. — О меняющих форму мерзавцах. Неужто ты думал, что мы можем продержать их взаперти вечно? Клянусь Владычицей, начнется

бойня, и довольно скоро!

С ужасом и изумлением Хиссун уставился на невысокого тощего человека со шрамом на лице. Глаза Слита сияли, казалось, что он даже радовался таким перспективам.

Хиссун медленно покачал головой и сказал:

— При всем уважении, первый советник Слит, я не вижу в этом смысла. Несколько миллионов их против двадцати миллиардов нас? Однажды они уже воевали с нами и проиграли, и, думаю, как бы они нас ни ненавидели, снова они не полезут.

Слит указал на короналя, который, казалось, не слушал.

— А когда они посадили свою марионетку на трон лорда Валентина? Разве это было не объявление войны? Ох, парень, парень, ничего-то ты не знаешь. Метаморфы веками строят нам козни, и вот настало их время. И сны короналя говорят об этом. Клянусь Владычицей, короналю снится война!

— И я тоже клянусь Владычицей, Слит, — произнес корональ бесконечно усталым голосом, — что пока я могу хоть что-то сделать, никакой войны не будет, и ты это знаешь.

— Ну а если не сможешь? — парировал Слит.

Белое как мел лицо коротышки раскраснелось

от волнения, глаза сияли, а руками он делал повторяющиеся быстрые рубленые жесты, как будто жонглировал невидимыми дубинками. Хиссун поразился тому, что кто-то, пусть даже первый советник, решается так дерзко разговаривать с короналем. Но, похоже, такое случалось нечасто, потому что Хиссун увидел на лице лорда Валентина что-то похожее на гнев, а ведь лорд Валентин славился тем, что никогда не впадал в ярость и пытался убедить спокойными и мягкими словами даже своего врага — узурпатора Доминина Барджазида на заключительном этапе войны за престол. Затем на смену гневу снова пришла ужасная усталость, придавшая короналю вид семидесяти-восьмидесятилетнего старика, а вовсе не полного сил решительного мужчины, которому, насколько знал Хиссун, было всего лет сорок с чем-то.

Напряженному молчанию, казалось, не будет конца. Затем кораль заговорил, медленно и взвешенно, обращаясь к одному Хиссуну, как будто больше в палатах никого не было:

— Пока есть надежда на мирный исход, я не хочу слышать больше разговоров о войне. Но знамения были действительно страшными, и если это будет не война, то какое-то столь же страшное

бедствие. И я не оставлю такое предупреждение без внимания. Хиссун, этой ночью мы изменили кое-что в наших планах.

— Вы отменяете великое паломничество, мой повелитель?

— Нет, этого делать нельзя. Я и так уже несколько раз откладывал его под предлогом, что на Замковой горе полно работы и на веселые прогулки нет времени. Похоже, откладывал слишком долго — эти поездки нужно проводить каждые семь-восемь лет.

— А сколько лет прошло, мой повелитель?

— Почти десять. Да и в тот раз я прервал ее на полпути — в Тил-омоне, как ты знаешь, произошла небольшая неприятность, и меня, без моего ведома, освободили от большей части обязанностей. — Кородаль смотрел мимо Хиссуна куда-то в бесконечность, и тому на мгновение показалось, что он всматривается в туманную пропасть времени, думая, вероятно, о том, как Барджазид диковинным способом отнял у него власть и сам он месяцы или годы бродил по Маджипуру, лишенный трона и разума. Лорд Валентин покачал головой. — Нет, великое паломничество будет проведено. Более того, оно даже расширится. Сначала я намеревался проехать только

по Алханроэлю, но, думаю, нужно посетить оба континента. Обитатели Зимроэля тоже должны увидеть, что у них есть корональ. И если Слит прав и мы должны опасаться метаморфов, то посещение Зимроэля вдвойне важно, ведь там они живут.

Этого Хиссун никак не ждал. Его охватило волнение. Еще и Зимроэль! Невообразимо далекая, чуть ли не легендарная страна лесов, широких рек и больших городов с волшебными названиями.

— Ах, мой повелитель, если таков ваш новый план, то он просто великолепен! — сказал он, широко улыбаясь. — Я думал, что никогда не увижу тех краев, разве что во сне! А в Ни-мойю мы попадем? А в Пидруид, Тил-омон, Нарабаль?

— Я, скорее всего, попаду, — произнес корональ странно ровным голосом, и эти слова оглушили Хиссуна, словно удар дубины.

— А я, мой повелитель? — спросил он, внезапно встревожившись.

— Вот еще одно изменение в планах, — мягко ответил лорд Валентин, — ты не будешь сопровождать меня в великом паломничестве.

При этих словах Хиссуна пронзил ужасный холод, будто ветер, дующий меж звезд, проник в

потаенные глубины Лабиринта. Он почувствовал, будто его выбросили, как пустую скорлупу, душа его сжалась под этим ледяным порывом, он вздрогнул.

— Я отстранен от службы, ваше величество?

— Отстранен? Ни в коем случае! У меня, понимаешь ли, на тебя важные планы!

— Об этом вы говорили уже несколько раз, мой повелитель. Но великое паломничество…

— Не является должной подготовкой к задачам, которые тебе некогда придется выполнять. Нет, Хиссун, я не могу позволить тебе терять год или два, болтаясь вместе со мной из провинции в провинцию. Тебе нужно как можно скорее отправляться на Замковую гору.

— На Замковую гору, мой повелитель?

— И начать подготовку, как и подобает посвященному рыцарю.

— Мой повелитель? — удивился Хиссун.

— Тебе сейчас… восемнадцать, да? Значит, ты отстал от остальных на несколько лет. Но ты быстро наверстаешь упущенное и поднимешься до своего подлинного уровня. Это твой долг, Хиссун. Никто из нас не имеет представления о том, какое зло вот-вот явится в мир, но я знаю, что должен ждать худшего, готовиться к нему и

подготовить тех, кто встанет в трудную минуту рядом со мой. Так что не поедешь ты со мною в великое паломничество, Хиссун.

— Понимаю, мой повелитель.

— Точно? Пожалуй, да, понимаешь. Потом ты еще увидишь и Пилиплок, и Ни-мойю, и Пидруид. Но сейчас… сейчас…

Хиссун кивнул, хотя на самом деле едва ли понимал, что пытается сказать ему лорд Валентин. Корональ довольно долго смотрел на него, и Хиссун твердо встретил взгляд усталых голубых глаз, хотя и начал ощущать ни с чем не сравнимую усталость. Он понял, что аудиенция подошла к концу, хоть это и не было сказано вслух. Молча он сотворил знак пылающей звезды и вышел из комнаты.

Больше всего на свете сейчас он хотел поспать — неделю, а то и месяц. Эта жуткая ночь высосала его до капли. Два дня назад тот же самый лорд Валентин вызвал его в эту же самую комнату и велел быть готовым покинуть Лабиринт, поскольку он включен в свиту короналя для великого паломничества, которое пройдет по всему Алханроэлю. А вчера его назвали одним из приближенных короналя и усадили во время вечернего банкета за самый главный стол. Но теперь уже и сам банкет

завершился чуть ли не скандалом, и он увидел измученного короналя, так похожего на обыкновенного человека. Обещанное участие в великом паломничестве отобрали, и теперь — Замковая гора? Посвященный рыцарь? Наверстывать упущенное? Какое упущенное? Жизнь превратилась в сон, подумалось Хиссуну, и растолковать этот сон некому.

Слит вышел вместе с ним, и за дверью неожиданно поймал за запястье и притянул к себе. Хиссун с изумлением понял, что в этом человеке, будто в скрученной пружине, таится немалая сила.

— Просто хочу сказать тебе, парень, — я резко разговаривал с тобой вовсе не потому, что имею что-то против тебя.

— Я такого и не думал вовсе.

— Ну, вот и хорошо. Я не хочу ссориться с тобой.

— И я с вами, Слит.

— Думаю, когда начнется война, нам с тобой предстоит много работать вместе.

— Если война начнется.

Слит горько улыбнулся:

— Начнется, можешь не сомневаться. Но я не хочу сейчас с тобой спорить, скоро ты и сам при-

дешь к такому же выводу. Валентин не видит беды, пока она его за пятку не цапнет — такой уж он… добрый чересчур и, как я считаю, слишком уж склонен верить в добрые намерения других. Но ты-то ведь не таков, парень? У тебя глаза открыты. Думаю, это в тебе и ценит корональ больше всего. Ты меня понимаешь?

— Слит, ночь выдалась очень уж напряженная…

— И то верно. Иди, поспи, парень. Если сумеешь.

Глава 9

Первые утренние лучи солнца коснулись неровного серого топкого берега юго-восточного Зимроэля и осветили печальный ландшафт бледно-зеленым светом. Приход рассвета в одно мгновение разбудил пятерых лиименов, что спали в драной, многократно залатанной палатке, поставленной на склоне песчаной дюны в пятистах ярдах от моря. Не говоря ни слова, они поднялись, набрали полные ладони сырого песка и стали тереть им грубую рябую серо-черную кожу на руках и груди, совершая утреннее омовение. Потом, выйдя из палатки, повернулись к западу, где еще слабо светилось в темном небе несколько звездочек, и приветствовали их традиционным салютом.

Возможно, с одной из этих звезд явились их предки. Они понятия не имели, с которой именно. Никто из них. С тех пор как первые лиимены прибыли на Маджипур, прошло семь тысяч лет, и за это время большая часть знаний была утрачена. Все это время лиимены бродили по всей огромной планете, брались за самую простую и черную работу и давно позабыли, откуда пришли.

Но когда-нибудь они снова это узнают.

Самый старший развел огонь. Самый младший принес шампуры и нанизал на них мясо. Две женщины молча взяли шампуры и держали их над пламенем, пока не услышали песню капающего жира. Молча они раздали всем куски мяса, и, не говоря ни слова, лиимены приступили к единственной за день трапезе.

Так же молча они вышли из палатки: старший мужчина, потом две женщины, потом еще двое мужчин — пятеро худых широкоплечих созданий с плоской широкой головой и тремя свирепыми яркими глазами на ничего не выражающих лицах. Они спустились к краю моря и встали на узкой полоске мыса вне досягаемости прибоя, как делали каждое утро на протяжении многих недель.

Они молча ждали, и каждый из них надеялся, что новый день позволит им увидеть приход драконов.

Юго-восточное побережье Зимроэля, огромная провинция под названием Гихорна — это один из самых мрачных концов Маджипура: всеми забытое место, в котором нет городов, край скудной серой песчаной почвы, влажных порывистых ветров и невероятно сильных и разрушительных

песчаных бурь, которые могут разразиться в любое время без всякого предупреждения. На сотни миль вдоль этих безрадостных берегов нет ни одной естественной гавани, только бесконечная гряда низких выветренных холмов спускается к мокрой полоске берега, о который с унылым и печальным звуком разбивается прибой Внутреннего моря. Исследователи, которые в ранние годы освоения Маджипура осмеливались сунуться в этот заброшенный район западного континента, рапортовали, что здесь нет ничего такого, что заслуживало бы внимания, и на планете, столь богатой красотами и чудесами, это было просто убийственной характеристикой.

Поэтому, пока осваивали континент, Гихорна оказалась забыта. Основывалось поселение за поселением — сперва Пилиплок в середине восточного побережья, в устье широкой реки Зимр, потом Пидруид далеко на северо-западе и Ни-мойя в большой излучине Зимра, в глубине материка, Тил-омон, Нарабаль, Велатис, сверкающий Дюлорн — город гэйрогов и много других. Заставы превращались в деревни, деревни — в города, города — в мегаполисы, от которых во все стороны по невероятным просторам Зимроэля расползались мелкие поселения. Ну а Гихорна

оставалась незаселенной и никому не нужной. Даже метаморфы, в конце концов побежденные и загнанные лордом Стиамотом в лесную резервацию, которую отделяла от западного края Гихорны река Стейч, не желали пересекать реку и жить в этих унылых местах.

Много позже — через тысячи лет, когда большая часть Зимроэля сделалась такой же цивилизованной, как Алханроэль, немногочисленные поселенцы в конце концов обосновались и в Гихорне. И почти все они были лиимены — простой и нетребовательный народ, так и не влившийся толком в общую жизнь Маджипура. Казалось, они специально держатся все время в стороне, зарабатывая по нескольку мерок то здесь, то там — продавцы жареных сосисок, рыбаки, сезонные рабочие… Жизнь этого кочевого народа представлялась всем остальным расам Маджипура тусклой и безрадостной, и неудивительно, что они откочевали в тусклую и безрадостную Гихорну. Здесь они основали маленькие деревушки, забрасывали сети прямо за полосой прибоя и ловили кишащих в воде серебристо-серых рыбок, копали в песке ямы-ловушки на больших крабов с глянцевым восьмиугольным панцирем, которые сотнями сновали по берегу, а к праздникам

охотились на медлительных, но вкусных дхумкаров, что жили в дюнах, до половины зарывшись в песок.

Гихорна принадлежала лииименам большую часть года, кроме лета — летом наступало время драконов.

В начале лета палатки любопытных туристов вырастали, словно желтые калимботы после теплого дождя, по всему побережью Зимроэля от Пилиплока на юге до края непроходимых болот Зимра. В это время года стада морских драконов совершали свой ежегодный переход к восточному побережью континента, направляясь в воды между Пилиплоком и Островом Сновидений, где рождался молодняк.

Побережье ниже Пилиплока было единственным местом на всем Маджипуре, где можно хорошо рассмотреть морских драконов, не выходя в море, так близко здесь к берегу подплывали беременные самки, чтобы покормиться мелкой живностью, обитавшей в густых зарослях золотистой морской травы, что в изобилии росла в этих водах. Поэтому каждый год во время прохода драконов тысячи любопытных со всего мира разбивали на побережье свои палатки. Одни — как настоящие дворцы: легкие величествен-

ные сооружения из высоких прямых столбов и мерцающей ткани, и жили в них благородные. Другие были просто крепкими и удобными — они принадлежали богатым торговцам. Самые невзрачные принадлежали простым людям, которые по нескольку лет копили деньги, чтобы поехать на побережье.

Знать приезжала в Гихорну в сезон драконов потому, что находила зрелище проплывающих огромных животных занимательным, а также потому, что провести время в столь отвратительной местности было пикантным и необычным жестом. Богатые купцы ехали потому, что те, кто мог позволить себе столь дорогое путешествие, пользовались уважением в своем кругу, да и детям не помешает узнать что-то полезное о природе Маджипура, это может пригодиться потом в школе. Простой народ ехал потому, что верил, что увидеть проход морских драконов — к счастью, хотя никто толком не знал почему.

А еще там были лиимены, для которых сезон драконов не был ни развлечением, ни вопросом престижа, и не надеждой на милость фортуны, а нес более глубокий смысл: искупление и спасение.

Никто не мог точно предсказать, когда драко-

ны появятся у берегов Гихорны. Но они всегда приплывали летом, когда раньше, когда позже, и в этом году задерживались. Каждое утро пятеро лииименов занимали свою позицию на мысу, и день за днем не видели ничего, кроме серого моря, белой пены и темных масс водорослей. Но они были терпеливы. Рано или поздно драконы появятся.

В тот день когда они наконец появились, было тепло, почти жарко, с запада дул сырой ветер. Весь день по берегу туда-сюда маршировали крабы: взводы, фаланги, полки крабов, будто готовясь отразить неприятеля. Это был верный знак.

Ближе к полудню было второе знамение: из волн прибоя кувырком появилась похожая на большой пудинг толстая зубожаба, состоящая, казалось, лишь из живота, пасти и острых, как пила, зубов. Она проковыляла несколько ярдов подальше от воды и села на песок, тяжело вздыхая, трясясь всем телом и моргая огромными молочно-белыми глазами. Чуть позже вторая жаба вылезла из воды неподалеку и уселась, злобно уставившись на первую. Потом появилась небольшая процессия большеногих омаров — дюжина, а то и больше пестрых сине-красных созданий со вздутыми задними ногами реши-

тельно вышли из воды и принялись быстро закапываться в песок. За ними явились красноглазые гребешки, пританцовывающие на слабых желтоватых ногах, костлявые угри с белыми мордами и еще какие-то рыбы — они беспомощно бились на песке, пока за них не взялись крабы.

Лиимены кивали друг другу в нарастающем волнении. Жителей прибрежных отмелей могло заставить так резко броситься на сушу лишь одно — мускусный запах морских драконов, ненамного опережающий их самих, уже распространился в воде.

— Теперь смотрите, — резко сказал старший лиимен.

С юга надвигался передовой косяк драконов — две или три дюжины огромных созданий, высоко распростерших черные широкие кожистые крылья и изогнувших длинные толстые шеи кверху, словно лук. Они не спеша вплыли в заросли морской травы и принялись собирать с них урожай: били крыльями по воде, спугивая жителей водорослей и с неожиданной свирепостью набрасывались на них, заглатывая без разбору и траву, и лобстеров, и зубожаб, и всех кто попадется. Эти гиганты были самцами. Позади них, переваливаясь с боку на бок, плыла небольшая группа самок,

раздувшихся как стельные коровы, а за ними — сам вожак стада, настолько огромный, что его можно было принять за перевернутый килем вверх корабль, и то это была видимая часть вожака — лапы и хвост находились под водой.

— Склонитесь и воздайте молитву! — приказал старший и упал на колени.

Вытянутой левой рукой с семью костлявыми длинными пальцами он снова и снова творил знак морского дракона: растопыренные крылья, хищно изогнутая шея. Он наклонился и потерся щекой о мокрый холодный песок, поднял голову, посмотрел на вожака драконов, которых был сейчас не более чем в двухстах ярдах от берега, и усилием воли попытался призвать огромного зверя к берегу.

— Приди к нам… приди… приди…

— Настало время. Мы долго ждали. Приди… спаси нас… веди нас… спаси…

— Явись!

Глава 10

Механическим росчерком он поставил подпись на чуть ли не десятитысячном за сегодня документе: «*Элидат Морвольский, первый советник и регент*». Рядом с подписью он небрежно проставил дату, и один из секретарей Валентина положил перед ним новую стопку бумаг.

Подписанию бумаг Элидат посвятил весь день — это тяжкое мучение повторялось еженедельно, но без него никак нельзя было обойтись. Каждый втородень после полудня он покидал свою резиденцию — Двор Пинитора и являлся во внутренний Замок, в кабинет короналя, усаживался за величественный стол лорда Валентина с огромной столешницей из темно-красного палисандра, на которой узор волокон складывался в эмблему звездного огня, и час за часом секретари один за другим подкладывали ему бумаги, приходящие из всевозможных правительственных учреждений сюда на окончательное утверждение. Пускай даже корональ был в отъезде с великой процессией, шестерни государства продолжали крутиться, извергая нескончаемым потоком указы, поправки к указам и указы об отмене указов.

И все это должен был подписывать кораль или назначенный им регент — одному Божеству известно зачем. И еще раз: «*Элидат Морвольский, первый советник и регент*». И число. Готово.

— Давайте дальше, — сказал Элидат.

Поначалу он честно старался прочитать или хотя бы пробежать глазами каждую бумагу, перед тем как подписывать. Затем перешел на чтение кратких пояснений, прикрепленных к каждой папке — восемь или десять строк. Но даже и это чтение ему пришлось давным-давно прекратить. Неужели Валентин прочитывал все это? — удивлялся он. Это невозможно. Даже если читать только пояснения и выжимки, потребуются целиком все дни и ночи без перерывов на сон и еду, и, уж конечно, на серьезные государственные дела тоже не хватит времени. И сейчас Элидат ставил подпись почти не глядя. Он понимал, что, возможно, росчерком пера запрещает есть сосиски в зимнедень, или объявляет вне закона дожди в провинции Стойензар, а может быть, вообще подписывает конфискацию всех своих поместий и передачу их в пенсионный фонд административных секретарей. Понимал, но все равно подписывал. Кораль — или его заместитель — должен доверять компетенции своих

служащих, в противном случае работы станет не просто очень много, а невозможно много.

И он подписывал. «Элидат Морвольский, первый советник…»

— Дальше!

Он все еще чувствовал себя немного виноватым, что не читает документы. Но неужели короналю действительно важно знать о том, что города Малдемар и Тидиас пришли к соглашению насчет совместного владения какими-то виноградниками, о принадлежности которых они спорили, начиная с седьмого года понтифика Тимина и короналя лорда Кинникена? «Нет. Нет, — думал Элидат. — Подписывай и давай дальше, а Малдемар и Тидиас теперь добрые соседи, пускай возрадуются и не беспокоят короналя».

«Элидат Морвольский…»

Он держал в руках очередную бумагу и искал где расписаться, когда секретарь сказал:

— Сэр, прибыли лорды Миригант и Диввис.

— Зовите, — ответил он, не поднимая головы.

«*Элидат Морвольский, первый советник и регент…*»

Лорды Миригант и Диввис, советники внутреннего круга, кузен и племянник лорда Валентина,

соответственно, являлись к нему каждый день примерно в это же время, чтобы пригласить на пробежку по улицам Замка; таким образом он отдыхал от напряженных обязанностей регента. Другого времени для физических упражнений у него не было, и ежедневная пробежка была по-настоящему бесценной.

Пока лорды, грохоча башмаками по украшенному искусной мозаикой полу, шли от двери к столу через большой роскошный кабинет, отделанный панелями из банникопа, семотана и других редких пород дерева, Элидат успел подписать еще пару документов. Он потянулся за третьим, сказав себе, что на сегодня это последний. Там был всего один лист, и Элидат поймал себя на том, что читает его. Это был патент на дворянство, ни больше ни меньше, возвышающий какого-то счастливчика из простого люда до посвященного рыцаря Замковой горы в знак признания его высокого достоинства, неоценимых заслуг и так далее…

— Что вы сейчас подписываете? — спросил Диввис, перегнувшись через стол и показывая на бумагу перед Элидатом. Это был крупный мужчина среднего возраста, чернобородый и плечистый, до жути похожий на своего отца,

бывшего короналя. — Валентин опять снижает налоги? Или решил сделать государственным праздником день рождения Карабеллы?

К подобным шуточкам Диввиса Элидат привык, но сейчас, после целого дня нудной и бессмысленной работы, шутить ему не хотелось. Неожиданно он разозлился.

— Леди Карабеллы, вы хотите сказать? — резко спросил он.

Диввис, похоже, изумился:

— Мы сегодня общаемся по всей форме, первый советник Элидат?

— Если бы я назвал вашего покойного отца просто Вориаксом, то представляю себе…

— Мой отец был короналем, — произнес Диввис холодно и напряженно, — и заслужил все уважение, оказываемое покойным государям. Тогда как леди Карабелла всего лишь…

— Леди Карабелла, кузен, супруга вашего царствующего государя, — сухо перебил Миригант, повернувшись к Диввису с таким гневом, какого Элидат никогда не видел от этого добродушного человека. — Также, должен напомнить, она является женой брата вашего отца. И в силу двух этих причин…

— Ладно, — устало произнес Элидат. — Хватит

глупостей. На пробежку-то мы сегодня выйдем?

Диввис рассмеялся:

— Если вы не слишком устали от выполнения обязанностей короналя.

— Больше всего мне бы хотелось, — сказал Элидат, — побежать вниз с горы до самого Морвола. Может, месяцев за пять хорошим шагом и доберусь, и следующие три года заниматься своим садом… А, ладно! Пойду с вами на пробежку. Дайте только с этим закончить…

— Празднование дня рождения леди Карабеллы, — улыбаясь, сказал Диввис.

— Патент на дворянство, — ответил Элидат, — согласно которому, если вы помолчите, среди нас появится новый посвященный рыцарь, некий Хиссун, сын Эльсиномы, как тут написано, житель Лабиринта, в знак признания его высокого достоинства, неоценимых заслуг и так далее…

— Хиссун, сын Эльсиномы? — возопил Диввис. — Да вы хоть знаете, Элидат, кто он такой?

— С чего бы мне знать такие подробности?

— Вспомните торжество в честь восстановления Валентина на престоле, когда он настоял, чтобы вместе с нами в тронном зале Конфалюма были все эти его неприятные типы: жонглеры, однорукий скандар-капитан, хьорт с оранжевы-

ми усами и прочие. Помните, среди них был еще и мальчишка?

— Вы о Шанамире?

— Нет, тот был еще моложе. Маленький худенький мальчик десяти-одиннадцати лет, не уважающий вообще никого, с глазами воришки. Он все время задавал глупые вопросы и клянчил у всех медали и знаки различия, цеплял их себе на тунику и без конца вертелся у зеркала. Мальчишку звали Хиссун!

— Маленький мальчик из Лабиринта, — сказал Миригант, — который взял со всех обещание нанять в проводники именно его, если им случится попасть в Лабиринт. Да, я его помню. Очень умный плутишка, я бы сказал.

— Этот плутишка теперь посвященный рыцарь, — сказал Диввис, — или станет им, если Элидат не порвет сейчас указ, на который с таким недоумением глядит. Вы ведь не станете его утверждать, Элидат?

— Стану, конечно.

— Посвященный рыцарь из Лабиринта?

Элидат пожал плечами:

— Мне без разницы, пусть хоть меняющий облик из Илиривойна. Я здесь не для того, чтобы перекраивать решения короналя. Если Валентин

сказал, что он посвященный рыцарь, значит, он посвященный рыцарь, будь он хоть мошенник, хоть рыбак, продавец сосисок, метаморф, да хоть уборщик навоза… — Он быстро вписал дату около подписи. — Вот. Готово! Теперь этот мальчик так же благороден, как вы, Диввис.

Диввис с важным видом выпрямился:

— Мой отец, лорд Вориакс, был короналем. Мой дед Дамиандейн был первым советником, мой прадед…

— Да, нам всем это известно. И я говорю, что этот мальчик теперь такой же благородный, как вы, Диввис. Так написано в указе. И в другом таком же указе так же написано о ком-то из ваших предков, я уж не знаю, насколько давно и за какие заслуги. Или вы считаете, что знатность дается от рождения, как четыре руки и темная шерсть у скандаров?

— Вы сегодня вспыльчивы, Элидат.

— Именно так. Посему имейте это в виду и постарайтесь не докучать мне.

— В таком случае простите меня, — сказал Диввис без особого раскаяния.

Элидат встал, потянулся и выглянул в большое закругленное окно перед столом короналя. С этой стороны замкового комплекса, с самой вершины

горы, открывался вид на бескрайний воздушный простор, где парили на головокружительной высоте два огромных черных стервятника, чувствовавшие себя как дома. С надменным видом они кружили один чуть выше другого, ослепительное солнце сверкало на блестящих хохолках их золотых голов. Элидат следил за свободным полетом птиц и понимал, что завидует им. Он медленно покачал головой. После напряженного трудного дня у него аж ноги подкашивались. *«Элидат Морвольский, первый советник и регент...»*

Он подумал, что на этой неделе будет ровно шесть месяцев с тех пор, как Валентин уехал с великим паломничеством. А словно несколько лет прошло... Неужели это и означает быть короналем? Выматывающий рутинный труд изо дня в день и никакой тебе свободы? Уже десять лет ему непрерывно грозила опасность превратиться в короналя. Он — прямой наследник, и всем это ясно чуть ли не с того дня, как лорд Вориакс погиб в лесу, и корона неожиданно перешла к его младшему брату. Элидат знал, что если вдруг что-то случится с лордом Валентином, то короной пылающей звезды увенчают его. Или, если понтифик Тиверас когда-нибудь все же умрет,

и Валентину придется перейти в Лабиринт, то короналем быть опять же Элидату. Если только он к тому времени не состарится, ведь короналем должен быть мужчина в расцвете сил, меж тем Элидату уже за сорок, и Тиверас, похоже, будет жить вечно.

И если дойдет до него, он не откажется, не сможет отказаться. Отказаться немыслимо. Но с каждым годом он все более пылко молился за долгую жизнь понтифика Тивераса и долгое благополучное правление короналя — лорда Валентина. За месяцы регентства он лишь укрепился в этом. Когда он мальчишкой бывал в замке лорда Малибора, ему казалось, что быть короналем — самое чудесное занятие на свете, и он очень завидовал Вориаксу, который был старше его на восемь лет и стал короналем после смерти лорда Малибора. Теперь же он отнюдь не считал, что быть короналем — чудесное дело. Но если корона перейдет к нему, сопротивляться он не будет. Он помнил, что однажды сказал старый Дамиандейн, первый советник, отец Вориакса и Валентина — короналем лучше всего назначать человека, у которого достаточно навыков для этого дела, но который не гонится за короной изо всех сил. «Что ж, тогда, я самый подходящий кан-

дидат, — безрадостно сказал себе Элидат. — Но может быть, до этого не дойдет».

— Ну что, побежим? — спросил он с наигранным пылом. — Пять миль, а потом глотнем какого-нибудь хорошего золотого вина?

— Конечно, — ответил Миригант.

Когда они выходили из комнаты, Диввис остановился возле выпирающей из дальней стены огромной полусферы глобуса из бронзы и серебра, на которой специальный индикатор отображал маршрут путешествия короналя.

— Взгляните, — сказал он, показывая пальцем на рубиновый шарик, что светился на поверхности глобуса, словно налитый кровью глаз горной обезьяны, — он уже довольно далеко к западу от Лабиринта. Спускается вниз по реке. Это ведь Глейдж?

— Думаю, Трей, — ответил Миригант, — он направляется в Треймоун, как мне кажется.

Элидат кивнул. Он подошел к глобусу и легонько провел рукой по гладкой как шелк металлической поверхности.

— Да. Оттуда в Стойен, а дальше, полагаю, сядет на корабль и переправится через Залив в Перимор, и вверх по побережью до Алаизора.

Он не мог отнять руку от глобуса и ласкал

округлости континентов, будто Маджипур был женщиной, а Алханроэль и Зимроэль — ее грудями. Как прекрасен мир и как прекрасно его изображение! На самом деле, это был только полуглобус, потому что другое полушарие Маджипура было сплошь покрыто практически неисследованным океаном, и не было смысла изображать его на глобусе. Все три континента, представленные на глобусе, находились в одном полушарии. Алханроэль с большим зазубренным пиком Замковой горы, выступающим в комнату, покрытый лесами Зимроэль, пустынный Суврaэль внизу, а между ними, во Внутреннем море, Остров сновидений, дом благословенной Владычицы. В деталях были изображены многие города, горные цепи, крупнейшие реки и озера. Какой-то непонятный Элидату механизм все время отслеживал положение короналя, и светящийся красный шарик постоянно двигался, отображая его перемещения, так что всегда можно было узнать, где лорд Валентин сейчас находится. Будто в трансе, Элидат провел пальцем по маршруту великого паломничества: Стойен, Перимор, Алаизор, Синталмонд, Даниуп, по ущелью Кинслейн в Сантискион, и обратно по широкому кругу через предгорья, снова к Замковой горе…

— Вам ведь хочется ехать с ним? — спросил Диввис.

— Или вместо него? — сказал Миригант.

Элидат резко повернулся к старшему мужчине.

— На что это вы намекаете?

— Разве не ясно? — ответил смущенно Миригант.

— Думаю, что вы обвиняете меня в противозаконных замыслах.

— Противозаконных? Тиверасу двадцать лет как пора умереть. Он жив только благодаря каким-то чарам…

— Передовым успехам медицины, вы хотите сказать? — переспросил Элидат.

— Это одно и то же, — пожал плечами Миригант. — Кабы все шло естественным образом, Тиверас уже давно бы умер, и нашим понтификом сделался бы Валентин. И новый корональ возглавлял бы свое первое великое паломничество.

— Это решать не нам, — проворчал Элидат.

— Да, — сказал Диввис, — это решает лорд Валентин. А он ничего решать не будет.

— Будет, когда настанет время.

— Когда? Через пять лет? Десять? Сорок?

— Вы хотите заставить короналя принять ре-

шение, Диввис?

— Я хочу дать короналю совет. Это наш долг — ваш, мой, Мириганта, Тунигорна, всех нас, кто входил в правительство до переворота. Мы должны сказать ему: настало его время спуститься в Лабиринт.

— Думаю, настало наше время начать пробежку, — сухо сказал Элидат.

— Элидат, послушайте! Я что, наивный младенец? Мой отец был короналем, мой дед занимал пост, который сейчас занимаете вы, я провел всю свою жизнь возле средоточия власти, и я все понимаю не хуже других. У нас нет понтифика. Лет восемь, если не десять, вместо понтифика у нас, можно сказать, живой труп, сидящий в Лабиринте в стеклянном пузыре. Хорнкаст с ним говорит или делает вид, что говорит, получает от него указания или притворяется, что получает, но фактически понтифика у нас вообще нет. И как долго сможет таким образом функционировать правительство? Сдается мне, Валентин пытается быть понтификом и короналем сразу, а с такой ношей не справиться никому, и от этого страдает вся структура власти, все парализовано…

— Хватит, — сказал Миригант.

— …и он не вступит в эту должность, потому что

он молод, ненавидит Лабиринт и притащил из изгнания новую свиту — всех этих жонглеров и пастухов, что так очарованы красотами Горы, что не дают ему увидеть, что его истинный долг…

— Хватит!

— Нет, подождите, — серьезным тоном продолжил Диввис. — Элидат, вы ведь не слепой. Всего лишь восемь лет назад мы столкнулись с невероятным в нашей истории событием — законного короналя свергли с престола, заменили на самозванца, и мы об этом не узнали. И это был не просто самозванец, Элидат, а марионетка метаморфов! А Король Снов был и вовсе метаморфом! Узурпированы были две из четырех ветвей власти, сам Замок был полон метаморфов…

— И каждый был раскрыт и уничтожен, Диввис. И законный владелец храбро отвоевал трон.

— Да. Именно так. Но, думаете, метаморфы смиренно вернулись в свои джунгли? Нет, говорю вам, они прямо в эту минуту замышляют погубить Маджипур и забрать себе все, что останется! Мы знаем об этом со времен возвращения Валентина, но что он сам по этому поводу предпринял? Что он сделал, а Элидат? Распахнул перед ними дружеские объятия. Пообещал исправить прошлые ошибки и залечить старые раны. Да, а они

тем временем строят нам козни!

— Я побегу без вас, — сказал Элидат, — оставайтесь здесь, садитесь за стол короналя, подписывайте все эти горы документов. Ведь этого вы хотите, не так ли, Диввис? Сесть за этот стол?

Он гневно повернулся и вышел из кабинета.

— Подождите, — сказал Диввис, — мы идем.

Он бегом догнал Элидата, зашел сбоку и поймал его за локоть. Тихим голосом, так не похожим на его обычную манеру насмешливо растягивать слова, он произнес:

— Я говорил лишь о том, что Валентину следует занять должность понтифика — не о наследовании. Неужели вы считаете, что я буду соперничать с вами из-за короны?

— Я не претендую на корону, — сказал Элидат.

— Никто не претендует, — ответил Диввис, — но даже ребенку ясно, что вы — наиболее вероятный наследник, Элидат!

— Оставьте его в покое, — сказал Миригант, — мы все-таки собрались на пробежку.

— Верно. Давайте уже, побежим, и хватит этих разговоров, — сказал Диввис.

— Слава Божеству, — пробормотал Элидат.

Он пошел вниз по истертым за тысячелетия до блеска широким каменным ступеням, и, миновав

стражу, вышел на площадь Вильдивара, вымощенную розовыми гранитными плитами, что соединяла внутренний Замок, основную рабочую резиденцию короналя, с лабиринтом прочих зданий, что громоздились вокруг на вершине Горы. Голову будто сдавливал раскаленный стальной обруч — сперва подписывать дурацкие бесконечные бумаги, потом выслушивать граничащие с изменой речи Диввиса…

И при этом он знал, что Диввис прав. Так не могло больше продолжаться. Когда нужно предпринимать масштабные решительные действия, понтифик и корональ должны совещаться между собой и совместно оценивать все риски. Но понтифика в мире фактически не было. Валентин пытался действовать в одиночку и потерпел неудачу. Даже величайшие из короналей: Конфалюм, Престимион, Деккерет не пытались править Маджипуром в одиночку. И ведь задачи, которые они решали, не шли в сравнение с тем, с чем столкнулся Валентин. Кто бы мог подумать во времена Конфалюма, что тихие покорные метаморфы когда-нибудь восстанут, чтобы вернуть себе весь мир? И что прямо сейчас где-то в тайных местах вовсю идет подготовка к войне? Элидат не сможет забыть последние часы войны за воз-

вращение престола, когда он с боем прорывался в подземелья, где стояли машины, управляющие погодой на Замковой горе, и чтобы спасти машины, он убивал стражей, одетых в униформу гвардии короналя, и они в момент смерти изменялись, их лица становились лицами метаморфов — безносыми, косыми, со ртами-щелями. С тех пор минуло восемь лет, и Валентин все еще надеялся окружить этот злокозненный народ любовью и найти достойный и мирный путь, чтобы унять их ярость. Но вот уже восемь лет, как в этом направлении ничего не достигнуто, и кто знает, какую новую диверсию осуществляют сейчас метаморфы?

Элидат глубоко вдохнул и припустил вперед большими скачками, сразу же оставив Мириганта с Диввисом далеко позади.

— Эй! — позвал Диввис. — И это, по-вашему, бег трусцой?

Он не обратил внимания. Душевную боль можно было прогнать только болью физической, и он бежал изо всех сил, загоняя себя до предела возможностей. Вперед, вперед, вперед, мимо ажурной, с пятью шпилями, башни лорда Ариока, мимо капеллы лорда Кинникена, мимо подворья понтифика. Вниз по Гуаделумову каскаду, вокруг

приземистого черного здания сокровищницы лорда Пранкипина, вверх по Девяноста девяти ступеням, сердце начинает колотиться… В сторону вестибюля Двора Пинитора — вперед, вперед, он ходил по этим улицам каждый день уже тридцать лет, с тех пор как ребенком переехал сюда из Морвола у подножия горы, чтобы выучиться искусству управления государством. Сколько раз они бегали здесь с Валентином, или со Стазилейном, или с Тунигорном — они были близки как братья, четверо мальчишек, носящихся по всему замку лорда Малибора — так он назывался в те дни, и как же им было тогда здорово жить! Они думали, что короналем, как всем известно, станет лорд Вориакс, а они будут при нем советниками, а потом безвременно погиб лорд Малибор, а за ним, чуть позже, и лорд Вориакс, корона перешла к Валентину, и жизнь их четверки коренным образом изменилась.

И что дальше? Диввис говорит, что Валентину пора переехать в Лабиринт. Да. Да. Он, пожалуй, еще молод для этого титула, но ведь не велика радость взойти на трон, впав в старческое слабоумие, как Тиверас. Старый властитель заслужил упокоения в могиле, а Валентин должен отправиться в Лабиринт, и звездная корона перейдет…

Ко мне? К лорду Элидату? И замок будет называться замком лорда Элидата?

Эта мысль удивила, восхитила, но более всего — испугала его: за последние шесть месяцев он увидел, что это такое — быть короналем.

— Элидат! Вы погубите себя! Вы несетесь как сумасшедший! — Голос Мириганта слышался откуда-то издалека снизу, как будто его принесло ветром из другого города. Элидат был уже почти на вершине Девяноста девяти ступеней. Сердце в груди стучало, взор туманился, но он заставил себя подняться на самый верх, вбежать в узкий вестибюль, отделанный темно-зеленым — цвета короналя — камнем, и дальше — к административным зданиям Двора Пинитора. Ничего не видя, он завернул за угол, почувствовал сокрушительный удар, услышал чей-то сдавленный возглас, и упал, растянувшись, тяжело дыша и почти не в силах пошевелиться.

Затем он сел, открыл глаза и увидел худощавого молодого человека со смуглой кожей и темными волосами, собранными в сложную новомодную прическу. Юноша поднялся на трясущихся ногах и подошел к нему.

— Сэр? Сэр, вы в порядке?

— Я врезался в вас, да? Надо было… смотреть…

куда бегу…

— Я вас заметил, но не успел увернуться, вы бежали так быстро… и вот… Позвольте, я помогу вам…

— Со мной все хорошо, юноша. Только… отдышусь…

Отвергнув предложенную помощь, он поднялся, отряхнул камзол, заметил, что на колене у него огромная дыра, через которую видно кровоточащую ссадину, и расправил плащ. Сердце все еще гулко стучало, и он чувствовал себя посмешищем. Вверх по ступеням поднимались Диввис и Миригант. Элидат повернулся к молодому человеку и начал уже рассыпаться в извинениях, но что-то в лице юноши остановило его.

— Что-то не так? — спросил Элидат.

— Вы случайно не Элидат Морвольский, сэр?

— Да, это я.

— Я так и подумал, когда разглядел вас поближе. — Парень рассмеялся. — Что ж, тогда вы — тот, кого я ищу! Мне сказали, что вас можно найти во Дворе Пинитора. У меня для вас сообщение.

Миригант и Диввис уже вошли в вестибюль. Они встали рядом с Элидатом, и, глядя на них, он понял, что сам являет столь же пугающее зрелище — красный, потный, очумелый от бешеного

бега. Он попытался все объяснить, и указал на молодого человека:

— Я так спешил, что сбил с ног гонца с сообщением для меня. От кого оно, юноша?

— От лорда Валентина, сэр.

Элидат уставился на него:

— Что за шутки? Корональ вместе с великим паломничеством сейчас где-то к западу от Лабиринта.

— Да, он где-то там. Я был вместе с ним в Лабиринте и, когда он отослал меня на Гору, то первым делом велел разыскать вас и сказать…

— Сказать что?

Парень тревожно взглянул на Диввиса и Миригантa:

— Я думаю, что это сообщение лично вам, лорд.

— Это — лорды Миригант и Диввис, кровные родственники короналя. Вы можете говорить в их присутствии.

— Хорошо, сэр. Лорд Валентин велел мне передать Элидату Морвольскому… Ах да, должен представиться, я Хиссун, сын Эльсиномы… Передать Элидату Морвольскому, что он изменил свой план и посетит с великой процессией Зимроэль, а также навестит свою мать, Владычицу Острова

Сновидений, перед возвращением, и таким образом вам нужно будет исполнять обязанности регента все время его отсутствия. По его прикидкам, это займет…

— Божество, смилуйся, — хрипло прошептал Элидат.

— …год или даже полтора года сверх запланированного времени, — закончил Хиссун.

Глава 11

Вторым признаком беды, который заметил Этован Элакка, стали опадающие листья с нийковых деревьев, и это было на пятый день после пурпурного дождя.

Сам по себе пурпурный дождь не мог считаться первым признаком беды. На восточных склонах ущелья Дюлорн он был самым обычным явлением: там на поверхность выходят пласты скуввы — мягкого песка, имеющего бледную красновато-голубую окраску. В определенные периоды ветер с севера, который прозвали Чесалом, вздымает этот песок высоко в воздух, где он висит по нескольку дней целыми облаками и придает дождю чудесный лавандовый оттенок. Поместье Этована Элакки располагалось в тысяче миль к западу от тех мест, на другой стороне Разлома, неподалеку от Фалкинкипа, и несущий песок ветер никогда не задувал так сильно на запад. Но ветру, как знал Этован Элакка, свойственно менять направления, и, быть может, Чесало в этом году решил посетить другую сторону Разлома. В любом случае из-за пурпурного дождя не стоило беспокоиться, он всего-то оставлял

повсюду красивый песчаный налет, который смывал первый же обыкновенный дождь. Нет, первым признаком беды был вовсе не пурпурный дождь, а то, что в саду Этована Элакки погибли чувствильники, и случилось это за два-три дня до пурпурного дождя.

Событие извечно непонятное, но вполне обычное. Чувствильникам, для того чтобы завянуть, не требуется особых внешних причин. Эти небольшие растения с золотыми листьями и невзрачными зелеными цветочками, растущие в лесах к западу от Мазадона, улавливают эмоции. Если в пределах досягаемости их рецепторов кто-нибудь злобно закричит, или подерутся лесные звери, или даже, как утверждали многие, если мимо пройдет человек, замысливший серьезное злодеяние, этого будет достаточно, чтобы листочки растений сложились, как ладони в молитве, и почернели. Этован Элакка часто думал о том, что с точки зрения биологии в этом нет никакой пользы, однако имелась тайна, которую, несомненно, можно раскрыть при детальном исследовании, и он собирался рано или поздно взяться за такое исследование. Ну а пока же он просто выращивал чувствильники у себя в саду, потому что любил веселые золотистые отблески их листьев.

В поместье Этована Элакки царили порядок и гармония, и никогда за все время, что он выращивал чувствильники, они у него не гибли, это был первый раз. И причина была совершенно непонятна. Кто мог произнести недобрые слова у границ его сада? А если растения вывел из равновесия злобный зверь, то как и откуда он попал сюда, в провинцию, где есть лишь мирный домашний скот?

Этован Элакка превыше всего ценил гармонию. Этот землевладелец и фермер, шестидесяти лет от роду, высокий, стройный, седой, имел сугубо аристократическое происхождение. Его отец был третьим сыном герцога Массиссы и двое его братьев последовательно занимали пост мэра Фалкинкипа, но его самого никогда не интересовала управленческая карьера, и, вступив в права наследования, он купил большой, роскошный участок земли в безмятежной зеленой холмистой местности на западном склоне Дюлорнского разлома и там воссоздал Маджипур в миниатюре — во всей красоте, спокойствии и гармонии, присущих миру.

Он выращивал обычные для района культуры: нийк, глейн, хингаморты, стаджу. Основной упор делал на стаджу, потому что спрос на вкусный,

питательный хлеб из клубней стажди никогда не падал, и фермеры Разлома едва справлялись с обеспечением потребностей почти трехсот миллионов жителей Дюлорна, Фалкинкипа и Пидруида и многих миллионов обитателей более мелких окрестных городов. Чуть выше по склону располагались плантации глейна — ряд за рядом густых куполообразных десятифутовых кустов, между их узких серебристых листьев свисали крупные грозди небольших, но вкусных голубых плодов. Стаджу и глейн издавна сажали рядом — корни кустов глейна насыщали почву азотом, затем дожди смывали ее вниз по склону, удобряя таким образом стаджу.

За рядами глейна находилась роща хингаморт-ов, где из земли, словно пальцы, торчали сочные желтые грибовидные отростки, наполненные сахарным соком — они улавливали солнечный свет и снабжали энергией сами растения, что находились глубоко под землей. А вдоль границы владений Этована Элакки росли его знаменитые нийковые деревья, высаженные, как принято, группами по пять, образуя причудливые геометрические узоры. Он любил гулять между деревьев и ласково гладить их тонкие — не толще мужской руки — гладкие как шелк черные стволы. Дерево

нийк жило только десять лет, в первые три года оно с невероятной скоростью росло, достигая сорокафутовой высоты, на четвертый год впервые распускались великолепные чашеобразные цветки, золотые, с кроваво-красной серединой, и с этого момента дерево в изобилии приносило плоды — белые полупрозрачные полумесяцы с резким запахом. Затем так же внезапно дерево умирало и за считаные часы превращалось в сухую палку, которую мог легко сломать даже ребенок. Плоды нийка в сыром виде ядовиты, но без них не обойтись при приготовлении столь любимых в гэйрогской кухне острых, грубых рагу и каш. Нийк по-настоящему хорошо рос только в Разломе, спрос на него не падал, и Этован Элакка прочно занимал место на рынке.

Земледелие давало Этовану Элакке ощущение полезности, но не удовлетворяло в полной мере его любовь к красоте. Поэтому он устроил частный ботанический сад и собрал там прекрасные и удивительные растения со всех концов света, какие только могли прижиться в теплом влажном климате Разлома.

Там были алабандины с Зимроэля и с Алханроэля, и естественные разновидности, и гибриды. Были танигалы и твейлы и дерево «Ночная краса-

вица» из метаморфских лесов, на котором лишь в полночь на зимнедень появляются цветы во всем их ошеломляющем великолепии. Росли там пиннины и андродрагмы, пузырчатые деревья и резиновый мох, халатинги, выращенные из черенков, привезенных с самой Замковой горы, а также караманги, муорны, сихорнская лоза, сефитонгалы, эльдироны. Он экспериментировал даже с такими капризными растениями как огненные пальмы из Пидруида — они жили у него иногда шесть-семь сезонов, но на таком отдалении от моря никогда не зацветали, и с игольными деревьями с высоких гор, которые быстро засыхали без привычного им холода. Или странный, похожий на призрак, лунный кактус из Велализирской пустыни, который он тщетно пытался оградить от слишком частых дождей. Не обходил вниманием Этован Элакка и местные растения: он выращивал пузырчатку — странные раздутые деревья, что качались, как воздушные шарики, на толстых стеблях, и злобные древопасти из мазадонских лесов, поющие папоротники, капустные деревья; была у него и пара огромных двикк и полдюжины папоротниковых деревьев доисторического вида. А чтобы заполнить место, он небольшими клумбами высаживал

чувствильники, чей скромный и нежный вид являл собой контраст с яркими и крепкими растениями, составлявшими основу его коллекции.

День, когда погибли чувствильники, начался вполне обычно. Утром Этован Элакка вышел, как всегда, на прогулку в сад. Ночью прошел небольшой дождь, но настоящие ливни обошли сад стороной, и в небе не было ни облачка. Зеленый свет восходящего солнца отражался от гранитных скал на западе. Блестели цветы на алабандинах, голодные с утра древопасти без устали клацали зубами и жерновами, торчащими наполовину из глубоких выемок в середине их огромных розеток. В ветвях андродрагм, трепеща малиновыми крыльями, порхали, словно яркие искорки, крошечные долгоклювы. Но, несмотря на все это, у него были дурные предчувствия: накануне ему приснился кошмар, в котором скорпионы, дхиимы и другие вредители разоряли его поля. Поэтому он почти не удивился, когда обнаружил бедные чувствильники почерневшими и смятыми после какой-то ночной напасти.

Следующий час до завтрака Этован Элакка проработал в одиночку, угрюмо выдергивая поврежденные растения. Стебли были еще живы, но чувствильники было не спасти — на месте

увядших листьев никогда не вырастут новые, а если их срезать, то остальное растение погибнет от болевого шока. И поэтому он выдергивал их дюжину за дюжиной, с содроганием ощущая, как они корчатся от его прикосновений, а потом сложил из погибших чувствильников костер. После этого он собрал возле бывших клумб главного садовника и всех работников и спросил, знает ли кто-нибудь, что так обеспокоило растения. Однако никто не имел и представления.

Все утро он переживал гибель растений, но не такой Этован Элакка был человек, чтобы долго пребывать в унынии, и ближе к вечеру он успел купить в местном питомнике сто пакетов с семенами чувствильников: они продавались только семенами, потому что гибли при пересадке. На следующий день он лично высадил семена, и через шесть-восемь недель не останется даже следов от этого печального события. Тайна гибели растений так и осталась второстепенной загадкой, которая, может, когда-нибудь и разрешится, но, скорее всего, нет, и он выбросил ее из головы.

Через день или два произошло еще одно событие — пурпурный дождь. Явление редкое, но безвредное. Все единодушно решили, что так далеко на запад скувву занес переменившийся

не в свой сезон ветер. Почти целый день все было в лавандовых тонах, потом песок смыло дождем — обыкновенным. Пурпурный дождь Этован Элакка тоже выбросил из головы.

Однако же нийковые деревья…

Он наблюдал за сбором плодов глейна — после пурпурного дождя прошло уже несколько дней, — когда к нему подбежал старший садовник, невозмутимый морщинистый гэйрог по имени Симуст. Он был, против обыкновения, очень сильно взволнован: змееподобные волосы спутаны, раздвоенный язык так и мелькал, будто вот-вот вылетит изо рта.

— Нийк! — кричал он. — Нийк!

У нийков серовато-белые листья, узкие, словно карандаши, они торчат вертикально, как ударенные током, небольшими пучками на кончиках черных двухдюймовых ветвей. Ствол прямой и тонкий, веток мало, и они будто изломаны. Топорщащиеся вверх листья завершают картину и придают нийку такой угловато-колючий вид, что его ни с чем не спутаешь даже издалека. И издалека, когда они с Симустом еще бежали к роще, Этован Элакка разглядел нечто до невозможности странное — на каждом дереве все листья смотрели вниз, будто это были не нийки,

а какие-нибудь плакучие танигалы, или вовсе халатинги!

— Вчера с ними все было хорошо, — рассказывал Симуст. — Сегодня утром с ними все было хорошо! А теперь… теперь…

Этован Элакка добежал до первой группы высаженных пятерками деревьев и потрогал ближайший ствол. Он показался странно легким. Этован Элакка толкнул, и дерево упало, сухие корни легко вывернулись из земли. Он толкнул второе дерево, третье…

— Погибли, — сказал он.

— Листья… — заметил Симуст. — Даже на мертвых нийках всегда торчат вверх. А как сейчас — я никогда не встречал ничего подобного.

— Неестественная смерть, — пробурчал себе под нос Этован Элакка, — это что-то новенькое, Симуст.

Он бегал от посадки к посадке, пиная деревья наземь, после третьей группы нийков он перешел на шаг, а после пятой медленно побрел, опустив голову.

— Погибли! Все погибли! Мои прекрасные нийки…

Да, засохла вся роща. Нийки умирают быстро, вся влага уходит из их губчатых ветвей, но роща,

засаженная поэтапно в течение десяти лет, не могла полностью погибнуть в одночасье, да и странное поведение листьев было необъяснимо.

— Мы должны сообщить сельскохозяйственному агенту, — сказал Этован Элакка, — а еще, Симуст, отправь гонцов на ферму Хагидона, и к Нисмэйну, и к этому, как его, который возле озера. Пусть спросят, не случилось ли у них чего с нийками. Уж не болезнь ли, а? Но ведь нийки ничем не болеют… Значит, какая-то новая болезнь, верно, Симуст? Свалилась на нас, как послание от Короля Снов.

— Пурпурный дождь, сэр.

— Цветной песок? Разве он может чему-то навредить? На той стороне Разлома он выпадает часто, но у них все в порядке. Ох, Симуст, нийки, мои нийки!

— Это все пурпурный дождь, — твердо произнес Симуст. — Он совсем не такой, как в восточных землях. Это был ядовитый дождь, и он убил все нийки!

— И чувствильники тоже? За три дня перед тем, как начался?

— Они очень нежные сэр. Может, они почувствовали яд в воздухе, когда дождь приближался.

Этован Элакка пожал плечами. Может быть… Может быть… А может быть, ночью из джунглей прилетали меняющие облик — на волшебных летающих машинах или на метлах — и рассыпали над землей какую-то колдовскую погибель. И такое может быть. В мире, состоящем из «может быть», возможно все.

— Что толку гадать? — с горечью сказал он. — Мы не знаем ничего. Только то, что погибли чувствильники и нийки. А что будет дальше, а, Симуст? *Что дальше*?

Глава 12

— Валентин, смотри! — вдруг с неожиданной радостью воскликнула Карабелла, весь день смотревшая в окно летающей лодки, как будто надеялась силой взгляда ускорить движение по унылым пустошам. — Кажется, мы наконец-то выбираемся из пустыни!

— Быть того не может, — ответил он. — Нам ехать по ней еще три или четыре дня. А может быть, пять, или шесть, или семь…

— Нет, ты *посмотри*!

Валентин опустил пачку бумаг, которые непрерывно листал всю поездку, сел прямо и тоже посмотрел в окно. Да! Божество свидетель, местность сделалась зеленой! И не того тусклого серо-зеленого цвета, что присущ скудной, корявой, жесткой и упрямой пустынной траве, а яркой сочной зелени настоящей маджипурской растительности, насыщенной энергией роста и плодородия. Итак, наконец-то он вырвался из поля злых чар Лабиринта, и караван короналя покидал выжженное плоскогорье, под которым находилась подземная столица. Значит, он приближается к владениям герцога Насимонт-

ского — Костяному озеру, горе Эберсинул, полям туйолы и милаиле, большой усадьбе, о которой Валентин был весьма наслышан…

Он легко положил руку на хрупкое с виду плечо Карабеллы и провел по спине, осторожно нажимая пальцами на упругие полоски мышц, лаская ее под видом массажа. Как же хорошо снова быть рядом с нею! Она присоединилась к нему в паломничестве неделю назад, в руинах Велализира, где они вместе знакомились с ходом археологических раскопок громадного каменного города метаморфов, который хозяева забросили пятнадцать, а то и двадцать тысяч лет тому назад. Ее прибытие помогло ему выбраться из мрачного и подавленного настроения.

— Ах, моя госпожа, до чего же одиноко мне было в Лабиринте без тебя, — негромко сказал он.

— И мне очень жаль, что меня там не было. Я ведь знаю, что ты терпеть не можешь это место. А уж когда мне сообщили, что ты заболел, о, меня просто совесть заела — как же так, находиться вдали от тебя, когда ты… — Карабелла тряхнула головой. — Ты и сам знаешь, что я поехала бы с тобой, будь для этого хоть малейшая возможность. Но я давно пообещала жителям Сти присутствовать на освящении нового музея, и…

— Да, конечно. У супруги короналя много собственных обязанностей.

— И все равно я никак не могу к этому привыкнуть. «Супруга короналя»! Рядовая жонглерка из Тил-омона разъезжает по Замковой горе, произносит речи и освящает музеи…

— Карабелла, столько лет прошло, а ты все еще «рядовая жонглерка из Тил-омона»?

Она пожала плечами и потеребила пальцами тонкие, коротко подстриженные волосы.

— Моя жизнь — это всего лишь цепь странных случайностей, и могу ли я об этом забыть? Если бы в то время, когда ты скитался, я не состояла в труппе Залзана Кавола, если бы мы не остановились в той гостинице… и если бы тебя не лишили памяти и не выбросили, с мозгами не лучше, чем у черноносого блава, посреди Пидруида…

— Или если бы ты родилась не сейчас, а в эпоху лорда Хавилбова, или в каком-нибудь другом мире…

— Не смейся, Валентин.

— Прости, милая. — Он зажал ее маленькую озябшую руку между ладонями. — Но сколько можно оглядываться на то, кем ты когда-то была? Когда ты позволишь себе по-настоящему принять свое нынешнее бытие?

— Пожалуй, что никогда, — задумчиво произнесла она.

— Владычица жизни моей, как ты…

— Валентин, ты же все это знаешь.

Он на несколько секунд прикрыл глаза.

— Карабелла, еще раз говорю: тебя обожает вся Гора, каждый рыцарь, каждый принц, каждый лорд. Тебя любят, уважают, даже преклоняются…

— Да, Элидат. И Тунигорн, и Стазилейн, и многие другие. Те, кто действительно любит тебя, любят и меня. Но для многих других я остаюсь невесть кем, выскочкой, простолюдинкой, досадным недоразумением… наложницей…

— И кто же эти другие?

— Ты всех их знаешь.

— И все-таки кто?

Она ответила не сразу.

— Диввис. И лордики и рыцари из его окружения. И… и другие. Герцог Халанкский язвительно говорил обо мне с одной из моих фрейлин, а ведь Халанкс — твой родной город, Валентин! Принц Манганот Банглекодский. И еще, и еще… — Она повернулась к мужу, и он увидел страдание в ее темных глазах. — Или я все это вообразила себе? Или то, что я слышу как шепот за спиной, всего лишь шорох листьев? О, Валентин, порой я ду-

маю, что они правы, что кораль не имеет права жениться на простолюдинке. Я не из их круга. И никогда в него не попаду. Мой повелитель, я причиняю тебе столько огорчений…

— Ты — моя радость, и ничего, кроме радости. Спроси Слита, каким было мое настроение в ту неделю, которую я провел в Лабиринте, и как оно изменилось после того, как ты присоединилась ко мне. Спроси Шанамира, Тунигорна… кого угодно, любого…

— Я знаю, дорогой мой. Когда я приехала, ты был невероятно мрачным и угрюмым, с неприязненным взглядом. Я с трудом узнала тебя.

— Несколько дней в твоем обществе полностью исцелили меня.

— И все же я думаю, что ты не совсем еще пришел в себя. Наверное, ты успел вобрать в себя слишком много Лабиринта и никак не можешь от него избавиться, да? А может быть, тебя тяготит пребывание в пустыне. Или в руинах.

— Нет, вряд ли.

— Что же, в таком случае?

Валентин снова всмотрелся в пейзаж, разворачивавшийся за окном летающей лодки, где становилось все зеленее, все чаще попадались купы деревьев, плоская равнина понемногу

сменялась холмами. Все это должно было уже привести его в безоблачное настроение — но пока не могло. На душе у него лежало тяжкое бремя, которое он никак не мог сбросить.

— Сон, Карабелла, — сказал он, немного помолчав. — Видение, знамение, называй как хочешь, но оно не выходит у меня из головы. И кем, скажи на милость, я останусь в истории?! Короналем, который утратил свой трон и сделался жонглером, но все же вернул власть и так плохо управлял, что мир погряз в хаосе и безумии… ах, Карабелла, Карабелла, неужели так оно и есть? Неужели я стану последним из короналей, сменявших друг друга на протяжении четырнадцати тысяч лет? И вообще, останется ли хоть кто-нибудь, чтобы *описать* мою историю, а?

— Валентин, ты никогда не управлял плохо.

— Скажи еще, что я не чрезмерно мягок, не излишне сдержан, не слишком стараюсь рассматривать все стороны проблем…

— Это вовсе не недостатки.

— А вот Слит считает — недостатки. Слит считает, что моя боязнь войны и вообще насилия любого рода толкают меня на неверный путь. Он говорил это совершенно недвусмысленно.

— Но, мой повелитель, ведь никакой войны

нет.

— Этот сон…

— Я думаю, что ты воспринял этот сон слишком буквально.

— Нет, — возразил он, — рассуждать так, все равно что закрывать глаза: Тизана и Делиамбер согласны со мною, что мы стоим на пороге великих потрясений, возможно, войны. А Слит совершенно уверен в этом. Он вбил себе в голову, что метаморфы готовы восстать против нас, что они уже семь тысяч лет готовят священную войну.

— Слит чересчур кровожаден. К тому же он с юности испытывает необъяснимый страх перед меняющими облик. Ты и сам это знаешь.

— Когда мы восемь лет назад отвоевывали Замок, там было множество метаморфов, прикидывавшихся представителями самых разных рас. Они ведь нам не померещились, верно?

— Но ведь их попытка переворота полностью провалилась.

— И что же мешает им попытаться снова?

— Валентин, но ведь если твоя политика…

— Моя политика? Какая политика? Я протягиваю руку метаморфам, а они уворачиваются! Знаешь, как я рассчитывал, что во время нашей

поездки в Велализир на минувшей неделе ко мне присоединятся с полдюжины их вождей! Хотел, чтобы они увидели, как мы восстанавливали их священный город, увидели сокровища, которые мы нашли, и, может быть, взяли бы что-нибудь из святынь к себе в Пьюрифайн. Но, Карабелла, я не получил от них никакого ответа, даже отказа.

— Ты заранее знал, что раскопки Велализира могут стать причиной осложнений. Не исключено, что их возмутило наше вторжение туда, и тем более намерение реставрировать город. Ведь существует легенда, что они когда-нибудь сами восстановят его.

— Да, — мрачно кивнул Валентин. — После того, как вернут себе власть над Маджипуром и изгонят всех нас из своего мира. Эрманар рассказал однажды. Пожалуй, так оно и есть — приглашение их в Велализир могло быть ошибкой. Но и все мои предыдущие инициативы они тоже игнорировали. Я писал их королеве, Данипьюр, в Илиривойн, а она если и отвечала, то не более трех формальных, холодных, пустых фраз… — Он тяжело вздохнул. — Впрочем, Карабелла, хватит о грустном! Никакой войны не будет. Я, так или иначе, сумею переломить ненависть, которую испытывают к нам меняющие облик, и привлечь

их на свою сторону. А что касается лордов Горы, которые язвят в твой адрес, если, конечно, они делают это намеренно… умоляю тебя, не обращай на них внимания. Или кусни в ответ! Кто такие для тебя Диввис или герцог Халанкский? Дураки они, только и всего. — Валентин улыбнулся. — Скоро я предоставлю им более интересные причины для беспокойства, нежели родословная моей супруги!

— Ты о чем?

— Если их так раздражает простолюдинка в роли консорта короналя, что они скажут о коронале из простонародья?

Карабелла растерянно уставилась на него.

— Валентин, я тебя совсем не понимаю.

— Поймешь. Придет время, и ты все поймешь. Я намерен произвести в этом мире некоторые серьезные изменения… о, милая, когда будут писать историю моего правления, если, конечно, Маджипур доживет до тех пор, то, ручаюсь, одним томом не обойдутся! Я такого натворю… сногсшибательного!.. — Он рассмеялся. — Ну, Карабелла, как тебе мое хвастовство? Нравится? Прекраснодушный лорд Валентин вознамерился поставить мир с ног на голову! Как, по-твоему, у него получится? Справится?

— Мой повелитель, ты смеешься надо мною! Чем дальше, тем непонятнее.

— В общем-то, да.

— Ты даже намека на отгадку не даешь.

Валентин немного помолчал.

— Карабелла, ответ — одно короткое слово. Хиссун.

— Хиссун? Тот маленький шпаненок из Лабиринта?

— Уже не шпаненок. Оружие, которое я обратил против Замка.

Карабелла тяжело вздохнула.

— Загадки, загадки, загадки!..

— Говорить непонятно — привилегия правителя. — Валентин подмигнул, притянул Карабеллу к себе и легонько коснулся губами ее губ. — Прости уж мне эту маленькую прихоть. И…

Машина вдруг остановилась.

— Эй, смотри! Мы уже на месте! — воскликнул Валентин. — Это Насимонт! И, клянусь Владычицей, похоже, что он собрал встречать нас добрую половину всей провинции!

Караван въехал на просторный луг, поросший короткой упругой травой, до того зеленой, что цвет воспринимался каким-то другим, небывалым, откуда-то с дальнего конца спектра. Под

идеально прозрачным солнечным полуденным небом уже шло огромное празднество, растянувшееся, вероятно, на несколько миль — в поле зрения находились десятки тысяч веселящихся людей. Под грохот пушек и пронзительные звенящие мелодии систиронов и двухгрифовых галистанов к небосводу то и дело вздымались залпы специальных, дневных фейерверков, вычерчивавших над головами четкие черные и фиолетовые узоры. Над толпой возвышались на двадцатифутовых ходулях клоуны в огромных масках с выпуклыми красными лбами и гигантскими носами. Ветерок развевал на огромных столбах знамена с пылающими звездами. На полудюжине сцен сразу полдюжины оркестров одновременно сотрясали воздух гимнами, маршами и хоралами, а средоточием всего карнавала являлась, по-видимому, целая армия жонглеров; вероятно, сюда явились все, жившие в радиусе шестисот лиг, умевшие худо-бедно подбрасывать в воздух несколько вещей, так что вокруг мелькали дубинки, ножи, топорики, пылающие факелы, ярко раскрашенные шары и сотни других предметов, что, несомненно, являлось данью уважения любимому развлечению лорда Валентина. После мрачной, давящей атмосферы Лабиринта это

было самым великолепным, какое только можно представить, возобновлением великого паломничества — неистовое, захватывающее, немного смешное, совершенно восхитительное событие.

Посреди всего этого столпотворения, на краю площадки, явно предназначенной для остановки каравана летающих лодок, спокойно стоял рослый, худощавый немолодой мужчина с приветливой улыбкой, не очень-то сочетавшейся с суровым обветренным лицом с резкими чертами и пронзительным взглядом. Это и был Насимонт, землевладелец, превратившийся в бандита, а затем вновь ставший землевладельцем, некогда — самозваный герцог Ворнекского утеса и властитель Западных пределов, теперь же возведенный декретом лорда Валентина в титул герцога Эберсинульского.

— Ой, смотри! — воскликнула Карабелла и закатилась хохотом. — Он ради нас обрядился в свой разбойничий костюм!

Валентин кивнул, расплывшись в улыбке.

При первом их знакомстве с Насимонтом, состоявшемся в заброшенных безымянных руинах какого-то города метаморфов в пустыне юго-западнее Лабиринта, герцог-разбойник был одет в несуразные куртку и легинсы, сделанные из

густого красного меха пустынных зверьков вроде крупных крыс и нелепую желтую меховую шапку. Произошло это как раз в то время, когда отчаявшийся Насимонт, разорившийся и изгнанный из своих владений из-за бессердечных и разрушительных действий последователей ложного лорда Валентина, проходивших через этот регион во время великого паломничества узурпатора, принялся грабить попадавшихся в пустыне проезжих. Теперь он снова полноправно владел своими землями и мог одеваться при желании в шелка и бархат, обвешиваться амулетами, укрывать лицо масками из перьев и драгоценными лорнетами, но предпочел облачиться в ту самую неряшливую, смешную одежду, которую носил во время изгнания. Насимонт всегда отличался первоклассным вкусом, подумал Валентин, и ностальгический выбор одежды в такой день, как этот, был не чем иным, как демонстрацией этого вкуса.

Валентин уже несколько лет не видел Насимонта. В отличие от большинства тех, кто был рядом с Валентином в последние дни войны за возвращение престола, Насимонт не прельстился местом в совете короналя на Замковой горе, а желал лишь вернуться в свои любимые сельские

места у подножия горы Эберсинул, близ Костяного озера. Это было не так-то просто сделать, поскольку владения, незаконно отторгнутые у Насимонта, успели самым законным образом перейти к другим хозяевам, но правительство лорда Валентина в первые годы после его возвращения к власти уделяло много внимания подобным казусам, и в конце концов Насимонт получил обратно все, что было им утрачено.

Валентину больше всего хотелось выскочить из машины и обнять своего старого сподвижника. Но протокол, безусловно, запрещал подобные поступки — короналю, в отличие от любого горожанина, ни в коем случае нельзя было влиться в эту вольную толпу.

Так что ему пришлось ждать, пока пройдет помпезная церемония расстановки почетного караула: высоченный, массивный косматый скандар Залзан Кавол, возглавлявший его стражу, кричал и вальяжно помахал четырьмя руками, и мужчины и женщины в броских зелено-золотых мундирах выходили из машин и образовывали живую анфиладу, сдерживавшую толпы зевак, королевские музыканты исполняли королевский гимн, и так далее и тому подобное, пока наконец к летающей лодке правителя не подошли Слит

и Тунигорн, которые, как полагалось, распахнули двери машины и позволили короналю и его супруге выйти в золотое тепло дня.

И лишь тогда он получил право пройти под руку с Карабеллой между двумя шеренгами стражи полпути навстречу Насимонту, а затем пришлось остановиться и ждать, покуда герцог пройдет оставшееся расстояние, отдаст подобающий поклон, сделает знак пылающей звезды и еще раз торжественно поклонится Карабелле…

И Валентин, расхохотавшись, зашагал вперед, крепко стиснул в объятиях старого бандита, а потом они вместе пошли через раздававшуюся перед ними толпу к почетной трибуне, возвышавшейся над ликующим народом.

И вот начался грандиозный парад, какие по традиции издавна устраивали по случаю прибытия короналя, и открыли его музыканты, жонглеры, акробаты, прыгуны, клоуны и укротители страшных на вид диких животных, которые на самом деле вовсе не были дикими, а специально выращивались для дрессировки. А после первых групп артистов повалили обычные жители; они маршировали с величайшим старанием, отчего беспорядок и разнобой лишь усиливались, достигая прямо-таки феерического великолепия,

и, проходя мимо трибуны, кричали: «Валентин! Валентин! Лорд Валентин!»

И кораль улыбался, и махал рукой, и аплодировал, и совершал разные другие действия, предписанные кораналю во время паломничества, в частности, излучал радость, оптимизм и ощущение целостности мира. Изображать все это было, как он выяснил к настоящему времени, неожиданно трудным делом, поскольку темная туча, окутавшая его душу в Лабиринте, продолжала угнетать его жизнелюбивую, солнечную по сути своей натуру.

День клонился к вечеру, и праздник понемногу стихал, потому что даже по столь весомой причине, как визит кораля, невозможно без устали веселиться и ликовать целый день. Как только общее возбуждение пошло на спад, началась та часть праздника, которая менее всего нравилась Валентину — когда в глазах окружающих проявилось неудержимое пристрастное любопытство, сразу напомнившее ему, что правитель — это лишь диковина, священное чудовище, непостижимое и даже ужасающее для тех, кто знает его только как носителя титула, обладателя короны, горностаевой мантии и места в истории. Это тоже пришлось терпеть до тех пор, пока наконец ше-

ствие не закончилось и шум веселья не сменился вялым гулом усталой толпы, и бронзовые тени не удлинились, а воздух не наполнился прохладой.

— Не пойти ли теперь в мой дом, ваше величество? — спросил Насимонт.

— Думаю, пора, — ответил Валентин.

Особняк Насимонта, красивое здание эксцентричной архитектуры, расположившееся на обширном выступе розового гранита, походило на какое-то громадное летающее создание без перьев, ненадолго присевшее отдохнуть на скале. На самом деле это был всего лишь шатер — но столь громадного и причудливого шатра Валентин не видел никогда в жизни. Тридцать, если не сорок высоченных шестов поддерживали огромные распростертые крылья из тугой темной ткани, которая то вздымалась крутыми шпилями, то спускалась почти до уровня земли и снова вскидывалась под острыми углами, образуя соседнее помещение. Казалось, что дом можно разобрать за час и перенести на какой-нибудь другой склон холма, и все же в нем парадоксальным образом сочетались воздушная легкость и надежность, создававшие впечатление величественности.

Внутри эти величественность и солидность

создавались множеством знаменитых темно-зеленых с алым милиморнских ковров, заменявших потолки, блестящей металлической оковкой тяжелых опорных шестов и полами из отполированных до блеска плиток из бледно-фиолетового сланца. Обстановка была простой — диваны, длинные массивные столы, несколько старомодных шкафов и сундуков и ничего больше, но все было основательным и тоже казалось, в некотором роде, царственным.

— Этот дом имеет что-то общее с тем, который сожгли люди узурпатора? — спросил Валентин, когда ему вскоре удалось остаться наедине с Насимонтом.

— По конструкции один к одному, мой повелитель. Правда, оригинал спроектировал первый и величайший из Насимонтов шестьсот лет назад. Восстанавливая дом, мы руководствовались старыми чертежами, не отступая от них ни на шаг. Часть мебели я выкупил у кредиторов, а часть изготовили заново — точные копии. И плантации тоже — все воссоздано в том же виде, каким было до того, как они явились и учинили… пьяный дебош, что ли… просто не подберу других слов. Плотину восстановили, поля осушили, плодовые сады вырастили заново. Пять лет непрерывного

труда, и последствия той безумной недели наконец-то ликвидированы. И все это благодаря только вам, мой повелитель. Вы, можно сказать, собрали меня воедино… вы собрали воедино весь мир…

— И молюсь, чтобы он таким и оставался.

— Таким он и останется, мой повелитель.

— Вы так полагаете, Насимонт? Думаете, что неприятности уже кончились?

— Мой повелитель, какие могут быть неприятности? — Насимонт легонько прикоснулся к рукаву короналя и провел его на просторную веранду, откуда открывался великолепный вид чуть ли не на все владения герцога. В закатном сиянии, к которому примешивался мягкий свет летающих осветительных шаров, прикрепленных к деревьям, Валентин увидел просторные луга. За ними разворачивались ухоженные нивы и сады, а еще дальше полумесяц безмятежных вод Костяного озера, в которых можно было угадать отражения множества пиков и утесов горы Эберсинул, господствующей над всей местностью. Издалека доносилась едва уловимая музыка, в мелодию вплеталось звяканье гардоланов, да звучали еще голоса, выводившие завершающие песни продолжительного праздничного дня. Все

это служило воплощением мира и процветания. — Неужели, мой повелитель, глядя на это, можно поверить, что где-то в мире существуют неприятности?

— Понимаю вас, старина. Но ведь с вашей веранды виден отнюдь не весь мир.

— Мой повелитель, в любом случае это самый мирный из миров.

— Таким он оставался много тысяч лет. Но сколько еще продержится этот мир?

Насимонт уставился на Валентина, будто увидел его впервые за весь день.

— Мой повелитель?..

— Что Насимонт, очень мрачно звучит?

— Мой повелитель, я никогда не видел вас в таком унынии. Мне даже приходит на ум, что, может быть, события повторяются и что вместо того короналя, с которым я имею честь быть знакомым, опять подсунули двойника.

Валентин слабо улыбнулся:

— Я самый настоящий Валентин. Но, пожалуй, очень уж сильно уставший.

— Пойдемте, я провожу вас в ваши покои. Когда вы будете готовы, там состоится обед, такой скромненький, только моя семья, да несколько гостей из города, человек двадцать от силы, да

еще тридцать ваших спутников…

— Да, вы правы. После Лабиринта такой обед можно бы назвать интимным.

Он последовал за Насимонтом по полутемному загадочному лабиринту залов и комнат в обособленное крыло, устроенное на самой возвышенной части утеса. Там, за внушительной преградой из стражников-скандаров, которую возглавлял лично Залзан Кавол, находились королевские апартаменты. Поблагодарив хозяина, Валентин вошел в просторную комнату и обнаружил там большую ванну из голубой с золотом ни-мойской керамики, в которой нежилась, вытянувшись во весь рост, Карабелла, тело которой лишь чуть просвечивало сквозь легкую пену, плававшую на поверхности воды.

— Это изумительно, — сообщила она. — Валентин, залезай сюда побыстрее.

— С радостью и удовольствием, моя госпожа!

Он сбросил башмаки, снял камзол, отшвырнул в сторону сорочку, содрал брюки и со вздохом наслаждения опустился в воду рядом с Карабеллой. Вода оказалась газированной и ощущалась чуть ли не как электрический ток. Окунувшись в нее, Валентин увидел чуть заметное свечение над поверхностью. Он опустил голову на гладкий

край ванны, закрыл глаза, вытянулся, поцеловал жену в лоб, обхватив рукой, привлек к себе и, когда Карабелла повернулась, успел поцеловать и мелькнувший над водой сосок маленькой округлой груди.

— Что они насыпали в воду? — осведомился он.

— Она поступает такой из природного источника. Камердинер назвал это радиоактивностью.

— Сомневаюсь, — возразил Валентин. — Радиоактивность это что-то другое, что-то могучее и очень опасное. Вроде бы я встречал упоминания о ней в старинных книгах.

— И что же она такое, если не это?

— Даже и не знаю, что сказать. Чем бы ни было это явление, Божество в своей милости не наделило им Маджипур. А если бы оно тут имелось, вряд ли мы стали бы принимать ванны с этой штукой. Это какая-нибудь целебная минеральная вода.

— Похоже на то, — ответила Карабелла.

Некоторое время они купались молча. Валентин чувствовал, как его душа вновь наполнялась бодростью. Шипучая вода? Успокоительное присутствие Карабеллы и возможность наконец-то ускользнуть из-под постоянного пресса придворных, спутников, почитателей, просителей

и восторженных горожан? Да, да, все это вполне могло помочь ему отвлечься от мрачных размышлений, ну и, конечно, его врожденная стойкость должна была рано или поздно проявить себя и выволочь его из странной, столь не присущей Валентину подавленности, которая владела им с тех самых пор, как он въехал в Лабиринт. Он улыбнулся. Карабелла прикоснулась губами к его губам, а его руки скользнули по ее изящному телу на подтянутый живот и к сильным упругим ягодицам.

— Прямо в ванне? — сонным голосом спросила она.

— Почему бы и нет? Эта вода просто волшебная.

— Да. Да.

Она всплыла и оказалась над ним. Ее ноги обхватили его поясницу, полуприкрытые глаза на мгновение поймали его взгляд и закрылись. Валентин взялся за ее маленькие тугие ягодицы и потянул к себе. Неужели прошло уже десять лет, лениво подумал он, с их первой ночи в Пидруиде, под высокими серо-зелеными кустами на краю залитой лунным светом лужайки, после фестиваля, посвященного другому лорду Валентину? Трудно представить: десять лет. И он все так же

влюблен в нее. Он обхватил ее руками, и они задвигались в ритме, который давно стал для них привычным, но никогда не казался однообразным, и он выкинул из головы любые мысли о том, первом, разе и обо всех разах, случившихся с тех пор, и обо всем на свете, кроме тепла, любви и счастья.

Потом, когда они одевались для интимного обеда на пятьдесят персон, который давал Насимонт, она вдруг сказала:

— Ты всерьез намереваешься сделать Хиссуна короналем?

— Что?

— Я думаю, что ты именно это имел в виду, когда говорил со мною одними загадками, когда мы уже подъезжали сюда. Помнишь?

— Помню.

— Если ты не хочешь это обсуждать…

— Нет, нет. Не вижу причины дальше скрывать это от тебя.

— Так ты серьезно?!

Валентин нахмурился:

— Думаю, он сможет быть короналем. Эта мысль мелькнула у меня, еще когда он был грязным уличным мальчишкой, сшибавшим кроны и роялы в закоулках Лабиринта.

— Но разве может простолюдин стать короналем?

— И ты, Карабелла, в прошлом бродячая жонглерка, а ныне — консорт короналя Маджипура, задаешь такой вопрос?

— Ты влюбился в меня и принял опрометчивое, необычное решение. С которым, как тебе известно, далеко не все согласны.

— Всего лишь кучка заносчивых лордиков! А весь мир приветствует тебя как мою истинную владычицу.

— Возможно. Однако супруга короналя — это не корональ. Простой народ никогда не признает своим верховным правителем кого-то из своей среды. Для него корональ — это нечто величавое, священное, чуть ли не божественное. В прошлой жизни, пребывая в гуще народа, я сама считала именно так.

— Тебя приняли. И его тоже примут.

— И все равно это кажется вызывающим поступком — взять мальчишку, который никто, и звать его никак, и поднять на такую высоту… Почему не Слита? Не Залзана Кавола? Вообще, кого угодно?

— Хиссун годится для этого. Я точно знаю.

— Ну, тут я не берусь судить и хочу сказать, что

мысль о том, что оборванный уличный шалопай будет носить корону, кажется мне очень уж странной, настолько странной, что даже и во сне не может привидеться.

— Неужели корональ обязательно должен происходить из узкой клики с Замковой горы? Так есть так было сотни, если не тысячи лет. Короналя всегда выбирали из одного из великих родов Горы — не могу даже припомнить с ходу, когда в последний раз кандидата искали где-нибудь за ее пределами. Если же он не принадлежал формально к такой семье, все равно обязательно был из аристократов — сыном принца или герцога. Вероятно, так наша система была устроена изначально, иначе откуда взялся непререкаемый запрет на наследование короны? А теперь выявились проблемы столь масштабные, что решить их можно лишь отвернувшись от Горы. Мы там слишком надежно изолированы от мира. Карабелла, я частенько думаю, что мы не имеем никакого понятия о том, что происходит внизу. Миру грозит серьезная опасность, а нам необходимо переродиться, вручить корону истинному представителю широкого населения, не связанному с нашей самодовлеющей аристократией — человеку с иным кругозором, видевшим мир

не сверху, а снизу…

— Но он слишком молод!

— Молодость — это преходящий недостаток, — возразил Валентин. — Многие полагают, что мне давно уже следовало бы стать понтификом, это мне хорошо известно, но я постараюсь как можно дольше обманывать их ожидания. Мальчик должен сначала пройти весь курс обучения. Да и сам я, как ты знаешь, вовсе не горю желанием запереться в Лабиринте.

— Да, — кивнула Карабелла. — Но мы говорим так, будто нынешний понтифик уже умер или вот-вот умрет. Но Тиверас еще жив.

— Так оно и есть, — подтвердил Валентин. — В определенном смысле этого слова. Я лишь молюсь, чтобы так оно и оставалось как можно дольше.

— И когда Хиссун будет готов…

— Я позволю Тиверасу наконец-то упокоиться.

— Валентин, мне очень трудно представить тебя понтификом.

— А мне-то самому как трудно это сделать, милая. Но я приму эту должность, потому что обязан. И прошу лишь об одном — еще, еще немного времени!

Карабелла немного помолчала.

— Если у тебя все это получится, ты потрясешь Гору до основания. Разве не Элидат предполагался в качестве следующего короналя?

— Он очень дорог мне.

— Ты ведь и сам много раз называл его вероятным наследником.

— Было дело, — согласился Валентин. — Но Элидат сильно изменился с тех пор, когда мы с ним вместе готовились к посвящению. Знаешь, любовь моя, тот, кто страстно стремится стать короналем, совершенно непригоден для трона. Но какое-то желание должно присутствовать. У человека должно быть чувство призвания, душевный огонь, что ли. У Элидата, как мне кажется, этот огонь погас.

— Когда мы зарабатывали на жизнь жонглированием и тебе впервые сказали, что у тебя имеется более высокое предназначение, ты считал, что этот огонь выгорел и в тебе.

— Но, Карабелла, он возвращался по мере восстановления моей истинной личности! И сохраняется. Корона порой бывает невыносимо тяжела, но, пожалуй, я никогда не жалел о том, что ношу ее.

— А Элидат пожалеет?

— Подозреваю, что да. Сейчас, в мое отсутствие,

он играет в короналя. И, предполагаю, что ему это не очень нравится. К тому же ему уже за сорок. Корональ должен быть молодым.

— Ну, Валентин, в сорок человек еще молод, — с улыбкой заметила Карабелла.

Он пожал плечами:

— Надеюсь, милая, что так оно и есть. Но хочу напомнить тебе, что если дела пойдут, как я рассчитываю, провозглашать нового короналя придется еще не скоро. Думаю, что к тому времени Хиссун уже будет полностью готов, а Элидат радостно отойдет в сторону.

— Но обрадуются ли этому другие лорды Горы?

— Обрадуются, куда они денутся, — ответил Валентин и предложил жене руку. — Пойдем, Насимонт уже ждет нас.

Глава 13

Поскольку в пятый день пятой недели пятого месяца отмечалась священная память исхода из древней столицы за морем, Фараатаа пришлось выполнить несколько обязательных ритуальных действий. Лишь после этого он смог заняться налаживанием связи со своими агентами во внешних провинциях.

В Пьюрифайне в это время года дожди шли дважды в сутки, один раз за час до рассвета, а второй — на закате. Велализирский ритуал необходимо было провести затемно и без дождя, поэтому Фараатаа наметил себе проснуться ночью во время, именуемое часом шакала, когда солнце все еще находится на востоке, над Алханроэлем.

Не потревожив спящих рядом, он выбрался из хрупкой ивовой лачуги, построенной накануне — Фараатаа и его последователи перемещались почти без остановок, так было безопаснее, — и углубился в лес. Воздух, как всегда, был влажным и густым, но в нем еще вовсе не ощущалось запаха утреннего дождя.

В скупом свете звезд, пробивавшемся между клочьями туч, он различал другие фигуры,

также направлявшиеся в глубь леса. Но он подчеркнуто не замечал никого, а прочие — его. Велализирский поклон выполняется в одиночестве — личный ритуал всеобщей скорби. О нем никогда никто не говорил, его просто выполняли на пятые сутки пятой недели пятого месяца, и когда дети достаточно подрастали, их наставляли в том, как выполнять этот ритуал — всегда со стыдом, всегда с печалью. Таков был Путь.

Он прошел по лесу предписанные триста шагов. Они привели его в рощу стройных высоких гибарунов, но молиться должным образом там оказалось нельзя, поскольку с каждой развилки, из каждой расщелины коры деревьев свисали легкие гроздья светящихся колокольчиков, испускавших резкое оранжевое сияние. Он углядел неподалеку стоявшую немного на отшибе от других деревьев величественную старую двикку, которую несколько веков назад опалила молния, оставив во весь рост дерева глубокий, до сих пор обугленный шрам, облицованный по краям наросшей красной корой. Зарево светящихся колокольчиков не попадало внутрь дупла, и оно как нельзя лучше подходило в качестве храма.

Раздевшись донага под сенью дупла, Фараатаа прежде всего совершил Пять превращений.

Его кости и мышцы безостановочно перетекали, клетки кожи стремительно перерождались, и он сделался Красной женщиной, затем, последовательно, Слепым великаном и Освежеванным мужчиной. Четвертым стал облик Последнего короля, а потом, затаив дыхание и собравшись со всеми силами, он превратился в Грядущего принца. Пятое превращение было для Фараатаа труднейшим испытанием — нужно было перестроить не только внешний вид тела, но и саму душу, вычистить из нее всю ненависть, жажду мести, тягу к разрушению. Грядущий принц выше всего этого. Фараатаа даже не надеялся достичь этого уровня. Он твердо знал, что в его душе нет ничего, кроме ненависти и жажды мести; чтобы стать Грядущим принцем, ему нужно было вычиститься от всего своего содержимого, оставив лишь оболочку, а это было ему не под силу. Однако же он знал способ приблизиться к вожделенному состоянию. Нужно было представить себе время, когда осуществилось все, к чему он стремится: враг уничтожен, утраченные земли возвращены, обряды исполняются, мир возрожден. Он перемещался в ту эпоху и погружался в радость от пребывания в ней. Он исторгал из души все, связанное с разгромом, изгнанием,

потерями. Он видел оживающие скинии мертвых городов. В таком видении месть просто не может существовать. Откуда здесь взяться врагу, которого следует ненавидеть и уничтожать? Его духом овладевал непривычный — восхитительный! — мир. День возрождения настал, в мире воцарился мир, терзавшая его боль утихла навсегда, и он познал покой.

Именно в этот миг он обретал облик Грядущего принца.

Сохраняя себя в этом облике волевым усилием, которое чем дальше, тем легче удавалось поддерживать, он встал на колени и сложил жертвенник из камней и перьев. Для подношения он поймал двух ящериц и ночного бруула. Он прошел через Три воды, слюну, мочу и слезы. Он собрал гальку и выложил из нее подобие стены Велализира. Он произнес Четыре печали и Пять скорбей. Он встал на колени и ел землю. Перед его мысленным взором явилось видение затерянного города: синий каменный вал, обитель царя, Место Неизменности, Скрижали богов, шесть высоких храмов, седьмой, осквернённый, Храм Падения, Дорога исхода. Продолжая с большим усилием сохранять облик Грядущего принца, он рассказывал себе историю о падении Велализира,

переживая эту мрачную трагедию, чувствуя на себе благословение и ауру Принца, благодаря чему мог воспринимать утрату великой столицы не с болью, а с истинной любовью, видя в этом неизбежный и необходимый этап на пути своего народа. Уяснив, что достиг способности принять эту истину, он позволил себе выйти из главного облика и вновь стать Последним королем, Освежеванным мужчиной, Слепым великаном, Красной женщиной и в конце концов Фараатаа из Авендройна.

Обряд был завершен.

Фараатаа вытянулся ничком на мягком мху, покрывавшем землю, и подставил спину начавшемуся утреннему дождю.

Немного полежав так, он поднялся, собрал камни и перья импровизированного алтаря и направился обратно к хижине. Покой, присущий Грядущему принцу, все еще окутывал его душу, но теперь он прилагал уже усилие обратного рода, чтобы стряхнуть с себя это благодушие — пришла пора взяться за дневные труды. Пусть ненависть, разрушение и мстительность чужды духу Грядущего принца, но без них невозможно воплотить в жизнь царство принца.

Он ждал у входа в хижину, и вскоре его спутни-

ки, завершив собственные ритуалы, вернулись, чтобы дать ему возможность вступить в контакт с водяными королями. Один за другим они занимали свои места — Аарисиим положил руку на правое плечо Фараатаа, Бенууиаб на левое, Сиимии прикасался к его лбу, Миисиим — к пояснице, а остальные, взявшись за руки, образовали вокруг этой четверки концентрические круги.

— Пора, — произнес Фараатаа. И их сознания соединились и устремились вовне.

— *Брат в море!*

Усилие было столь мощным, что облик Фараатаа поплыл сам собой, как у ребенка, который только-только учится использовать силу в игре. У него появлялись перья, когти, шесть ужасных клювов, он стремительно становился то билантуном, то сигимойном, то могучим храпящим бидлаком. Сподвижники еще крепче вцепились в него, хотя неимоверная сила испускаемого им сигнала заставляла и их менять облики.

— Брат! Услышь меня! Помоги мне!

И из безбрежных просторов и неизмеримых глубин пришло видение громадных темных крыльев, медленно раскрывающихся и складывающихся над титаническими телами. А потом раздался голос, звучащий, как сотня колоколов:

— Я слышу тебя, маленький сухопутный брат.

Это был водяной король Маазмоорн. Фараатаа различал всех их по звучанию разумов: Маазмоорн — колокола, Гироуз — певучий гром, Шейтоон — медленные, печальные барабаны. Великих королей были десятки, и голос каждого из них можно было безошибочно опознать.

— Поддержи меня, о король Маазмоорн!

— Держись за меня, маленький сухопутный брат.

Фараатаа почувствовал, как его дернуло. Он потянулся туда, и его подняло и вынесло из тела, оставшегося в предутреннем лесу. Через миг он оказался над морем, еще через миг погрузился в него, а потом стал одним целым с Маазмоорном. Его захлестнул экстаз — это слияние, это единение было столь мощным, что легко могло бы стать самоцелью, этот восторг мог бы удовлетворить все его стремления, если бы он допустил это. Но он никогда этого не допустит.

Вместилище колоссального разума водяного короля само было сходно с океаном — беспредельное, всеохватное, бесконечно глубокое. Фараатаа тонул все глубже и глубже, терялся в нем. И все же он ни на миг не забывал о своей цели. Посредством силы водяного короля он сумеет сделать

то, с чем не справился бы без помощи. Сосредоточившись, он собрал ставший невиданно могучим разум в точнейший фокус и из сердцевины теплой, баюкающей беспредельности, в которой покоился, отправил те послания, ради которых и оказался здесь.

— Саареккин?

— *Здесь.*

— *Докладывай.*

— *Лусавендра полностью уничтожена по всей восточной части Разлома. Территория, охваченная грибком, так велика, что ему уже нельзя воспрепятствовать, и теперь он распространяется сам собой.*

— *Какие меры принимают власти?*

— *Сжигают зараженные посевы. Но это ничего не даст.*

— *Победа близка, Саареккин!*

— *Победа близка, Фараатаа!*

— Тии-хаанимак?

— *Слушаю тебя, Фараатаа.*

— *Какие новости?*

— *Яд успешно распространился с дождем, и нийковые деревья погибли по всему Дюлорну. Впитавшись в землю, он уничтожит глейн и стаджу. Мы готовим следующую диверсию. Победа*

близка, Фарааттаа!

— Победа близка! Инириис?

— Я. Корневой долгоносик успешно распространился и процветает на полях Зимроэля. Он уничтожит рикку и милиале.

— Когда станет виден эффект?

— Он уже виден. Победа близка, Фарааттаа!

— На Зимроэле мы уже победили. Теперь, Инириис, нужно нанести удар по Алханроэлю. Приступай к переправе долгоносика через Внутреннее море.

— Будет сделано!

— Победа близка, Инриис! Й-Уулисаан?

— Здесь, Фарааттаа.

— Ты все еще при коронале?

— Да. Он покинул Эберсинул и направляется в Тремойн.

— Ему известно, что происходит в Зимроэле?

— Он ничего не знает. Великое паломничество полностью поглощает энергию.

— В таком случае поставь его в известность. Сообщи ему о долгоносике в долине Зимра, о лусавендровой саже в Разломе и вымирании нийков, глейнов и стаджи к западу от Дюлорна.

— Фарааттаа, зачем?

— Необходимо максимально втереться к нему

в доверие. Рано или поздно новости дойдут до него по официальным каналам. Так пусть он узнает все от нас. Это будет замечательным предлогом приблизиться к нему. Ты, Й-Уулисаан, станешь его советником по болезням растений. Сообщай ему новости и подсказывай действия. Мы должны знать, какие контрмеры он планирует. Победа близка, Й-Уулисаан!

Глава 14

Верховный глашатай Хорнкаст, отдыхавший в своем личном убежище, находившемся поодаль от нижнего уровня, возле Сферы Тройных теней, получил записку через час с лишним после того, как она была отправлена.

> «Нужно немедленно встретиться в тронном зале.
>
> ***Сепултров».***

Верховный глашатай уставился на гонцов. Они отлично знали, что здесь его можно беспокоить лишь в случае крайней необходимости.

— В чем дело? Он умирает? Уже умер?

— Нам ничего не сказали, сэр.

— Сепултров сильно встревожен?

— Да, сэр, но я даже не представляю…

— Ладно. Впрочем, вас это все равно не касается. Подождите минутку, я пойду с вами.

Хорнкаст поспешно умылся и оделся. Если это все-таки случилось, мрачно думал он, более неподходящего момента просто быть не могло. Тиверас ждал смерти по меньшей мере сто лет;

неужели не мог потерпеть еще часок-другой? Если действительно случилось то, что могло случиться.

Златовласая женщина, находившаяся у него в гостях, поинтересовалась:

— Мне подождать вашего возвращения?

Он мотнул головой.

— Не берусь даже загадывать, когда мне удастся вернуться. Если понтифик умер…

Женщина сделала знак Лабиринта.

— Упаси нас Божество от этого!

— Воистину, — сухо отозвался Хорнкаст.

Он вышел. Пребывавшая в самой яркой своей фазе Сфера Тройных теней, высоко возносившаяся над блестящими обсидиановыми стенами площади, заливала все зловещим бело-голубым светом, который полностью стирал все ощущения размерности или глубины; прохожие в этом освещении походили на бумажных кукол, гонимых легким ветерком. Сопровождаемый гонцами, не без труда подстраивавшимися под его шаг, Хорнкаст, двигаясь, как всегда, с прыткостью, какую трудно было бы ожидать от восьмидесятилетнего старика, устремился через площадь к личному лифту.

Спуск в обитель императора показался ему

невыносимо долгим.

Умер? Умирает? Быть того не может! Хорнкаст поймал себя на том, что никогда всерьез не принимал в расчет возможности неожиданной естественной смерти Тивераса. Сепултров уверял его, что техника не может подвести, что в понтифике можно поддерживать жизнь, сколько потребуется — хоть двадцать, хоть тридцать, а то и все пятьдесят лет. И верховный представитель предполагал, что смерть правителя будет следствием тщательно продуманного политического решения, а не какой-то неприятной неожиданности, свершившейся без предупреждения среди обычного утра.

А если и впрямь? Нужно будет немедленно отозвать лорда Валентина с запада. Ах, в каком же гневе он будет, если придется отправиться в Лабиринт, даже не начав толком своего паломничества! Мне, конечно, нужно будет подать в отставку, рассуждал Хорнкаст. Валентин захочет назначить собственного глашатая; вероятно, того малорослого человечка со шрамом, Слита, или даже врууна. Хорнкаст задумался о том, каково будет обучать кого-то из этой парочки тем обязанностям, которые он так долго исполнял. Слит — воплощенное высокомерие и демонстративная

снисходительность, а крошка-волшебник вруун с огромными сверкающими глазами, клювом, щупальцами…

Инструктаж нового верховного глашатая станет для него последним заданием. А потом уйду, думал он, и вряд ли долго проживу, отрешившись от своих обязанностей. Короналем, по всей видимости, станет Элидат. Говорят, он хороший человек и близок к лорду Валентину, который любит его почти как брата. Странно будет, после всех этих лет, снова получить настоящего понтифика, который будет активно сотрудничать с короналем! Но я этого уже не увижу, говорил себе Хорнкаст. Меня здесь не будет.

Исполненный дурных предчувствий и заранее смирившись со всем, что может случиться, он подошел к богато украшенной двери в императорский тронный зал. Там он сунул руку в перчатку распознавания, сжал внутри податливый прохладный шарик, и от его прикосновения дверь скользнула в сторону, открыв огромный сферический императорский покой, трон, возвышающийся на трех широких ступенях, сложные механизмы систем жизнеобеспечения понтифика и внутри пузыря из бледно-голубого стекла, длиннорукую, длинноногую, почти бесплотную,

высохшую как мумия фигуру самого правителя, который восседал там, выпрямившись, стиснув зубы, и с яркими, яркими, яркими глазами, еще полными неукротимой жизни.

У трона стояла знакомая группа нелепых персон: изможденный, трясущийся от дряхлости личный секретарь понтифика Дилифон, сновидица ведьма Наррамиир и врач Сепултров с ястребиным носом и кожей цвета засохшей грязи. От них, даже от Наррамиир, которая с помощью колдовства сохраняла видимость молодости и неправдоподобную красоту, исходила пульсирующая аура старости, разложения, смерти. Хорнкаст, видевший их ежедневно на протяжении сорока лет, никогда раньше не замечал столь внятно, насколько они ужасны, и теперь осознал, что и сам, должно быть, так же страшен. «Возможно, — подумал он, — пришло время избавиться от нас всех».

— Я пришел, как только получил записку, — сообщил он и взглянул на понтифика. — Ну, и?.. Он умирает? По-моему, он выглядит как обычно.

— Ему еще далеко до смерти, — ответил Сепултров.

— Тогда в чем же дело?

— Слушай сам, — сказал врач. — Он опять на-

чинает.

Существо в шаре жизнеобеспечения шевельнулось и чуть заметно покачнулось из стороны в сторону. Понтифик издал тихий воющий звук, затем что-то вроде полусвистящего храпа и густой булькающий рокот, который затянулся надолго.

Хорнкаст слышал эти звуки невесть сколько раз. Это был язык, изобретенный самим понтификом в его чудовищном маразме, и понимать его мог только верховный глашатай. В этом потоке звуков сохранялись отдельные слова или, вернее, призраки слов, сохранявших изначальный смысл. Прочие звуки за долгие годы превратились в нечленораздельные шумы, но Хорнкаст, непрерывно наблюдавший эволюцию этого средства общения на всем ее протяжении, знал, что и как следует понимать. Часть звуков являлась всего лишь вздохами и стонами, не имевшими вербального содержания. А некоторые вроде бы обладали определенной сложностью формы, за которой могли скрываться некие концепции, постигнутые Тиверасом в его бесконечном, безумном, бессонном одиночном заключении, неведомые никому, кроме него самого.

— Все как обычно, — сказал Хорнкаст.

— Подожди.

Он прислушался и услышал набор слогов, обозначавших лорда Малибора — понтифик не запомнил двоих преемников Малибора и полагал, что тот все еще является короналем, — а затем перечень имен других правителей — Престимиона, Конфалюма, Деккерета, снова Малибора. Оссьера, который занимал трон понтифика до Тивераса. Имя Кинникена, предшествовавшего Оссьеру.

— Он углубился в далекое прошлое, как с ним часто бывает. Неужели ради этого потребовалось неотложно вызывать меня…

— Подожди.

С нарастающим раздражением Хорнкаст вновь прислушался к невразумительному монологу понтифика и оторопел, услышав, впервые за много лет, идеально произнесенное, безошибочно распознаваемое слово:

– *Жизнь*.

— Слышал? — осведомился Сепультров.

Хорнкаст кивнул.

— Когда это началось?

— Часа два, два с половиной назад.

– *Величие*.

— Мы записали все это, — сообщил Дилифон.

— Что еще из его речей вы сумели разобрать?

— Семь-восемь слов, — ответил Сепултров. —

Возможно, там было и что-то еще, что сумеешь понять ты.

Хорнкаст повернулся к Наррамиир.

— Он спит или бодрствует?

— Думаю, что говорить о понтифике в этих терминах будет неправильно, — ответила та. — Он живет в обоих этих состояниях одновременно.

— *Пора. Встать. Идти.*

— Он повторяет это уже не в первый раз, — пробормотал Дилифон.

Наступила тишина. Глаза понтифика оставались открытыми, но он как будто погрузился в сон. Хорнкаст мрачно взирал на него. Когда Тиверас впервые заболел — это случилось в самом начале царствования лорда Валентина, — казалось вполне логичным поддерживать жизнь старого понтифика таким образом, и Хорнкаст был одним из самых энергичных сторонников плана, предложенного Сепультровом. Ни разу за всю историю Маджипура понтифику не случалось пережить двух короналей и находиться в возрасте глубокой дряхлости при вступлении на престол третьего правителя. Это нарушило устоявшееся динамическое равновесие системы имперского управления. Хорнкаст лично указывал, что молодой и неопытный лорд Валентин

только-только осваивает обязанности короналя и его нельзя так скоропалительно переводить в Лабиринт. Сошлись на том, что хорошо было бы оставить понтифика на троне еще несколько лет, если, конечно, удастся поддерживать в нем жизнь. Сепултров нашел средства для этого, хотя вскоре стало ясно, что Тиверас впал в маразм и пребывает в безнадежном состоянии живого трупа.

Но затем случилась попытка переворота, и потянулись трудные годы реставрации, когда для преодоления возникшего хаоса требовались все силы короналя. И Тиверасу пришлось еще несколько лет просидеть в клетке. Хотя продолжение жизни понтифика означало дальнейшее пребывание Хорнкаста у власти, а власть, которую он к настоящему времени сосредоточил в своих руках за счет понтифика, была экстраординарной, и все же ему было крайне тяжело наблюдать за этой жестокой приостановкой жизни, которой давно следовало бы прекратиться. Но лорд Валентин попросил времени, а потом еще и еще времени, чтобы закончить свою работу на посту короналя. Уже восемь лет — неужели мало? Хорнкаст с удивлением понял, что уже чуть ли не готов молиться за освобождение Тивераса из

этого плена. Если бы только можно было дать ему уснуть спокойно!

— *Ва… Ва…*

— А это еще что? — удивился Сепултров.

— Что-то новенькое, — прошептал Дилифон.

Хорнкаст жестом призвал их к молчанию.

– *Ва… Валентин.*

— Такого еще не было, — вставила Наррамиир.

– *Валентин понтифик… Валентин понтифик Маджипура…*

Наступила тишина. Эти отчетливо произнесенные слова, не допускавшие двоякого толкования, повисли в воздухе, как взорвавшееся солнце.

— Я думал, что он забыл имя Валентина, — сказал немного погодя Хорнкаст. — Он думает, что короналем является лорд Малибор.

— По-видимому, это не так, — возразил Дилифон.

— Случается, — понизив голос, сказал Сепултров, — что под конец жизни сознание каким-то образом восстанавливается. Я думаю, что он возвращается в здравый рассудок.

— Он безумен, как всегда! — воскликнул Дилифон. — Да смилуется над нами Божество, чтобы он не пришел в разум и не понял, что мы сотворили с ним!

— Я думаю, — ответил Хорнкаст, — что он всегда понимал, что мы сотворили с ним. А сейчас к нему возвращается не разум, а возможность общаться с нами при помощи слов. Вы все слышали: «Понтифик Валентин». Он объявляет, что пора прийти преемнику, и знает, кто им станет. Сепультров, он умирает?

— Приборы не показывают никаких физиологических изменений. Я думаю, что он способен еще долго продолжать такое существование.

— Этого нельзя допустить, — сказал Дилифон.

— Что ты предлагаешь? — спросил Хорнкаст.

— То, что следовало сделать давным-давно. Хорнкаст, я знаю, что такое старость, да и тебе, полагаю, это известно, хоть по тебе она менее заметна. Этот человек в полтора, если не больше, раза старше любого из нас. Он испытывает такие страдания, каких мы и представить себе не можем. И я за то, чтобы положить этому конец. Немедленно. Сегодня же.

— Мы не имеем такого права, — ответил Хорнкаст. — Уверяю тебя, его страдания я ощущаю не менее остро, чем ты. Но решать это не нам.

— И все же это необходимо сделать.

— Такое решение должен принять лорд Валентин.

— От него мы никогда этого не дождемся, — пробормотал Дилифон. — Он будет юлить и отлынивать еще лет пятьдесят.

— И все равно, решение за ним, — твердо сказал Хорнкаст.

— Кому мы служим, понтифику или короналю? — вопросил Дилифон.

— У нас единое правительство, возглавляемое двумя монархами, из которых в настоящее время только один дееспособен. Служа короналю, мы тем самым служим понтифику. И…

Из клетки жизнеобеспечения раздался гневный рев, потом продолжительный свистящий вдох, после которого понтифик трижды взрыкнул. А затем последовали слова, звучавшие еще более внятно, чем то, что он произносил ранее:

– Валентин… понтифик Маджипура… слава!

— Он слышит наш разговор и пришел в ярость. Он молит о смерти, — сказал Дилифон.

— Или, может быть, считает, что уже достиг ее, — предположила Наррамиир.

— Нет. Нет. Дилифон прав, — ответил Хорнкаст. — Он слышит нас. И знает, что мы не…

– Пора. Встать. Идти. — Вой. Бульканье. — *Смерть! Смерть! Смерть!*

В отчаянии, подобного которому он не испы-

тывал еще ни разу за всю свою долгую жизнь, верховный глашатай дернулся к шару, поддерживавшему жизнь правителя, почти готовый вырвать провода и трубки из креплений и действительно положить конец затянувшемуся кошмару. Но это, конечно же, было бы безумием. Хорнкаст остановился, вскинув голову, встретился взглядом с Тиверасом и заставил себя не содрогнуться от обрушившейся на него жуткой тоски. Понтифик снова пребывал в здравом уме. В этом не могло быть никаких сомнений. Понтифик понимал, что его снова лишают смерти под предлогом государственной необходимости.

— Ваше величество! — воззвал Хорнкаст, вложив в голос всю доступную ему глубину и выразительность. — Ваше величество, вы слышите меня? Если слышите, закройте один глаз.

Реакции не последовало.

— Ваше величество, я все же полагаю, что вы слышите меня. И скажу вам: мы знаем, как вы страдаете. Мы не допустим, чтобы ваши мучения затянулись надолго. Ваше величество, мы клянемся в этом.

Молчание. Полнейшая тишина. И вдруг:

– Жизнь! Боль! Смерть!

А потом стон, и бульканье, и присвистывание,

и хрип, слившиеся в нечто, вроде песни из-под могильного камня.

Глава 15

— А это храм Владычицы, — сказал лорд-мэр Самбигел, указывая круто вверх на возносящийся прямо у восточной оконечности города поразительный вертикальный скальный обрыв. — Самое благословенное из всех ее святилищ, какие только есть в мире, не считая, конечно, самого Острова.

Валентин посмотрел туда. Храм сверкал на темном лбу утеса, как единственный белый глаз циклопа.

Шел четвертый месяц великого паломничества, а может быть, пятый или даже шестой — дни и недели, города и провинции, все уже сливалось и путалось. Сегодня он прибыл в большой порт Алаизор, лежащий вдали от Горы, на северо-западном побережье Алханроэля. Позади остались Тремойн, Стойензар, Вилимонг, Эстотилауп, Кимойз, город за городом, и все они сливались в его сознании в одну бескрайнюю столицу, развалившуюся, как какое-то ленивое многорукое чудовище, по лику Маджипура.

Самбигел, приземистый человечек со смуглым лицом, обрамленным густой черной бородой,

продолжал зудеть, рассыпая звучные банальности. Глаза Валентина остекленели, мысли разбегались. Он уже слышал все это и в Кикиле, и в Стинорпе, и в Клае: незабываемое событие, любовь и благодарность всех жителей, гордость за оказанную городу честь… Да. Да. Он поймал себя на попытке вспомнить, в каком из городов ему демонстрировали знаменитое исчезающее озеро. В Симбилфанте? А воздушный балет — в Монтепульсиане или Граве? Золотые пчелы наверняка были в Байлемуне, а небесная цепь? В Аркилоне? Или Сеннамоле?

Валентин снова поднял взгляд к храму, пристроившемуся на скале. Его манило туда. «Вот бы, — подумал он, — налетел вихрь, подхватил меня и закинул на эту гордую вершину, как сухой листок…»

Мама, позволь мне немного отдохнуть в твоем обществе!

Тут монолог лорд-мера прервался или, возможно, завершился. Валентин повернулся и обратился к Тунигорну.

— Обеспечьте мне сегодня ночевку в этом храме.

Самбигелу это явно не понравилось.

— Мой повелитель, мы планировали для вас

на сегодня посещение усыпальницы лорда Стиамота, а затем прием в Топазовом зале, после которого намечен обед в…

— Лорд Стиамот восемь тысяч лет дожидался, когда я удосужусь засвидетельствовать ему свое почтение. Так что подождет и еще денек.

— Конечно, мой повелитель. Как вам будет угодно, мой повелитель. — Самбигел изобразил сразу несколько знаков пылающей звезды подряд. — Я немедленно уведомлю иерарха Амбаргард, что нынче ночью вы будете гостить у нее. А теперь, мой повелитель, если вы не возражаете…

Оркестр грянул какой-то бравурный гимн. Сотни тысяч глоток взревели в унисон. Наверняка это были трогательные стихи, но Валентин не мог разобрать ни единого слога. Он покорно стоял, обводя взглядом колоссальную толпу, время от времени кивая, улыбаясь, встречаясь взглядом с кем-то из благоговеющих обывателей, которые запомнят этот день навсегда. Он вдруг показался сам себе нереальным. Чтобы играть эту роль, думал он, вовсе не нужен живой человек. Вполне сошла бы статуя, какая-нибудь марионетка, да что там, даже любая из тех восковых фигур, которые он когда-то, давным-давно, видел, побывав на фестивале в Пидруиде. Как пригодились бы такие

подделки, которые можно было бы отправлять на всевозможные события подобного рода, где они серьезно слушали бы ораторов, одобрительно улыбались, сердечно махали руками и, может быть, даже выдавали бы несколько подобающих случаю теплых слов…

Краешком глаза он заметил устремленный на него встревоженный взгляд Карабеллы и подал ей двумя пальцами правой руки чуть заметный знак, их личный сигнал, означающий «все в порядке». Но встревоженное выражение не покинуло ее лицо. И, похоже, Тунигорн и Лизамон Халтин слишком близко придвинулись к нему и стояли теперь почти вплотную. Неужели приготовились ловить его, если он упадет? Клянусь бородой Конфалюма, они явно решили, что он снова потеряет сознание, как тогда в Лабиринте!

Он заставил себя выпрямиться, насколько возможно, и махал, улыбался, кивал, махал, улыбался, кивал. Не будет никаких неприятностей. Никаких. Никаких. Но кончится ли эта тягомотина хоть когда-нибудь?

Она продолжалась еще полтора часа. Но в конце концов все же завершилась, и правитель со свитой быстро перешел по подземному ходу в покои, отведенные для них во дворце лорд-мэра,

расположенном на другой стороне площади.

— Мне показалось, что тебе дурно, — сказала Карабелла, когда они остались наедине.

— Ну, если скуку считать болезнью, то, да — мне было дурно, — ответил он самым непринужденным тоном.

— А так ли необходимо продолжать это паломничество? — спросила она после краткой паузы.

— Ты же знаешь, что у меня нет выбора.

— Я боюсь за тебя.

— Почему?

— Иногда я тебя почти не узнаю. Кто этот погруженный в себя желчный человек, с которым я делю постель? Что случилось с Валентином, с которым я некогда подружилась в Пидруиде?

— Он, как всегда, здесь.

— И мне тоже хочется в это верить — что он здесь, и всего лишь скрыт тенью, как, бывает, солнце скрывается за диском луны. Что за тень нашла на тебя, Валентин? Что за тень легла на наш мир? В Лабиринте с тобой приключилось что-то странное. Но что именно? И почему?

— Ты же знаешь, Карабелла, что Лабиринт всегда наводит на меня тоску. Там я ощущаю себя запертым, погребенным, мне душно там… — Он помотал головой. — Да, это было странно. Но

Лабиринт давно остался позади. Как только мы попали в более приятные места, я почувствовал, что мое былое «я» начало понемногу возвращаться. Любимая, я снова чувствую радость, я…

— Может быть, тебе удается обманывать себя, но меня — не получится. В этом для тебя вовсе нет радости. В начале поездки ты ненасытно впитывал впечатления — ты хотел побывать везде, прикоснуться ко всему, что попадалось по пути, попробовать все, пригодное в пищу, — а сейчас ничего подобного нет. Я вижу это в твоих глазах. Вижу в твоем лице. Ты движешься, как лунатик. Скажешь, нет?

— Да, не буду отпираться, я устал.

— Тогда бросай паломничество! Вернись на свою любимую Гору, где тебе хорошо, где ты всегда по-настоящему счастлив!

— Я корональ. У короналя есть священная обязанность представиться народу, которым он управляет. Я уже давно перед ним в долгу.

— В таком случае какова же твоя обязанность перед собой?

Он пожал плечами.

— Умоляю тебя, милая!.. Даже если я заскучал — а это так, не скрою, речи в мою честь уже снятся мне по ночам, в глазах рябит от бесконечных

парадов жонглеров и акробатов, — но ведь от скуки еще никто не умирал. Паломничество — одна из моих профессиональных обязанностей, и я должен его продолжать.

— В таком случае хотя бы сократи его, откажись от Зимроэля. Одного континента более чем достаточно. Если останавливаться во всех крупных городах, то путь до Замковой горы займет не один месяц. А с Зимроэлем — Пилиплоком, Ни-мойей, Тил-омоном, Нарабалем, Пидруидом — потребуются годы!

Он медленно помотал головой.

— Карабелла, у меня обязательства перед всеми, а не только жителями Алханроэля.

Она взяла его за руку.

— Это я понимаю. Но не слишком ли многого ты требуешь от себя? Еще раз прошу тебя: подумай о том, чтобы исключить Зимроэль из этой поездки. Согласен? Всего лишь подумать?

— Будь моя воля, я отправился бы в Замок прямо сейчас. Но я должен ехать дальше. Должен.

— Ночью, в храме, ты рассчитываешь поговорить в снах со своей матерью, Владычицей, да?

— Да, — признался он. — Но…

— В таком случае пообещай мне. Если тебе удастся соприкоснуться разумом с нею, спроси

ее, следует ли тебе ехать в Зимроэль. Ты часто руководствуешься ее мнением, прислушайся к нему и сейчас. Согласен?

— Карабелла…

— Ну хотя бы спроси ее. Только спроси!

— Ладно, — сказал. — Спрошу. Это я могу пообещать.

Она весело и дерзко взглянула на него.

— Что, Валентин, я сварливая жена? Не слушаюсь, всячески шпыняю тебя? Но ты ведь знаешь, что я поступаю так, потому что люблю.

— Конечно знаю, — ответил он, привлек Карабеллу к себе и крепко обнял.

На этом они закончили разговор, потому что пора было собираться в поездку на Алаизорский утес, где находился храм Владычицы. К тому времени, когда они выбрались на узкую извилистую дорогу, стало смеркаться, и огни Алаизора сверкали позади, как миллионы ярких самоцветов, рассыпанных по равнине небрежной рукой.

Иерарх Амбаргард, высокая женщина царственного вида с проницательными глазами и ослепительно белой сединой, встречала короналя у ворот храма. Благоговеющие прислужники уставились на Валентина во все глаза, а настоятельница коротко и тепло приветствовала его

— по ее словам, он первым из короналей посетил храм с тех пор, как здесь побывал во время второго своего паломничества лорд Тиверас, — и проводила его по ухоженной территории до здания самого храма. Аскетичное, без всяких украшений, одноэтажное вытянутое здание из белого камня располагалось в незатейливом, и все же очень красивом саду. Западная сторона храма, обращенная к морю, изгибалась дугой на краю утеса, а внутренняя состояла из двух крыльев, расходившихся под острым углом в восточном направлении.

Валентин пересек открытую лоджию и вышел в маленький портик, который словно висел в воздухе над краем обрыва, и надолго застыл в молчании. Рядом с ним стояли Карабелла и иерарх, Слит и Тунигорн остановились чуть поодаль. Здесь царила полная тишина, он слышал лишь посвист чистейшего прохладного ветерка, неустанно дующего с северо-запада, да шелест алого платья Карабеллы. Отсюда открывался изумительный вид на Алаизор. Громадный порт веером раскинулся у подножия скалы, простираясь на юг и запад так далеко, что даже отсюда, с высоты, невозможно было разглядеть, где он заканчивается. Широченные темные проспекты

пронизывали его, словно спицы колеса, и на одном из их перекрестков с едва различимой дугой больших бульваров возвышались, как он знал, шесть громадных обелисков, охранявших усыпальницу лорда Стиамота, победителя метаморфов. А дальше — только море, темная зелень, просвечивающая сквозь нависшую над самой водой дымку.

— Пойдемте, мой повелитель, — сказала Амбаргард. — Уже почти стемнело. Позвольте, я покажу вам комнату.

Этой ночью ему предстояло спать в одиночестве в гостевой каморке близ скинии. Нельзя было ни есть, ни пить ничего, кроме сонного вина, каким пользуются толкователи снов, — оно должно было открыть его разум и позволить Владычице соединиться с ним. Когда же Амбаргард вышла, он повернулся к Карабелле.

— Я не забыл своего обещания, милая.

— Я и не сомневалась в этом. Ах, Валентин, я молюсь, чтобы она посоветовала тебе вернуться на Гору!

— А если нет — ты согласишься подчиниться?

— Разве я могу не подчиниться любому твоему решению? Ты корональ. Но я буду продолжать молиться, чтобы она посоветовала тебе вернуть-

ся. Добрых сновидений.

— Добрых сновидений, Карабелла.

Она вышла из комнаты. Валентин еще некоторое время постоял у окна, наблюдая, как тьма поглощает берег и море. Где-то западнее, далеко за горизонтом, сказал он себе, лежит Остров Сновидений, владения матери, обитель милостивой и благословенной Владычицы, несущей мудрость миру, пока тот спит. Валентин напряженно всматривался в морские просторы, пытаясь проникнуть взглядом сквозь сумрак и туманную дымку, будто всерьез рассчитывал разглядеть ослепительно белые отвесные меловые утесы Острова.

Потом он разделся, лег на простой топчан, являвшийся единственным предметом мебели в комнате, и взял кубок с темно-красным сонным вином. Сделав большой глоток густого сладкого напитка, а потом еще один, он лег навзничь, ввел себя в состояние транса, открывавшее сознание импульсам издалека, и стал ждать, когда придет сон.

— Мама, снизойди ко мне. Это Валентин.

Постепенно его окутывала дремота, а вместе с нею пришли и сны.

— Мать…

— Владычица…

— Мама…

В его мозгу завели пляску фантомы. Бестелесные вытянутые фигуры вырывались, как пузыри, из дыр в земле и, кружась в воздухе, поднимались к своду небес. Из стволов деревьев прорастали длинные руки, валуны мигали желтыми глазами, реки обрастали шерстью. Он смотрел на это и ждал, проваливаясь все глубже, все больше углубляясь в мир сновидений, и все время рвался душой к Владычице.

И наконец-то она появилась перед ним. Владычица находилась возле восьмигранного бассейна в зале из филигранно обработанного белого камня, являвшегося сердцевиной Внутреннего храма Озера и сидела, слегка подавшись вперед, будто разглядывала своей отражение в воде. Он поплыл по воздуху к ней, завис рядом, посмотрел вниз, увидел в бассейне знакомое лицо с полными губами и теплыми любящими глазами, блестящие темные волосы, как всегда украшенные цветком за ухом, серебряный обруч на лбу и негромко сказал:

— Мама! Это я, Валентин.

Она повернулась к нему. И ее лицо оказалось незнакомым — бледное, изможденное, хмурое,

растерянное.

— Кто вы? — прошептал он.

— Что значит — кто? Вы отлично знаете меня! Я Владычица острова!

— Нет… нет…

— Вне всякого сомнения, это я.

— Нет.

— Зачем вы пришли ко мне, сюда? Вам не подобает такой поступок, ведь вы же понтифик, и куда приличнее было бы мне нанести визит вам, а не наоборот.

— Понтифик? Вы хотели сказать: корональ?

— Я так сказала? Значит, я ошиблась.

— А моя мать? Где она?

— Валентин, я — она.

И действительно, изможденное бледное лицо оказалось всего лишь маской, которая быстро истончилась и исчезла, явив очаровательную улыбку и ободряющий взгляд его матери. Потом и этот лик улетучился, опять сменившись лицом незнакомой женщины, а из-под него снова появилась истинная Владычица, но на сей раз она плакала. Он потянулся к ней, его рука свободно прошла сквозь нее, и он вдруг оказался в одиночестве. В ту ночь она так и не вернулась к Валентину, хотя он раз за разом тянулся к ней,

призывая все новые и новые видения, попадая в миры столь странные и непостижимые, что он бежал бы оттуда сломя голову, будь у него такая возможность. В конце концов он сдался и погрузился в глубокий сон, совсем без сновидений.

Проснулся он очень поздно, наскоро умылся и, выйдя за дверь, обнаружил там Карабеллу с напряженным усталым лицом и красными глазами, будто она вообще не спала этой ночью.

— Как ты, мой повелитель? — спросила она, увидев его.

— Я ничего не узнал. Сновидения были пустыми, и Владычица не стала говорить со мною.

— Ах, милый, какая жалость!

— Следующей ночью попробую еще раз. Может быть, я выпил слишком мало сонного вина или, наоборот, слишком много. Иерарх посоветует, как поступить. Ты завтракала?

— Уже давно. Но, если хочешь, с удовольствием позавтракаю с тобой еще раз. И еще, тебя хотел видеть Слит. Ночью пришло какое-то срочное сообщение, он хотел сразу идти к тебе, но я не пустила.

Что за сообщение?

— Он не сказал. Послать за ним?

Валентин кивнул.

— Я подожду там, — сказал он, указав жестом на портик, выходящий к обрыву.

Слит явился не один. С ним был незнакомый изящный человек с гладкой смуглой кожей на треугольном лице с широкими бровями и большими темными мрачными глазами. Увидев Валентина, он поспешно сделал знак пылающей звезды и уставился на него так, будто корональ был созданием из какого-то иного мира.

— Ваше величество, это Й-Уулисаан. Он прибыл минувшей ночью из Зимроэля.

— Необычное имя, — заметил Валентин.

— Наша семья носит его уже много поколений, мой повелитель. Я имею отношение к департаменту сельского хозяйства Ни-мойи, и на меня возложена неприятная обязанность ввести вас в курс тяжелого положения, сложившегося на Зимроэле.

У Валентина екнуло сердце.

Й-Уулисаан поднял целую стопку конторских папок.

— Здесь все изложено — во всех подробностях, каждого заболевания, какие области затронуты, величина ущерба…

— Заболеваний? Каких заболеваний?

— В сельскохозяйственных областях, мой

повелитель. В Дюлорне вновь появилась лусавендровая сажа, а западнее Разлома произошла массовая гибель нийковых деревьев, поражены также стаджа и глейн. Корневой долгоносик напал на плантации рикки и милиале в…

— Мой повелитель! — вдруг воскликнула Карабелла. — Смотрите, смотрите, что это?!

Он повернулся к жене — та указывала вверх.

— Что *это*?!

Валентин удивленно задрал голову. Непрекращающийся ветер нес с запада, со стороны моря, диковинную армию крупных, лоснящихся полупрозрачных существ, не похожих ни на что из того, что ему когда-либо доводилось видеть. У них были круглые тела диаметром, пожалуй, в человеческий рост, в форме сияющих чаш донышком вниз, вероятно, для улучшения плавучести, и длинные волосатые ноги, растопыренные во все стороны. Множество глаз, расположенных в два ряда вокруг голов, походили на черные бусинки размером с человеческий кулак и ослепительно сияли в солнечном свете. Над головой короналя пролетали сотни, если не тысячи пауков — чудовищная процессия мигрирующих по небу призраков.

— Какие ужасные твари! — воскликнула, по-

ежившись, Карабелла. — Словно из худших посланий Короля Снов.

Валентин в изумлении и ужасе смотрел на чудовищных созданий, которые неспешно проплывали мимо, то взмывая в воздушных потоках вверх, то опускаясь ближе к земле. Но тут с другой стороны храма послышались встревоженные крики. Валентин жестом позвал Слита следовать за собой, пробежал через здание и увидел, что старая настоятельница, стоя посреди газона, палит из энергомета по сторонам. В воздухе было буквально не протолкнуться от летучих тварей, некоторые из них снижались, и иерарх с полудюжиной прислужников старались уничтожить их до приземления, но несколько десятков все же опустились в траву. Коснувшись земли, они лежали неподвижно, а вот пышный зеленый газон вокруг каждого паука в радиусе, вдвое превышавшем размах его ног, сразу же начинал жухнуть и мгновенно желтел.

С десантом покончили за несколько минут. Воздушная флотилия миновала гору и скрылась на востоке, оставив храмовый сад в таком виде, будто там бушевала толпа погромщиков с паяльными лампами. Иерарх Амбаргард, увидев Валентина, опустила энергомет и устало побрела

навстречу короналю.

— Что это было? — спросил он.

— Ветряные пауки, мой повелитель.

— Никогда не слышал о таких. Они водятся в этих краях?

— Хвала Божеству, мой повелитель, до этого не дошло. Они прилетают с Зимроэля, с гор Кинтора. Каждый год, в брачный сезон, они поднимаются с восходящими воздушными потоками высоко в небо и там спариваются и выпускают в воздух оплодотворенные яйца, а горные нисходящие ветры несут их на восток, в те места, где эти животные вылупляются. А взрослых с высотными ветрами уносит в море и порой доносит и до берегов Алханроэля.

Слит, с гримасой отвращения, направился к недобитому пауку, упавшему поблизости. Тот лежал неподвижно, лишь слабо подергивал толстыми волосатыми ногами.

— Не подходите! — крикнула Амбаргард. — У них все части очень ядовиты! — Она подозвала одну из прислужниц, и та поспешно сожгла тварь из энергомета. А иерарх продолжила пояснение для Валентина: — До спаривания они практически безвредны: едят листья и молодые побеги. Но, выпустив яйца, сразу меняются и

становятся опасными. Вы же видели, что они сделали с травой. Нам придется заменить почву на пораженных местах, иначе здесь уже ничего не будет расти.

— И такое случается каждый год? — спросил Валентин.

— О нет, нет, спасибо Божеству! По большей части они гибнут в океане. Но изредка, раз в несколько лет, их доносит сюда. Но когда такое происходит… о, мой повелитель, это всегда очень дурное предзнаменование для наступающего года!

— Когда такое случилось в прошлый раз? — спросил корональ.

Амбаргард замялась было с ответом, но после непродолжительного колебания все же сказала:

— В год смерти вашего брата, лорда Вориакса, мой повелитель.

— А перед тем?

Ее губы вдруг задрожали.

— Не могу вспомнить. Наверно, лет за десять до того, а может быть, пятнадцать.

— Случайно не в год смерти лорда Малибора?

— Мой повелитель… простите…

— Вам совершенно нет нужды просить за что-то прощения, — негромко сказал Валентин. Отойдя

от группы, он уставился на обожженные пятна испорченной лужайки. В Лабиринте, думал он, кораль из-за дурных видений упал в обморок прямо за пиршественным столом. В Зимроэле начался растительный мор. В Алханроэле появились ветряные пауки, неизменно предвещающие большие беды. Воззвав к родной матери во сне, я увидел незнакомое лицо. Что тут скажешь? Я думал, что контакта с Владычицей не случилось, на деле же я получил послание — и совершенно ясное. Более чем ясное.

— Слит! — позвал он.

— Да, ваше величество.

— Отыщи Эйзенхарта и передай, чтобы снаряжал флот. Мы отправимся, как только он будет готов.

— В Зимроэль, мой повелитель?

— Сначала на Остров. Мне необходимо посоветоваться с Владычицей. А потом — да, на Зимроэль.

— Валентин! — прозвучал слабый голосок.

Это была Карабелла. Остановившиеся глаза на ее побелевшем как мел лице смотрели куда-то в пространство. Она походила сейчас на ребенка — перепуганную маленькую девочку, к душе которой прикоснулся ночью Король Снов.

— Какое зло обрушилось на нашу землю, мой повелитель? — чуть слышно спросила она. — Что с нами будет, мой повелитель? Скажи, что с нами будет?

Часть II
Книга водяных королей

Глава 1

Наставник поставил задачу добраться до Эртсуда Великого.

— Ваш путь, — говорил он, — будет проходить по пустынной местности южнее Пиниторского тракта. Из оружия у вас будут дубина и кинжал. Вы можете наткнуться на хищных ищеек — вурхайна, малорна, зейла, кассаи, мин-молитра, вейханта и цитуна. Они способны крепко покусать, если застанут человека врасплох.

Хиссун съежился за толстым стволом газана, настолько корявым, что дереву можно было дать добрый десяток тысяч лет, и окинул внимательным взглядом лежавшую перед ним длинную узкую долину. Все казалось совершенно безмятежным. Он не увидел ни своих соучеников, ни обещанных ищеек.

Шел третий день похода, и до цели оставалось еще миль двенадцать, не меньше. А вот ближайший отрезок пути оказался непривлекательным — крутой склон с гранитной осыпью, которая, как только вступишь на него, конечно же, поедет под ногами и разобьет падающее тело о далекое каменистое дно. Пусть это всего лишь учебное

упражнение, но свернуть шею тут можно вполне по-настоящему.

Но возвращаться назад и искать другой путь совершенно не хотелось. Снова пробираться, прижимаясь к скале, по извилистому узенькому карнизу над пропастью в добрую тысячу футов глубиной, куда неминуемо сверзишься, стоит лишь раз оступиться, да еще и много раз проползать на животе под нависающими выступами, чуть ли не обдирающими спину, — ну уж нет! Лучше уж рискнуть и спуститься по осыпи, чем возвращаться прежней дорогой. Кроме того, там бродит вурхайн, один из семи обещанных хищников. Хиссун уже однажды столкнулся с этим обладателем кривых, похожих на серпы клыков и длинных загнутых когтей, и совершенно не желал встречаться с ним снова.

Он осторожно шагнул на осыпь, опираясь на дубинку, как на посох.

Здесь, в нижней части Замковой горы, намного ниже пояса облаков, неизменно обнимающего грандиозный пик ближе к вершине, светило яркое и жгучее солнце, отражаясь от вкраплений слюды в обломках гранита и слепя глаза, куда ни посмотри.

Он пощупал ногой каменное крошево, убедился

в том, что оно лежит прочно, и перенес тяжесть тела на выдвинутую вперед ногу. Потом сделал еще один шаг. И еще один. Несколько камешков вырвалось из-под ступни и с шорохом покатилось вниз по склону, зеркально сверкая при каждом стремительном перевороте.

Пока что особой опасности не предвиделось, разве что весь склон поползет. Хиссун продолжал спуск. Икры и колени, измученные вчерашним трудным переходом по извилистой горной тропке, протестовали против движения по неестественно крутому спуску. Ремни заплечного мешка врезались в тело. Ему хотелось пить, голова побаливала — именно здесь, на этом отрезке Замковой горы, воздух был заметно разреженным. Временами он ловил себя на мыслях о том, что хорошо бы снова очутиться в Замке и склониться над текстами по конституционному праву и античной истории, которые он штудировал последние шесть месяцев. Тут он невольно улыбался и напоминал себе, как надоело ему это занятие и как он считал дни до перехода от навязшей в зубах книжной премудрости к казавшейся столь заманчивой проверке на способность выживать. Зато сейчас, на этом склоне, дни, проведенные в библиотеке Замка,

совершенно не казались скучными. А вот поход оказался тяжким и мучительным испытанием.

Он поднял голову. Казалось, что солнце занимало половину неба. Он вскинул руку и закрыл глаза ладонью.

Прошел почти год с тех пор, как Хиссун покинул Лабиринт, но вид этого яростного огненного пятна в небесах для него все еще оставался внове — как и ощущение прикосновения его лучей к коже. Случалось, что это непривычное тепло доставляло ему удовольствие — бледность, присущая жителям Лабиринта, давно уже сменилась у него на ровный золотистый загар, — и все же иной раз оно внушало ему страх, и он хотел зарыться на тысячу футов под землю, где оно не смогло бы дотянуться до него.

Идиот. Бестолочь. Солнце тебе не враг! Иди дальше. Не останавливайся.

На горизонте, ближе к западу, уже виднелись черные башни Эртсуда Великого. С другой стороны пятном серой тени выделялся Хойкмар, откуда начался его путь. Если верить глазомеру, он прошел двадцать миль — преодолевая жажду, по жаре, через озера, полные не водой, а пылью, через моря древнего пепла, между дымящимися фумаролами и по полям застывшей лавы, ме-

таллически лязгающей под ногами. Ему удалось избежать встречи с кассаи, тварью с длинными усами-антеннами и похожими на белые блюдца глазами, которая полдня тащилась по его следу. Он смог обмануть вурхайна, использовав классический фокус с ложной приманкой — бросил зверю снятую с себя тунику, а сам поспешно ушел по дорожке, слишком узкой для него. Оставалось еще пять преследователей — малорн, зейл, минмолитр, вейхант и цитун.

Странные названия. Странные звери, не родственные никаким другим животным. Вероятно, искусственные, созданные, как и скакуны, в незапамятные времена с помощью давно утраченных колдовских наук. Но зачем создавать таких страшилищ? И выпускать их на Замковой горе? Неужели просто для того, чтобы пугать и испытывать на прочность молодых аристократов? Хиссун попытался представить себе, что будет, если вейхант или цитун вдруг появится из-за бугра и кинется на него прямо на осыпи. «Они способны крепко покусать, если застанут человека врасплох». Покусать… А убить? В чем смысл этого испытания? Укрепить навыки выживания у будущих рыцарей или отсеять неподходящих? Насколько ему было известно, в

этот раз на тридцатимильный испытательный путь вышло еще дюжины три таких же, как он, новичков, которых, словно в насмешку, называли посвященными. Все ли они выживут и доберутся до Эрстуда Великого?

По крайней мере, *он,* доберется. Это он твердо знал.

Медленно, на каждом шагу проверяя камни перед собой концом дубинки, он продолжал спускаться по осыпи. Преодолев полпути, он впервые оступился — надежный с виду большой камень в форме трехгранной пирамиды оказался очень неустойчивым и перевернулся от легкого прикосновения левой ноги. Несколько мгновений Хиссун отчаянно размахивал руками, пытаясь устоять на месте, но все же поехал вниз. Тяжелая палка вылетела у него из руки, он хватался за что попало, и тут его правая нога до бедра провалилась в щель между двумя валунами с острыми, как лезвие ножа, гранями.

Ему все же удалось остановить падение, и камни, лежавшие ниже по склону, не покатились смертоносной лавиной. Зажатую ногу по всей длине пронзило острой болью. Сломал? Порвал связки, растянул мышцы? Он принялся осторожно освобождать ногу. Штанина оказалась

распорота на полдлины, а из глубокой раны на ноге обильно сочилась кровь. Но вроде бы повреждение исчерпывалось этим порезом, да еще подергиванием в паху, которое завтра, пожалуй, заставит его хромать. Хиссун подобрал дубинку и с удвоенной осторожностью побрел дальше.

Вскоре большие растрескавшиеся валуны, покрывавшие склон, сменились мелким щебнем, еще более неустойчивым под ногой. Хиссун пробирался медленными скользящими шагами, ставил ступни боком и подгребал камушки, будто пытался делать ступеньки. С поврежденной ногой это давалось нелегко, но он справлялся. Зато теперь он уже видел подножие склона.

Он еще дважды оступился на гравии. Первый раз он остановился всего через несколько футов, а на второй съехал на дюжину ярдов и спасся от дальнейшего падения лишь тем, что изо всех сил упирался ногами в камни, так что пропахал борозды шести-семи футов глубиной и цеплялся руками за все, что попадалось.

Когда Хиссуну удалось подняться на ноги, выяснилось, что он потерял кинжал. Он порылся в осыпи, ничего не нашел и в конце концов пожал плечами и побрел дальше. Против мин-молитра или вейханта кинжал все равно не поможет,

убеждал он себя. Разве что будет труднее добывать пищу — выкапывать съедобные клубни и обдирать кожицу с фруктов.

Склон резко переходил в широкую каменистую безводную долину устрашающего вида, на которой лишь кое-где торчали почти лишенные листьев газаны, как всегда, изогнутые самым противоестественным образом. Однако невдалеке к востоку он разглядел тесную группку деревьев иной породы, изящных, высоких и покрытых густой листвой. Там определенно имелась вода, и Хиссун решительно свернул в ту сторону.

Однако заманчивая рощица оказалась дальше, чем ему виделось сначала. Он шагал уже битый час, а расстояние как будто не уменьшалось. Раненая нога Хиссуна быстро немела. Фляга была почти пуста. А когда он перевалил через невысокий пригорок, то сразу увидел малорна, поджидавшего его в засаде.

Эта тварь с десятью непропорционально длинными ногами, словно переломленными наверху, между которыми висело в трех футах над землей туловище с раздутым, как мешок, брюхом, вселяла страх одним своим безобразным видом. Восемь ног заканчивались широкими плоскими подошвами, а на двух передних были шипастые

клешни. Туловище окружал обод из красных блестящих глаз, а длинный, изогнутый вверх хвост был дополнительно вооружен несколькими жалами.

— Против тебя нужно выходить с зеркалом, — сказал Хиссун чудовищу. — Увидев свое отражение, ты сразу окочурился бы от отвращения!

Малорн негромко зашипел и медленно двинулся навстречу пришельцу, лязгая челюстями и покачивая в воздухе клешнями. Хиссун остановился и взял дубинку наизготовку. Бояться тут нечего, сказал он себе, — цель этого испытания не убить претендентов, а дать им закалку и, возможно, посмотреть, как они поведут себя в тяжелых обстоятельствах.

Он подпустил малорна на десять ярдов. Потом подобрал булыжник и метнул его в морду зверю. Тот легко отбил камень и продолжил наступление. Хиссун осторожно отступил назад и влево, в седловину бугра, чтобы находиться выше зверя, и покрепче перехватил свое единственное оружие двумя руками. Малорн не казался очень уж быстрым или ловким, но Хиссун все равно решил, что, раз уж зверь решил напасть, лучше будет заставить его бежать в гору.

— Хиссун!

Голос прозвучал у него за спиной.

— Кто это? — отозвался Хиссун, не оборачиваясь.

— Алсимир. — Еще один новопосвященный рыцарь, уроженец Перитоля, на пару лет старше Хиссуна.

— С тобой все в порядке? — осведомился Хиссун.

— Я ранен. Меня ужалил малорн.

— Сильно ранен?

— Рука раздулась. Яд.

— Я тебе помогу. Но сначала…

— Будь осторожен. Он здорово прыгает.

И действительно, малорн явно готовился к прыжку. Хиссун выжидал, слегка согнув колени, опираясь на носки и чуть заметно покачиваясь. Последовало неимоверно длинное мгновение, когда ничего не происходило, даже само время как будто остановилось. Хиссун терпеливо смотрел на зверя. Он был совершенно спокоен. В его сознании не осталось места для страха, неуверенности и рассуждений о том, что последует дальше.

Потом странное оцепенение слетело, жуткая тварь возобновила движение и мощным толчком всех ног подбросила себя в воздух. В тот же миг Хиссун ринулся вперед, буквально ссыпавшись

с бугра навстречу атакующему малорну, чтобы зверь перелетел через него в своем мощном прыжке.

Когда туша зависла в воздухе над головой Хиссуна, он бросился на землю навзничь, чтобы избежать свирепого удара рассекавшего воздух смертоносного хвоста, тут же вскинулся, сжимая дубинку обеими руками, и со всей силы ткнул ею тварь в брюхо. Зашипел извергаемый воздух, малорн растопырил ноги, перевернулся и упал, едва не зацепив Хиссуна клешнями.

Зверь рухнул на спину в нескольких футах от своего противника. Хиссун приблизился к нему и, проскочив, словно в танце, между дергающихся ног, еще дважды вонзил свое оружие в брюхо и так же осторожно отскочил. Малорн продолжал корчиться. Хиссун выбрал самый большой валун, какой только мог поднять, вскинул его на вытянутые руки и уронил на зверя. Конвульсии прекратились. Хиссун отвернулся, и лишь теперь он сразу вспотел, его затрясло, и ему пришлось опереться на палку. Кишки скрутило резким спазмом, но уже через миг к нему вернулось спокойствие.

Алсимир лежал на гребне бугра в полусотне футов от него, держась правой рукой за левое плечо.

Даже издалека было видно, что оно раздулось чуть ли не вдвое против обычного размера. Лицо его сделалось пунцовым, глаза остекленели.

Хиссун опустился рядом с ним на колени.

— Дай мне кинжал. Я потерял свой.

— Возьми, он вон там.

Хиссун поспешно разрезал рукав Алсимира и увидел прямо над бицепсом укус, похожий на многоконечную звезду. Острием ножа он пересек рану глубокими надрезами, сжал мышцу, выдавил кровь, отсосал ее, сплюнул, еще раз выдавил кровь. Алсимир дрожал всем телом, стонал, пару раз даже вскрикнул в голос. В конце концов Хиссун обтер рану и полез в мешок за бинтом.

— Думаю, обойдется. Если все пойдет нормально, завтра в это время ты уже будешь в Эртсуде Великом, а там тебе окажут настоящую помощь.

Алсимир с неослабевающим ужасом разглядывал мертвое чудовище.

— Я пытался незаметно обойти его, вроде как ты, а он как прыгнет!.. И укусил. Я думаю, он ждал, пока я умру, чтобы съесть меня, — и тут появился ты.

Хиссун поежился:

— Жуткая тварь. На картинках в учебнике она и вполовину не такая мерзкая.

— Ты убил ее?

— Наверно. Я тут подумал, полагается ли нам убивать хищников? Что, если они понадобятся для таких же испытаний на будущий год?

— Это уже их проблемы, — ответил Алсимир. — Если они посылают нас сюда и подсовывают таких страшилищ, пусть не возмущаются, если мы ненароком прихлопнем парочку. О, милосердная Владычица, как же больно!

— Вставай. Будем добираться вместе.

— Хиссун, так ведь не положено!

— Ну и что из того? Думаешь, я тебя здесь так вот запросто брошу? Идем. И пусть говорят, что мы не справились или вообще что угодно. Я убил их малорна, помог раненому — с заданием не справился, ну и ладно! Зато назавтра буду живой. И ты тоже.

Хиссун помог Алсимиру подняться, и они неторопливо побрели к отдаленной рощице. Его вдруг снова затрясло — вернулся запоздалый испуг. Кошмарная тварь, пролетающая над головой, почти сплошное кольцо красных выпученных глаз, раззявленные челюсти, мягкое уязвимое брюхо — все это еще долго будет отравлять память и вряд ли забудется.

По мере того как они отходили от места схват-

ки, к нему возвращалось спокойствие.

Он попытался представить себе лорда Валентина, сражающегося в этой дикой долине с малорнами, зейлами и цитунами или хотя бы Элидата, или Диввиса, или Мириганта. Им наверняка приходилось преодолевать такое же испытание, когда они начинали свое рыцарское обучение, и не исключено, что этот самый малорн шипел и клацал зубами на юного Валентина двадцать лет назад. По мнению Хиссуна, все это изрядно отдавало абсурдом: как способность так или иначе ускользнуть от злобных диких хищников может быть связана с обучением искусству управления? Конечно, рано или поздно он эту связь увидит, это ясно и без предсказателя, думал он. А пока ему вполне хватит тревоги об Алсимире, а также зейле, вейханте, мин-молитре и цитуне. Если хоть немного повезет, он на оставшемся пути встретит лишь одного-двух из них; наткнуться на всех семерых будет против всех законов вероятности. Однако до Эртсуда Великого еще двенадцать миль, и дорога впереди тяжела. Неужто это и есть безмятежная жизнь в Замке? По восемь часов в день штудировать законы и указы всех короналей и понтификов, от Дворна до Тивераса, с перерывами на прогулки

по диким местностям и драки с малорнами и цитунами? А как же пиры и лихие охоты? Как же прогулки по паркам и заповедным лесам? Он уже начал подумывать, что у жителей низинных мест весьма превратное, чрезмерно романтическое представление о жизни благородных на Горе.

Хиссун оглянулся на Алсимира.

— Как ты себя чувствуешь?

— Сильная слабость. Но опухоль уже спадает.

— Когда доберемся до деревьев, промоем твою рану. Там обязательно должна быть вода.

— Хиссун, а ведь я умер бы, если бы ты не пришел.

Хиссун пожал плечами:

— Не я, так кто-нибудь другой пришел бы.

— Никак в толк не возьму, зачем тебя отправили в этот поход, — сказал Алисмир, немного помолчав.

— Ты о чем?

— Заставили тебя подвергаться всем этим опасностям.

— А почему бы нет? Это же обязательно для всех новопосвященных.

— У лорда Валентина особые планы на тебя. Я своими ушами слышал, как на той неделе Диввис говорил это Стазилейну.

— Да, мне суждены великие дела. Чистить стойла. Выгуливать собак.

— Я серьезно. Диввис тебе завидует. И опасается тебя, потому что ты любимчик короналя. Диввис ведь сам метит в коронали, это всем известно. И он считает, что ты хочешь перебежать ему дорогу.

— Похоже, у тебя от яда разум помутился.

— Поверь мне, Хиссун. Диввис видит в тебе угрозу.

— Очень зря. Мне так же не светит стать короналем, как… как самому Диввису. Вероятнее всего, наследником станет Элидат. Тем более что лорд Валентин, как я случайно узнал, намерен оставаться короналем как можно дольше.

— Говорю тебе…

— Ничего мне не говори. Лучше береги силы для перехода. До Эртсуда Великого еще дюжина миль. И на этом отрезке нас ждут еще четыре страшилища.

Глава 2

Сон пьюривара Фараатаа:

Час скорпиона; скоро над Велализиром поднимется солнце. За воротами города, на дороге, которая носит название Дороги Исхода, собралась большая процессия, растянувшаяся далеко к горизонту. Грядущий принц, окутанный изумрудной аурой, стоит во главе шествия. Следом за ним четверо в личинах Красной женщины, Слепого великана, Освежеванного мужчины и Последнего короля. Потом четверо пленников, связанных свободно сплетенными ивовыми прутьями, а далее множество пьюриваров — Те-кто-вернулись.

Фараатаа плывет высоко в небе, непринужденно, лишь усилием мысли, перемещается над городом, охватывая весь его простор единым взглядом. Город безупречен: все отстроено заново, возведена крепостная стена, восстановлены святилища, подняты обрушенные колонны. По акведуку вновь бежит вода, пышно зеленеют сады, сорные травы и кусты, торчавшие из каждой трещины, истреблены, пески, скрывавшие город, выметены начисто.

Лишь Седьмой храм оставлен таким, как был во время Падения — плоская площадка, практически один фундамент, окруженный каменным крошевом. Фараатаа парит над ним и в мысленном представлении путешествует вспять сквозь темный океан времени и видит Седьмой храм, каким он был до разрушения, и ему дано узреть Кощунство.

Ах! Вот оно! На Столах богов приготовлена святотатственная жертва. На каждый уложили по громадному Водяному королю, все они еще живы, беспомощны из-за собственного колоссального веса, слабо взмахивают крыльями, выгибают шеи, глаза сверкают гневом или страхом. Вокруг двух гигантов суетятся крохотные фигурки, готовые свершить запретный обряд. Фараатаа дрожит всем телом, Фараатаа плачет, и его слезы падают, как хрустальные шарики, на лежащую далеко внизу землю. Он видит, как сверкают длинные ножи, он слышит рев и крик водяных королей, он видит, как лезвия вспарывают плоть. Он хочет крикнуть своим соплеменникам: «Нет, нет, это чудовищно, вас ждет страшная кара, и чего ради, чего ради?» Все это случилось много тысяч лет назад. И ему оставалось лишь парить над всем этим и наблюдать. Как муравьи, они растекаются

по городу — грешники! — и каждый держит высоко над головой кусок плоти водяного короля, и все они несут священное мясо к Седьмому храму, они бросают его в огонь, они поют Песнь всесожжения. «Что вы делаете?! — беззвучно кричит Фараатаа. — Вы сжигаете наших братьев!» А с земли поднимается дым, густой черный дым ест глаза Фараатаа, он уже не может держаться в небе и падает, падает, падает, и Кощунство уже свершилось, и город обречен на гибель, а вместе с ним потерян и весь мир.

Но вот на востоке светлеет утро. Свет бежит по городу и озаряет полумесяц, установленный на высоком шесте посреди руин Седьмого храма. Грядущий принц вскидывает руку и дает сигнал. Процессия трогается с места. Прямо на ходу Те-кто-вернулись меняют вид согласно учению, изложенному в Книге Водяных королей. Они принимают по очереди обличья, именуемые Пламенем, Потоком, Падающим листом, Лезвием, Песками, Ветром. А достигнув площади Неизменяемости, они возвращаются к истинному облику пьюриваров и далее остаются в нем.

Грядущий принц обнимает каждого из четырех пленников. Потом их ведут к алтарям, устроенным поверх Столов богов. Красная женщина

и Освежеванный мужчина ведут младшего короля и его мать к восточному Столу, где некогда был умерщвлен в ночь Кощунства водяной король Низнорн. Слепой великан и Последний король препровождают старшего короля и того, кто приходит по ночам в сны, к западному Столу, на котором Святотатцы предали смерти водяного короля Домситора.

Грядущий принц стоит в одиночестве над Седьмым храмом. Его аура теперь алая. Фараатаа снижается и присоединяется к нему, и становится им: они — одно целое.

— В начале было Кощунство, когда безумие охватило нас и мы согрешили против наших братьев из моря! — кричит он. — Когда же мы очнулись и осознали содеянное, то в воздаяние за этот грех разрушили мы наш великий город и рассеялись по земле. Но и это не искупило нашей вины, и на нас были ниспосланы враги из неизмеримой дали, и они отняли все, чем мы обладали, и выгнали нас в пустоши, что было нашей карой, ибо тяжко согрешили мы против наших братьев из моря. И мы утратили свои пути, и страдания наши были тяжкими, и лик Наивысшего был отвернут от нас, покуда сроки покаяния не истекли, и мы обрели силы изгнать

угнетателей и потребовать обратно все то, что мы утратили в отместку за древний грех. И было предсказано, что кончится срок покаяния, явится средь нас принц и выведет нас из рассеяния.

— Срок покаяния закончился! — отзывается народ. — Пора явиться Грядущему принцу!

— Грядущий принц явился!

— И Грядущий принц — это ты!

— Я — Грядущий принц! — еще громче кричит он. — Теперь мы все прощены. Теперь все долги оплачены. Мы прошли покаяние и очистились. Орудия покаяния исторгнуты из наших земель. Водяные короли получили свое воздаяние. Велализир отстроен. Наша жизнь началась заново.

— Наша жизнь началась заново! Пришло время Грядущего принца!

Фараатаа поднимает посох, сверкавший огнем в утренних лучах, и дает знак тем, кто ожидает подле Столов богов. Четверых пленников толкают вперед. Блестят длинные ножи. Мертвые короли падают, и короны катятся в пыли. Кровь пришельцев начисто отмывает Столы богов. Сыгран последний акт. Фараатаа высоко вскидывает руки.

— Теперь же идите и восстановите вместе со мною Седьмой храм.

Пьюривары устремляются вперед, хватают разбросанные каменные блоки и, повинуясь указаниям Фараатаа, устанавливают их туда, откуда их сбросили в незапамятные времена.

Когда работа закончена, Фараатаа поднимается на самый верх и устремляет взгляд туда, где вдали, за многие сотни миль отсюда, собрались морские короли. Он видит, как они бьют по воде громадными крыльями. Он видит, как они поднимают массивные головы и храпят.

«Братья! Братья!» — взывает к ним Фараатаа.

«Мы слышим тебя, земной брат».

«Враг уничтожен. Город заново освящен. Вновь поднялся Седьмой храм. Исполнено ли наше покаяние, о братья!!

И ответ: «Оно исполнено. Мир очищен. Начинается новая эра».

«Получили ли мы прощение?»

«Вы прощены, о земные братья».

— Мы прощены! — кричит Грядущий принц.

И народ воздевает к нему руки, и все меняют облики и становятся то Звездой, то Туманом, то Тьмой, то Блеском, то Пещерой.

И остается лишь одно — простить тех, кто совершил первый грех и до сих пор остается заточенными в этих руинах. И Грядущий принц

простирает к ним руки, и дотягивается до них, и объявляет им, что проклятие, наложенное на них, снято, и они свободны.

И камни павшего Велализира отдают своих мертвых, их бледные прозрачные духи являются на свет и обретают жизнь и цвет, и они танцуют и меняют облики и кричат, ликуя.

И что же они кричат:

— Да здравствует Грядущий принц, ставший Явленным королем!

Такой сон видел пьюривар Фараатаа, лежа на куче листьев пузырчатки под большим деревом двикки, прикрывавшим его от дождя, моросившего в этой части провинции Пиурифайн.

Глава 3

— Попросите Й-Уулисаана зайти ко мне, — сказал кораль.

Лорд Валентин сидел в каюте своего флагманского корабля «Леди Тиин» за столом, заваленным испещренными множеством пометок и надписей картами и схемами зараженных областей Зимроэля. Шел третий день плавания. Он вышел из Алаизора с флотом из пяти судов под командованием Великого адмирала Эйзенхарта и направлялся в порт Нуминор, расположенный на юго-восточном побережье Острова Сновидений. Путь должен был занять много недель даже при самых благоприятных ветрах, а сейчас ветры были встречными.

Ожидая своего советника по сельскохозяйственным вопросам, Валентин продолжал просматривать документы, подготовленные Й-Уулисааном, а также то, что было доставлено по его запросу из исторических архивов. Он возвращался к ним чуть ли не в пятидесятый раз после выхода из Алаизора.

Он знал, что болезни и нашествия паразитов растений имеют столь же древнюю историю,

как и само сельское хозяйство. Так что не было никаких оснований надеяться на то, что Маджипур, несмотря на все достоинства этого мира, окажется совершенно свободным от таких напастей. И действительно, в архивах отыскалось немало примеров из минувших эпох. При дюжине, если не больше, правителей отмечались серьезные неурожаи от болезней, или засух, или нашествий насекомых, причем не менее пяти из них были весьма тяжелыми — при Сетифоне и лорде Станидоре, потом при Трайме и лорде Вилдиваре, Струйне и лорде Гуаделуме, Канабе и лорде Сирруте, а также в эпоху Сигнора и лорда Меликанда, уже почти не проглядывавшей из туманной глуби былого.

Но происходившее сейчас казалось куда опаснее всех этих случаев, думал Валентин, и не только потому, что свои беды всегда острее тех, что благополучно похоронены в архивах. По сравнению с теми временами население Маджипура значительно выросло и насчитывало уже двадцать миллиардов, тогда как при Струйне не набиралось и шести, а при Сигноре была вовсе горстка. И если сельское хозяйство сильно пострадает, то при такой массе населения может начаться настоящий голод. А там рукой подать

до краха общественного устройства. Валентин отлично понимал, что стабильностью бытия все обитатели Маджипура обязаны необыкновенной щедрости жизни во всех ее формах на этой гигантской планете. Поскольку никто здесь никогда не испытывал настоящей нужды, в обществе существовало практически всеобщее согласие с порядком вещей и даже с сословным неравенством. Но отними уверенность в полном желудке — и все остальное может рухнуть в одночасье.

И эти мрачные сны, одолевавшие его самого, видения хаоса и странные предзнаменования — пауки-сольпуги, размножившиеся в Алханроэле и тому подобное, — все это вселило в него ощущение тяжкой опасности, невиданной еще угрозы.

— Мой повелитель, прибыл Й-Уулисаан, — доложил Слит.

У советника по сельскому хозяйству был встревоженный и немного нездоровый вид. Войдя в дверь, он начал было неловко делать знак пылающей звезды, как того требовал этикет. Валентин нетерпеливо мотнул головой, жестом предложил Й-Уулисаану сесть и ткнул пальцем в выделенную красным область вокруг Дюлорнской долины.

— Что собой представляет лусавендра? Нас-

колько важна эта культура?

— Чрезвычайно важна, мой повелитель. Это основной источник углеводов для всего населения севера и запада Зимроэля.

— И если ее урожай резко сократится?..

— Ее можно заменить в пище такой культурой, как стаджа.

— Но ведь стаджа тоже поражена болезнью!

— Совершенно верно, мой повелитель. А милиайле, играющая ту же роль в питании, поражена корневым долгоносиком, о чем я вам уже докладывал. Так что следует ожидать наступления серьезных трудностей в обширной области Зимроэля уже через шесть, максимум девять месяцев.

Й-Уулисаан кончиком пальца обвел на карте широкий круг, охвативший территорию почти от Ни-мойи на востоке до Пидруида на западном побережье и доходящий на юг до самого Велатиса. «Сколько народу может там обитать? — подумал Валентин. — Пожалуй, два с половиной миллиарда...» Он попытался представить себе, как два с половиной миллиарда голодных жителей, приученных всей своей жизнью к изобилию пищи, ринутся в города — Тил-омон, Нарабаль, Пидруид...

— Имперские житницы смогут на некоторое время покрыть нехватку продуктов. А мы тем временем придумаем, как справиться с бедой. Лусавендровая сажа уже появлялась около века тому назад, и тогда с нею справились.

— Только с помощью чрезвычайных мер, мой повелитель. Земельные угодья выжигали, а потом с пожарищ глубоко снимали почву. И обошлось это во многие миллионы роялов.

— Разве о деньгах нужно думать, когда люди голодают? Сделали однажды — справимся и еще раз. Если мы сейчас же развернем программу в областях, где разводят лусавендру, сколько, по вашему мнению, потребуется времени, чтобы вернуться в нормальное состояние?

Й-Уулисаан довольно долго молчал, с отсутствующим видом потирая кончиками пальцев необычно широкие и резко выдающиеся скулы, а потом сказал:

— Не меньше пяти лет. Но вероятнее, что десять.

— Это невозможно!

— Сажа распространяется стремительно. Пока мы с вами разговариваем, она могла заразить с тысячу акров. Проблема будет в том, чтобы сдержать распространение заразы.

— А как насчет заболевания нийковых деревьев? Оно распространяется так же быстро?

— Еще быстрее, мой повелитель. И похоже, что она связана с сокращением посадок стаджи; эти культуры обычно взаимосвязаны.

Валентин помолчал, глядя на стену каюты, но видел перед собою только серое ничто. После долгой паузы он сказал:

— Мы справимся с этим, невзирая ни на какие расходы. Й-Уулисаан, я хотел бы получить от вас примерный план борьбы с этими бедствиями и прикидку расходов. Вы с этим справитесь?

— Да, мой повелитель.

Корональ повернулся к Слиту.

— Мы должны объединить усилия с понтификатом. Поручите Эрманару немедленно связаться с министром сельского хозяйства из Лабиринта. Пусть выяснит, что ему известно о положении в Зимроэле, какие меры он предполагает предпринять, и так далее.

В разговор вмешался Тунигорн.

— Мой повелитель, я только что разговаривал с Эрманаром. Он уже установил контакт с понтификатом.

— И?..

— Министерство сельского хозяйства не знает

ничего. Более того, пост министра сельского хозяйства в данное время вакантен.

— Вакантен? Сейчас?

— Насколько я понимаю, — понизив голос, уныло сказал Тунигорн, — в последние годы, из-за недееспособности понтифика Тивераса, многие высокие должности, освободившиеся по той или иной причине, просто никто больше не занимал. Отсюда и определенное снижение действенности аппарата понтифика. Но об этом вам лучше бы поговорить с самим Эрманаром, как-никак он ваш главный связной с Лабиринтом. Послать за ним?

— Чуть попозже, — вяло отозвался Валентин. Он снова повернулся к картам Й-Уулисана и провел пальцем по всей длине Дюлорнской долины. — В этой области сосредоточены две самые тяжелые проблемы. Но если верить картам, обширные зоны, где культивируется лусавендра, имеются повсюду на равнинах от Тагобара и северных границ Пиурифайна до Ни-мойи на юге и тянутся до предместий Гихорны. Верно?

— Совершенно верно, мой повелитель, — кивнул Й-Уулисаан.

— Следовательно, прежде всего нужно преградить лусавендровой саже путь в эти обла-

сти. — Он обвел взглядом Слита, Тунигорна и Делиамбера. — Немедленно сообщите герцогам пострадавших провинций, что любое сообщение между зонами, зараженными сажей, и здоровыми должно быть немедленно прекращено. Наглухо закрыть границы. Если им это не понравится, пусть шлют делегации на Гору и жалуются Элидату. И, кстати, уведомите Элидата о том, что происходит. Улаживать неустойки в торговых отношениях можно будет по каналам понтификата, на это время найдется. Но лучше заранее предупредить Хорнкаста о том, что его ждет множество скандалов. Далее — в областях, где разводят стаджу...

Почти час корональ непрерывно раздавал указания, пока вроде бы все аспекты начавшегося кризиса не были разобраны. Он то и дело обращался к Й-Уулисаану, и каждый раз советник по сельскому хозяйству предлагал что-нибудь полезное. «В этом человеке есть какая-то странная непривлекательность, — думал Валентин, — какая-то отчужденность, холодность, чрезмерная сдержанность, но он, вне всяких сомнений, отлично разбирался в тонкостях устройства сельского хозяйства Зимроэля, и следовало считать большим везением, что он вовремя оказался

в Алаизоре и смог отплыть со мною на флагманском корабле».

Когда же совещание закончилось, Валентин испытал странное чувство тщетности всех усилий. Он отдал несколько десятков распоряжений, отправил во все концы множество депеш, наметил принятие твердых и решительных мер для сдерживания и преодоления беды. И все же, все же… он всего лишь смертный человек, находящийся в маленькой каютке крошечного кораблика, затерявшегося посреди громадного моря, которое само по себе — чуть ли не лужица для этого колоссального мира, и в эти самые мгновения невидимые организмы разносят мор и смерть на тысячи акров плодородных земель. И разве его суровые приказания могут затормозить неумолимое продвижение этой силы судьбы? И снова он почувствовал, что скатывается в настрой безнадежной подавленности, столь чуждый его истинной природе. «Может быть, это во *мне* угнездилась какая-то гниль, — думал он. — Может быть, это я заражен какими-то тлетворными спорами, которые выпили из меня надежду, и бодрость, и жизнерадостность, и теперь я обречен доживать свои дни в мрачности и страданиях».

Он закрыл глаза. Ему снова явилось видение из

того сна, который он увидел в Лабиринте. Видение, напугавшее его сверх всякой меры: огромные трещины, рассекающие прочное основание мира, огромные пласты земли, встающие на дыбы и сталкивающиеся между собою, и он сам посреди всего этого, безнадежно пытающийся удержать мир от распада. Но — тщетно, тщетно, тщетно…

«Неужели на мне лежит проклятие? — думал он. — Почему из сотен короналей именно я избран для присутствия при крушении нашего мира?»

Он заглянул себе в душу и не нашел там черных грехов, которые могли бы навлечь на него и весь Маджипур возмездие Божества. Он не вожделел трона, он не устраивал заговора, он не свергал брата, он не употреблял во зло полученную власть, к которой никогда не стремился, он не…

Он не…

Он не…

Валентин яростно тряхнул головой. Все это глупость и слабость духа. Беды, постигшие нескольких фермеров, случайно совпали с несколькими дурными снами, посетившими его самого, и нет никаких причин видеть во всем этом какой-то вселенский катаклизм. Со временем все придет в норму. Эпифитотия, каков бы ни был ее размах,

будет побеждена. Его царствование войдет в историю не только как время больших тревог, но и как эпоха гармонии, уравновешенности, счастья. «Ты хороший правитель, — сказал он себе. — И хороший человек. У тебя нет причин сомневаться в себе».

Корональ поднялся и вышел из каюты на палубу. День клонился к вечеру; пухлое бронзовое солнце низко висело над западным горизонтом, а на севере уже показалась одна из лун. Небо переливалось множеством самых разных цветов — золотисто-каштановым, бирюзовым, лиловым, янтарным, золотым. На горизонте улеглась тяжелая лента туч. Валентин немного постоял в одиночестве около борта, глубоко набирая в грудь соленый морской воздух. Все обойдется, дай только срок, говорил он себе, но чувствовал при этом, что снова скатывается в тревогу и растерянность. Что-то никак ему не удавалось надолго избавиться от этого настроения. Никогда в жизни безысходность и отчаяние не овладевали им так надолго. Он совершенно не узнавал нынешнего Валентина, этого болезненно мнительного человека, постоянно находящегося на грани уныния. Он сделался чужим самому себе.

— Валентин!

Это была Карабелла. Он заставил себя выкинуть из головы дурные предчувствия, улыбнулся и протянул руку.

— Какой красивый закат!

— Роскошный. Один из лучших в истории. Хоть и говорят, что лучше все же был — в царствование лорда Конфалюма, четырнадцатого числа…

— Нет, Валентин, этот лучше. Потому что мы видим его своими глазами. — Она взяла его под руку, они долго стояли бок о бок без единого слова. И Валентин никак не мог понять, почему он совсем недавно пребывал в столь подавленном настроении. Все будет хорошо. Все будет хорошо!

И вдруг Карабелла сказала:

— Смотри, это же морской дракон, да?

— Морские драконы никогда не заходят в эти воды, милая.

— Значит, это галлюцинация. Но очень правдоподобная. Ты разве не видишь?

— И куда смотреть?

— Вон туда. Видишь, в океане яркое отражение — пурпур с золотом? Оттуда налево. Еще. Вот!

Валентин, прищурившись, всматривался в море. Сначала он не видел там ничего, потом решил, что вроде бы громадное бревно в воде, и тут последний луч солнца пробился сквозь на-

ползавшие тучи, озарил океан, и он ясно увидел: да, несомненно, это одинокий морской дракон, медленно плывущий на север.

Его пробрало ознобом, и он обхватил себя руками.

Всем известно, что морские драконы передвигаются только стадами, пользуясь раз и навсегда определенными маршрутами, проходящими в южных водах — с запада на восток вдоль нижней стороны Зимроэля и берега Гихорны до Пилиплока. Оттуда на восток, минуя Остров Сновидений, вдоль выжженного зноем южного берега Алханроэля, покуда не окажутся в безопасности никем не исследованных просторов Великого океана. Да, это был дракон, в полном одиночестве направлявшийся на север. Валентин не сводил с него глаз, а гигант вдруг воздел к небу свои огромные крылья и неторопливым, но решительным движением ударил ими по воде, как будто намеревался свершить невозможное — подняться из воды и полететь, подобно колоссальной птице, туда, где лежат задернутые изморосью полярные пределы.

— Как странно… — пробормотала Карабелла. — Ты когда-нибудь видел подобное?

— Никогда. Никогда. — Валентин поежился. —

Карабелла, знамения идут сплошным потоком. И как же я должен их понимать?

— Пойдем. Давай вернемся в каюту и выпьем по чаше теплого вина.

— Нет, еще не время.

Он стоял как вкопанный и во все глаза смотрел не открываясь на темный силуэт, все хуже различимый на фоне темного моря в сгущающихся сумерках. Снова и снова громадные крылья вспенивали море, но в конце концов дракон сложил их, вытянул вверх длинную шею, запрокинул массивную голову, увенчанную тремя рогами и испустил гулкий скорбный крик, раскатившийся в полутьме, как туманная сирена маяка. Затем ушел под воду и скрылся из виду.

Глава 4

Невзирая на дождь — а в это время года в Долине Престимиона дожди идут непрерывно — с выжженных полей несло кислой вонью обугленных растений, которая проникала везде и всюду. Аксимаан Трейш, бережно поддерживаемая дочерью под локоть, плелась в центр города, где находился общинный зал, и чуяла ее даже здесь, в нескольких милях от ближайшей выжженной плантации.

От нее невозможно было укрыться. Она, как разлившаяся вода, растеклась повсюду. Едкий смрад проникал в каждое окно и в каждую дверь. Он просачивался в погреба, где хранилось вино, и заражал закупоренные бутылки. Ею отдавало мясо, поставленное на стол. Она въедалась в одежду и не поддавалась никакой стирке. Она впитывалась в каждую пору человеческого тела и оскверняла плоть. Аксимаан Трейш думала, что вонь проникает и в душу. Если ей будет все же позволено расстаться с этой нескончаемой жизнью и придет время вернуться к Источнику, стражи на мосту — Трейш была уверена в этом — остановят ее и презрительно, с отвращением,

развернут обратно. «Старуха, нам тут совершенно не нужен смрад горелой травы. Забирай обратно свое тело и проваливай туда, где жила».

— Мама, здесь тебе будет удобно сидеть? — спросила Хейнок.

— Все равно. Где угодно.

— Вот хорошие места. Здесь будет хорошо слышно.

Сидевшие засуетились, пропуская ее. В последние дни к ней стали относиться, как к дряхлой старухе. Конечно, она стара, чудовищно стара, тут не поспоришь. Она осколок эпохи Оссьера, она так стара, что помнит, как лорд Тиверас был молодым, но ведь то, что она стара, ни для кого не новость, так почему же к ней внезапно все стали относиться столь заботливо? Ей совершенно не требуется особое отношение. Она еще может ходить, она вполне прилично видит, она все еще способна выйти в поле, когда придет пора, и собирать стручки… и собирать… выйти в… поле… и… собирать…

Почти не спотыкаясь, Аксимаан Трейш пробралась к своему месту и села. Она слышала, как с нею здоровались, но реагировала очень сдержанно, потому что ей вдруг стало трудно отождествлять лица и имена. В эти дни все без

исключения жители Долины разговаривали с нею, сочувственно понижая голоса, как будто у нее в семье кто-то умер. В некоторой степени так оно и было. Но случилась совсем не та смерть, к которой она стремилась, которая так упорно избегала ее, — не ее собственная смерть.

Что, если этот день так никогда и не настанет? Ей казалось, что она приговорена вечно ковылять по этому миру среди разрушений и отчаяния, с каждым вздохом ощущая этот едкий смрад.

Она сидела молча, не глядя ни на кого.

— По-моему, он очень смелый, — сказала Хейнок.

— Кто?

— Семпетурн. Тот, кто будет сегодня выступать. В Мазадоне ему пытались помешать, объявили, что он призывает к измене. Но он все равно выступил, и сейчас путешествует по всем сельскохозяйственным районам и пытается объяснить нам, зачем понадобилось уничтожать посевы. Нынче здесь собралась вся Долина. Очень, очень важное событие.

— Да, да, очень важное событие, — согласилась Аксимаан Трейш и кивнула. — Очень важное событие.

Ей было довольно неуютно среди такого мно-

жества людей. Она уже несколько месяцев не бывала в городе. Теперь она вообще редко покидала дом и по большей части сидела у себя в спальне спиной к окну, вовсе не глядя на плантацию. Но сегодня Хейнок настояла, все время повторяя, что это очень важное событие.

— Мама, смотри, вот он!

Аксимаан Трейш не сразу поняла, что на возвышение вышел человек — приземистый, краснолицый, с густой уродливой шевелюрой черных волос, больше похожих на звериный мех. Странно, думала она, насколько стал ей неприятен вид людей с их мягкими обрюзглыми телами, блеклой липкой кожей, омерзительными волосами, слабыми водянистыми глазами. А человечек помахал руками и заговорил отвратительным пронзительным голосом:

— Обитатели Долины Престимиона… в эту годину испытаний мое сердце с вами… черный день… неожиданная драма… трагедия… беда…

Вот оно какое, это важное событие, думала Аксимаан Трейш. Шум, крик. Да, несомненно, важная затея. Она почти сразу же потеряла нить речи оратора, но, определенно, он говорил важные вещи, потому что слова, доносившиеся с возвышения, были одно весомее другого: «Рок…

участь… кара… злоупотребления… невинно… позор… обман…» Но слова, при всей их несомненной важности, пролетали мимо нее, будто какие-то мелкие прозрачные крылатые зверушки.

Для Аксимаан Трейш последнее важное событие уже свершилось, и больше в ее жизни их уже не будет. После того как обнаружили лусавендровую сажу, ее поля сожгли первыми. Сельскохозяйственный агент Эревейн Нур с глубоко опечаленным видом, непрерывно сбивчиво извиняясь, дал в городе объявление о наборе рабочей силы — повесил на двери этого самого общинного зала, где сейчас сидела Аксимаан Трейш, — и утром звездодня все трудоспособные жители Долины Престимиона явились на ее плантацию с огромным запасом факелов. Тщательно расположив горючее по периметру и перекрестив горючими дорожками все поля, они подожгли его…

А потом поля Михайна, и Собора Симитота, и Палвера, и Нитиккимала…

Ничего не осталось. Вся Долина черная, выжженная, не осталось ни риса, ни лусавендры. На будущий год не будет урожая. Силосные ямы останутся пустыми, весовые амбары проржавеют, летнее солнце будет изливать тепло на кучи

золы. Очень похоже на послание от Короля Снов, думала Аксимаан Трейш. Ты устраиваешься зимой поспать свои два месяца, и вдруг в твоем сознании всплывают ужасные видения, в которых гибнет все, что ты так старательно создавала, и ты на своем ложе ощущаешь всю тяжесть духа Короля снов, который давит тебя, мнет, говорит: «Это кара за грехи, в которых ты виновна».

— Откуда нам знать, — продолжал человек, стоявший на сцене, — что тот, кто называет себя лордом Валентином, на самом деле является помазанным короналем, осененным благословением Божества? Как можем мы быть уверены в этом?

Аксимаан Трейш резко выпрямилась и прислушалась.

— Посудите сами — корональ лорд Вориакс, которого все знали, был смуглым, верно? Он правил нами восемь лет, был мудрым властителем, и мы любили его. Скажете, нет? А потом Божество в своей бесконечной непознаваемой милости слишком рано забрало его от нас, и с Горы сообщили, что нашим короналем будет его брат Валентин, который тоже был смуглокожим брюнетом. Это было нам известно. Но показался нам в великом паломничестве — о нет, не здесь, эту

провинцию он не посещал, но его видели в Пилиплоке, в Ни-мойе, а Нарабале, в Тил-омоне, в Пидруиде, и это был смуглый мужчина с блестящими черными глазами и черной бородой, и ни у кого не было сомнения в том, что он брат своего брата и наш законный корональ.

Но что же мы слышим? Появляется человек с волосами цвета золота и объявляет народу Алханроэля, что я, дескать, истинный корональ, исторгнутый из собственного тела колдовством, а брюнет — узурпатор. И жители Алханроэля творят перед ним знак пылающей звезды и кланяются и приветствуют его. И когда нам, в Зимроэле, сообщили, что человек, которого мы считали короналем, вовсе не корональ, мы тоже согласились с этим и поверили в россказни о колдовстве, и он восемь лет сидел в замке и правил. Разве не правда, что мы получили золотоволосого лорда Валентина вместо черноволосого лорда Валентина?

— Что это за изменнические речи?! — заорал плантатор Нитиккимал, сидевший рядом с Аксимаан Трейш. — Родная мать, Владычица острова, самолично подтвердила, что это ее сын!

Человек, стоявший на возвышении, вперил взгляд в слушателей.

— Да, Владычица признала его, и понтифик признал, и высокие аристократы и принцы с Замковой горы тоже признали. Не отрицаю. Кто я такой, чтобы утверждать, что они заблуждаются? Они бьют поклоны и преклоняют колени перед золотоволосым королем. Он устраивает их. Он устраивает вас. Но приемлет ли его Божество, друзья мои? Просто поглядите по сторонам! Сегодня я проехал по долине Престимиона. Где ваши посевы? Почему ваши поля не покрыты густой зеленью? Я вижу лишь пепел! Я вижу смерть! На вашу землю пришел мор, который день за днем распространяется по Разлому — быстрее, чем вы успеваете сжигать посевы, — и заражает землю губительными спорами. В этот сезон лусавендра не вырастет. И всем жителям Зимроэля придется положить зубы на полку. Может ли кто-нибудь припомнить подобное? Среди нас присутствует глубоко умудренная жизненным опытом женщина, на чьем веку сменилось уже много царствований — случалось ли ей видеть подобное? Я обращаюсь к вам, Аксимаан Трейш: вас уважает вся провинция — ваши поля были преданы огню, ваши посевы погублены, и дела всей вашей жизни в буквальном смысле пошли прахом в эти славные последние годы…

— Мама, он к тебе обращается, — громко прошипела Хейнок.

Аксимаан Трейш недоуменно мотнула головой. Она вновь утонула в этом потоке слов.

— Что мы тут делаем? И что он говорит?

— Что вы скажете, Аксимаан Трейш? Не утекла ли из Долины Престимиона благодать Божества? Вы же знаете, что да! Но не по вашим грехам и не по грехам кого-либо еще из присутствующих! Говорю вам, что Божество утратило терпение и обрушило свой гнев на мир, истребило лусавендру в Долине Престимиона, и милаиле в Ни-мойе, и стаджу в Фалкинкипе, и кто знает, каких плодов земли оно лишит нас в ближайшем будущем, каким напастям подвергнет — из-за ложного короналя…

— Измена! Измена!

— Говорю вам, что на Горе сидит незаконный кораль и незаконно правит — золотоволосый узурпатор, который…

— А что, трон снова узурпировали? — пробормотала Аксимаан Трейш. — Мы же чуть ли не в прошлом году слышали сплетни, что, дескать, кто-то незаконно захватил трон…

— Говорю вам: пусть он докажет, что избран Божеством! Пусть явится к нам в великом палом-

ничестве, встанет перед нами и покажет, что он истинный корональ! Уверен, что этого не будет. Уверен, что он не в состоянии этого сделать. И я считаю, что, покуда мы будем смиренно позволять ему владеть Замком, нас ждут новые, еще более жестокие кары от Божества…

— Измена!

— Пусть говорит!

Хейнок тронула Аксимаан Трейш за локоть.

— Мама, с тобой все в порядке?

— Почему все взбесились? Что они кричат?

— Мама, может быть, тебе лучше будет уйти домой?

— Долой узурпатора!

— А я говорю: зовите прокторов, пусть арестуют его за измену!

Аксимаан Трейш растерянно смотрела по сторонам. Похоже, что все уже вскочили с мест и что-то кричали. Сколько шума! Какое безобразие! И странный запах — запах горелой сырой травы… что это горело? Запах щипал ей ноздри. Почему они так разорались?

— Мама…

— Завтра выходим сеять, ведь уже пора? А теперь пойдем домой. Согласна, Хейнок?

— Ох, мама, мама…

— Новый урожай…

— Да, — сказала Хейнок. — С утра выйдем в поле. А сейчас пойдем.

— Долой узурпатора! Да здравствует истинный корональ!

— Да здравствует истинный корональ! — вдруг прокричала Аксимаан Трейш, резко вскочив на ноги. Ее глаза сверкали, язык трепетал, выдавая крайнее возбуждение. Она снова почувствовала себя молодой, полной сил и энергии. — Завтра на рассвете в поле разбросаем новые семена, тщательно присыплем их землей, вознесем молитвы и…

Нет. Нет. Нет.

Туман, окутывавший ее сознание, развеялся. Она вспомнила все. Поля сожжены. Сельскохозяйственный агент сказал, что их нужно выдерживать еще три года, пока земля не очистится от спор сажи. Отсюда и странный запах — сожженные листья и стебли. Огонь бушевал несколько дней. Дождь растревожил запах и поднял его в воздух. В этом году не будет урожая — не будет его и в будущем году, и через год.

— Глупцы, — сказала она.

— Ты о ком, мама?

Аксимаан Трейш обвела рукой вокруг себя.

— Обо всех них. О тех, кто кричит против короналя. Кто считает, что это месть Божества. Ты-то сама неужели думаешь, что Божество решило тяжко покарать нас? Хейнок, мы будем голодать, потому что сажа убила посевы, а какой корональ сидит в Замке, не имеет значения. Ровно никакого значения. Отведи меня домой.

Снова раздался крик: «Долой узурпатора!» В ушах старухи, медленно выбиравшейся из зала, он прозвучал погребальным звоном.

Глава 5

Элидат обвел пристальным взглядом всех принцев и герцогов, собравшихся в зале заседаний.

— Указы написаны рукой Валентина и скреплены печатью Валентина. Их подлинность не вызывает сомнений. В должное время мальчику следует присвоить титул принца.

— И вы считаете, что это время пришло? — холодно спросил Диввис.

Верховный канцлер твердо встретил его яростный взгляд.

— Да.

— И почему же вы так решили?

— Его наставники сказали мне, что он успешно освоил основные положения всех предписанных курсов.

— То есть может перечислить в должном порядке всех короналей от Стиамота до Малибора? И что же это доказывает?

— Обучение отнюдь не ограничивается списком короналей; полагаю, Диввис, вы и сами это еще помните. Весь курс обучения он прошел успешно. Синоды и декреталии, торговые балансы, кодексы провинций и все остальное; вы сами

должны бы все это помнить, верно? Экзамены он прошел безукоризненно. Его знания столь же глубоки, сколь и широки. К тому же он смел. Во время похода по Плато газанов он убил малорна. Вы об этом слышали, Диввис? Не просто ускользнул, ловко прячась, а убил. Этот парень наделен выдающимися способностями.

— Я согласен с такой оценкой, — сказал лорд Элзандир из Чорга. — Я видел его на охоте, в лесу возле Гизельдорна. Он проворен и движется с естественным изяществом. Не витает в облаках и быстро соображает. Сознает пробелы в своих знаниях и прилагает силы для их заполнения. Он вполне достоин продвижения.

— Это безумие! — выкрикнул в голос Диввис и несколько раз звучно хлопнул ладонью по большому столу. — Полное, возмутительное безумие!

— Спокойнее, спокойнее, Диввис, — вмешался Миригант. — Такие крики не подобают нашему совету.

— Мальчишка слишком юн для того, чтобы быть принцем!

— Хочу напомнить, — добавил герцог Халанкский, — что он низкого происхождения.

— Элидат, сколько ему лет? — негромко спросил Стазилейн.

Верховный канцлер пожал плечами.

— Лет двадцать. Или двадцать один. Да, молод. Но отнюдь не ребенок.

— Вы минуту назад назвали его мальчиком, — напомнил герцог Халанкский.

Элидат вскинул руки ладонями вперед.

— Это была лишь фигура речи и ничего больше. Он действительно кажется моложе своих лет, но причиной тому невысокий рост и хрупкое сложение. Хоть и похож на мальчишку, но не мальчишка.

— Но все же не муж, — вставил принц Манганот Банглекодский.

— По какому же критерию? — осведомился Стазилейн.

— Посмотрите на любого из присутствующих здесь, — ответил принц Манганот, — и увидите критерий мужественности. Взять хотя бы вас, Стазилейн. Любой с первого взгляда увидит в вас силу. Выйдите в одиночестве, инкогнито, на улицу любого города — Сти, Норморка, Бибируна, — просто пройдитесь, и все будут расступаться перед вами, даже не зная ни вашего имени, ни титула. То же самое касается Элидата. Диввиса. Мириганта. Моего августейшего брата Дундилмирского. Мы — *мужи*. А он — нет.

— Мы принцы, — возразил Стазилейн, — причем уже много лет. От продолжительного осознания своего положения мы обрели определенную осанку и манеры. Но обладали ли мы всем этим двадцать лет назад?

— Конечно, — сказал Манганот.

Миригант расхохотался.

— Я ведь помню кое-кого из вас в возрасте Хиссуна. Что шумные и кичливые — того не отнять. Если это признаки мужественности, то вы, бесспорно, были мужами. Но с другой стороны… я думаю, что это своего рода замкнутый круг, что властные осанка и манеры развивают властность, которую мы и носим, как одежду. А вот снять с нас роскошные наряды, обрядить в одежды, скажем, фермера, оставить в порту где-нибудь на Зимроэле — и кто будет нам кланяться? Кто будет оказывать нам почтение?

— Он не обладает достоинством принца сейчас и никогда его не обретет, — угрюмо бросил Диввис. — Он нищий оборвыш с задворков Лабиринта и больше ничего.

— Я по-прежнему считаю, что нам не следует возвышать подобную персону до нашего ранга, — сказал принц Манганот Банглекодский.

— Говорят, что Престимион обладал не очень-то

величественными повадками, — бросил герцог Чоргский. — Но вроде бы, даже несмотря на это, его правление считается вполне успешным.

Достопочтенный Канталис, племянник Тивераса, просидевший добрый час в молчании, вдруг вскинул голову и с величайшим изумлением произнес:

— Элзандир, ты сравниваешь его с Престимионом? В таком случае, что же мы сейчас делаем? Утверждаем нового принца или выбираем короналя?

— Каждый принц — это потенциальный корональ, — веско заметил Диввис, — и не будем об этом забывать.

— А избирать нового короналя нам, несомненно, придется скоро, — сказал герцог Халанкский. — Просто безобразие, что Валентин так долго не позволяет старому понтифику умереть, но рано или поздно…

— Это к делу не относится, — резко бросил Элидат.

— Я так не считаю, — возразил Манганот. — Если мы сделаем его принцем, то Валентину уже ничего не помешает возвести его впоследствии и на трон Конфалюма.

— Совершенно абсурдное предположение, —

сказал Миригант.

— Ну, не скажите. Мало ли абсурдных поступков мы уже видели от Валентина? Взять хотя бы жонглерку из циркачей, которую он выбрал себе женой, или колдуна-врууна, сделанного одним из верховных министров, да и вообще всю эту компанию бродяг, из которой он составил этакий избранный придворный круг, отодвинув нас в сторону.

— Осторожней, Манганот, — перебил его Стазилейн. — В этом зале кое-кто любит лорда Валентина.

— Здесь нет тех, кто его не любит, — парировал Манганот. — Вы сами должны бы знать, и Миригант, безусловно, подтвердит, что после смерти Вориакса я активнее большинства других ратовал за передачу короны Валентину. И люблю его ничуть не меньше кого-то другого. Но любить — не значит закрывать глаза на недостатки. Как и все мы, он может допускать ошибки. И я утверждаю, что вытащить двадцатилетнего мальчишку с задворок Лабиринта и сделать его принцем королевства — это ошибка.

— Манганот, сколько лет было вам, когда вы получили титул принца? Шестнадцать? Восемнадцать? А вам, Диввис? Семнадцать, кажется, да?

А тебе, Элидат? — сказал Стазилейн.

— Но ведь это совсем другое дело, — возразил Диввис. — Мы были от рождения предназначены для титула. Я сын короналя. Манганот принадлежит к одному из знатнейших родов Банглекода. Элидат…

— Я имел в виду, — прервал его Стазилейн, — что все мы, будучи гораздо моложе, чем Хиссун сейчас, уже носили этот титул. Да и сам Валентин. Дело тут не в возрасте, а в подготовке. А Элидат заверил нас, что он достаточно подготовлен.

— Да где же это видано — принц из простонародья? — вопросил герцог Халанкский. — Умоляю вас, подумайте, что представляет собой этот новый принц, которого нам навязывает Валентин? Дитя улиц Лабиринта, попрошайка, а может быть, и вовсе воришка…

— Никаких достоверных данных о чем-то подобном нет, — сказал Стазилейн. — Сдается мне, что вы пересказываете клеветнические сплетни.

— Разве не известный факт, что, когда Валентин впервые увидел его в Лабиринте, он был нищим попрошайкой?

— Вот тогда он действительно был ребенком, — ответил Элзандир. — И известный факт состоит в том, что Валентин нанял его в качестве гида,

и мальчик отлично отработал свои деньги, хотя ему было только десять лет. Но все это к делу не относится. Нам сейчас совершенно неважно, кем он был. Мы говорим о том, что он представляет собой сейчас и каким он может стать. Правящий корональ попросил нас утвердить его принцем, когда, по мнению Элидата, он будет к этому готов. Элидат уверяет нас, что он готов. Значит, нет и смысла в дискуссии.

— Нет, — возразил Диввис. — Валентин не решает такие вопросы единолично. Здесь ему требуется наше согласие.

— И вы намерены отвергнуть пожелание короналя? — спросил напрямик герцог Чоргский.

Диввис замялся лишь на мгновение.

— Если совесть прикажет, то да. Валентин не непогрешим. Я не единожды серьезно расходился с ним во мнениях. Это один из таких случаев.

— После того как ему пришлось получить чужое тело, — сказал принц Манганот Банглекодский, — я вскоре заметил, что у него изменился и характер, и мироощущение. У него появилась склонность к фантастике, романтизм; возможно, все это было присуще ему и до попытки переворота, но тогда не проявлялось так открыто, зато после, и до сих пор, проявляется…

— Хватит! — не скрывая раздражения, перебил его Элидат. — Мы собрались, чтобы обсудить конкретный вопрос, мы это сделали и на этом закончим. Корональ предложил нам кандидатуру рыцаря — посвященного Хиссуна сына Эльсиномы для возведения в титул принца с присвоением всех привилегий, положенных этому званию. Как верховный канцлер и регент я вынес кандидатуру на ваше обсуждение. Если возражений нет, предлагаю отметить в протоколе, что предложение одобрено.

— Я против, — сказал Диввис.

— Против, — сказал принц Манганот Банглекодский.

— Против, — сказал герцог Халанкский.

— Кто еще из присутствующих, — медленно проговорил Элидат, — желает быть отмеченным в протоколе в числе возражающих против воли короналя?

— Элидат, я слышу в ваших словах скрытую угрозу и заявляю протест против этого, — сказал принц Нимиан Дундилмирский, не проронивший ни слова с самого начала собрания.

— Ваш протест будет должным образом зарегистрирован, хоть я и не думал угрожать. Ваше мнение, Нимиан?

— Против.

— Хорошо. Против — четверо, лишь малая часть от присутствующих. Стазилейн, если тебя не затруднит, пригласи принца Хиссуна в зал заседаний. — И, обведя взглядом присутствующих, Элидат добавил: — Если кто-нибудь из голосовавших против хочет пересмотреть свое мнение, время еще есть.

— Я остаюсь при своем мнении, — тут же отозвался герцог Халанкский.

— И я, — почти в унисон произнесли принц Банглекодский и Нимиан Дундилмирский.

— А что скажет сын лорда Вориакса? — спросил Элидат.

Диввис улыбнулся.

— Я передумал. Дело сделано, и я, пожалуй, тоже поддержу его.

Манганот привстал с места и разинул от изумления рот. Его лицо налилось кровью. Он начал было что-то говорить, но Диввис остановил его резким взглядом и предупреждающим взмахом руки. Манганот нахмурился, негодующе тряхнул головой, но все же повиновался. Герцог Халанкский шепнул что-то принцу Нимиану, тот пожал плечами и ничего не ответил.

Вернулся Стазилейн; за ним вошел Хиссун,

облаченный в простую белую мантию с золотой нашивкой на левом плече. Его щеки слегка розовели, глаза сверкали необычным блеском, но в целом он был вполне спокоен и сосредоточен.

Элидат заговорил:

— По представлению короналя лорда Валентина и с одобрения присутствующих здесь высоких лордов мы возводим вас в достоинство принца Маджипура с присвоением данного титула и всех сопутствующих ему привилегий.

Хиссун склонил голову.

— Ваши светлости, я потрясен до глубины души. У меня просто нет слов, чтобы выразить всем вам благодарность за оказанную мне невообразимую честь.

Затем он выпрямился и обвел глазами зал, на долю мгновения задержав взгляд на Нимиане, Манганоте, герцоге Халанкском и, наконец, заметно дольше, на Диввисе, ответившем ему холодным взглядом и чуть заметной ухмылкой.

Глава 6

Одинокий морской дракон, столь странно бивший крыльями по воде на закате, явился лишь предвестником череды еще более странных событий. На третью неделю плавания из Алаизора к Острову Сновидений по правому борту «Леди Тиин» появилось целое стадо этих великанов.

Первой их увидела Панделум, штурман судна, скандарка с темно-синим мехом, которая некогда зарабатывала на жизнь охотой на морских драконов. Это случилось на утренней заре, когда она поднялась на мостик, чтобы произвести навигационные наблюдения. Она сообщила об этом адмиралу Эйзенхарту, и тот отправился посоветоваться с Аутифоном Делиамбером, который пошел будить короналя.

Валентин поспешно вышел на палубу. К этому времени солнце уже поднялось со стороны Алханроэля, и на воде играли длинные тени. Штурман вручила ему подзорную трубу, он поднес ее к глазу. Панделум помогла ему навести трубу туда, где вдали перемещались драконы.

Он долго смотрел, сначала мало что различая в ряби волн спокойного моря, затем повел

трубой немного к северу, навел фокус и разглядел морских драконов: множество темных горбатых силуэтов, которые, сбившись в тесный строй, плыли куда-то с поразительной целеустремленностью. Тут и там высоко над водой то поднималась длинная шея, то разворачивались и трепетали в воздухе широкие крылья, чтобы через мгновение вспенить резким ударом морскую поверхность.

— Да здесь их добрая сотня! — воскликнул в изумлении Валентин.

— Гораздо больше, мой повелитель, — ответила Панделум. — Даже в то время, когда я охотилась на них, мне не случалось видеть такого большого стада. Видите королей? Их тут не меньше пяти. Еще с полдюжины почти таких же громадин. И десятки коров, и молоди, просто не сосчитать…

— Я их вижу, — сказал Валентин. В самой середине группы находилось несколько животных поистине титанической величины; над водой виднелись лишь их хребты. — По-моему, больших шесть. Чудовищные — даже больше того, который потопил нас, когда я плыл на «Брангалине»! Да еще в совершенно необычных для них водах. Что они здесь делают? Эйзенхарт, вам доводилось слышать, чтобы морские драконы

появлялись по эту сторону острова?

— Никогда, мой повелитель, — мрачно ответил хьорт. — Я тридцать лет хожу между Нуминором и Алаизором и никогда не видел здесь драконов. Никогда! А сейчас тут огромное стадо…

— Милостью Владычицы, они удаляются от нас, — сказал Слит.

— Но почему все-таки они здесь оказались? — осведомился Валентин.

Все промолчали. Было невозможно вот так, с ходу, представить себе причину для внезапной и радикальной перемены маршрута движения морских драконов по населенным районам Маджипура. Тысячи и тысячи лет стада этих обитателей моря неизменно двигались по проторенным морским дорогам. Во время своих длительных скитаний по всему миру каждое стадо безмятежно шло по одному и тому же пути, что влекло за собой массовую гибель животных, потому что пилиплокские охотники на драконов точно знали, где их найти, и каждый год в надлежащий сезон нападали на них и устраивали страшную бойню, чтобы можно было с великой прибылью торговать на рынках мира драконьим мясом, драконьим жиром, драконьим молоком, драконьими костями и многими другими про-

дуктами, получаемыми из убитых драконов. И все же драконы не меняли пути своих миграций. Правда, иной раз капризы ветров, течений и температур заставляли их отклоняться на несколько сотен миль к северу или югу от привычных маршрутов, вероятно, следом за дрейфом тех морских существ, которыми они питались. Но ничего подобного раньше не наблюдалось — целое стадо драконов огибало восточную сторону Острова Сновидений и, по-видимому, направлялось к полярным областям, вместо того чтобы пройти к югу от острова и побережья Алханроэля и войти в воды Великого моря.

И это стадо оказалось не единственным. Через пять дней они увидели еще одну группу драконов, не столь многочисленную, не более тридцати голов, и без гигантов. Это стадо проплыло в миле-двух от флотилии. Неприятно близко, сказал адмирал Эйзенхарт; на судах, перевозивших короналя и его свиту, не имелось серьезного оружия, а ведь морские драконы известны непостоянством нрава и огромной силой и неоднократно разносили в щепки злосчастные суда, в недобрый час оказавшиеся у них на пути.

Оставалось еще шесть недель плавания. При таком количестве драконов в море, этот срок мог

бы показаться чрезвычайно долгим.

— Может быть, лучше было бы повернуть обратно и перенести плавание на более подходящее время, — предложил Тунигорн; он никогда прежде не был в море, и путешествие перестало нравиться ему еще до того, как начались все эти события.

Слит с каждым днем все сильнее тревожился, Эйзенхарт не скрывал своего волнения, Карабелла подолгу сидела на палубе, молча вглядываясь в волны, как будто ожидала, что дракон вдруг вынырнет прямо перед форштевнем «Леди Тиин». Но Валентин, познавший на собственном опыте неукротимую ярость морского дракона — ему довелось не только пережить кораблекрушение, но и оказаться в желудке чудовища, представляющем собой пещеру из плоти; это оказалось самым жутким из приключений за время изгнания — не желал и слышать о возвращении. Он настаивал на том, что нужно двигаться дальше, говорил, что необходимо посоветоваться с Владычицей, осмотреть пораженный растительным мором Зимроэль, и, по его предчувствиям, вернуться в Алханроэль — все равно что отречься от короны. И вообще, стоит ли исходить из того, что эти заблудшие драконы имеют что-то против нашей

флотилии? Больше похоже, что они весьма целеустремленно спешат по своему загадочному новому пути и вовсе не обращают внимания на суда, оказывающиеся поблизости.

Еще через неделю им встретилась и третья группа. В ней насчитывалось около полусотни животных, среди них три гиганта.

— Такое впечатление, будто вся ежегодная миграция нынче идет на север, — сказала Панделум. Она объяснила, что существует примерно с дюжину различных популяций драконов, каждая из которых по собственному распорядку совершает кругосветную миграцию. Никто не знает, сколько времени занимает подобное странствие, но, вероятно, оно растягивается на несколько десятков лет. По дороге популяция делится на несколько стад разной численности, но все они движутся одним главным курсом, и эта популяция, судя по всему, выбрала для себя новый маршрут, направленный к северу.

Отозвав Делиамбера в сторонку, Валентин спросил врууна, не было ли у него каких-нибудь видений, которые помогли бы истолковать происходящее. Маленький волшебник быстро замахал всеми щупальцами, скручивая их в кольца, что, как Валентин знал по многолетнему знаком-

ству, означало крайнюю степень раздражения, но все же сказал после продолжительной паузы:

— Я ощущаю их силу, и сила эта чрезвычайно велика. Ты ведь знаешь, что это не просто тупые звери.

— Я понимаю, что тело такого размера может обладать и соответствующим мозгом.

— Так оно и есть. Я тянусь к ним и чувствую их присутствие, чувствую великую решимость, строгую дисциплину. Но какой путь их влечет и куда… этого, мой повелитель, я пока не в состоянии тебе сказать.

Валентин решил пересилить всеобщее предчувствие опасности.

— Спой мне балладу о лорде Малиборе, — попросил он Карабеллу, когда все они однажды вечером собрались за столом в кают-компании. Она недоверчиво посмотрела на него, но он улыбнулся, кивнул, и в конце концов она достала свою карманную арфу и легко подобрала старый мотив:

Лорд Малибор был красив и смел
И бурное море любил.
Он спустился с Горы, ушел от дел,
Охоте себя посвятил.

Драконы владели его душой.
И он построил корабль —
Нарядный и крепкий и шел хорошо
Красавец, как кораль.

И Валентин подхватил, вспоминая слова:

Лорд Малибор у руля без слова
Стоял и в пучину смотрел:
Дерзкого самого, самого злого
Дракона встретить хотел.

И вот однажды он бросил клич,
И звук задрожал тугой:
«Король драконов, морская дичь,
Эй, выходи на бой!»

Тунигорн тревожно заерзал на стуле и покачал вино в бокале.

— Сдается мне, мой повелитель, что это песня приносит несчастье.

— Ничего не бойся, — ответил Валентин. — Пой с нами.

«Я слышу тебя!» – крикнул дракон,
Взбаламутив всю глубину.
Он был двенадцати миль длиной

И трех достигал в ширину.

На палубе бился лорд Малибор,
И кровь ручьями текла.
А сколько народу тогда полегло —
Память не сберегла.

В кают-компанию вошла штурман Панделум. Она направилась к столу короналя, но, услышав песню, замерла с растерянным видом, который не мог скрыть даже густой мех, покрывавший ее лицо. Валентин жестом предложил ей присоединиться, но она лишь еще сильнее помрачнела и остановилась в стороне, продолжая хмуриться.

Но драконий король коварнее был,
Хитрее – молва гласит.
И лорд Малибор, хоть и полный сил,
В конце концов был убит.

Любой охотник, идущий на лов,
Эту быль не забудь.
Моли судьбу, не жалея слов,
Благословить твой путь[2].

---

[2] Примечания: 2
Перевод — М. Н. Коркин.

— Что случилось, Панделум? — спросил Валентин, когда нестройный хор умолк.

— Драконы, мой повелитель. Приближаются с юга.

— Много?

— Очень много, мой повелитель.

— Вот видите! — не выдержал Тунигорн. — Мы накликали их себе на беду этой дурацкой песней!

— Значит, надо их отпугнуть, — безмятежно отозвался Валентин. — Спеть ее еще раз. — И он завел с начала:

Лорд Малибор был красив и смел
И бурное море любил…

В этом стаде оказалось несколько сот драконов — такого множества никто еще не видел, и они с трудом верили своим глазам, — а посередине плыли девять гигантов. Валентин держался совершенно спокойно и все же испытывал острое чувство опасности, резкую, почти ощутимую угрозу, излучавшуюся этими животными. Но все они с той же загадочной целеустремленностью, что и остальные, промчались мимо на расстоянии не менее трех миль и быстро скрылись на севере.

Глубокой ночью, когда Валентин спал, открыв, как всегда, свой разум тому знанию, которое может явиться только во сне, в его душе запечатлелось странное видение. Посреди широкой равнины, усеянной угловатыми скалами и странными, рябыми, безлистными растениями с несуразно торчащими негнущимися ветвями, огромное множество людей легкой плавной походкой движется к далекому морю. Он оказывается среди них, одетый, как и они, в развевающиеся одежды из какой-то прозрачной белой ткани, которая колышется сама по себе, хотя воздух совершенно неподвижен. Ни одно из лиц вокруг него не кажется ему знакомым, и все же он не считает себя чужим: он знает, что тесно связан с этими людьми, что они были его спутниками и товарищами по какому-то паломничеству, которое длилось много месяцев, а может быть, и лет. И вот теперь путь близок к завершению.

Впереди лежит море, многоцветное, искрящееся, вода волнуется, как будто в глубине ворочаются титаны, а может быть, вода отзывается на притяжение отечной янтарной луны, тяжело висящей в небесах. У берега могучие волны вздымаются, как кривые яркие хрустальные когти, и откатываются в полной тишине, неве-

сомо омывая сияющий берег, как будто это не волны, а лишь призраки волн. А дальше, там, где волнения уже будто бы и нет, в воде вырисовывается громадный до ужаса темный силуэт.

Это морской дракон, это дракон, которого называют драконом лорда Кинникена; говорят, что он самый большой во всем своем роду, что он король морских драконов, и к нему ни разу не прикасался гарпун охотника. От его громадной горбатой, увенчанной костяным гребнем спины исходит таинственное, неодолимо влекущее, переливающееся аметистовое сияние, заполняющее небо и окрашивающее воду в глубокий фиолетовый цвет. И слышится звон колоколов, громкий и гулкий, ровный и торжественный, мрачный и мощный настолько, что, кажется, весь мир сейчас расколется надвое от самой сердцевины.

Дракон с неумолимой целеустремленностью приближается к берегу; его разъявленная громадная пасть зияет, как вход в пещеру.

Мой час наконец пришел, — провозглашает король драконов, — *и вы все мои.*

Паломники, околдованные, загипнотизированные, влекомые ярким пульсирующим свечением, исходившим от дракона, стремятся к воде, к распахнутой пасти.

Да. Да. Идите ко мне. Я водяной король Маазморн, и вы мои!

Вот король драконов добирается до мелководья, и волны расступаются перед ним, и он так же легко, как плыл по воде, выдвигается на берег. Колокольный звон делается еще громче — ужасающие звуки заполняют атмосферу и словно прессуют ее, так что с каждым следующим оглушающим ударом воздух делается гуще, теплее и неподвижнее. Король-дракон расправляет пару колоссальных плавников, больше похожих на крылья, растущие из мясистого горба у основания шеи, и, как на настоящих крыльях, переносится на мокрый песок. И как только его громадное тело оказывается на суше, первые паломники устремляются к нему и без малейшего колебания шествуют в титанический зев и исчезают, а за ними идут следующие — бесконечная процессия добровольных жертв спешит навстречу королю драконов, а тот подается вперед, чтобы вобрать их в себя.

И они рядами и колоннами входят в пасть и исчезают в ней, и Валентин среди них, и он тоже сходит по туннелю в пропасть драконьего желудка. Он оказывается в сводчатом зале, стены которого ему не удается разглядеть, и

оказывается, что там уже легион проглоченных — миллионы, миллиарды людей и скандаров, и вруунов, и хьортов, и лииименов, и су-сухерисов, и гэйрогов, представители всех многочисленных рас, обитающих на Маджипуре, без разбора сожранных королем драконов.

Маазмоорн между тем все дальше движется по суше и продолжает жрать. Мир постепенно исчезает в его пасти, а он глотает, и глотает, и глотает, и не насыщается, а, напротив, делается прожорливее, и в его утробе исчезают города и горы, континенты и моря, а с ними и Маджипур как таковой; дракон поглощает его целиком и лежит, свернувшись кольцом вокруг планеты, как змея, которую чудовищно раздуло после того, как она проглотила какую-то огромную шарообразную тварь.

Колокола вызванивают триумфальный пеан.

— *Мое царствие наконец пришло!*

Когда сновидение закончилось, Валентин не стал просыпаться окончательно, а, напротив, заставил себя соскользнуть в полусон, состояние наибольшей восприимчивости, и лежал тихо, спокойно, вновь и вновь входя во всепожирающую пасть, переживая увиденное, анализируя и пытаясь истолковать его.

В конце концов до него добрались первые лучи восходящего солнца, и он сбросил с себя сонную дрему. Рядом с ним лежала Карабелла. Она уже проснулась и смотрела на него. Он обвил рукою ее плечи и с игривой лаской положил ладонь ей на грудь.

— Было послание? — спросила она.

— Нет, я не чувствовал присутствия ни Владычицы, ни Короля. — Он улыбнулся. — Ты ведь точно знаешь, когда я вижу сон, да?

— Я вижу, когда сон владеет тобою. У тебя глаза движутся под веками, губы шевелятся, ноздри раздуваются, словно у зверя, сбежавшего от погони.

— У меня был встревоженный вид?

— Вовсе нет. Сначала ты, пожалуй, хмурился, а потом начал улыбаться во сне, и на тебя сошло великое спокойствие, как будто ты шел навстречу неизбежной судьбе и принимал ее полностью.

Валентин рассмеялся:

— Ага, наверно, тут-то меня снова проглотил морской дракон!

— Тебе это приснилось?

— Более или менее. Но совсем не так, как это было на самом деле. Во сне дракон Кинникена вышел на сушу, и я бодро отправился прямиком

в его утробу. Как, судя по всему, и все остальные обитатели мира. И он в итоге съел весь мир.

— А пересказать этот сон ты можешь? — спросила она.

— Только кусками, — ответил он. — А в целое до сих пор не могу собрать.

Он знал, что было бы слишком просто истолковывать сон как всего лишь отклик на события прошлого, как будто он включил развлекательный кубик и посмотрел пьесу, в которой актеры разыгрывали странные события тех лет, когда ему пришлось прожить в изгнании, когда его действительно проглотил морской дракон, разбивший их судно неподалеку от Родамаунтского архипелага. Лизамон Халтин, проглоченная вместе с ним, прорезала им обоим путь на свободу сквозь стенки брюха чудовища. А ведь даже любому ребенку известно, что нельзя истолковывать сны в их самом буквальном, автобиографическом смысле.

Но и на более глубоком уровне он не углядел ничего, кроме столь же очевидной, сколь и тривиальной интерпретации: что странствия стад морских драконов, которые он недавно наблюдал, являлись еще одним предупреждением о том, что мир в опасности, что стабильности об-

щества угрожает некая могущественная сила. Это он и сам знал, и для этого не требовалось подтверждения. Но почему морские драконы? Какая метафора, утвердившаяся в его мозгу, превратила этих огромных морских млекопитающих в угрозу, способную поглотить весь мир?

— Наверно, ты слишком стараешься сразу все понять, — сказала Карабелла. — Отвлекись пока, и смысл проявится сам, когда ты будешь думать о чем-нибудь другом. Что ты на это скажешь? И вообще, не выйти ли нам на палубу?

В последующие дни они больше не встречали стад морских драконов, попалось лишь несколько одиноких странников, а потом они вовсе перестали попадаться. И устрашающие видения больше не посещали сны Валентина. Море было спокойным, ярко светило не слишком еще жаркое солнце, с востока дул устойчивый освежающий ветерок. Валентин подолгу стоял на баке, вглядываясь в море, и наконец наступил день, когда на темном горизонте внезапно вспыхнула, как ярко-белый щит, гряда меловых утесов Острова Сновидений, самого священного и самого мирного места на всем Маджипуре — святилища милосердной Владычицы.

Глава 7

Поместье почти опустело. Все сельскохозяйственные рабочие Этована Элакки разбежались, а за ними последовала и значительная часть домашней прислуги. Никто и не подумал официально оформить увольнение, даже ради того, чтобы получить причитавшееся жалованье; они просто ускользнули потихоньку, как будто боялись даже на лишний час задержаться в зараженной области и опасались, что он так или иначе сумеет уговорить их остаться, если узнает об их желании уйти.

Верность хозяину сохранили Симуст, управляющий-гэйрог, и его жена Ксама, шеф-повар. Остались также двое или трое из слуг и пара садовников. Этован Элакка не очень переживал из-за бегства всех остальных — во-первых, для большинства из них теперь не было работы, а во-вторых, оставшись без урожая на продажу, он все равно не мог платить работникам приличествующее жалованье. Более того, если доходившие до него слухи о нехватке пищи во всей провинции были правдой, то рано или поздно проблемой стало бы само их пропитание. И все же он вос-

принял бегство работников как оскорбление. Он был их хозяином, на нем лежала ответственность за их благополучное существование, и он был готов содержать их, доколе хватит его запасов и возможностей. Почему же они вдруг сбежали все разом? Неужели они, эти растениеводы, всерьез рассчитывали найти работу в сельскохозяйственных районах Фалкинкипа, куда, по всей видимости, направились? И попросту странно было видеть дом и окружающие угодья такими тихими — ведь совсем недавно здесь с раннего утра до позднего вечера кипела жизнь. Этован Элакка порой чувствовал себя короналем, подданные которого отреклись от гражданства и перекочевали в иные земли, а он, оставшись один, бродит по пустому дворцу и издает декреты, которые сам же провозглашает равнодушному воздуху.

И все же он пытался вести свою обычную, прежнюю жизнь. Определенные привычки остаются нерушимыми даже в худшие времена бедствий.

В дни, предшествовавшие пурпурному ливню, Этован Элакка каждое утро вставал задолго до восхода солнца и с рассветом выходил в сад, чтобы совершить небольшой обход. Он всегда шел одним и тем же путем: через алабандиновую

рощу к танигалесам, затем поворачивал налево в тенистый укромный уголок, где теснились караманги. Дальше, под неизменно поражавшими его пышностью кронами тагимоль, то и дело выбрасывавших из коротких кряжистых стволов усыпанные ароматными сине-зелеными цветами изящные ветви, которые образовывали аркаду в шестидесяти, если не больше, футах над тропинкой. Затем приветствовал плотоядные древопасти, кивал пузырчаткам с блестящими листьями, задерживался послушать песню поющих папоротников и в конце концов подходил к ряду ярких желтых кустов мангахона, отмечавших границу между садом и фермой, и смотрел вверх на пологий склон, где росли стаджа, глейны, хингаморты и нийки.

От фермы не осталось ничего, от сада — почти ничего, но Этован Элакка неизменно продолжал свои утренние обходы, останавливаясь возле каждого мертвого почерневшего растения, словно оно по-прежнему росло и подходило к поре пышного цветения. Он отдавал себе полный отчет, что ведет себя глупо и жалко, что любой, кто увидел бы его в эти минуты, наверняка сказал бы: «Бедный старик лишился ума от несчастья». «Ну и пусть», — думал Этован Элакка. Его никогда

особо не занимало, что говорили о нем другие, а сейчас — тем более. Может быть, он и впрямь сошел с ума; впрочем, сам он в это не верил. Он не намеревался отказываться от своих утренних прогулок. Да и чем еще ему было заниматься?

В первые недели после пагубного дождя садовники все порывались убирать каждое дерево, как только оно умирало, но он приказал им оставить все как есть, поскольку надеялся, что многие не погибли, а лишь пострадали, и восстановятся, когда пройдет действие неведомого яда, который принес с собой пурпурный дождь. Однако со временем даже Этовану Элакке стало ясно, что большинство из них погибло безвозвратно, и из их корней не возникнет новая жизнь. Но к тому времени садовники уже начали разбегаться, и вскоре осталась лишь горстка, едва управлявшаяся с уцелевшими частями сада, и на то, чтобы свалить и вытащить умершие деревья, у этих работников просто не нашлось бы времени. Он сгоряча решил было, что справится с этой скорбной работой один, понемногу, выкраивая свободное время, но объем работы оказался настолько велик, что он вскоре махнул рукой и решил оставить все как есть, чтобы останки загубленного сада служили могильным памятни-

ком его былому великолепию.

Однажды утром, на рассвете, уже через много месяцев после пурпурного дождя, Этован Элакка, медленно шествуя по своему саду, нашел странный предмет, торчавший из земли на клумбе пиннин — полированный зуб какого-то крупного животного. Очень крупного — зуб был пяти-шести дюймов длиной и острый, как кинжал. Он поднял находку, недоуменно осмотрел ее и положил в карман. Пройдя дальше, среди муорнасов, он обнаружил еще два зуба такого же размера, воткнутые в землю на расстоянии примерно десяти футов один от другого, когда же поднял взгляд туда, где выше по склону чернела мертвая стаджа, то увидел еще три, разделенные несколько большим расстоянием. Потом обнаружились еще два, и еще один, и все эти зубы образовывали на его земле большой ромб.

Он поспешно вернулся домой; Ксама готовила завтрак.

— Где Симуст? — спросил он.

— Пошел в рощу нийков, сэр, — ответила женщина-гэйрог, не поднимая на него взгляда.

— Ксама, нийки давно засохли.

— Да, сэр. Но он в роще нийков. И провел там всю ночь.

— Сходи за ним. Скажи, что я хочу его видеть.

— Он не придет. К тому же, если я уйду, пища подгорит.

Для Этована Элакки ее отказ оказался совершенно неожиданным, и он в первый миг не нашелся что сказать. Потом, осознав, что в это время перемен следует постоянно быть готовым к новым, самым разнообразным изменениям во всем, вежливо кивнул, повернулся и, не говоря ни слова, опять вышел из дома.

Поспешно, как только мог, он взбирался по удручавшим своим видом террасам холма, мимо полей стаджи, представлявших собою море пожелтевших засохших побегов, через нагие, без единого листочка, кустарники глейна и засохшие кочки — все, что осталось от хингамортов, пока не добрался в конце концов до рощи нийков. Мертвые деревья были настолько легки, что ветер без особого труда выворачивал их с корнями, и большая часть уже попадала, а остальные стояли, опасно наклонившись, будто какой-то великан махнул не глядя ладонью. Этован Элакка не сразу увидел Симуста, но потом разглядел своего управляющего; тот бесцельно бродил вдоль наружной границы рощи, петляя между склоненными деревьями, и время от времени

приостанавливался, чтобы толкнуть и повалить какое-нибудь из них. Неужели он провел за этим занятием всю минувшую ночь? Гэйроги спят не так, как люди, они высыпаются на целый год за несколько месяцев спячки, и поэтому Этован Элакка никогда не удивлялся тому, что старший над его рабочими работает по ночам, а вот такое бесцельное времяпрепровождение никогда не было присуще гэйрогу.

— Симуст!

— А, это вы, сэр. Доброе утро, сэр.

— Ксама сказала, что ты здесь. С тобой все в порядке?

— Да, сэр. В полном порядке, сэр.

— Точно?

— Я в полном порядке, сэр. В абсолютном порядке. — Но в голосе Симуста не слышалось уверенности.

— Ты не спустишься ко мне? — спросил Этован Элакка. — Я хочу кое-что показать тебе.

Симуст замялся, по-видимому, подбирая слова для ответа. Потом медленно спустился по склону, туда, где поджидал плантатор. Змеистые кудри его волос никогда не пребывали в покое, но сейчас они так и плясали, дергаясь, а от мощного, покрытого чешуей тела исходил запах, который

Этован Элакка, давно знакомый с многообразными запахами гэйрогов, уверенно определил как признак крайнего расстройства и дурных предчувствий. Симуст работал у Этована уже двадцать лет, и никогда прежде плантатор не ощущал такого запаха от него.

— Сэр? — вопросительно произнес Симуст.

— Что тебя тревожит?

— Ничего, сэр. Я в полном порядке. Вы хотели что-то показать мне?

— Вот это, — сказал Этован Элакка. Он вынул из кармана длинный конический зуб, который нашел на пинниновой клумбе, и протянул его на ладони управляющему. — Я наткнулся на это полчаса назад, прогуливаясь по саду. И подумал: вдруг ты знаешь, что это такое?

Зеленые, без век, глаза Симуста тревожно задвигались в глазницах.

— Зуб молодого морского дракона, сэр. Несомненно.

— Неужели?

— Я совершенно уверен, сэр. Еще зубы там были?

— Всего несколько. По-моему, еще восемь.

Симуст начертил пальцем в воздухе ромб.

— Расположенные вот так?

— Да, — кивнул Этован Элакка и нахмурился. — А ты-то откуда знаешь?

— Это обычная форма. И это значит опасность, сэр, большую опасность!

— Ты, что, нарочно наводишь тень на плетень? — раздраженно бросил Этован Элакка. — Обычная форма *чего*? Опасность от кого? Ради Владычицы, Симуст, объясни мне ясными словами, что ты знаешь обо всем этом!

Запах гэйрога сделался еще резче, что говорило о сильном волнении, страхе, замешательстве. Симуст, похоже, никак не мог подобрать слова.

— Сэр, вам известно, куда ушли все, кто работал у вас?

— Скорее всего, в Фалкинкип, поискать работы на тамошних скотоводческих фермах. Но какое отношение это…

— Нет, сэр, не в Фалкинкип. Дальше на запад. В Пидруид, вот куда. Дожидаться прибытия драконов.

— Что-то?..

— Так сказано в откровении, сэр.

— Симуст!..

— Вы, что же, ничего не знаете об откровении?

Этован Элакка почувствовал, что его захлестывает гнев, что с ним случалось крайне редко на

всем протяжении его мирной и уравновешенной жизни.

— Нет, я ничего не знаю ни о каком откровении, — сказал он, с трудом сдерживая ярость.

— Я расскажу вам, сэр. Я вам все расскажу.

Гэйрог немного помолчал, видимо, собираясь с мыслями.

Потом он глубоко вздохнул и начал:

— Существует старинная вера, сэр, что в назначенное время мир постигнут великие бедствия, и весь Маджипур окажется ввергнут в хаос. И там говорится, что в это время морские драконы выйдут из моря, подчинят себе сушу, провозгласят новое царство и займутся полным преобразованием нашего мира. И это время будет называться эпохой Откровения.

— Чья же такая фантазия?

— Да, фантазия — это подходящее слово, сэр. Или предание, или, если угодно, волшебная сказка. Науки тут никакой. Мы понимаем, что морские драконы не в состоянии покинуть воду. Но эта вера широко распространена среди части народа, и этот народ находит в ней надежду.

— И что же это за народ?

— Бедняки по большей части. В основном лиимены, но и в других расах многие поддерживают.

Я слышал, сэр, что эта вера распространена у хьортов и встречается у скандаров. А вот люди ее мало знают, и в особенности благородные и обеспеченные вроде вас, сэр. Но уверяю вас, что сейчас многие заявляют, что время Откровения наступило, что мор растений и нехватка пищи являются его первым знаком, что короналя и понтифика скоро свергнут и начнется царствование водных королей. И те, кто верит во все это, сэр, нынче идут в прибрежные города, в Пидруид, и Нарабаль, и Тил-омон, чтобы своими глазами увидеть, как водные короли выйдут на берег, и оказаться среди первых, кто поклонится им. Я знаю, сэр, что так оно и есть. Это происходит по всей провинции и, насколько мне известно, по всему миру. Народ миллионами идет к морю.

— Поразительно, — сказал Этован Элакка. — Насколько, оказывается, я невежествен, здесь, в своем мирке посреди большого мира! — Он провел пальцем по драконьему зубу, от корня до кончика, и сильно, до боли, нажал. — А это? Что это значит?

— Насколько я знаю, сэр, их втыкают тут и там как знак Откровения и как дорожные знаки на пути.

— Но как же они узнают, где размещены эти

зубы?

— Знают, сэр. Не представляю, откуда, но знают. Может быть, они получают это знание из снов. Может быть, их насылают водные короли, так же, как Владычица и Король Снов.

— То есть скоро сюда нахлынет орда кочевников?

— Полагаю, что так, сэр.

Этован Элакка постучал зубом по ладони.

— Симуст, зачем тебе понадобилось провести ночь в роще нийков?

— Пытался набраться смелости, чтобы сказать вам все это, сэр.

— Но смелость-то здесь при чем?

— Видите ли, я считаю, сэр, что нам надо бежать, и знаю, что вы не захотите бежать. Я и бросать вас не хочу, но и умирать не хочу. Но я считаю, что если мы останемся здесь, то непременно умрем.

— Ты знал о драконьих зубах в саду?

— Сэр, я видел, как их устанавливали. И говорил с разведчиками.

— Ах! Когда же?

— В полночь, сэр. Их было трое, два лиимена и хьорт. Они сказали, что сюда направляются четыреста тысяч странников с востока Долины.

— По моим землям пройдет четырехсоттысяч-

ная толпа?

— Боюсь, что да, сэр.

— Здесь же после этой массы народа ничего не останется, верно? Они пройдут здесь, словно саранча. Предполагаю, что они сожрут подчистую все наши запасы, несомненно, разграбят дом и убьют всех, кто попадется им на пути. Не потому, что они злодеи, а просто из-за массовой истерии. Симуст, ты со мною согласен?

— Да, сэр.

— И когда они будут здесь?

— Как мне сказали, через два, может быть, три дня.

— В таком случае, тебе и Ксаме следует уйти нынче же утром, так? И всем прочим слугам и работникам. Думаю, в Фалкинкип. Вы должны добраться до Фалкинкипа, прежде чем туда нахлынет вся эта толпа. Если успеете, то будете в безопасности.

— Сэр, вы, что, не уйдете?

— Нет.

— Умоляю вас, сэр…

— Нет, Симуст.

— Вы же погибнете.

— Симуст, я уже погиб. Зачем мне бежать в Фалкинкип? Что я там буду делать? Я уже погиб,

неужели ты не понимаешь? Я всего лишь мой собственный призрак.

— Сэр… сэр…

— Не теряй времени, — перебил его Этован Элакка. — Тебе надо было забрать жену и уйти прямо в полночь, как только ты увидел, как сеют эти драконьи зубы. Иди. Убирайся! Немедленно.

Он повернулся и зашагал вниз по склону, по пути воткнув зуб дракона туда, откуда взял его — в клумбу пиннин.

Вскоре чета гэйрогов пришла к нему, и они уже вдвоем попытались уговорить его уйти — Этовану Элакке показалось, что они вот-вот расплачутся, хотя у гэйрогов нет слезных желез, — но он был непреклонен, и в конце концов они ушли без него. Он созвал всех остальных работников, сохранивших верность ему, и велел им уходить, раздав все деньги, которые у него оставались, и бóльшую часть пищи, остававшейся в кладовых.

Вечером он впервые в жизни сам приготовил себе обед и решил, что для новичка справился вполне прилично. Он откупорил последнюю бутылку вина из огненной пальмы и выпил больше, чем обычно позволял себе. В мире творилось что-то очень странное, не укладывающееся в голове, но вино немного смягчало тяжкие ощуще-

ния. Сколько тысяч лет прошло в мире и покое! Какой милый мир, насколько гладко работающий мир! Понтифик и кораль, понтифик и кораль, неизменное перемещение из Горного замка в Лабиринт, неизменное управление с согласия многих на благо всех, хотя, естественно, при этом кому-то доставалось больше благ, чем другим, и все же никто не голодал, никто не знал нужды. И теперь этому приходит конец. С неба льется ядовитый дождь, сады засыхают, посевы уничтожены, начинается голод, массами овладевают новые религии, безумные злобные толпы стремятся к морю. Знает ли об этом кораль? Владычица острова? Король Снов? Что делается для того, чтобы исправить положение? Что *может быть* сделано? Помогут ли умиротворяющие сновидения Владычицы наполнить пустые животы? Заставит ли Король своими угрожающими сновидениями обратиться вспять бешеную толпу? Соизволит ли понтифик, если понтифик вообще существует, выйти из Лабиринта и обнародовать высочайшее воззвание? Отправится ли кораль в объезд провинций с призывами к терпению? Нет. Нет. Нет. «Все кончено, — думал Этован Элакка. — Какая жалость, что все это случилось сейчас, а не лет через двадцать

или тридцать, чтобы я успел спокойно умереть в своем саду — в саду, усыпанном цветами».

Ночь он провел без сна, прислушиваясь к окружающему. Все было спокойно.

Утром он вроде бы уловил на востоке первые отзвуки рокочущего шума приближающейся орды. Тогда он обошел дом, открывая все запертые двери, чтобы дом как можно меньше пострадал, когда его будут обыскивать, чтобы разграбить пищу и вина. Дом был красивым, Этован любил его и надеялся, что дом благополучно переживет происходящее.

После этого он вышел в сад, к увядшим, почерневшим растениям. Оказалось, что многие из них смогли пережить губительный дождь — больше, намного больше, чем он думал, ведь все эти страшные месяцы он замечал только дурное, — но цветы появились даже на древопастях, на деревьях ночной красавицы, на части андродрагм, на двикках, на сихорнишском винограде, даже на хрупкой пузырчатке. Он бродил там несколько часов. Ему пришла в голову мысль предать себя одному из древопастей, но это была бы отвратительная — медленная, кровавая, мучительная и неэлегантная смерть, а он хотел, чтобы о нем могли бы сказать, что он был элегантен

до самого конца, даже если не окажется никого, кто мог бы сказать это. Поэтому он отправился туда, где вились лозы сихорнишского винограда, богато увешанные неспелыми, еще желтыми плодами. Спелый сихорниш является одним из лучших деликатесов, а желтый насыщен смертоносными алкалоидами. Этован Элакка долго стоял перед лозами, совершенно не испытывая страха, просто он еще не чувствовал себя готовым. Потом до него донеслись голоса, на сей раз не воображаемые, а вполне реальные, резкие голоса горожан, доносившиеся в благоуханном воздухе с востока. Вот теперь он был готов. Он, правда, знал, что благороднее было бы дождаться их прихода, пригласить их в свое поместье, предложить им свои лучшие вина и самый обильный обед, какой позволили бы его возможности, но в отсутствие слуг он не смог бы оказать должного гостеприимства, кроме того, он всегда недолюбливал горожан, особенно когда те оказывались незваными гостями. Он в последний раз обвел взглядом двикки и пузырчатки, единственную халатингу, которой было еще далеко до здорового состояния, препоручил свою душу Владычице и почувствовал, что к глазам подступили слезы. Он не считал плач уместным в такой ситуации. Он

поднес желтый плод сихорниша к губам и жадно вгрызся в твердую незрелую плоть.

Глава 8

Хотя Эльсинома всего лишь намеревалась дать глазам немного, буквально мгновение, отдохнуть, перед тем как взяться за приготовление обеда, стоило ей прилечь, как глубокий и крепкий сон снизошел на нее и увлек в туманное царство желтых теней и плавных розовых холмов. Трудно было ожидать, что послание явится во время случайного дневного отдыха, но как только она полностью погрузилась в дремоту, то ощутила легкое давление на врата своей души и поняла, что к ней приближается сущность Владычицы.

В последнее время Эльсинома постоянно чувствовала себя усталой. Никогда еще ей не доводилось работать так тяжко, как в последние несколько дней — с тех пор, как известия о кризисе на западе Зимроэля достигли Лабиринта. Теперь в кафе с утра до вечера было полно чопорных чиновников понтификата, обсуждавших последние новости за чашей-другой доброго малдемарского или золотого дюлорнского вина — они требовали самого лучшего, а когда волновались, то в особенности. Вот она и носилась как заведенная, следила за посудой, делала вне-

очередные закупки у виноторговцев. На первых порах это приятно щекотало нервы, как будто она сама была причастна к разрешению этого исторического кризиса. Но теперь она просто изнемогала.

Последняя мысль, промелькнувшая перед тем, как она погрузилась в сон, была о Хиссуне: *принце* Хиссуне; она никак не могла приучить себя воспринимать его имя с этим титулом. Она не имела известий о нем уже несколько месяцев, с тех пор как от него пришло то невероятное, невозможное письмо, в котором он извещал, что его ввели в наивысший круг Замка. Но с тех пор его образ в ее представлении размылся, и он был уже не тем остроглазым умненьким малорослым мальчишкой, который некогда умилял, забавлял и поддерживал ее, а незнакомцем в роскошном одеянии, пребывающем в совете высших за обсуждением умопомрачительных вопросов, касающихся судьбы мира. Ей представилось, что Хиссун сидит за огромным столом, отполированным до зеркального блеска, среди мужчин постарше; их черты нельзя было различить, но они излучали властность и величие и все смотрели на Хиссуна, который что-то говорил. Но это видение тут же исчезло, и в сознание Эльсиномы

явилась Владычица.

Послание оказалось очень коротким. Она будто бы находилась на Острове — так она решила, увидев белые утесы и круто поднимающиеся террасы, хотя никогда не выдела его своими глазами; она, по правде говоря, никогда не бывала за пределами Лабиринта — и, в буквальном смысле, как во сне, даже не шевеля ногами, она двигалась по саду, который поначалу показался ей опрятным и свежим, но чем дальше, тем более обретал запущенный и потемневший вид. Рядом с нею шла черноволосая, облаченная в белое Владычица, казавшаяся усталой и опечаленной, а вовсе не той сильной, теплой, внушающей душевный покой личностью, которую Эльсинома привыкла видеть в прежних посланиях; она клонилась под бременем забот, веки на опущенных долу глазах припухли, движения были неуверенными. «Поделись со мною силой», — чуть слышно произнесла Владычица. «Что-то здесь не так, — подумала Эльсинома. — Владычица приходит, чтобы дать нам свою силу, а не воспользоваться нашей». Но та Эльсинома, что была во сне, не колебалась ни мгновения. Она была рослой и энергичной, ее голову и плечи окутывал мерцающий нимб. Она привлекла Владычицу к себе, прижала к груди

и крепко обняла; та вздохнула и, кажется, часть боли покинула ее. Затем женщины отступили друг от друга, и Владычица, светившаяся теперь так же, как и Эльсинома, приложила пальцы к губам, послала Эльсиноме воздушный поцелуй и исчезла.

И все. Эльсинома неожиданно быстро проснулась и увидела все те же обшарпанные стены своей квартиры во Дворе Гуаделума. Она все еще ощущала отзвуки послания, в этом не было никакого сомнения, но послания прошлых лет всегда приносили ей ясное представление о новой цели, указывали направление перемен в жизни, а это оставило лишь недоумение. Она не могла понять смысла такого послания, но, может быть, он еще дойдет до нее, думала она, через день-другой.

Из комнаты дочерей доносился какой-то шорох.

— Элимур! Мараун!

Ответа не последовало. Эльсинома выглянула и увидела, что девушки шушукаются, склонившись друг к дружке, и Мараун поспешно спрятала что-то за спину.

— Что это у тебя?

— Ничего, мама. Так, пустячок.

— Какой еще пустячок?

— Безделушка, только и всего.

Однако интонация Мараун показалась матери подозрительной.

— Дай-ка посмотреть.

— Но это действительно *пустяк*.

— Дай посмотреть.

Мараун бросила быстрый взгляд на старшую сестру. Элимур, выглядевшая встревоженной и явно ощущавшая себя не в своей тарелке, лишь пожала плечами.

— Мама, это личное. Может же у девушки быть хоть какая-то *личная* жизнь? — сказала Мараун.

Эльсинома протянула руку. Мараун, наклонилась вперед и неохотно протянула матери небольшой зуб морского дракона, покрытый искусной резьбой в виде незнакомых и вызывающих странную тревогу остроугольных символов. Эльсиноме, все еще пребывавшей в ауре послания, маленький амулет показался зловещим и угрожающим.

— Где ты это взяла?

— Мама, такие у всех есть.

— Я спрашиваю: откуда оно у тебя?

— От Ванимуна. Вернее, от Ванимуновой сестры Шулейры. А ей дал он. Мам, отдай, да?

— Тебе известно, что это значит? — спросила

Эльсинома.

— Значит?

— Да, именно это я и сказала. Что это значит?

— Да ничего не значит, — пожав плечами, ответила Мараун. — Это просто безделушка. Я просверлю в ней дырку и буду носить на шнурке.

— И ты думаешь, что я поверю?

Мараун промолчала.

— Мама, я… — заговорила Элимун и осеклась.

— Продолжай.

— Мама, это всего лишь мода. Такие все носят. У лииименов появилась новая безумная идея, что морские драконы — это боги, что они вот-вот захватят мир и что все беды последнего времени знаменуют их пришествие. И в народе говорят, что если мы будем носить зубы морских драконов, то спасемся, когда драконы выйдут на сушу.

— В этом нет ничего нового, — холодно ответила Эльсинома. — Об этой чепухе болтают уже не одну сотню лет. Но всегда тайно, шепотком, потому что это глупости. Безумные — но глупости, и ничего больше. Морские драконы — это всего лишь рыбы-переростки. О нас печется Божество — Единый, и проводниками его воли являются корональ, понтифик и Владычица. Вам понятно?

Быстрым гневным движением она переломила конический зуб и швырнула обломки Мараун, которая взглянула на нее с яростью, какой Эльсинома никогда еще не видела у своих дочерей. Она резко повернулась и поспешила в кухню. Руки у нее тряслись, ее бил озноб, и от покоя, снизошедшего на нее от Владычицы в послании — сейчас ей казалось, что с тех прошло, самое меньшее, несколько недель, — не осталось ровным счетом ничего.

Глава 9

Для входа в порт Нуминора требуется все мастерство опытного лоцмана, поскольку канал там узок, а течение быстрое, и частенько за одну ночь на фарватере возникают новые песчаные мели. Но Панделум спокойно и уверенно стояла на мостике, четкими решительными жестами отдавала команды, и флагман короналя с высокомерной непринужденностью миновал горловину канала и вошел в просторную безопасную гавань — единственную на алханроэльской стороне острова, где море сумело прорваться сквозь грандиозную меловую стену Первой террасы.

— Я уже здесь ощущаю присутствие матери, — сказал Валентин, когда корабль остановился и они приготовились сойти на берег. — Оно доносится до меня, как аромат алабандины на ветру.

— Владычица спустится сюда, чтобы приветствовать нас? — спросила Карабелла.

— Очень сомневаюсь, — ответил Валентин. — По обычаю сын идет к матери, а не мать к сыну. Она останется во Внутреннем храме и пришлет иерархов. В смысле, чтобы проводить нас к ней.

И действительно, на причале правителя и

его свиту поджидала группа иерархов. Одна из женщин в золотых мантиях с алой каймой была хорошо знакома Валентину — строгая седовласая Лоривейд, сопровождавшая его во время войны с узурпатором от Острова до Замка-на-Горе, обучавшая его техникам транса и передачи мыслеобраза, практикующимся на Острове. И еще одна фигура показалась ему знакомой, но он не мог сообразить, кто она такая, пока она не заговорила. И прежде чем она успела представиться, он понял, что это Талинот Эсюлде, загадочная личность, ставшая его первым провожатым в том давнем паломничестве на Остров. Тогда она ходила с обритой наголо головой, и Валентин не мог определить ее пол — он сначала думал, что имеет дело с мужчиной, из-за высокого роста, то, глядя на тонкие черты лица и деликатное телосложение, решал, что это женщина. Но, войдя во внутренний круг, она позволила себе отрастить волосы, и теперь ей на плечи ниспадали шелковистые локоны, такие же золотые, как у Валентина, но явно мягче, так что теперь сомнений в том, что это женщина, возникнуть уже не могло.

— Мы принесли послание для вас, мой повелитель, — сказала иерарх Лоривейд. — У нас много

новостей, и все они дурные. Но прежде всего мы препроводим вас в резиденцию.

В Нуминорском порту имелся дом, носивший название Семь стен. Никто не понимал, что значит это имя, так как из-за его глубокой древности происхождение начисто забылось. Здание, сложенное из массивных блоков темного гранита, добытых в карьерах Стойензарского полуострова и сложенных воедино без капли цемента, стояло на бастионе, обращенном к морю, и было направлено главным фасадом к Алханроэлю, а задним — к крутой трехъярусной вершине Острова. Оно предназначалось только для ночлега короналей, посещавших остров после получения титула, и поэтому годами стояло без использования, тем не менее многолюдный штат прислуги постоянно поддерживал дом в идеальном состоянии, как будто думали, что корональ мог явиться в любой момент без предупреждения и, сойдя с корабля, сразу же направиться в свое временное жилище.

Дом был очень стар, не менее стар, чем Замок, и, по мнению археологов, старше любого из храмов и священных террас, существующих сейчас на острове. Предания утверждали, что его построила для лорда Стиамота его мать, легендарная леди Тиин, когда тот восемь тысяч лет тому назад

прибыл на Остров Сновидений по завершении Войн с метаморфами. Кое-кто утверждал, что название Семь стен он получил потому, что при строительстве в его фундамент были замурованы трупы семи воинов метаморфов, которых леди Тиин убила собственноручно, отражая попытку вторжения на остров. Однако ни при одном из многочисленных ремонтов древней постройки никаких останков обнаружено не было, к тому же большинство современных историков совсем не верили, что леди Тиин, при всем ее героизме, лично сражалась с оружием в руках в ходе битвы за Остров. По другой гипотезе, во внутреннем дворе здания некогда стояла семигранная часовня, воздвигнутая лордом Стиамотом в честь матери, и от нее имя перешло ко всему дому. А в день смерти Стиамота часовню разобрали и перевезли морем в Алаизор, где из нее построили фундамент для склепа покойного правителя. Но и эта гипотеза не получила подтверждения, поскольку до нынешнего дня во дворе не нашли никаких следов семигранного сооружения, и вряд ли можно было ожидать, что кто-нибудь решится разобрать могилу Стиамота для проверки гипотезы. Сам Валентин предпочитал третью версию, согласно которой словосочетание «Семь

стен» было искаженной на людской лад фразой древнего языка метаморфов, означавшей «место, где с рыбы обдирали чешую» и относившейся к доисторическим временам, когда метаморфы, обитавшие на Алханроэле, промышляли рыбу и добрались до Острова. Ну а надежды установить истину просто не было.

Для посещения короналем Острова существовал особый ритуал, в который входило непременное посещение Семи стен, знаменовавшее переход от мира действий, где обитали коронали, к миру духа, которым правила Владычица. Валентин отправился совершать предписанные процедуры — церемониальное омовение в ванне с ароматическими травами и медитацию в особой комнате со стенами из мрамора, покрытого искуснейшей резьбой, — а Карабелла просматривала почту, накопившуюся за время, пока он находился в море, и когда он вернулся, чистый и умиротворенный, то сразу понял по суровому взгляду супруги, что слишком поспешно завершил ритуалы и сейчас его грубо вернут в мир событий.

— Ну и насколько плохи новости? — осведомился он.

— Вряд ли бывает хуже, мой повелитель.

Она протянула ему стопку бумаг, которые уже отсортировала, и кратко описала, так что сверху лежали листы с кратким содержанием важнейших документов. Гибель урожая в семи провинциях — серьезная нехватка продовольствия во многих частях Зимроэля — начало массовой миграции из глубины материка в города западного побережья — внезапный рост популярности мало кому известной прежде старинной религии, утверждавшей, что грядет конец света и что морские драконы — это сверхъестественные существа, которые вот-вот выйдут на сушу и провозгласят наступление новой эпохи…

Он в изумлении посмотрел на жену.

— И все это за столь короткое время?

— Валентин, это лишь обрывочные сведения. Сейчас никто не знает толком, что там происходит — расстояние настолько велико, а каналы передачи информации нестабильны…

Он успокаивающе вскинул руку.

— Все, что предсказывалось в моих снах и видениях, начинает сбываться. Карабелла, надвигается тьма, и только я способен встать у нее на пути.

— Ты будешь не один, милый.

— Я знаю. И глубоко благодарен за это. Но на-

ступит решающий момент, когда я должен буду остаться один, и что я тогда буду делать? — Он грустно улыбнулся. — Когда-то мы жонглировали в Бесконечном цирке Дюлорна, помнишь? Я лишь начал тогда возвращаться к своей истинной личности. В разговоре с Делиамбером я сказал, что, наверное, на то, чтобы меня свергли, была воля Божества, и, возможно, для Маджипура было хорошо, что узурпатор присвоил мое имя и мой трон, потому что у меня вовсе нет истинного желания царствовать, и кто-то другой может проявить себя более способным и умелым правителем. Делиамбер категорически со мною не согласился и сказал, что законный, осененный благодатью правитель может быть только один — и это я, — следовательно, я обязан вернуться на свое место. Ты слишком многого просишь от меня, сказал я, а он ответил: «История просит. История требует от разумных существ выбора между порядком и анархией, между созиданием и разрушением, между здравомыслием и неразумием, — и добавил: — Важно, мой повелитель, очень важно, кто предназначен стать короналем, и кто не предназначен». Я никогда не забывал эти слова — и никогда не забуду.

— И что же ты ему ответил?

— Я ответил «да» и добавил «наверное», а он сказал: «Ты долго будешь колебаться между «да» и «наверное», но в конце концов «да» возьмет верх». Так и произошло, и благодаря этому я вернул свой трон — и тем не менее мы с каждым днем уходим все дальше от порядка, и созидания, и здравомыслия и все ближе к анархии, разрушению и неразумию. — Валентин устремил на жену полный боли взор. — Неужели Делиамбер ошибался? И правда ли важно, кто предназначен быть короналем и кто не предназначен для этого? Я считаю себя хорошим человеком и даже временами думаю о себе как о мудром правителе, и все же, Карабелла, несмотря на это, мир идет вразнос, вопреки всем моим усилиям, или в результате их. Не знаю, почему. Не исключено, что для всех было бы лучше, если б я остался странствующим жонглером.

— Ах, Валентин, какие же глупости ты несешь!

— Думаешь?

— Ты хочешь сказать, что если бы оставил власть Доминину Баржазиду, в этом году был бы собран хороший урожай лусавендры? Какое отношение к тебе может иметь недород на Зимроэле? Там случилось природное бедствие, с природными причинами, и ты найдешь наилучший путь

для разрешения этого кризиса, потому что тебе присуща мудрость и ты избран Божеством.

— Я избран принцами Замковой горы, — сказал он. — Они всего лишь люди и способны ошибаться.

— При выборах короналя Божество говорит через них. А Божество вовсе не видит в тебе инструмент разрушения Маджипура. Эти сообщения серьезны, но не ужасны. Через несколько дней ты поговоришь с матерью, и к тебе вернутся силы, подорванные усталостью. А потом мы отправимся в Зимроэль, и ты уладишь тамошние неурядицы.

— Я сам надеюсь на это, Карабелла. Но…

— Ты не просто надеешься, а твердо знаешь, что так и будет. Повторяю, мой повелитель, когда ты ведешь такие унылые речи, я просто не узнаю человека, которого так хорошо знаю. — Она хлопнула по стопке бумаг. — Я не собираюсь преуменьшать значения всего этого. Но знаю, что мы способны сделать очень много для того, чтобы остановить грозящую тьму, и что все это будет сделано.

Он медленно кивнул.

— Я и сам так думаю — по большей части. Но иногда…

— А в таких случаях лучше не думать вовсе.

В дверь постучали.

— Вот и отлично, — сказала Карабелла. — Нас перебили, чему я очень рада, потому что устала слушать от тебя эти упадочнические речи, любовь моя.

Она пригласила в комнату Талинот Эсюлде.

— Мой повелитель, прибыла ваша мать, Владычица острова. Она хочет встретиться с вами в Изумрудной гостиной.

— Моя мать здесь? Но ведь я собирался завтра утром отправиться к ней во Внутренний храм!

— Она приехала сюда сама, — невозмутимо ответила Талинот Эсюлде.

Изумрудная гостиная представляла собой небольшой зал, выдержанный в разных оттенках зеленого — стены отделаны зеленым серпентином, пол из зеленого оникса, вместо стекол в окнах полупрозрачные панели из зеленого нефрита. Владычица стояла посреди комнаты, между двумя рослыми, усыпанными зелеными цветами металлического оттенка деревьями танигали в горшках; больше в помещении почти ничего и не было. Валентин быстро подошел к ней. Она протянула ему руки, и когда их пальцы соприкоснулись, он ощутил знакомую пульсацию силы,

исходившей от нее, той священной силы, которая, как ключевая вода, заполняющая колодец, накапливалась в ней, благодаря многолетнему контакту с душами миллиардов обитателей Маджипура.

Он много раз беседовал с нею в снах, но не видел воочию уже много лет и оказался не готов узреть тот отпечаток, который наложило на нее время. Она была все еще красива; с этим минувшие годы не смогли ничего поделать. Однако возраст облек ее в тончайшую вуаль, черные волосы утратили блеск, тепла во взгляде хоть и ненамного, но убавилось, кожа как будто чуть заметно одрябла. Но держалась она так же величественно, как и всегда, и, как и всегда, была облачена в торжественные белые одеяния, над ухом у нее красовался цветок, а лоб пересекал серебряный обод, орудие благодати и величия, могущества и бесконечного сострадания. Но Валентин не мог обращаться к ней иначе, чем в годы детства и отрочества: мама.

— Мама! Наконец-то!

— Да, Валентин! Сколько лет прошло, сколько зим…

Она прикоснулась к лицу, плечам, рукам Валентина. Ее пальцы почти не ощущались, словно

были легче перышка, но по его коже побежали мурашки — настолько великими силами обладала эта женщина. Ему пришлось напомнить себе, что перед ним не богиня, а всего лишь смертное создание из плоти и крови, дитя таких же смертных созданий, что она когда-то была женой верховного канцлера Дамиандана, породила на свет двоих сыновей, одним из которых является он сам, что некогда она прижимала его к груди, и он радостно слушал ее ласковое пение, что это она отмывала его лицо от грязи, когда он приходил с гуляния, что в пору детских потрясений ему случалось плакать в ее объятиях и получать от нее покой и мудрость. Когда скипетр Божества указал на семью верховного канцлера Дамиандана и возвел Вориакса на трон Конфалюма, то же движение преобразило мать Вориакса во Владычицу острова, и ни к нему, ни к ней уже нельзя было относиться как к простым смертным — даже в кругу семьи. Валентин тогда сразу же почувствовал — и остался с этим ощущением на всю жизнь, — что не может воспринимать ее просто как свою мать. Поскольку она надела серебряный обод, переехала на Остров и вознеслась к могуществу Владычицы и теперь оделяет покоем и мудростью не только его, но и весь мир,

взирающий на нее с благоговением и надеждой. Даже после того, как тот же скипетр возвысил самого Валентина на место Вориакса и ему тоже довелось покинуть царство обыденности и стать чем-то большим, в некоторой степени, не человеком уже, а мифологическим персонажем, он продолжал благоговеть перед нею, поскольку не благоговел перед собой. Корональ ли, нет ли, он просто не мог внутренним взором смотреть на себя с тем же благоговением, с каким на него смотрели другие, а он сам — на Владычицу.

И все же, прежде чем перейти к высоким материям, они поговорили о семейных делах. Валентин рассказал все, что знал, о том, как живут ее сестра Галиара и брат Сайт Стийский, о Диввисе, Мириганте и дочерях Вориакса. Она поинтересовалась, часто ли он посещает старые фамильные земли в Халанксе, и радостно ли ему жить в Замке, и сохраняется ли любовь между ним и Карабеллой. Напряженность, ощущавшаяся поначалу между ними, растаяла, и он почти чувствовал себя обычным человеком, каким-нибудь мелким аристократом из Замка, явившимся с визитом к любимой матери, давно сменившей климат, но продолжающей интересоваться новостями из дома. Но долго притворяться, что они не

те, кто есть, было невозможно, и когда разговор все же сделался принужденным, Валентин произнес совсем другим тоном:

— Мама, почему ты не позволила мне прибыть к тебе, как положено? Не подобает Владычице покидать Внутренний храм и самой посещать Семь стен.

— Тратить сейчас время на формальности просто неразумно. Мы не успеваем за событиями; нужно действовать безотлагательно.

— То есть у тебя есть новости с Зимроэля?

— Конечно. — Она прикоснулась к ободку. — Вот это приносит со скоростью мысли мне новости отовсюду. Ах, Валентин, на какое же несчастное время выпало наше царствование! Когда ты отправился в паломничество, я предвкушала увидеть тебя радостным, но вот ты здесь, и я чувствую в тебе только боль, сомнения и страх перед будущим.

— Что ты видишь, мама? Что нас ждет?

— Неужели ты считаешь, что я способна каким бы то ни было образом предвидеть будущее?

— Ты яснее, чем кто-либо другой, видишь настоящее. И как сама только что сказала, получаешь известия отовсюду.

— То, что я вижу, окутано мраком и туманом.

Причины треволнений, охвативших мир, недоступны моему пониманию. Порядок вещей снова оказался под угрозой. А корональ впал в отчаяние. Вот, какую картину я вижу. Валентин, почему ты отчаиваешься? Ты же сын Дамиандана и брат Вориакса, а эти люди не знали отчаяния. Отчаяние не свойственно и моей душе, да, уверена, и твоей.

— За короткое время, что я пробыл здесь, мне стало известно, что в мире происходят великие треволнения, как ты сама все это назвала, и положение становится все тяжелее.

— И это повод для отчаяния? Это должно лишь подхлестывать в тебе стремление урегулировать положение, что однажды тебе прекрасно удалось.

— Однако уже второй раз за время моего правления Маджипур постигают беды. И сдается мне, — продолжил он, — что мое правление несчастливое и станет еще несчастливее, если масштаб неурожаев, голода и панических миграций будет усиливаться. Боюсь, нет ли на мне какого-нибудь проклятия.

Он увидел в ее глазах мгновенную вспышку гнева, которая в очередной раз напомнила ему о поразительной силе духа матери, ее неколебимой

дисциплине и бесконечной верности долгу, скрытыми за ее миловидной и хрупкой внешностью. В некотором роде она была столь же неукротимым бойцом, как и героиня незапамятных времен леди Тиин, выходившая на бастионы, чтобы отбить натиск метаморфов. Нынешняя Владычица тоже решилась бы взять в руки оружие, доведись ей отбивать вражеское нашествие. Он отлично знал, что она совершенно нетерпима к проявлениям слабости, жалости к себе и упадку духа у своих сыновей, потому что не допускала ничего подобного для себя. И, думая об этом, он почувствовал, что подавленность и отчаяние начали понемногу покидать его.

— Ты зря винишь себя, — ласково сказала она. — Если над миром и впрямь тяготеет проклятие — а я думаю, что нечто в этом роде как раз и происходит, то лежит оно не на благородном и добродетельном коронале, а на всех нас. У тебя, Валентин, причин для мук совести меньше, чем у кого-либо другого. Ты не носитель проклятия, а, скорее, единственный человек, кому под силу снять его с нас. Но чтобы так случилось, ты должен действовать, и действовать безотлагательно.

— Но что же это за проклятие такое?

Владычица прикоснулась ладонью к его лбу.

— У тебя есть серебряный обод, точно такой же, как у меня. Ты взял его с собой в эту поездку?

— Я всегда вожу его с собой.

— В таком случае принеси его сюда.

Валентин вышел из комнаты, сказал несколько слов Слиту, поджидавшему за дверью, и вскоре лакей принес драгоценный ларец, в котором хранился обод. Владычица вручила его Валентину, когда он впервые явился на Остров в облике паломника, в годы изгнания. С его помощью он соединил разум с сознанием матери и получил окончательное подтверждение тому, что бродячий жонглер из Пидруида и лорд Валентин из Замка — одна и та же личность. Через этот инструмент, управляемый Владычицей, к нему вернулись похищенные воспоминания. А потом иерарх Лоривейд научила его входить в транс и, используя этот обод, получать доступ к сознаниям других. После возвращения на трон он мало пользовался им, так как обод является атрибутом Владычицы, а не короналя, а одному из властителей Маджипура не подобает вторгаться в чужие сферы деятельности. Теперь же он возложил обод себе на голову, а Владычица, как и много лет назад, налила ему темного, сладкого, пряного

сонного вина, которое пьют, чтобы достичь слияния сознаний.

Он выпил вино одним глотком, Владычица не спеша опустошила свой бокал; осталось совсем немного подождать, пока вино начнет действовать. Он ввел себя в состояние транса, обеспечивающее наибольшую восприимчивость. Потом она взяла его за руку и переплела пальцы, чтобы обеспечить самый плотный контакт, и тотчас в его голову хлынул такой поток образов и ощущений, что он оторопел, хотя и представлял себе силу предстоящего воздействия.

А ведь именно такие удары ежедневно на протяжении многих лет испытывали Владычица и ее приближенные, отправляя свой дух в полет по миру в поисках нуждающихся в помощи.

Он не различал отдельных разумов — мир был слишком велик и многолюден для того, чтобы выделить конкретную личность; такое можно было сделать лишь при наивысшей концентрации. Пролетая, подобно порыву горячего ветра, седлающего термальные воздушные течения, он воспринимал очаги ощущений: где-то это были дурные предчувствия, где-то страх, стыд, муки совести или вдруг неожиданно, как удар, возникала область безумия или расстилалась серая

пелена отчаяния. Снижаясь, он различал строение душ — черные гребни, пронизанные алыми лентами, резкие зазубренные шипы, спутанные непроходимые дороги из щетинистой плотной ткани. Он воспарял в горние безмятежные миры небытия; он проносился над мрачными пустынями, от которых исходила мертвящая пульсация отторжения; он кружился над сверкающими снежными полями духа и лугами, каждая травинка которых сияла невыносимой красотой. Он видел и места катаклизмов, и места голода, и места хаоса. И он ощущал ужас, возносящийся, как горячий сухой ветер, над большими городами, и чувствовал, как какая-то сила бьется в море, словно невыносимый грохот барабана, и испытывал надвигающуюся угрозу, надвигающуюся катастрофу. Валентин увидел, что на мир обрушилась невыносимая тяжесть, и постепенно сокрушает его, как орех в медленно сжимающемся кулаке.

Через все это его вела благословенная Владычица, его мать, без которой он, возможно, погряз и сгорел бы от накала страстей, исходящих от общемирового сознания. Но она все время находилась рядом с ним, легко переносила его через самые темные пятна и вела к порогу понимания, который вырисовывался впереди, как колоссальные

Врата Деккерета в Норморке, закрывающиеся лишь в те времена, когда миру грозит смертельная опасность. Эти самые большие на Маджипуре ворота нависают и подавляют своей громадой, так что любой, кто приблизится к ним, кажется жалким ничтожеством. Однако, приблизившись к этому порогу, он оказался в одиночестве и шагнул через него без всякой помощи.

По ту сторону была только музыка, которая обретала видимость, и этот трепещущий робкий мотив тянулся над бездной, как самый тонкий и ненадежный подвесной мостик. И он вступил на этот мостик и увидел всплески яркого звука, окрашивавшее текущее внизу нечто, и острые как кинжалы всплески ритмической пульсации над головой, и полосу бесконечно чередующихся красных, пурпурных и зеленых дуг, которые пели ему с горизонта. Затем все это уступило место единственному грозному звуку, неподъемной тяжести, гигантским черным сокрушительным катком, вобравшим в себя все звуки и двигавшимся по Вселенной, безжалостно давя все на своем пути. И Валентин понял.

Он открыл глаза. Владычица — его мать — спокойно стояла между деревцами и смотрела на него, улыбаясь точно так же, как могла бы в дав-

ние года смотреть на своего спящего маленького сына. Она сняла обод с его головы и вернула в ларец.

— Видел? — спросила она.

— Видел и получил подтверждение тому, в чем давно уже был убежден, — ответил Валентин. — Несчастья на Зимроэле происходят не случайно. Да, проклятие существует и лежит на всех нас, и продолжается это уже много тысяч лет. Делиамбер, мой волшебник-вруун, как-то раз сказал мне, что мы уже очень давно живем тут, на Маджипуре, но совершенно ничего не сделали, чтобы хоть как-то возместить исконный грех — грех завоевания. Как он выразился, на счету постоянно нарастают проценты. И вот вексель подан к взысканию. То, что началось, — это сведение счетов, наша кара, смирение нашей гордыни.

— Совершенно верно, — ответила Владычица.

— Мама, скажи: неужели то, что мы видели, было само Божество? Сжимающее мир в кулаке и постепенно все усиливающее хватку. И звук, который я слышал, этот ужасный, невыносимо давящий звук — это тоже было Божество?

— Валентин, образы, которые ты видел, рождены тобою. Я видела нечто другое. Да и невозможно свести Божество к чему-то столь конкретному,

как образ. Но, думаю, ты увидел суть проблемы.

— Я видел, что Божество лишило нас своей милости.

— Да. Но не бесповоротно.

— Ты уверена, что еще не поздно?

— Целиком и полностью уверена, Валентин.

Он немного помолчал. Потом сказал:

— Да будет так. Я вижу, что нужно сделать, и сделаю все что нужно. Очень символично, что понимание пришло ко мне в Семи стенах, которые леди Тиин воздвигла в честь своего сына после того, как тот сокрушил метаморфов! Ах, мама, мама, построишь ли ты такой дом для меня, когда я опровергну деяния лорда Стиамота?

Глава 10

— Еще раз, — сказал Хиссун, поворачиваясь к Алсимиру и еще одному новоиспеченному рыцарю. — Атакуйте меня вдвоем, одновременно.

— Вдвоем? — удивленно повторил Алсимир.

— Вдвоем. И если я замечу, что вы щадите меня, обещаю, что добьюсь, чтобы вас на месяц отрядили чистить конюшни.

— Хиссун, но как ты отобьешься от нас обоих?

— Чего не знаю, того не знаю. Именно это мне необходимо выяснить. Так что нападайте, и посмотрим.

Он обливался потом, сердце отчаянно билось, но тело сохраняло силу и ловкость. Невзирая на занятость множеством других обязательных дел, он ежедневно проводил по меньшей мере час в громадном гимнасии, находящемся в восточном крыле Замка.

Хиссун считал необходимым укреплять и развивать тело, повышать физическую выносливость и совершенствовать и без того незаурядную ловкость — без этого он, несомненно, заранее окажется в проигрышном положении, когда дело дойдет до утверждения своих амбиций. Князья

Замковой горы все как один были спортсменами, атлетами и постоянно практиковались в охоте, верховой езде, воинских дисциплинах, соревнованиях в беге и борьбе — всех тех древних простодушных развлечениях, заниматься которыми у Хиссуна, пока он жил в Лабиринте, не было ни возможности, ни желания. Теперь лорд Валентин ввел его в число этих тренированных энергичных людей, и он понимал, что для того, чтобы занять прочное место в их кругу, необходимо на их собственных условиях доказать, что с ним следует считаться.

Конечно, будучи от природы низкорослым и сухощавым, он не мог соперничать в физической силе с рослыми и массивными Стазилейном, Элидатом или Диввисом. Таким он не мог стать ни при каких условиях. Зато он мог проявить себя по-другому. Скажем, фехтование на палках — еще год назад он даже не слышал о таком искусстве, а теперь, после множества тренировок, уже был близок к тому, чтобы называться мастером. Здесь преимущество достигалось не физической мощью, способной подавить противника, а за счет глазомера и проворства ног, так что эту дисциплину можно было в некоторой степени рассматривать как метафорическое воплощение

всего его подхода к жизни как таковой.

— Готов! — объявил он.

Он прочно стоял на ногах, чуть пригнувшись, настороженный, гибкий, держа свой тренировочный деревянный меч — легкую тонкую палку из древесины ночной красавицы, снабженную гардой для защиты руки. Окинул стремительным взглядом обоих соперников. Оба были выше его ростом: Алсимир на два или три дюйма, а его друг Стимион — еще больше. Но он был быстрее. Ни один из них за все утро ни разу не смог прикоснуться к нему. Но двое на одного — это совсем другое дело…

— Внимание! — воскликнул Алсимир. — К бою! Начали!

Они шагнули к нему, изготовившись к атаке.

Хиссун глубоко вдохнул и сосредоточился на создании вокруг себя сферической оборонительной зоны, непроницаемого, несокрушимого объема замкнутого пространства, ограниченного собственным оружием. Этот шар существовал только в воображении, но это ничего не значило. Тхани, наставник в фехтовании на палках, объяснял так: создай вокруг себя стальную стену, и сквозь нее ничего не сможет пробиться. Главный секрет заключался в глубине сосредоточенности.

Как и ожидал Хиссун, Алсимир нанес удар на долю секунды раньше, чем Стимион. Клинок Алсимира взметнулся кверху, прощупал северо-западный квадрант обороны Хиссуна и тут же перешел к атаке снизу. Как только оружие приблизилось к границе оборонительной зоны Хиссуна, тот движением кисти резко, словно ударил хлыстом, вскинул палку, жестко парировал выпад Алсимира и, продолжая то же самое движение — он уже все рассчитал, пусть и не сознательно, переместил оружие направо и встретил выпад Стимиона, который на мгновение позже своего товарища атаковал с северо-востока.

Деревяшка Хиссуна со свистом скользнула по оружию Стимиона, и он сделал молниеносный пируэт, так что Стимион по инерции нырнул вперед сквозь пустоту. Все это заняло лишь миг. Стимион, удивленно хмыкнув, пролетел там, где только что находился Хиссун. А тот легонько прикоснулся своей деревяшкой к его спине и снова повернулся к Алсимиру. Алсимир на сей раз прибегнул к обманной атаке сверху вниз и перешел к выпаду справа налево. Хиссун легко отразил его и ответил собственным выпадом, который Алсимир тоже уверенно парировал с такой силой, что удар болезненно отдался во всем

предплечье Хиссуна. Но Хиссун тут же пришел в себя, уклонился от следующей атаки Алсимира и отскочил в сторону, уходя от оружия Стимиона.

После этой схватки положение противников изменилось — теперь Стимион и Алсимир стояли по бокам от Хиссуна, а не лицом к нему. Значит, думал Хиссун, они обязательно постараются атаковать одновременно с двух сторон. Этого нельзя было допустить.

Тхани учил: *время должно быть твоим слугой, а не повелителем. Если ты не успеваешь совершить движение, раздели каждый миг на более короткие мгновения, и тебе хватит времени на что угодно.*

Хиссун точно знал, что одновременных действий быть не может. Значит, так и надо действовать.

И он переключился на жизнь в многократно разделенных мгновениях, которую осваивал под руководством Тхани на протяжении многих месяцев: рассматривая каждую секунду как сумму десятых долей, он стал воспринимать каждую из этих десятых по отдельности, как путник задерживался бы в каждой из десяти пещер, попадавшихся ему на пути при ночном переходе через пустыню. Происходящее он видел теперь

совсем по-другому. Стимион поднимал свой деревянный меч странными неуклюжими рывками, будто примитивный автомат, и невыносимо долго направлял оружие в его сторону. Хиссун без всяких усилий воспользовался промежутком между двумя долями мгновения и отбил удар. За это время свое движение начал Алсимир, но у Хиссуна имелось более чем достаточно времени, чтобы отступить из-под удара Алсимира, и когда тот полностью выпрямил руку, Хиссун легонько прикоснулся к ней своим оружием, чуть выше локтя.

Вернувшись к нормальной скорости восприятия действительности, Хиссун схватился со Стимионом, успевшим изготовиться для следующего укола. Вместо того чтобы парировать, Хиссун шагнул навстречу, прямо под руку озадаченного Стимиона. Из нового положения он обернулся, вытянул руку с оружием, еще раз прикоснулся к Алсимиру, обернулся еще раз — и ткнул острием Стимиона, пока тот поворачивался, видимо, не зная толком, что же делать.

— Укол и двойной укол, — воскликнул Хиссун. — Конец.

— Как тебе это удалось? — восхищенно воскликнул Алсимир, отбрасывая в сторону оружие.

Хиссун рассмеялся.

— Сам не знаю. Но жалко, что Тхани этого не видел!

Он рухнул на колени и склонил голову так, что пот свободно капал на маты, покрывающие пол. А ведь действительно, думал он, получилась впечатляющая демонстрация умения. Никогда еще ему не удавалось так фехтовать. Это случайность, везение? Или он на самом деле достиг нового уровня мастерства? Ему вспомнился рассказ лорда Валентина о жонглировании, которым он овладел совершенно между делом, просто чтобы заработать на пропитание, когда скитался, практически лишенный разума, даже не зная, кто он такой, по Зимроэлю. В жонглировании, сказал тогда корональ, ему открылся ключ к своим собственным умственным способностям. Лорд Валентин даже предположил, что ему, возможно, не удалось бы вернуть свой трон, если бы не дисциплина духа, которой потребовало от него искусство жонглирования. Хиссун решил, что ему за жонглирование браться не стоит — это было бы неприкрытой лестью, совершенно вопиющим подражанием короналю, — но он начинал понимать, что мог бы выработать в себе подобную дисциплину, тренируясь в фехтова-

нии. Можно было не сомневаться, что несколько минут назад он вышел на необычный уровень восприятия и выполнения действий. Оставалось понять, способен ли он повторить это.

Он поднял голову и сказал:

— Ну, что, еще разок так же?

— Ты что, не устал, что ли? — изумился Стимион.

— Устал, конечно. Но разве усталость причина, чтобы останавливаться?

Он снова принял стойку. «Еще пятнадцать минут, — думал он. — Потом поплавать, потом кое-чем заняться во Дворе Пинитора, потом…»

— Ну же, нападайте, — сказал он.

Алсимир мотнул головой.

— Нет смысла. Мы тебе уже не соперники.

— Нападайте, — повторил Хиссун. — Я жду!

Алсимир с явной неохотой встал в боевую стойку и жестом предложил Стимиону сделать то же самое. Но едва успели трое молодых людей замереть, собираясь, приводя мысли и тела в состояние равновесия, требующееся для схватки, на балкон над их головами вышел служитель гимнасия и громко позвал Хиссуна. Принцу Хиссуну доставили депешу от регента Элидата, сказал он. Принцу надлежит немедленно явиться к регенту

в кабинет короналя.

— Ну, тогда в другой раз, — сказал он Алсимиру и Стимиону.

Он быстро переоделся и поспешил вверх по запутанному лабиринту Замка, проходя по дворам и пересекая проспекты. Мимо парапета лорда Оссьера, откуда открывался потрясающий вид на склон Замковой горы, мимо обсерватории Кинникена и музыкального зала лорда Пранкипина, оранжереи лорда Конфалюма и неисчислимого множества других построек и пристроек, которые облепили исконное здание замка, как ракушки — днище корабля. В конце концов он добрался до центральной части, где находились правительственные учреждения, и был препровожден в просторные рабочие покои короналя. Сейчас, во время продолжительного отсутствия лорда Валентина, там расположился верховный канцлер Элидат.

Когда он вошел, регент расхаживал взад-вперед, словно неугомонный медведь в зверинце, перед рельефной картой мира, занимавшей стену напротив стола лорда Валентина. Рядом, за столом для совещаний, сидел Стазилейн. Вид у него был угрюмый; он лишь чуть заметным кивком дал понять, что заметил появление Хиссуна.

Элидат небрежным жестом указал Хиссуну место рядом с ним. Почти сразу же вслед за Хиссуном явился Диввис в парадном одеянии, с драгоценным лорнетом и при маске из перьев, как будто вызов застал его по пути на какую-то высокую государственную церемонию.

Хиссун почувствовал стремительно нарастающее волнение. С какой стати Элидату понадобилось столь внезапно, без всякой подготовки, созывать совещание? И почему в столь малом составе — где остальные принцы? Элидат, Стазилейн, Диввис, — самая сердцевина внутреннего круга; кто-то из этих троих, несомненно, станет наследником лорда Валентина. «Похоже, случилось что-то экстраординарное, — думал Хиссун. — Что, если наконец-то умер старый понтифик? Или, может быть, с короналем…»

О, пусть это будет Тиверас, — взмолился про себя Хиссун. — *Ради всего святого, пусть это будет Тиверас!*

— Ну, — сказал Элидат, — все собрались. Можно начинать.

— Элидат, в чем дело? — брюзгливо осведомился Диввис. — Неужели кому-то померещилась летящая на север двухголовая милуфта?

— Если ты хочешь сказать, что пришла по-

ра дурных предзнаменований, то да, так оно и есть, — мрачно ответил Элидат.

— Что случилось? — спросил Стазилейн.

Элидат хлопнул ладонью по стопке бумаг, лежавших посреди стола.

— У нас две важные новости. Во-первых, из западного Зимроэля пришли свежие донесения, и положение там серьезнее, чем нам казалось. Вся область Долины, по-видимому, от Мазадона и примерно до Дюлорна на западе, охвачена бедствием, и проблема усугубляется. Посевы продолжают гибнуть от загадочных болезней, ощущается колоссальная нехватка основных продуктов питания, и сотни тысяч, а может быть, и миллионы жителей бросили места обитания и кочуют к побережью. Местные власти делают все возможное для доставки продовольствия из регионов, которые еще не пострадали — вроде бы в районе Тил-омона и Нарабаля проблем пока не возникало, да и в Ни-мойе и Кинторе с сельским хозяйством относительно благополучно, но расстояния очень велики, и все случилось настолько внезапно, что пока сделано очень мало. А вдобавок там возник какой-то новый религиозный культ — что-то совершенно несусветное, связанное с поклонением морскому дракону…

— *Что?!* — воскликнул Стазилейн, даже покраснев от изумления.

— Понимаю, это кажется безумием, — ответил Элидат. — Но в донесении сообщают о том, что драконов считают чем-то вроде богов, что они провозгласили наступление конца света или еще какую-то глупость в этом роде…

— Это не новый культ, — негромко перебил его Хиссун.

Остальные трое тут же повернулись к нему.

— Ты что-то знаешь об этом? — вскинулся Диввис.

Хиссун кивнул.

— Мне доводилось слышать об этом, когда я жил в Лабиринте. На эту тему говорили тайком, как правило, намеками, и, насколько мне известно, никто не воспринимал эти разговоры всерьез. К тому же они строго ограничивались низшим классом; кто же станет серьезно относиться к тому, о чем втихомолку шушукаются за спиной дворянства. Некоторые из моих друзей что-то знали об этом, а может быть, больше, чем что-то, ну а я сам никогда не был причастен к этому культу. Помню, однажды, еще маленьким, спросил о нем у матери, и она сказала, что это опасная глупость, от которой следует держаться подальше; так я

и сделал. Мне кажется, что эта религия давным-давно зародилась среди лииименов, постепенно распространилась подпольным образом среди низших слоев общества и, полагаю, сейчас выходит на поверхность из-за начавшихся проблем.

— А в чем суть этой религии? — спросил Стазилейн.

— Близко к тому, о чем говорил Элидат: что драконы когда-нибудь выйдут на сушу, возьмут власть и покончат с нищетой и страданиями.

— *Какими* нищетой и страданиями? — произнес Диввис. — Я не знаю, чтобы хоть где-нибудь в мире была серьезная нищета и тяжкие страдания, разве что ты имеешь в виду скулеж меняющих облик, а они…

— Думаете, все живут так же, как мы здесь, на Замковой горе? — возразил Хиссун.

— Я думаю, что никто не брошен в нужде, что все обеспечены необходимым, что мы счастливы и процветаем, что…

— Диввис, все это так. И все же кто-то живет в замках, а кто-то убирает на шоссе навоз скакунов. Кто-то владеет огромными богатствами, а кто-то попрошайничает на улицах. Это…

— Вот уж в чем я точно не нуждаюсь, так это в твоих лекциях о социальном неравенстве.

— Простите, что вызвал ваше неудовольствие, — огрызнулся Хиссун. — Мне показалось, что вам захотелось узнать, почему столько народу ждет пришествия водяных королей, которые избавят их от трудностей и горя.

— Водяных королей? — повторил Элидат.

— Морских драконов. Так их называют те, кто им поклоняются.

— Отлично, — сказал Стазилейн. — Мы имеем голод в Зимроэле и подрывную религию, распространяющийся среди низов населения. Ты сказал, что новостей две. Значит, это все?

Элидат покачал головой.

— Это две части одного явления. Второй важный вопрос касается лорда Валентина. Это мне сообщил Тунигорн; он чрезвычайно встревожен. Он сказал, что корональ во время визита к его матери на Остров имел нечто вроде откровения и вдруг пришел в весьма приподнятое настроение — очень странное состояние, в котором он совершенно непредсказуем.

— Какого рода откровение? — спросил Стазилейн. — Тебе это известно?

— Во время транса под руководством Владычицы, — ответил Элидат, — у него случилось видение, из которого он выяснил, что беды с сель-

ским хозяйством на Зимроэле — это проявление неудовольствия Божества.

— А чем, спрашивается, еще они могут быть? — воскликнул Стазилейн. — Но какое отношение это…

— По словам Тунигорна, Валентин считает, что гибель посевов и нехватка продовольствия — которые, как мы уже знаем, куда серьезнее, чем можно было заключить из первых сообщений, — имеют исключительно сверхъестественные причины…

Диввис медленно покачал головой и фыркнул с демонстративным отвращением.

— …исключительно сверхъестественные причины, — продолжил Элидат, — и являются не чем иным, как возмездием Божества за многовековую дискриминацию метаморфов.

— В этом нет ничего нового, — сказал Стазилейн. — Он талдычит это уже не первый год.

— Похоже, что *это* как раз новое, — ответил Элидат. — Тунигорн говорит, что после откровения он практически уединился, общается только с матерью и Карабеллой да изредка с Делиамбером и толковательницей снов Тизаной. И Слиту, и Тунигорну лишь с трудом удается попасть к нему, а при встречах он говорит с ними лишь о

самых обыденных вещах. Тунигорн утверждает, что его обуревает какая-то грандиозная новая идея, какой-то поистине поразительный проект, который он не намерен обсуждать с ними.

— Что-то не похоже на того Валентина, которого я знаю, — хмуро бросил Стазилейн. — Чем-чем, а нелогичностью он никогда не страдал. Можно подумать, что у него… злокачественная лихорадка приключилась.

— Или вместо него опять подменыш сидит, — добавил Диввис.

— Чего боится Тунигорн? — спросил Хиссун.

Элидат пожал плечами.

— Он и сам не знает. Он полагает, что у Валентина могла возникнуть какая-то диковинная идея, с которой и он и Слит не будут согласны. А зацепок никаких нет. — Элидат подошел к карте и ткнул пальцем в ярко-красный шарик, указывающий местонахождение короналя. — Валентин все еще на Острове, но вскоре отправится на материк. Он намерен высадиться в Пилиплоке, подняться по Зимру в Ни-мойю, а оттуда отправиться в пораженные бедствием западные области. Но Тунигорн подозревает, что его планы могли измениться, что им теперь полностью овладела мысль о том, что наши беды — это кара Божества,

и он затеял паломничество иного рода, со всякими постами и покаяниями, что он вознамерился перестроить общество, отказавшись от чисто светских принципов, на которых оно зиждется…

— А что, если он сам присоединился к этому культу морских драконов? — предположил Стазилейн.

— Не знаю, — ответил Элидат. — Все может быть. Я знаю только, что Тунигорн, похоже, в панике и просит меня как можно скорее присоединиться к великому паломничеству короналя, надеясь, что мне удастся удержать Валентина от каких-то опрометчивых и необратимых действий. Лично мне кажется, что я действительно могу что-то сделать там, где не справится никто другой, даже Тунигорн.

— Что?! — воскликнул Диввис. — Он же в нескольких тысячах миль отсюда. Ты же не…

— Я выезжаю через два часа, — ответил, не дослушав, Элидат. — Поеду на быстроходных летающих лодках по долине Глайга на запад, до Тремойна, а там реквизирую самое быстроходное судно и помчусь в Зимроэль южным путем, через Родамаунтский архипелаг. Тунигорн же постарается задержать, насколько можно, отъезд Валентина с Острова, и если ему удастся зару-

читься поддержкой адмирала Эйзенхарта, то и плавание до Пилиплока будет неторопливым. Если повезет, я попаду в Пилиплок где-то на неделю позже Валентина и, возможно, будет еще не поздно привести его в чувство.

— Тебе ни за что не успеть, — сказал Диввис. — Пока ты будешь пересекать Внутреннее море, он уже проделает полпути до Ни-мойи.

— Я обязан попытаться, — сказал Элидат. — У меня просто нет выбора. Если бы вы знали, насколько Тунигорн встревожен, как он боится, что Валентин может решиться на какие-нибудь безумные и опасные действия…

— А как же управление? — вкрадчиво произнес Стазилейн. — С ним-то что делать? Элидат, ведь ты регент. У нас нет понтифика, а корональ, по твоим собственным словам, превратился в какого-то безумного провидца. И в этих условиях ты собираешься оставить Замок без руководства?

— В тех случаях, когда неотложная надобность вынуждает регента покинуть Замок, — ответил Элидат, — он может своей властью назначить регентский совет, который будет решать все вопросы, находящиеся в юрисдикции короналя. Именно это я и намерен сейчас сделать.

— И кто же войдет в этот совет? — спросил

Диввис.

— Три человека. Ты, Диввис. Ты, Стазилейн. И ты, Хиссун.

Хиссун подскочил от изумления.

– Я?

Элидат улыбнулся.

— Сознаюсь, что поначалу я не мог понять, зачем лорду Валентину понадобилось так поспешно продвигать обитателя Лабиринта и к тому же столь молодого человека к вершинам власти. Но постепенно, особенно после начала этого кризиса, мне стало ясно его намерение. Мы здесь, на Замковой горе, утратили связь с реальной жизнью Маджипура. Мы сидим тут, на вершине мира, а там то и дело возникают коллизии, о которых мы и знать не знаем. Я слышал твои слова, Диввис, что все в мире счастливы, кроме, возможно, метаморфов, и, признаюсь: я думал так же. А теперь оказалось, что среди недовольных жизнью пустила корни целая религия, о которой мы ничего не знали, и армия голодных людей направляется к Пидруиду, чтобы поклоняться каким-то вновь выдуманным богам. — Он посмотрел на Хиссуна. — Ты уже кое-что знаешь, но тебе необходимо освоить еще очень многое. Во время моего отсутствия тебе

предстоит несколько месяцев сидеть в руководящем кресле рядом с Диввисом и Стазилейном; уверен, что ты дашь им ценные советы. Что скажешь, Стазилейн?

— Я думаю, что ты сделал разумный выбор.

— А ты, Диввис?

Лицо Диввиса перекосило от еле сдерживаемого гнева.

— Что я могу сказать? Власть у тебя, и ты принял решение. Мне остается лишь повиноваться, так ведь? — Он поднялся и, напыщенно выпрямившись, протянул руку Хиссуну. — Поздравляю вас, принц. Вы достигли впечатляющих успехов — и за столь короткое время.

Хиссун, не дрогнув, встретил холодный взгляд Диввиса.

— Я счастлив, что удостоен чести служить в совете вместе с вами, лорд Диввис, — с величайшей серьезностью произнес он. — Ваша мудрость всегда будет служить мне примером. — И он пожал протянутую руку Диввиса.

Диввис, кажется, хотел что-то ответить, но передумал и лишь чуть слышно хмыкнул. Он медленно опустил руку, смерил Хиссуна яростным взглядом и величественно вышел из комнаты.

Глава 11

С юга дул резкий горячий ветер, который моряки — охотники на морских драконов — называют «посланием», так как он приходит с пустынного Сувраэля, континента, где находится прибежище Короля Снов. Этот ветер иссушал душу и томил сердце, но Валентин не обращал на него внимания: он витал духом где-то в иных сферах, среди задач, стоявших перед ним, и все дни напролет стоял на королевской палубе «Леди Тиин» и вглядывался в горизонт, дожидаясь, когда же покажется материк, и не обращал внимания на режущие порывы жаркого ветра, свистящие в ушах.

Плавание с Острова до Зимроэля уже казалось ему бесконечным. Эйзенхарт говорил, что, дескать, море не располагает, ветры противодействуют, маршрут нужно сократить, а для этого взять южнее, и называл еще какие-то проблемы. Валентин, не будучи моряком, не желал ругаться с ним из-за этих решений, но дни шли, западный континент все не приближался, и он понемногу терял терпение. Не единожды приходилось менять курс, чтобы избежать встреч со стадами

морских драконов — по эту сторону острова они то и дело попадались. Некоторые из скандаров, входивших в команду, утверждали, что это самая многочисленная миграция за пять тысяч лет. Так или не так, но их было до ужаса много. В свое злосчастное прошлое плавание в этих водах, когда гигантский дракон разнес в щепки «Брангалин» капитана Горзвала, он не видел ничего подобного.

Драконы, как правило, перемещались группами по тридцать-пятьдесят голов с интервалом в несколько дней. Потом попался одинокий гигант, возможно, король, плывший целеустремленно, но неторопливо, как будто погруженный в глубокую медитацию. После этого некоторое время драконов не попадалось, ветер стал усиливаться, и флотилия устремилась туда, где лежал вожделенный порт.

И однажды утром с верхней палубы наперебой закричали:

— Пилиплок! Эй! Пилиплок!

Громадный порт показался внезапно — на высоком мысу над южным берегом устья Зимра возник огромный морской порт, поразительный и великолепный в своем беспорядке и деловитости. Здесь, где река достигала огромной ширины

и на сотни миль вымывала в океан темный ил, который несла из самого сердца континента, стоял город с населением в одиннадцать миллионов человек, выстроенный по сложному и нерушимому плану, основой которого были четкие дуги, пересеченные спицами грандиозных бульваров, расходящихся от набережной. Валентин подумал, что этот город трудно любить, несмотря на всю красоту его широкой гостеприимной гавани. И все же, стоя и глядя на открывающийся вид, он увидел краем глаза своего старого товарища — скандара Залзана Кавола, уроженца Пилиплока, который тоже смотрел не отрываясь вперед, и на его грубом суровом лице читались и удивление, и восторг, и даже нежность.

— Охотники на драконов идут! — крикнул кто-то, когда «Леди Тиин» несколько приблизилась к берегу. — Смотрите, целый флот!

— О, Валентин, как красиво! — вполголоса сказала стоявшая рядом с ним Карабелла.

И впрямь это было красиво. До сего момента Валентин даже не думал, что суда, на которых мореходы бороздят океан в погоне за драконами, могут быть красивыми в каком угодно смысле. Они казались, скорее, зловещими — с пузатыми корпусами, гротескно украшенными отврати-

тельными носовыми фигурами, и заостренными, как грозящие ядовитые хвосты, кормами, расписанные по бортам рядами белых зубов, алыми и желтыми глазами. И какой корабль ни возьми, они производили просто варварское, отталкивающее впечатление. Тем не менее каким-то образом в этой поистине огромной флотилии — а казалось, будто все пилиплокские корабли охотников за драконами вышли в море, чтобы встретить прибывшего короналя, — они обрели странную привлекательность. Их черные с малиновыми полосами паруса, заслонившие горизонт, развевались на ветру, как праздничные флаги.

Подойдя ближе, они совершили тщательно отработанный маневр и взяли королевский флот в кольцо, подняв на ходу большие зеленые с золотом стяги с эмблемой короналя; ветер донес хриплые крики: «Валентин! Лорд Валентин! Да здравствует лорд Валентин!» Над водой неслись нестройные, но ликующие и трогательные звуки музыки в исполнении бесчисленных барабанов, труб, систиронов и галистанов.

Прием совсем не похож, насмешливо подумал Валентин, на тот, что оказали мне во время предыдущего визита в Пилиплок, когда он с Залзаном Каволом и другими жонглерами в роли

жалких просителей ходили от одного капитана охотников на драконов к другому, тщетно пытаясь уговорить кого-нибудь доставить их на Остров Сновидений, пока в конце концов не удалось нанять самое маленькое, убогое и неудачливое суденышко. Но с тех пор многое изменилось.

Между тем самый большой из драконобойских кораблей приблизился к «Леди Тиин», и от него отошла шлюпка со скандаром и двумя людьми. Когда она подошла вплотную, вниз опустили корзину, чтобы принять прибывших на борт, но люди остались на веслах, и на палубу поднялся только скандар, оказавшийся к тому же дамой — пожилой, обветренной и мощной с виду, с обильной проседью в меху и без пары могучих передних резцов во рту.

— Меня звать Гуидраг, — представилась она, и Валентин почти сразу же вспомнил ее — это была старейшая и самая уважаемая из всех капитанов-драконобоев и одна из тех, кто отказался везти жонглеров на Остров. Правда, она говорила вполне вежливо и порекомендовала им отыскать капитана Горзвала и его «Брангалин». Он подумал мимоходом, узнает ли она его, и решил, что нет. Ему давно уже стало ясно, что одеяние короналя делает своего обладателя невидимым

для большинства народа.

Гуидраг произнесла безыскусную, но искреннюю приветственную речь от имени всех своих товарищей по кораблю и коллег-драконобоев и подарила Валентину чрезвычайно изящное резное ожерелье из переплетенных костей морского дракона. Он в свою очередь поблагодарил за грандиозный морской парад и поинтересовался, почему флот охотников на драконов стоит здесь, в гавани Пилиплока, а не ведет промысел в открытом море; на что она ответила, что миграция драконов у побережья в этом году оказалась неслыханно обильной, так что все охотники выбрали дозволенные квоты в первые же несколько недель, и сезон закончился, едва успев начаться.

— Этот год был странным, — сказала Гуидраг. — И боюсь, мой повелитель, впереди нас ожидают еще большие странности.

Эскорт охотников за драконами сопровождал короналя до самого порта. Высокий гость и его спутники сошли на пирс Малибора в центре гавани, где их поджидали герцог провинции с многочисленной свитой, мэр города с не менее многочисленной толпой чиновников, а также депутация капитанов с тех самых кораблей, что встречали короналя в море. Валентин выпол-

нял предписанный ритуал с ощущением, будто ему снится, что он бодрствует: он совершенно серьезно, вежливо и своевременно подавал все положенные реплики, вел себя спокойно и уравновешенно, и все же ему казалось, что толпа, в которой он двигался, состоит не из людей, а из фантомов.

По обеим сторонам проспекта, от гавани до здания городского собрания, где предстояло остановиться Валентину, были натянуты толстые ярко-алые канаты, отгораживавшие дорогу от собравшейся толпы, и стояла многочисленная стража. Валентин, ехавший вместе с Карабеллой в открытой летающей лодке, думал, что никогда еще ему не доводилось слышать такого шума, безостановочного невнятного рева, в который сливались радостные приветственные крики. Этот шум ненадолго заставил его отвлечься от мыслей о кризисе. Но перерыв продлился недолго, поскольку, войдя в отведенные покои, кораль тут же потребовал новейшие донесения — и новости оказались неутешительными.

Рапорты сообщали, что, несмотря на карантинные меры, лусавендровая сажа каким-то образом проникла в незатронутые поначалу провинции. Урожай стаджи в этом году ожидался вдвое мень-

ше обычного. В областях, где возделывают туйоль, важную кормовую культуру, появился опасный вредитель — проволочный червь, считавшийся давным-давно истребленным. А это опасность для животноводства. В винодельческих регионах Кинтора и Ни-мойи появился грибок, из-за которого лозы массово сбрасывают недозрелые гроздья. Теми или иными бедами затронуто сельское хозяйство по всему Зимроэлю, не считая единственной отдаленной области на юго-западе, в тропиках, вокруг Нарабаля.

Валентин показал документы Й-Уулисаану, и тот задумчиво сказал:

— Мой повелитель, эти события экологически взаимосвязаны; снабжение Зимроэля продовольствием будет полностью разрушено.

— На Зимроэле восемь миллионов населения!

— Совершенно верно. И когда эти болезни и вредители попадут на Алханроэль…

У Валентина мороз пробежал по коже.

— Думаете, такое может случиться?

— Да, мой повелитель. Я точно знаю, что так и будет! Посудите сами — сколько кораблей еженедельно курсирует между материками? Сколько птиц и даже насекомых попадает с континента на континент? Внутреннее море не так уж ве-

лико, а Остров и архипелаги позволяют не раз отдыхать по пути. — И эксперт по сельскому хозяйству добавил с неожиданно спокойной, почти блаженной улыбкой: — Уверяю вас, мой повелитель, с этой напастью невозможно бороться, ее нельзя одолеть. Будет голод. Будет мор. Маджипур опустеет.

— Нет. Не бывать этому!

— Будь у меня чем успокоить вас, я не преминул бы это сделать. Но у меня нет для вас утешительных слов, лорд Валентин.

— Божество воздвигло на нас эту катастрофу, — сказал корональ, пристально глядя в необычные глаза Й-Уулисаана. — Божество и отведет ее от нас.

— Возможно. Вот только случится это лишь после того, как общество испытает непоправимый ущерб. Мой повелитель, я хотел бы удалиться. И не позволите ли вы взять эти документы на часок?

Когда Й-Уулисаан вышел, Валентин некоторое время сидел молча, в последний раз обдумывая то, что намеревался сделать. Теперь, после того как он ознакомился с новыми ужасающими сведениями, стало ясно: дело не терпит отлагательств. Он вызвал Слита, Тунигорна и Делиамбера.

— Я решил изменить маршрут паломничества, — объявил он без всяких предисловий. Советники встревоженно переглянулись, как будто уже не первую неделю ожидали каких-то неприятных сюрпризов в этом роде.

— Мы в этот раз не поедем в Ни-мойю. Отмените все мероприятия запланированные там и поблизости. — Он, конечно же, заметил их тревогу и скепсис, а что поддержки своих ближайших сподвижников не удастся добиться без борьбы, знал заранее. — На Острове Сновидений, — продолжал он, — мне стало очевидно, что беды, которые поразили Зимроэль и могут в скором времени обрушиться и на Алханроэль, — это непосредственное проявление недовольства Божества нашим поведением. Делиамбер, ты первым заговорил об этом много лет назад, когда мы оказались среди руин Велализира, и предположил, что треволнения в государстве, резко усилившиеся с момента узурпации моего трона, могут означать начало возмездия за угнетение метаморфов. Я почти дословно помню твои слова: мы уже очень давно живем тут, на Маджипуре, но совершенно ничего не сделали, чтобы хоть как-то возместить исконный грех — грех завоевания, а теперь хаос стремительно нарастает,

потому что прошлое наконец решило предъявить к взысканию свой вексель с накопившимися процентами.

— Да, помню. Именно так я и говорил.

— А я на это ответил, — продолжал Валентин, — что посвящу свое царствование воздаянию за те несправедливости, которые мы допускали по отношению к метаморфам. Но так и не сделал этого. Я позволил себе укрыться за другими проблемами и ограничился лишь самыми поверхностными, бессодержательными жестами, имитировавшими попытку установления взаимопонимания с меняющими облик. Теперь, попав на Зимроэль, я намерен прямиком отправиться в Пьюрифайн…

— В *Пьюрифайн*, мой повелитель? — в один голос воскликнули Слит и Тунигорн.

— В Пьюрифайн, в столицу меняющих облик — Илиривойн. Я встречусь с Данипьюр. Я выслушаю ее требования и приму их к сведению. Я…

— Еще ни один корональ не посещал территории метаморфов, — перебил его Тунигорн.

— Один — посещал, — возразил Валентин. — В виде жонглера я побывал там и даже выступал перед метаморфами и самой Данипьюр.

— Но это же совсем другое дело, — возразил Слит. — Как жонглер ты мог делать все что за-

благорассудится. Когда нас в тот раз занесло к меняющим облик, ты сам страшился мысли о том, что являешься истинным короналем. Но сейчас, когда это неопровержимый факт…

— Я поеду туда. Это будет паломничество смирения, паломничество в знак начала искупления.

— Мой повелитель!.. — начал Слит.

Валентин улыбнулся:

— Ну, валяйте. Доказывайте мне, почему так нельзя. Я несколько недель предвкушал продолжительные пылкие дебаты с вами троими — и вот дождался. Только сразу предупрежу вас: как только мы закончим спор, я отправлюсь в Пьюрифайн.

— И тебя ничем не убедить? — спросил Тунигорн. — Ни опасностью, ни тем, что твои действия — это вопиющее нарушение протокола и могут повлечь за собой нежелательные политические последствия, что…

— Нет, нет и нет. Положить конец бедствиям, опустошающим Зимроэль, я смогу, лишь преклонив колени перед Данипьюр.

— Мой повелитель, ты уверен, что это окажется так просто? — вкрадчиво осведомился Делиамбер.

— Я просто обязан попытаться это сделать. В

этом я убежден, и вам меня не переубедить.

— Мой повелитель, — сказал Слит, — а разве не меняющие облик колдовством отобрали у тебя трон? По крайней мере, у меня именно так отложилось в памяти, да и ты, думаю, должен что-то припоминать. Сейчас мир колеблется на грани безумия, а ты намерен добровольно отдаться в их руки в их собственных непроходимых лесах. Тебе не кажется…

— Что это неразумно? Нет. Необходимо? Да, Слит. Да! Короналем больше, короналем меньше — это пустяки. Найдется множество других, кто справится с этими обязанностями не хуже, а то и лучше меня. Имеет значение только судьба Маджипура. Я должен отправиться в Илиривойн.

— Мой повелитель, умоляю…

— Нет, это я умоляю *вас*, — перебил Валентин. — Хватит об этом. Я принял решение.

— Ты поедешь в Пьюрифайн, — проговорил Слит, будто не верил своим собственным словам. — Ты отдашься в руки изменяющих облик…

— Да, — подтвердил Валентин. — Я отдамся в руки изменяющих облик.

Часть III
Книга разорванных небес

Глава 1

Миллилейн навсегда запомнила день, когда объявился первый из новых короналей, потому что в этот день она заплатила пять крон за пару жареных сосисок.

В полдень она шла к мужу, Кристофону, который, как всегда, находился в своей лавке на эспланаде у Кинторского моста. Недавно начался третий месяц Дефицита. Все обитатели Кинтора деликатно выражались «Дефицит» (с заглавной буквы), но Миллилейн про себя употребляла более реалистичное слово: голод. Вообще-то никто не голодал — пока, — но никто и не получал достаточно еды, и казалось, что положение с каждым днем ухудшается. Позавчера они с Кристофоном вынуждены были удовольствоваться на ужин кашей, которую он приготовил из сушеных калимботов и корня гумбы. Сегодня они будут ужинать пудингом. А завтра — кто знает? Кристофон рассуждал о том, как будет охотиться в парке Престимиона на минтунов, дролей и других зверюшек. Филе из минтуна? Жареная грудка дроля? Миллилейн содрогнулась. А потом, наверное, — рагу из ящериц. С гарниром из варе-

ных капустных листьев.

Она пересекла бульвар Оссьера неподалеку от того места, где он вливается в Зимрский тракт, ведущий вдоль эспланады к мосту. И, проходя мимо управления городских прокторов, уловила неповторимый, неодолимо влекущий аромат жареных сосисок.

«Это галлюцинация, — подумала она. — Или сон наяву».

Когда-то здесь, на просторной эспланаде, торговцы сосисками кишели десятками. Но уже несколько недель Миллилейн не видела ни одного. С мясом давно уже стало плохо; поговаривали, что в западных скотоводческих провинциях начался падеж скота из-за нехватки корма, и поставки скота из Сувраэля, где все вроде бы пока в порядке, затруднены стадами морских драконов, заполонившими морские пути.

Но запах сосисок был реальным. Миллилейн принялась крутить головой, пытаясь понять, откуда же он исходит.

О! Есть!

Не галлюцинация. Не сон. Невероятно, необъяснимо, но на эспланаде объявился продавец сосисок, маленький сутулый лиимен с потрепанной тележкой, на которой над тлеющими

древесными углями были развешаны длинные красные сосиски на вертелах. Он стоял с таким видом, будто в мире все идет по-старому. Как будто нет никакого Дефицита. Как будто работу продовольственных лавок не ограничили тремя часами в день, потому что этого времени как раз хватало, чтобы распродать все припасенное.

Миллилейн кинулась бегом.

Многие из окружающих тоже побежали. Народ мчался к торговцу сосисками со всех концов эспланады, как будто тот разбрасывал десятироялевые монеты. Хотя в действительности то, что он предлагал, стоило куда дороже самого блестящего серебряного кружочка.

Она бежала как никогда в жизни — размахивая руками, высоко вскидывая ноги, — так, что волосы развевались за спиной. К лиимену с тележкой мчалась добрая сотня покупателей. У него просто не могло хватить сосисок на всех. Но Миллилейн находилась ближе всех других: она первая увидела торговца и бежала быстрее прочих. От нее немного отставала длинноногая женщина-хьорт, сбоку, громко топая и рыча вслух, приближался скандар в совершенно неуместном для такого забега деловом костюме. «Кто раньше мог бы только представить себе, — думала Миллилейн, — что

придется *бежать*, чтобы купить сосисок у уличного разносчика?»

Дефицит — голод — начался где-то на западе, в Долине. Поначалу он казался Миллилейн чем-то несерьезным и почти нереальным — ведь дело происходило так далеко, в местах, которые сами по себе казались ей нереальными. Она никогда в жизни не бывала западнее Тагобара. Когда появились первые сообщения о происходившем, она испытывала абстрактное сострадание к якобы голодающему народу в Мазадоне, в Дюлорне, в Фалкинкипе, но ей трудно было поверить, что это происходит на самом деле — как-никак на Маджипуре никто и никогда не голодал, — и всякий раз, когда приходило известие о каком-то новом кризисе на западе, бунте, массовом переселении или эпидемии, ей казалось, что это происходит далеко не только в пространстве, но и во времени, что это не события действительности, а, скорее, эпизоды из какой-то исторической хроники, повествующей, скажем, о временах лорда Стиамота, с которых прошло много тысяч лет.

Но вскоре Миллилейн обнаружила, что в тех лавках, где она обычно покупала продукты, стало иногда не хватать таких обычных вещей, как нийк, хингаморты и глейн. Это из-за неурожая на

западе, объясняли ей продавцы: из сельскохозяйственного пояса Долины ничего не поступает, а наладить поставки из других областей — долгое и дорогостоящее дело. А потом внезапно ввели ограничения на такие основные продукты, как стаджа и рикка, хотя они-то выращивались вблизи от Кинтора, а в этих местах никаких неприятностей с сельским хозяйством не происходило. На этот раз власти объяснили, что часть продовольственных запасов была отправлена в пострадавшие районы; вышел имперский декрет, гласивший, что, дескать, в годину бедствий каждый из нас должен пойти на некоторые жертвы, и так далее и тому подобное. Затем разлетелась новость, что болезни растений появились уже в непосредственной близости от Кинтора и распространились на восток и вниз по реке до самой Ни-мойи. Введенные ранее нормы продажи туйоля, рикки и стаджи сократили вдвое, лусавендра исчезла полностью, мясо стало редкостью. Пошли слухи о доставке продовольствия из Алханроэля и Сувраэля, где вроде бы все было нормально. Но Миллилейн знала, что это лишь слухи. Во всем мире не наберется столько кораблей, чтобы можно было доставить на другой континент сколько-нибудь ощутимое количество провизии,

а если бы даже и удалось, то стоить это будет столько, что продукты окажутся недоступными. «Всем нам придется голодать», — говорила она Кристофону.

Итак, Дефицит в конце концов добрался до Кинтора.

Дефицит. *Голод*.

Кристофон сомневался, что хоть кому-то придется на самом деле голодать. Он всегда был оптимистом. Со временем все образуется, уверял он. Так или иначе. Но в данный момент добрая сотня народу сломя голову мчалась к единственному торговцу сосисками.

Хьортка попыталась вырваться вперед. Миллилейн толкнула соперницу плечом с такой силой, что та растянулась. До этого она ни разу в жизни никого не ударила. Она почувствовала странное головокружение и комок в горле. Хьортка визгливо выкрикивала ей вслед проклятия, но Миллилейн с часто бьющимся сердцем и слезящимися глазами мчалась дальше. Оттолкнув еще кого-то, она пробилась к зародившейся очереди. Там, впереди, лиимен с присущей этому племени бесстрастностью оделял покупателей сосисками, как будто совсем не замечая обезумевшей толпы вокруг.

Миллилейн с тревогой наблюдала за движением очереди. Она восьмая или девятая — хватит ли ей сосисок? Со своего места она не видела, как шла торговля, как на огонь кладутся новые шпажки с сосисками по мере того, как расходятся обжаренные. Достанется ли ей хоть что-нибудь? Она понимала, что рассуждает как жадный ребенок, опасающийся, что ему не достанется подарков после вечеринки. «Я сошла с ума, — сказала она себе. — Разве можно так волноваться из-за колбасы?» Но она знала, в чем тут дело. У нее три дня не было во рту ни кусочка мяса, разве что считать за мясо пять полосок вяленой морской драконятины, которые ей повезло найти, когда она на звездодень рылась в собственном шкафу, но в этом она сомневалась. Соблазн от аромата этих поджаренных сосисок оказался непреодолимым. И покупка их внезапно стала для нее самой важной вещью на свете, возможно, единственной вещью на свете.

Подошла ее очередь.

— Две шпажки, — сказала она.

— Только по одной в руки.

— Ладно, одну!

Лиимен кивнул, без малейшего интереса скользнув по ней взглядом всех трех сверкающих

глаз, и сказал:

— Пять крон.

Миллилейн ахнула. Пять крон — половина ее дневной зарплаты! Она отлично помнила, что до Дефицита сосиски стоили десять мерок за шпажку. Но ведь это было до Дефицита…

— Шутите?! — воскликнула она. — Не может же еда стоить в пятьдесят раз дороже, чем раньше. Даже в такие времена.

— Платите или проваливайте, дамочка! — заорал кто-то сзади.

— Пять крон сегодня, — кротко пояснил лиимен. — На следующей неделе будет восемь крон. Еще через неделю — роял. Еще через неделю — пять роялов. Через месяц сосисок не будет ни за какую цену. Хотите сосисок? Да? Нет?

— Да, — пробормотала Миллилейн. Когда она отдавала деньги, ее руки дрожали. Еще за крону она купила кружку водянистого затхлого пива и, ощущая себя подавленной и измученной, отошла от очереди.

Пять крон! Еще недавно за такие деньги можно было бы заказать полный обед в хорошем ресторане. Но большинство ресторанов закрылось, а в тех, что остались, нужно было заказывать столик за несколько недель. И одному Божеству

известно, какую цену могут сейчас там заломить. И все же это безумие. Шпажка с сосисками — пять крон! И что теперь сказать Кристофону? Правду, решила она. Так и скажу: не могла устоять. Поддалась порыву, дурацкому порыву. Учуяла запах поджаривающихся на огне сосисок — и не устояла.

А если бы лиимен запросил восемь крон или целый роял? Пять роялов? Она не знала, как поступила бы, но подозревала, что все равно купила бы эти сосиски, отдала бы все деньги, что у нее были — настолько сильным оказалось вожделение.

Миллилейн яростно вонзила зубы в сосиску, будто опасалась, что кто-нибудь сейчас вырвет еду у нее из рук. Сосиска оказалась восхитительно вкусной — острая, сочная. Она вдруг поймала себя на том, что гадает, из какого же мяса сделан фарш, и решила, что, пожалуй, лучше этого не знать. Не только Кристофону могла прийти в голову мысль об охоте на мелких зверушек в парке.

Она отхлебнула пива и только вознамерилась снова поднести шпажку с сосисками ко рту, как услышала:

— Миллилейн!

Она удивленно вскинула голову.

— Кристофон!

— Так и думал, что найду тебя здесь. Я закрыл лавку и пошел посмотреть, куда ломанулась вся эта толпа.

— Неожиданно откуда-то взялся разносчик с сосисками. Как будто наколдовал кто.

— А-а, понятно.

Он не отрывал взгляда от половины сосиски, которую она держала в руке.

Миллилейн заставила себя улыбнуться.

— Прости, Крис. Хочешь откусить?

— Только кусочек. Полагаю, в очередь становиться бессмысленно.

— Да, наверняка все кончится с минуты на минуту. — Не без труда преодолев жадность, она вручила мужу шпажку и, не найдя в себе силы отвести взгляд, смотрела, как он откусил около пары дюймов. Когда же он честно вернул ей оставшееся, она ощутила большое облегчение, отравленное капелькой стыда.

— Клянусь Владычицей, вкусно!

— Еще бы им быть невкусными! По пять крон пара.

— Пять…

— Крис, я ничего не могла с собой поделать. Уловив этот запах, я потеряла голову, как ди-

кий зверь, и кинулась в очередь. Я толкалась и дралась. Наверное, я заплатила бы любые деньги, какие он потребовал бы. О, Крис, мне так неловко!

— Не переживай. В конце концов, на что еще деньги тратить-то? Кроме того, скоро положение изменится. Ты слышала последнюю новость?

— Какую новость?

— О новом коронале! Он будет здесь с минуты на минуту. Прямо сейчас переправляется по Кинторскому мосту.

— Значит, лорд Валентин уже стал понтификом? — немного оторопев, спросила Миллилейн.

Кристофон мотнул головой.

— Все, нет больше Валентина. Говорят, он пропал — то ли метаморфы его украли, то ли еще что. Во всяком случае, час назад объявили, что короналем стал Семпетурн.

— Семпетурн? Проповедник?

— Он самый. Минувшей ночью он приехал в Кинтор. Мэр его поддержал, а герцог вроде бы сбежал в Ни-мойю.

— Крис, но как такое может быть? Не может же человек просто взять и объявить себя короналем! Он должен быть избран, получить благословение, должен прийти с Замковой горы…

— Ну да, мы привыкли считать, будто так должно быть. Но нынче другие времена. Семпетурн — человек из народа. Именно такой нам сейчас нужен. Он-то разберется, как вернуть благосклонность Божества.

Она уставилась на мужа, не веря своим ушам, совершенно забыв о сосиске, которую держала в руке.

— Но ведь это невозможно. Безумие какое-то. Лорд Валентин наш законный, помазанный корональ. Он…

— Семпетурн говорит, что как раз не законный, что вся история насчет подмененного тела это чушь и что беды и голод ниспосланы нам в наказание за грехи самозванца. И что спастись мы можем, только низложив фальшивого короналя и передать трон тому, кто вернет нас на праведный путь.

— И Семпетурн утверждает, что это именно он, и поэтому мы должны принять его и поклониться ему, и…

— А вот и он! — перебил ее Кристофон.

Он раскраснелся, глаза сверкали незнакомым блеском. Пожалуй, Миллилейн еще не случалось видеть мужа в таком возбуждении. Можно было подумать, что у него приступ лихорадки. Ее саму

кинуло в жар, она совершенно растерялась и не понимала, как такое может быть. Этот мелкий краснорожий демагог усядется в кресло Конфалюма? Нет, это не укладывалось у нее в мыслях. Все равно что объявить красное зеленым или заявить, что с нынешнего дня вода потечет в гору.

Внезапно грянула резкая музыка. По мосту прошествовал на эспланаду оркестр; все музыканты были облачены в зеленые с золотом костюмы с эмблемами короналя — пылающей звездой. Затем прошли мэр и другие городские чиновники и, наконец, появился большой богато украшенный открытый паланкин, в котором, улыбаясь и с удовольствием внимая аплодисментам огромной толпы, следовавшей за ним из Горячего Кинтора, предместья, лежащего по ту сторону моста, восседал невысокий мужчина цветущего вида с густой непослушной темной шевелюрой.

— Семпетурн! — взревела толпа. — Семпетурн! Да здравствует лорд Семпетурн!

— Да здравствует лорд Семпетурн! — взревел Кристофон.

«Мне все это снится, — думала Миллилейн. — Это какое-то жуткое послание, которое я не в состоянии понять».

— Семпетурн! Лорд Семпетурн!

Теперь уже орали все, находившиеся на эспланаде. По толпе стремительно распространялось безумие. Миллилейн тупо сняла со шпажки остаток сосиски, проглотила его, не чувствуя вкуса, и, разжав пальцы, уронила палочку наземь. Ей казалось, что весь мир под ногами трепещет. Кристофон уже охрип, но продолжал орать: «Семпетурн! Лорд Семпетурн!». Паланкин поравнялся с ними; не более двадцати ярдов отделяло Миллилейн от нового короналя, если этот человек действительно являлся им. А он повернул голову и посмотрел прямо в глаза Миллилейн. И она с изумлением и стремительно нараставшим ужасом услышала свой собственный голос, выкрикивавший: «Семпетурн! Да здравствует лорд Семпетурн!» вместе со всеми окружающими.

Глава 2

— Куда-куда? — переспросил Элидат, не веря своим ушам.

— В Илиривойн, — повторил Тунигорн. — Выехал три дня назад.

Элидат помотал головой.

— Я слышу твои слова, но не понимаю их. Они просто не укладываются у меня в голове.

— Клянусь Владычицей, у меня тоже! Но тем не менее это чистая правда. Ему втемяшилось в голову явиться к Данипьюр и вымолить у нее прощение за все сделанное против ее народа, или еще какая-то глупость в этом роде.

Всего час назад корабль Элидата пришвартовался в Пилиплоке. Регент сразу же помчался в здание городского собрания, не теряя надежды застать там Валентина или, по крайней мере, узнать, что он только что отбыл в Ни-мойю. Но из всей свиты короналя там оказался лишь Тунигорн, мрачно перебиравший бумаги в маленьком пыльном кабинете. И тут же Тунигорн вывалил на него эту историю — великое паломничество прервано, а корональ отправился в дикие джунгли, где обитают меняющие облик, — нет,

нет, это было слишком, это не лезло ни в какие ворота!

Усталость и отчаяние чудовищными валунами навалились на душу Элидата, и он почувствовал, что шатается под этим неподъемным бременем.

— Я мчался сюда через полмира, чтобы удержать его от чего-нибудь подобного, — проговорил он деревянным голосом. — Тунигорн, ты можешь представить себе подобную поездку? Днями и ночами, без остановок, не вылезая из летающей лодки, до побережья. Потом гонка через море, кишащее разъяренными драконами, которые трижды оказывались так близко от корабля, что я думал: конец, сейчас он разделается с нами. В конце концов я добираюсь-таки до Пилиплока и узнаю, что опоздал на три дня, что он отправился в это абсурдное и смертельно опасное путешествие, хотя будь я порасторопнее…

— Элидат, тебе тоже не удалось бы переубедить его. Никому это не удалось. Ни Слиту, ни Делиамберу, ни Карабелле.

— Даже Карабелле?

— Даже Карабелле, — подтвердил Тунигорн.

Элидат все глубже погружался в отчаяние, но яростно боролся с ним, отказываясь сдаться под напором страха и сомнения.

— И все же меня Валентин выслушает, и я смогу заставить его задуматься. В чем-чем, а в этом я не сомневаюсь.

— Сдается мне, дружище, что ты принимаешь желаемое за действительное, — горько проговорил Тунигорн.

— В таком случае, почему же ты призвал меня к невыполнимому делу?

— Когда я обратился к тебе, — ответил Тунигорн, — то не имел понятия о том, что у Валентина в голове. Я знал только, что он очень возбужден и настроен на какие-то неожиданные и опрометчивые поступки. Мне подумалось, что если ты присоединишься к паломничеству, тебе удастся успокоить его и отговорить от того, что он затевал. К тому времени, когда он сообщил о своем намерении и заявил, что его не разубедить, ты уже находился далеко на западе. Ты ехал впустую, и остается лишь сожалеть, что я заставил тебя проделать этот путь.

— Я все равно догоню его.

— Боюсь, это ничего не даст.

Элидат пожал плечами:

— Я уже столько проехал, что просто смешно было бы остановиться. Вдруг мне все же удастся каким-то образом привести его в разум. Ты ска-

зал, что собираешься ехать за ним завтра?

— Да, к полудню. Как только разберусь с декретами и указами, которые он поручил мне.

Элидат подался вперед.

— Возьми их с собой. Мы выезжаем сегодня же!

— Это неразумно. Сам же говорил, что путешествие было утомительным, да я и по лицу вижу, насколько ты устал. Отдохни сегодня здесь, поешь как следует, выспись, посмотри хорошие сны, а завтра…

— Нет! — воскликнул Элидат. — Сегодня же, Тунигорн, сегодня же! Пока мы будем прохлаждаться здесь, он с каждым часом будет приближаться к территории метаморфов! Неужели ты не понимаешь, насколько это опасно? — Он вскинул на Тунигорна холодный взгляд. — Не поедешь, так я отправлюсь один.

— Этого я не позволю.

Элидат вскинул брови.

— С каких это пор я должен спрашивать у тебя разрешения?

— Не прикидывайся, будто не понял, что я имею в виду. Я не допущу, чтобы ты в одиночку отправился неведомо куда.

— В таком случае, выезжаем сегодня вечером.

— Подожди хотя бы до утра.

— Нет!

Тунигорн устало закрыл глаза, довольно долго сидел неподвижно и в конце концов негромко сказал:

— Ну, ничего не поделаешь. Сегодня так сегодня.

Элидат кивнул:

— Наймем маленькое быстроходное суденышко и, если повезет, перехватим его еще до Ни-мойи.

— Элидат, он едет вовсе не в Ни-мойю, — уныло ответил Тунигорн.

— Тогда я вообще ничего не понимаю. Единственный путь в Илиривойн отсюда, насколько мне известно, проходит вверх по реке, через Ни-мойю до Верфа, а оттуда на юг к Пьюрифайнским воротам.

— Хорошо бы так…

— А что, неужели туда можно добраться другим путем?

— Нормального пути нет. Но он выбрал ненормальный — на юг в Гихорну, а там через Стейч в страну метаморфов.

Элидат изумленно уставился на него.

— Быть того не может! Гихорна — это безжизненная пустыня. Стейч — непреодолимая река.

Он должен это знать, а если и не знает, то крошка-вруун должен был объяснить ему.

— Делиамбер изо всех сил старался, но Валентин пропустил все доводы мимо ушей. И сказал, что если поедет через Ни-мойю и Верф, то ему придется останавливаться в каждом городе для обычных церемоний великого паломничества, а поход на поклон к метаморфам откладывать нельзя.

Элидат вновь почувствовал прилив тревоги и ужаса.

— То есть он лезет в песчаные бури и безводье Гихорны, потом намеревается преодолеть реку, в которой однажды чуть не утонул…

— Совершенно верно, и все это для того, чтобы поклониться тем, кто так ловко сумел скинуть его с трона десять лет назад…

— Безумие!

— Совершенное безумие, — ответил Тунигорн.

— Так ты согласен? Выезжаем нынче вечером?

— Да, нынче вечером.

Тунигорн протянул руку, Элидат взял ее, крепко сжал, и они несколько мгновений стояли молча.

Тишину нарушил Элидат.

— Тунигорн, ответь мне на один вопрос, ладно?

— Спрашивай.

— Говоря об этой затее Валентина, ты несколько раз употребил слово «безумие». Я тоже. И тому подобные эпитеты. Но я не видел его уже больше года, а ты был с ним неотлучно с самого отъезда из Замка. Скажи прямо: ты считаешь, что он действительно спятил?

— Спятил? Нет, я так не считаю.

— Сделал принцем молодого Хиссуна? Отправился в паломничество к метаморфам?

Тунигорн ответил не сразу.

— Конечно, Элидат, мы с тобой не сделали бы ничего подобного. Но я думаю, что это говорит не о безумии Валентина, а о чем-то другом, присущем ему: праведности, добросердечии, пожалуй, даже святости своего рода, чего мы с тобой не в состоянии постичь до конца. Мы же всегда знали, что Валентин чем-то сильно отличается от нас.

— Конечно, лучше уж святой, чем сумасшедший, — хмуро сказал Элидат. — Но что касается добросердечия и святости… разве сейчас, когда мир все глубже погрязает в неурядицах и раздорах, Маджипуру требуются эти качества короналя?

— У меня нет на это ответа, старина.

— У меня тоже. Зато имеются определенные

опасения.

— И у меня, — отозвался Тунигорн. — И у меня.

Глава 3

В ночной тьме Й-Уулисаан напряженно лежал без сна, прислушиваясь к ветру, завывавшему над равнинами Гихорны, — разреженному режущему восточному ветру, подхватывавшему с земли сухой песок и раз за разом швырявшему его на скат палатки.

Караван правителя, с которым он давно уже путешествовал, остановился на очередной ночлег, удалившись уже на много сотен миль на юго-запад от Пилиплока. Оставалось несколько дней пути до Стрейча, а за рекой лежал Пьюрифайн. Й-Уулисаан весь истомился в ожидании переправы через реку — а там он наконец-то сможет вновь дышать воздухом родных мест, и чем ближе к реке подходил караван, тем сильнее ему хотелось туда. Наконец-то попасть домой, освободиться от напряжения этого бесконечного маскарада…

Скоро, уже скоро…

Но прежде нужно каким-то образом предупредить Фараатаа о планах лорда Валентина.

Уже шесть дней прошло с тех пор, как Фараатаа в прошлый раз связывался с Й-Уулисааном, а шесть дней назад Й-Уулисаан еще не знал, что

кораль решил изменить маршрут паломничества и побывать в стране пьюриваров. Эта информация, несомненно, необходима Фараатаа. Но Й-Уулисаан не мог найти возможности связаться с ним ни по обычным каналам, которых практически не существовало в этом мрачном и почти необитаемом месте, ни через посредство водяных королей. Чтобы привлечь внимание водяного короля, требовалось много разумов, а Й-Уулисаан в своей миссии был один-одинешенек.

Однако попытаться следовало. Как и все три последние ночи, он сосредоточил мыслительную энергию и послал ее вперед, пытаясь пробросить нечто вроде нити через тысячи миль, отделявших его от предводителя повстанцев.

Фараатаа! Фараатаа!

Безнадежно. Без помощи водяного короля, который взял бы на себя поддержку, подобная связь была совершенно невозможна, и Й-Уулисаан это знал. И все же продолжал призывать вождя. Вдруг — он заставлял себя верить в такой шанс, насколько бы маленьким он ни был, — какой-нибудь оказавшийся поблизости водяной король подхватит его передачу и усилит ее. Маловероятный шанс, жалкий шанс, но ему нельзя не попытаться.

Фараатаа!

От усилий облик Й-Уулисаана немного колебался. Его ноги удлинились, а нос, наоборот, уменьшился. Он угрюмо проверил свой вид, пока изменение не зашло так далеко, чтобы стать заметным для соседей по палатке, и заставил себя вернуться к человеческому облику. Впервые приняв его в Алханроэле, он не смел расслабиться ни на мгновение, чтобы в нем не обнаружили шпиона пьюриваров, которым он и являлся. Из-за этого в его теле повышалось давление, ставшее к этому времени почти невыносимым, но он старательно держался в избранной форме.

Он продолжал выкачивать в ночь душевные силы.

Фараатаа! Фараатаа!

Ничего. Молчание. Одиночество. Как обычно.

Вскоре он отказался от своего намерения и попытался уснуть. До утра было еще далеко. Вытянувшись на спине, он закрыл пульсирующие глаза.

Но сон не шел к нему. В этом путешествии ему вообще редко удавалось заснуть. Вот и сейчас он лишь на мгновения проваливался в дремоту. Слишком уж много раздражителей его окружало — скорбные завывания ветра, порывистый шорох

песка по парусине палатки, грубый разноголосый храп спутников короналя, с которыми ему приходилось делить кров. И сильнее всего непрекращающаяся боль от постоянного пребывания среди враждебных чужаков. Напряженный до звона в каждом нерве он ждал рассвета.

Но вот где-то между часом шакала и часом скорпиона он почувствовал, что его сознания слегка коснулся звук монотонной, вкрадчивой музыки. Он был так напряжен, что от неожиданного вторжения на мгновение утратил контроль над своим обликом и непроизвольно сменил несколько форм, изобразив сначала, по очереди, двоих спящих поблизости людей, затем на долю секунды перешел в форму пьюривара и лишь после этого овладел собой. С бешено колотящимся сердцем, с прерывистым дыханием он сел и снова принялся искать эту музыку.

О! Вот она! Да. Сухой, повизгивающий тон, странным образом расположившийся между интервалами шкалы. Сила и тембр сигнала позволяли безошибочно узнать в нем песню разума водяного короля, именно этого короля Й-Уулисаан никогда раньше не слышал. Он открыл свой разум для контакта и мгновение спустя с огромным облегчением услышал мысленный голос

Фараатаа:

– Й-Уулисаан?

— Фараатаа! Наконец-то! Как долго я ждал этого разговора!

— Й-Уулисаан, связь бывает в назначенное время.

— Да, я знаю. Но у меня есть для тебя срочные новости. Я каждую ночь взывал к тебе, пытаясь установить контакт. Ты не слышал меня?

— Ничего не слышал. Это плановый вызов.

— Ах…

— Й-Уулисаан, где ты находишься и что у тебя за новости?

— Я где-то в Гихорне, далеко от побережья, и от Пилиплока — почти у Стейча. Все еще путешествую в свите короналя.

— И каким же образом великое паломничество занесло в Гихорну?

— Фараатаа, он прервал великое паломничество. Сейчас он направляется в Илиривойн для переговоров с Данипьюр.

Ответом ему была тишина, тишина настолько тугая и глубокая, что казалось, будто она шипит и потрескивает, как воздух во время сильной грозы. Он даже успел испугаться, что контакт потерян. Но вскоре Фараатаа заговорил:

— С Данипьюр? И чего же он хочет от нее?

— Прощения.

— Какого еще прощения, Й-Уулисаан?

— За все преступления его народа против нашего.

— Он что, сошел с ума?

— Кое-кто из его спутников тоже так считает. А другие говорят, что это исключительное свойство Валентина — принимать ненавидящих с любовью.

Вновь последовала продолжительная пауза.

— Нельзя допустить его разговора с Данипьюр.

— Я тоже так считаю.

— Сейчас и речи не может быть о прощении. Нужно нагнетать вражду, иначе не видать нам победы. Я не допущу его к ней. Ни в коем случае. Он может попытаться достичь компромисса с нею, а никаких компромиссов не должно быть.

— Понимаю.

— Победа уже почти достигнута. Управление парализовано. Правительство не в состоянии поддерживать порядок. Й-Уулисаан, ты знаешь, что уже появились три самозваных короналя? Один в Кинторе, другой в Ни-мойе, и еще один в Дюлорне.

— Это правда?

— Почти наверняка. Тебе что-нибудь известно об этом?

— Ничего. И, думаю, Валентин знает не больше моего. Мы сейчас очень далеко от цивилизации. Три самозваных короналя! Фараатаа, это же начало краха для них!

— Несомненно. Все происходящее играет нам на руку. Болезни растений распространяются все шире. Ты, Й-Уулисаан, поможешь нам и дальше пресекать действия правительства и усугублять положение. В Зимроэле уже хаос. Серьезные события начинаются и в Алханроэле. Победа уже близка.

— Да, Фараатаа, нужно приложить лишь еще немного усилий.

— Но мы обязаны перехватить короналя, пока он не попал в Илиривойн. Ты знаешь точно, где вы находитесь?

— Мы три дня ехали в летающих лодках из Пилиплока на юго-запад в сторону Стейча. Сегодня вечером кто-то сказал, что до реки осталось три дня пути, если не меньше. Вчера корональ с несколькими сопровождающими уехал вперед от каравана. Сейчас они должны уже подъезжать к реке.

— И как же он планирует перебраться через

реку?

— Этого я не знаю. Но…

— Хватай его!

Неожиданный крик мгновенно оборвал контакт с Фараатаа. Во мраке обрисовались две стремительно приближавшиеся огромные фигуры. Й-Уулисаан, совершенно не ожидавший нападения, лишь растерянно открыл рот.

Видно было плохо, но, судя по всему, его схватили великанша-воительница Лизамон Халтин и известный грубиян, мохнатый скандар Залзан Кавол. За их спинами, в безопасном отдалении, крутился вруун Делиамбер, заплетающий щупальца в самые немыслимые узлы.

— Вы соображаете, что делаете? — воскликнул Й-Уулисаан. — Это возмутительно!

— Совершенно, совершенно возмутительно, — жизнерадостно поддакнула амазонка. — Возмутительнее некуда.

— Отпустите меня сейчас же!

— А вот на это, шпион, можешь не рассчитывать, — пророкотал скандар.

Й-Уулисаан отчаянно пытался высвободиться, но в могучих руках своих пленителей был беспомощней тряпичной куклы. Его охватила паника, и он почувствовал, что теряет власть над своим

обликом. И он ничего не мог с этим поделать, хоть и знал, что выдает свою истинную сущность. Они держали его, а он дергался, вырывался и стремительно сменял формы, превращаясь то в змею, усеянную множеством шипов и наростов, и тут же становясь совсем другим, а потом еще и еще раз. Освободиться он не мог, на контакт с Фараатаа ушло столько энергии, что он не мог воспользоваться ни одной из своих защитных способностей, нанести электрический удар или сделать что-то в этом роде. Он лишь безнадежно орал и выл, но вруун внезапно протянул щупальце и нанес короткий ошеломляющий удар ему по лбу. Й-Уулисаан обмяк и замер в полуобморочном состоянии.

— Доставьте его к короналю, — сказал Делиамбер. — Мы будем допрашивать его перед лордом Валентином.

Глава 4

Валентин весь день ехал в авангарде своего каравана на запад, к Стейчу, и окружавший его ландшафт быстро и впечатляюще менялся: невзрачные виды Гихорны уступали место таинственной пышности дождевых лесов Пьюрифайна. Позади осталась тянувшаяся от самого океана и похожая на неухоженный пляж пустыня с дюнами и ползучими песками, редкими косматыми пучками острой, как связки ножей, жесткой травы и маленькими чахлыми деревцами с вялыми желтыми листочками. Совсем недавно под ногами лежал сыпучий песок, но с каждым шагом почва становилась темнее, богаче и порождала все более буйную и пышную растительность, в воздухе больше не чувствовался едкий привкус моря, а появился сладкий мускусный аромат джунглей. Но Валентин знал, что это лишь преддверие джунглей, которые лежат впереди, за Стейчем — царство диковин, густой темной зелени, туманных холмов и гор, царство Меняющих облик.

Реки они достигли примерно за час до заката. Первой на берег вышла летающая лодка Вален-

тина, остальные две отстали только на несколько минут. Корональ знаком приказал капитанам выстроить машины вдоль берега и, покинув лодку, подошел к воде.

Валентин отлично помнил эту реку — и не без серьезных оснований. Он побывал здесь в годы изгнания, когда вместе со своими товарищами-жонглерами удирал из Илиривойна, от метаморфов. Сейчас, стоя над ее быстрыми струями, он вернулся памятью в прошлое и снова мельком увидел ту жуткую поездку по насквозь промокшему от дождей Пьюрифайну, кровавую битву с меняющими облик, которые устроили им засаду в глубине джунглей, и маленьких, похожих на обезьян лесных братьев, которые впоследствии спасли их и привели к Стейчу. Там они соорудили плот и начали свое злополучное плавание по бурной реке среди грозных валунов, водоворотов и порогов, рассчитывая добраться до Ни-мойи, где уже не будет никаких опасностей…

Ну а тут не было ни раздирающих воду острых камней, ни высоких скальных стен, сжимающих поток и разгоняющих его до безумной скорости. Река здесь была широкой, но течение, хоть и быстрое, было плавным и вполне преодолимым.

— Неужели это и в самом деле Стейч? — спро-

сила Карабелла. — Совсем не похоже на реку, которая так жестоко обошлась с нами.

Валентин кивнул:

— Те места лежат севернее. А этот участок реки представляется мне более цивильным.

— Но вряд ли его можно назвать дружелюбным. Мы сможем переправиться?

— Должны, — ответил Валентин, разглядывая далекий берег, за которым лежал Пьюрифайн.

Уже начало смеркаться, и в сгущающейся тьме провинция, где обитали метаморфы, казалась непроницаемой, непостижимой, наглухо замкнутой в себе. Настроение короналя снова упало. Не глупость ли, спрашивал он себя, эта дикая экспедиция в джунгли? Что, если это предприятие и впрямь абсурдно, наивно и обречено на провал? Возможно и так. Возможно, единственным результатом его безрассудных поисков прощения у королевы меняющих облик окажется насмешка и позор. И, возможно, в таком случае будет лучше, если он откажется от этой короны, которой никогда по-настоящему не желал, и передаст управление в руки более жестокого и решительного человека.

Возможно, возможно…

Он заметил, что на другом берегу какое-то

странное медлительное существо вынырнуло из воды и вяло поползло вдоль воды — похожая на длинный мешок тварь с бледно-голубой кожей и единственным огромным печальным глазом на округлой голове. Валентин уставился на животное, ошеломленный его уродством и неуклюжестью, а оно уткнулось мордой в илистую почву берега и начало раскачиваться из стороны в сторону, словно пыталось вырыть яму подбородком.

Подошел Слит. Валентин, захваченный наблюдением за странным существом, некоторое время делал вид, будто не замечает друга, и лишь потом повернулся к нему.

Валентину показалось, что у Слита задумчивый, даже встревоженный вид.

— Мы разобьем здесь лагерь и заночуем, да, мой повелитель? Дождемся утра и засветло будем выяснять, смогут ли наши летающие лодки переправиться через такую быструю воду.

— Да, именно так я и собирался.

— Не сочти за дерзость, мой повелитель, но от тебя можно было ожидать приказа форсировать реку немедленно.

Валентин нахмурился. Он испытал странное отчуждение, и слова Слита, казалось, доносились

до него издалека.

— Насколько я помню, мы собирались завтра утром поэкспериментировать с летающими лодками, оставаясь на этой стороне реки, пока нас не догонит остальной караван, и тогда уже все вместе переправляться в Пьюрифайн. Разве не так?

— Все так, мой повелитель, но…

— Значит, нужно приказать разбить лагерь, пока светло, верно, Слит? — Корональ решительно выбросил странное недоразумение из головы и снова повернулся к реке. — Видишь странную зверюгу на том берегу?

— Громварка?

— Ах, вот они какие. Интересно, зачем он тычется мордой в грязь?

— Думаю, роет норку. Чтобы спрятать жирное тело, когда грянет буря. Он, конечно, живет в воде, но, боюсь, решил, что река слишком сильно разволнуется, и…

— Буря? — повторил Валентин.

— Да, мой повелитель, скоро грянет буря. Я все пытаюсь сказать об этом. Посмотри на небо, мой повелитель!

— Темнеет. Близится ночь.

— На восток, — уточнил Слит.

Валентин обернулся и взглянул туда, где оста-

лась Гихорна. Солнце уже садилось, и там, сзади, небо должно было сделаться серым, если не черным. Но против всех законов природы восток пылал чем-то вроде чудовищного заката — небо светилось необычным сиянием, где смешивались пастельные розовые и желтые тона, а вдоль горизонта протянулась бледно-зеленая полоса. Цвета странным образом переливались, как будто небо пульсировало. Весь мир неестественно притих: Валентин слышал лишь журчание реки и ничего больше, даже мелкие алые древесные лягушки, которые водились здесь в неисчислимом множестве, прекратили свои бесконечные пронзительные вечерние песни. А воздух неожиданно обрел пустынную сухость и, казалось, мог вспыхнуть в любой миг.

— Песчаная буря, мой повелитель, — тихо произнес Слит.

— Ты уверен?

— На побережье наверняка уже бушует. Весь день дул восточный ветер, а бури, случающиеся в Гихорне, всегда приходят как раз оттуда, с океана. Сухой ветер с океана! Ты можешь это понять мой повелитель? Я не могу.

— Ненавижу сухой ветер, — пробормотала Карабелла. — И тот ветер, который охотники на

драконов называют Посланием. У меня от них все нервы начинают болеть.

— Ты знаешь, мой повелитель, какие тут бывают бури? — осведомился Слит.

Валентин коротко кивнул. Обучению корональ географии уделяют очень много внимания. Песчаные бури в Гихорне нечасты, но ужасны; яростные ветры как бритвой обдирают всю растительность, успевшую вырасти на барханах, вздымают ввысь многие тонны песка и безжалостно несут его вглубь материка. Случается такое редко, лишь два-три раза за поколение, но запоминается очень надолго.

— Что же будет с отставшими спутниками? — спросил Валентин.

— Буря наверняка обрушится прямо на них, — ответил Слит. — Может быть, уже догнала или вот-вот догонит. Гихорнские бури движутся быстро. Прислушайся, ваше высочество, прислушайся!

Ветер усиливался.

Валентин слышал его — далекое негромкое шипение, только-только начавшее нарушать непродолжительную тишину. Словно первый шепот медленно пробуждающегося гнева великана, который с минуты на минуту разразится

злобным ревом.

— А как же мы? — спросила Карабелла. — Ты думаешь, Слит, буря и сюда доберется?

— Громварк в этом не сомневается, моя госпожа. Он намерен пережидать предстоящие события под землей. — Слит вновь повернулся к Валентину. — Можно дать тебе совет, мой повелитель?

— Конечно.

— Нужно переправляться сейчас, пока есть такая возможность. Если буря застигнет нас здесь, не исключено, что летающие лодки погибнут или так сильно пострадают, что не смогут идти по воде.

— В Гихорне осталось больше половины моих людей!

— Да — если они еще живы.

— Делиамбер… Тизана… Шанамир!..

— Я знаю, мой повелитель. Но сейчас мы не в состоянии ничем помочь им. Если мы собираемся продолжать это путешествие, нужно немедленно переправиться через реку, потому что позже это может не получиться. На той стороне мы укроемся в джунглях и будем ждать, пока подъедут остальные — если им это удастся. А вот если останемся здесь, то, скорее всего, застрянем и не пойдем уже ни вперед, ни назад.

«Нежелательная перспектива, — думал Валентин. — И вполне вероятная». И все же он отнюдь не сразу решился отправиться в Пьюрифайн и вверить многих из самых близких и дорогих людей неопределенной участи перед лицом катаклизма, надвигающегося с ветром и стеной песка. В первый миг он даже подумал, что нужно мчаться обратно на восток, навстречу своим спутникам. Впрочем, он сразу же понял, что это несусветная глупость. Возвращением он не добьется ровным счетом ничего, лишь подвергнет опасности еще больше жизней. Не исключено, что буря не зайдет так далеко на запад; в таком случае лучше всего будет переждать, пока ее ярость утихнет, и уже тогда вернуться в Гихорну и искать тех, кто уцелеет.

И он стоял, как истукан, и молча глядел на восток, в царство тьмы, сейчас так необычно расцвеченное жутким сиянием разрушительной энергии песчаной бури.

Ветер продолжал набирать силу. Буря достанет нас, понял Валентин. Она перемахнет через нас и, прежде чем исчерпает свою силу, успеет, пожалуй, глубоко вторгнуться в джунгли Пьюрифайна.

Вдруг он прищурился, удивленно моргнул и

указал рукой:

— Видите огни? Это же летающая лодка!

— Клянусь Владычицей… — хрипло пробормотал Слит.

— Это они?! — воскликнула Карабелла. — Значит, им удалось удрать от бури, да?

— Только одна лодка, мой повелитель, — вполголоса сказал Слит. — И, похоже, не из твоего каравана.

Валентин и сам успел это понять. Поезд правителя состоял из больших мощных летающих лодок, предназначенных для перевозки большого количества народа и багажа. А со стороны Гихорны подъезжала сейчас маленькая машинка из тех, что используют частные лица, рассчитанная на четверых, а то и вовсе на двоих пассажиров — у нее спереди были только две фары, дающие не очень яркий свет, в то время как у более крупных было три фары, и сияли они как настоящие прожектора.

Летающая лодка остановилась, не доехав лишь футов тридцати до короналя. Охранники лорда Валентина в мгновение ока окружили ее, вскинув энергометы на изготовку. Двери лодки распахнулись, и оттуда буквально вывалились двое измотанных, осунувшихся мужчин.

У Валентина перехватило горло от изумления.

— Тунигорн! Элидат! — с трудом выговорил он.

Этого просто не могло случиться, это была фантазия, сон наяву. Тунигорну в этот момент надлежало обретаться в Пилиплоке и разгребать текущую административную рутину. А Элидат… Элидат просто не мог сейчас оказаться здесь! Место Элидата за много тысяч миль отсюда, на вершине Замковой горы. С тем же успехом, что и его, Валентин мог ожидать встретить здесь, в темном лесу на границе Пьюрифайна, свою мать, Владычицу Острова.

И все же высокий мужчина с густыми бровями и впалыми щеками, несомненно, был Тунигорном, а второй, еще выше, с твердым пронизывающим взглядом и сильным костистым лицом, столь же несомненно, был Элидатом. Если только…

Ветер усилился. Валентину показалось, что он ощущает лицом прикосновения мелких песчинок, летящих по воздуху.

— Вы настоящие? — напрямик спросил он Элидата и Тунигорна. — Или парочка подделок, сотворенных меняющими облик?

— Настоящие, Валентин, совершенно настоящие! — воскликнул Элидат и протянул руки к короналю.

— Клянусь Божеством, это правда, — подхватил Тунигорн. — Мы не подделки, мой повелитель, и мы мчались день и ночь без остановок, чтобы перехватить вас на этом месте.

— Да, — сказал Валентин, — вы, похоже, настоящие.

Он подался было навстречу протянутым рукам Элидата, но его собственные охранники робко попытались преградить ему дорогу. Валентин сердито отмахнулся от них и крепко прижал Элидата к груди. Потом, отпустив его, сделал шаг назад и еще раз окинул взглядом старейшего и ближайшего из своих друзей. Они не виделись больше года, но Элидат выглядел так, будто прошло добрых десять лет — постарел, осунулся, как-то усох. «Интересно, — непроизвольно подумал Валентин, — причиной этого стали заботы регентства или усталость от долгого путешествия в Зимроэль?» Когда-то Валентин воспринимал его практически братом, потому что они были ровесниками и имели схожий склад души, а теперь Элидат внезапно превратился в усталого старика.

— Мой повелитель, буря… — заговорил Слит.

— Минуточку, — перебил его Валентин, резко взмахнув рукой. — Мне нужно кое-что выяснить,

и немедленно. Как получилось, что ты оказался здесь? — спросил он Элидата.

— Мой повелитель, я приехал умолять тебя не подвергаться еще большим опасностям.

— Но что дало тебе основание считать, что я вообще подвергаюсь опасностям и они могут увеличиться?

— Мне стало известно, что ты намерен переправиться в Пьюрифайн и вступить в переговоры с метаморфами, — ответил Элидат.

— Это решение было принято не так уж давно. Чтобы успеть сюда, ты должен был покинуть Гору за несколько недель, а вероятнее, за несколько месяцев до того, как мысль пришла мне в голову. Неужели ты так понимаешь служение мне? — не без раздражения добавил Валентин. — Бросить свое место в Замке и отправиться через полмира, чтобы вмешаться в мою политику?

— Мое место рядом с тобой, Валентин.

Корональ осклабился.

— Я люблю тебя и от чистого сердца приветствую и обнимаю. Но мне хотелось бы, чтоб ты сейчас находился не здесь.

— И мне тоже, — сказал Элидат.

— Мой повелитель, — повысил голос Слит. — На нас идет буря. Умоляю…

— Да, буря, — согласился Тунигорн. — Гихорнская песчаная буря — страшная вещь. Выезжая, мы слышали, как она бушевала на побережье, а потом она гналась за нами буквально по пятам. Мой повелитель, она будет здесь через час, и это в лучшем случае. Вероятнее, что через полчаса или еще скорее!

Валентину словно обручем перехватило грудь от тревоги. Буря, буря, буря!.. Слит прав — нужно действовать. Но ему так много нужно узнать, у него столько вопросов…

Он быстро повернулся к Тунигорну.

— Вы должны были проехать мимо другого лагеря. Лизамон, Делиамбер, Тизана — с ним все в порядке?

— Они приложат все силы, чтобы обезопасить себя. И мы должны сделать то же самое. Скорее двигаться на запад, попытаться укрыться поглубже в джунглях, прежде чем начнется самое худшее…

— Прямо мои слова, — подхватил Слит.

— Хорошо, — подытожил Валентин и спросил, взглянув на Слита: — Наши лодки подготовлены к переправе?

— Сейчас распоряжусь, мой повелитель. — Слит умчался.

Валентин вновь обратился к Элидату.

— Ты здесь, но кто же правит в Замке?

— Я назначил регентский совет из трех человек — Стазилейна, Диввиса и Хиссуна.

— Хиссуна?

Элидат вдруг покраснел.

— Я полагал, что ты хочешь, чтобы он быстрее продвигался во властных структурах.

— Совершенно верно. И ты поступил правильно. Но подозреваю, что кое-кому этот выбор очень не понравился.

— Естественно. Принц Манганот Банглекодский, герцог Халанкский…

— Можешь не перечислять. Я и так знаю, кто это был. Но, думаю, через некоторое время их мнение переменится.

— Я в этом уверен. Замечательный парень. Подмечает все до мелочей. И учится с поразительной скоростью. Быстро растет. А если допустит ошибку, находит способ извлечь пользу, осмыслив ее. В чем-то он напоминает мне тебя в том же возрасте.

Валентин резко мотнул головой.

— Нет, Элидат. Он ни в чем не похож на меня. Пожалуй, это я ценю в нем едва ли не больше всего. Мы видим одно и то же, но совершенно

по-разному. — Он улыбнулся, взял Элидата за локоть и негромко произнес: — Ты понимаешь, к чему я готовлю его?

— Думаю, что да.

— Тебя это тревожит? — спросил он, глядя в глаза другу.

Элидат твердо встретил его взгляд.

— Знаешь же, Валентин, что нет.

— Да, я это знаю, — согласился кораль.

Он крепко сжал пальцами предплечье Элидата, выпустил его и быстро отвернулся, прежде чем тот успел заметить, что его глаза внезапно заблестели.

Ветер уже обильно нес песок и со зловещим присвистом трепал рощицу тонких деревьев, стоявшую восточнее реки, и разрезал их широкие листья на клочки, словно массой невидимых ножей. Валентин почувствовал, как струи песка с жалящей силой бьют по лицу, и повернулся спиной к ветру и прикрылся плащом. Остальные поступали так же. На берегу реки Слит подгонял суетившихся водителей и механиков, которые поспешно переоборудовали экранные механизмы летающих лодок для работы на воде.

— Валентин, есть и еще одна совершенно неожиданная новость, — сказал Тунигорн.

— Ну так выкладывай ее!

— Эксперт по сельскохозяйственным вопросам, которого ты взял с собой из Алаизора…

— Й-Уулисаан? Что? Неужели с ним что-то случилось?

— Он — шпион меняющих облик, мой повелитель.

Валентин чуть не пошатнулся от этих слов.

— Что?!

— Делиамбер выяснил это минувшей ночью — почувствовал что-то странное, стал разбираться и обнаружил, что Й-Уулисаан ведет мысленный разговор с кем-то, находящимся очень далеко. Твои скандар и амазонка схватили его, и тогда Й-Уулисаан принялся менять формы, как пленный демон.

Валентин зло плюнул.

— Просто в мозгу не укладывается! Все это время мы везли с собой шпиона, обсуждали с ним все наши планы борьбы с эпидемией в сельскохозяйственных провинциях… Нет! Нет! Что они с ним сделали?

— Они хотели этой ночью доставить его к тебе для допроса, — сказал Тунигон. — Но когда стало ясно, что бури не избежать, Делиамбер решил, что разумнее будет переждать в лагере.

— Мой повелитель! — крикнул с берега Слит. — Все готово. Можно переправляться.

— Это еще не все, — сказал Тунигорн.

— Пойдем. Расскажешь, пока будем переправляться.

Они быстро пошли к лодкам. Ветер уже разошелся не на шутку и безжалостно гнул деревья к земле. Карабелла споткнулась и упала бы, не подхвати ее вовремя Валентин. Корональ крепко обнял супругу за талию — она была так изящна, так хрупка, так легка, что порыв посильнее мог бы унести ее прочь.

— Как раз перед тем, как я выехал из Пилиплока, стало известно, что хаос усиливается, — сказал на ходу Тунигорн. — В Кинторе некий Семпетурн, бродячий проповедник, провозгласил себя короналем, и часть населения его признала.

— Ах… — чуть слышно воскликнул Валентин — как будто его ударили в живот.

— И не только там. Еще один корональ появился в Дюлорне; вроде бы это гэйрог по имени Ристимаар. Кто-то объявился и в Ни-мойе, но как его зовут, я не знаю. Сообщалось также, что в Велатисе или, возможно, в Нарабале, объявился, по меньшей мере, один самозваный понтифик. Точно сказать не могу, мой повелитель, потому

что каналы связи чрезвычайно неустойчивы.

— Все идет, как я предвидел, — леденяще спокойным тоном произнес Валентин. — Божество обернулось против нас. Всеобщему благосостоянию пришел конец. И само небо раскололось и рушится на нас.

— В лодку, мой повелитель! — заорал Слит.

— Слишком поздно, — пробормотал Валентин. — Нам уже не будет прощения.

Не успели они вскарабкаться в машины, как буря обрушилась на них со всей своей яростной силой. Сначала наступила ошеломляющая тишина, как будто сама атмосфера поспешила покинуть это место в ужасе перед надвигающимся ветром, и уже в следующий миг последовал гром, но сухой и без раскатов — короткий, поспешный удар, не рождающий эха. С этим ударом пришла буря и с ревом и визгом заполнила воздух мириадами песчаных вихрей, сделав его непрозрачным.

Валентин уже был в лодке, Карабелла села рядом с ним, и Элидат устроился поблизости. Переваливаясь, будто огромный аморфибот, грубо изгнанный из норы, машина неуклюже поползла к реке.

Мгновенно сгустилась тьма, и внутри тьмы ле-

жало ядро, сияющее зловещим лилово-зеленым светом и порожденное, как легко было подумать, трением воздуха о воздух. Река сделалась совершенно черной, и на ее поверхности заплясали даже не волны, а устойчивые бугры и впадины устрашающего вида, порожденные хаотическими изменениями давления воздуха над водой. Песок рушился с неба огромными вихрящимися кучами, оставляя рябые кратеры на взбаламученной воде. Карабелла охнула и задержала дыхание; Валентин переборол сильнейший приступ головокружения — летающая лодка принялась яростно брыкаться, то пятилась, то задирала нос, не желая повиноваться управлению, и шлепала днищем по воде, снова приподнималась и снова ударялась об воду: бах-бах-бах. Летящий песок начал было рисовать на окнах узоры неизъяснимой прелести, но очень скоро полностью затянул их непрозрачным покровом, однако у Валентина сложилось смутное впечатление, что вторая машина, находившаяся слева, встала на хвост, устрашающе замерла на несколько мгновений в этом невозможном положении, и лишь после этого заскользила по откосу к воде.

Затем все, находившееся за пределами салона, сделалось невидимым, и из всех ощущений оста-

лись лишь уханье ветра и непрерывная дробь песка по корпусу летающей лодки.

Он почувствовал, что погружается в странное цепенящее спокойствие. Казалось, будто летающая лодка ритмично раскачивается вдоль продольной оси, кренится с боку на бок с постоянно увеличивающимся размахом. Судя по всему, понял он, мощности роторов не хватает, чтобы удерживать воздушную подушку на бурной воде, и в любую секунду машина может перевернуться.

— Эта река заклята против нас, — сказала Карабелла.

Да, подумал Валентин. Похоже на то. Или на реке лежит какое-то темное заклятие, или в самом Стейче обитает некий недоброжелательный дух, стремящийся сжить его, Валентина, со света. И теперь мы все утонем, думал он, однако сохраняя странное спокойствие.

Река, которая однажды чуть не разделалась со мною, но все же упустила, говорил он себе, терпеливо ждала другого шанса. И вот этот шанс выпал.

Это ничего не значило. По большому счету, значения не имело вообще ничего. Жизнь, смерть, мир, война, радость, печаль — все это было од-

ним и тем же, словами, лишенными смысла, простыми шумами, пустой шелухой. Валентин ни о чем не сожалел. Его упросили служить, и он служил. Безусловно, он сделал все, что было в его силах. Он не уклонился от своих обязанностей, не предал доверия, не отрекся от присяги. Теперь ему предстояло вернуться к источнику, потому что ветры разъярили реку до бешенства, и река поглотит их всех, и так тому и быть: это ничего не значит. Ничего не значит.

— Валентин!

Лицо в нескольких дюймах. Глаза смотрят в его глаза. Голос выкрикивает имя, которое он вроде бы знает, и повторяет его еще громче.

— Валентин! Валентин!

Рука хватает его за плечо. Встряхивает, толкает.

Чье лицо? Чьи глаза? Чей голос? Чья рука?

— Элидат, он, кажется, в трансе.

Другой голос. Тоньше, чище, звучит у самого плеча. Карабелла? Да, Карабелла. Кто такая Карабелла?

— Здесь нечем дышать. Вентиляцию забило песком. Если мы не утонем, то задохнемся!

— Но вылезти-то мы сможем?

— Через аварийный люк. Но сначала нужно

вывести его из этого состояния. Валентин! *Валентин*!

— Кто это?

— Элидат. Что с тобой происходит?

— Ничего. Совершенно ничего.

— Ты будто спишь наяву. Ну-ка, дай я отстегну тебе привязной ремень. Валентин, вставай. *Вставай!* Хоть мы и в лодке, но она утонет самое большее через пять минут.

— Ах…

— Валентин, прошу тебя, послушайся его! — Это другой голос, более высокий и ясный, голос Карабеллы. — Нас безостановочно валяет. Нужно выбираться из машины и плыть на берег. Одна лодка уже утонула, другую не видно, и… о, Валентин, умоляю! Встань! Вдохни поглубже! Вот так. Еще раз. Еще. Теперь дай мне руку… Элидат, бери его за другую; поведем его к люку… так, так… Валентин, только не останавливайся…

Да. Только не останавливаться. Валентин начал ощущать кожей лица чуть заметное шевеление воздуха. Услышал слабый шорох песка, сыплющегося с неба. Да. Да. Подползи сюда, протиснись здесь, поставь ногу сюда, другую сюда… шаг… еще шаг… возьмись здесь… подтянись… *подтянись*…

Он бездумно, автоматически карабкался по ле-

сенке аварийного выхода, очень смутно ощущая свои действия, пока не добрался доверху и не просунул голову в люк.

И сразу порыв горячего сухого ветра с силой скребанул песком по лицу. Валентин ахнул, вдохнул песку, проглотил песок, поперхнулся, сплюнул. Но очнулся. Ухватившись за низенький комингс люка, обвел взглядом ночь, раздираемую бурей. Мрак сгустился, зловещее свечение угасло, воющие вихри песка один за другим продолжали яростно хлестать воздух, норовили забить глаза, ноздри, рот.

Он не видел практически ничего. Машина находилась примерно посреди реки, но нельзя было различить ни восточного, ни западного берега. Других машин тоже не было видно. Летающая лодка странно и страшно осела на корму, высоко вздернув нос над вздыбившейся водой. Вроде бы в волнах мелькали чьи-то головы, но сказать наверняка он не мог — песчаная завеса была почти непроницаема для взгляда, да и держать глаза открытыми было очень больно.

— Прыгай, Валентин! Прыгай! — Голос Элидата.

— Подожди! — крикнул он в ответ. Оглянулся. Карабелла стояла ниже его на лесенке — блед-

ная, испуганная, похоже, на грани обморока. Он протянул ей руку, она улыбнулась, увидев, что он пришел в себя, и он подтянул ее. Одним быстрым движением она взлетела вверх и остановилась рядом с ним, балансируя на узком ограждении люка с легкостью акробатки, столь же ловко и уверенно, как в те давние дни, когда зарабатывала себе на жизнь жонглированием.

Сколько-нибудь долго находиться в жалящей песчаной туче было невозможно. Они взялись за руки и прыгнули.

Вода оказалась твердой, как земля. Как ни цеплялся он за Карабеллу, но в момент падения ее оторвало от него. Валентин погружался все глубже, и когда стало ясно, что вот-вот не хватит дыхания, резко дернулся и, извиваясь всем телом, рванулся к поверхности. Вынырнув, он принялся звать Карабеллу, Элидата, Слита, но никто не отозвался, и даже тут, в реке, не было спасения от песка, который валился с неба как темный град и превращал воду в густое дьявольское желе.

«Пожалуй, по такому киселю до берега можно и пешком дойти», — подумал Валентин.

Слева от себя он разглядел темную громаду летающей лодки, медленно погружающуюся в воду; остававшийся в машине воздух придавал

ей некоторую плавучесть, странная масса, в которую превратилась вода из-за песка, худо-бедно сопротивлялась погружению лодки, и все же она хоть и медленно, но неудержимо тонула. Валентин понимал, что на ее месте возникнет опасный водоворот, и поспешил отплыть в сторону, одновременно высматривая своих спутников.

Нос летающей лодки скрылся под водой. Валентина захлестнула большая волна.

Его накрыло с головой, он вынырнул на мгновение, и его сразу же настигла вторая волна, а потом ухватил за ноги и встряхнул водоворот. Он чувствовал, как его несет по течению. В груди горело; чего он вдохнул — воды или песка? Апатии, которая навалилась на него в обреченной летающей лодке, как не бывало; он работал руками и ногами, прилагая все силы, чтобы держаться на плаву. В темноте он наткнулся на кого-то и попытался ухватиться, но его рука соскользнула, и он снова ушел под воду. У него подступила к горлу тошнота, и он подумал, что уже не сможет вынырнуть, но тут сильная рука схватила и поволокла его, и он позволил себе расслабиться, только сейчас поняв, что зря так отчаянно боролся с течением. И сразу же ему стало легче дышать и держаться на поверхности. Спаситель

выпустил его и исчез во тьме, но Валентин уже разглядел, что находится около одного из берегов, и вяло, с трудом работая руками, поплыл туда. Вскоре тяжелые от воды башмаки коснулись дна. Медленно, как будто сквозь сироп, он побрел к берегу, вскарабкался по глинистому откосу и рухнул ничком. Больше всего на свете ему хотелось зарыться, наподобие громварка, в сырую землю и сидеть там, пока буря не кончится.

Немного полежав так и отдышавшись, он сел и посмотрел по сторонам. В воздухе все еще висел песок, но уже не столь обильно, чтобы нужно было закрывать от него лицо, да и ветер определенно ослабел. В нескольких десятках ярдов от него, ниже по течению, лежала прибитая к берегу летающая лодка, остальных двух видно не было. Около машины безвольно лежали три или четыре фигуры; он не понял, живы они или мертвы. Вдали слышались слабые невнятные голоса. Валентин не мог сообразить, где же он находится, на пьюрифайнской или гихорнской стороне, но решил, что, вероятнее, в Пьюрифайне, так как в небольшом отдалении от воды вздымался непроницаемый, как ему показалось во мраке, лесной барьер.

Он поднялся на ноги.

— Ваше величество! Ваше величество!

— Слит? Я здесь!

Из темноты вынырнула сухощавая приземистая фигурка Слита, рядом с ним была Карабелла, а чуть позади — Тунигорн. Валентин с чувством обнял всех по очереди. Карабеллу неудержимо трясло, хотя ночь была теплая и, как только стих иссушающий ветер, воздух сразу пропитался сыростью. Валентин прижал Карабеллу к себе и попытался счистить корку мокрого песка, который густо, как штукатурка, облепил ее (да и его, и всех остальных) одежду.

— Мой повелитель, — сказал Слит, — две лодки погибли, и, боюсь, вместе с ними и многие пассажиры.

Валентин мрачно кивнул:

— Скорее всего, ты прав. Но не все же!

— Да, кое-кто выжил. Направляясь к вам, я слышал их голоса. Некоторые — не решусь гадать сколько, — оказались на обоих берегах. Но, мой повелитель, вам следует приготовиться к потерям. Мы с Тунигорном видели на берегу несколько трупов, и, скорее всего, кого-то унесла река и они утонули где-то вдали. Когда рассветет, узнаем больше.

— Наверняка, — кивнул Валентин, и все умолк-

ли. Он сел наземь, скрестив ноги, в позу, подобающую, скорее, портному, нежели правителю, и надолго замер, лишь бесцельно поглаживая ладонью песок, покрывавший землю неровным слоем толщиной в несколько дюймов, словно какой-то диковинный снег. Он никак не решался задать один вопрос, но вскоре не выдержал неизвестности.

— Об Элидате что-нибудь известно? — спросил он, переводя взгляд со Слита на Тунигорна.

— Нет, мой повелитель, — ровным голосом ответил Слит.

— Ничего? Совсем ничего?

— Перед тем как лодка утонула, он был рядом с нами в воде, — сказала Карабелла.

— Да, я помню. А после того?

— Ничего, — сказал Тунигорн.

Валентин с подозрением взглянул на него.

— Может быть, вы уже нашли его тело и не хотите говорить мне?

— Валентин, клянусь Владычицей, об Элидате мне известно ровно столько же, сколько и тебе! — сердито бросил Тунигорн.

— Да, да, я нисколько не сомневаюсь в этом. Просто очень боюсь за него. Ты ведь знаешь, Тунигорн, как он мне дорог.

— Мне об этом можно и не говорить.

Валентин грустно улыбнулся.

— Прости, дружище. Эта ночь совершенно вывела меня из равновесия. — Карабелла положила ему на плечо холодную влажную ладонь; он накрыл ее своей и тихо повторил: — Прости меня, Тунигорн. И ты, Слит. И ты, Карабелла.

— Простить тебя, мой повелитель? — в изумлении проговорила Карабелла. — За что?

Он покачал головой.

— Давай не будем в это углубляться, любимая.

— Ты винишь себя в несчастьях этой ночи?

— Я виню себя во множестве несчастий, — ответил Валентин, — из которых события этой ночи лишь незначительная часть, хотя для меня это настоящая катастрофа. Мне поручили мир, а я своим управлением привел его к бедствию.

— Нет, Валентин, это не так! — воскликнула Карабелла.

— Мой повелитель, вы слишком суровы к себе! — добавил Слит.

— Разве? — Валентин расхохотался. — Половина Зимроэля голодает, объявились три, если не четыре, самозваных короналя, и метаморфы готовы предъявить свой запоздалый счет, а мы сидим на краю Пьюрифайна с песком во рту, и

половина наших людей утонула, и кто знает, какая ужасная судьба ждет другую половину, и… и… — Его голос начал срываться.

Валентин с усилием овладел собой и своим голосом и продолжил уже гораздо спокойнее:

— Эта ночь была поистине жуткой, я очень устал и очень волнуюсь из-за того, что об Элидате ничего не известно. Но подобные разговоры не помогут найти его, верно? Согласны? Так что давайте отдохнем немного, дождемся утра, а тогда уже начнем исправлять все, что поддается исправлению. Так?

— Так, — отозвалась Карабелла. — Ты все правильно говоришь, Валентин.

На то, чтобы уснуть, не было никакой надежды. Валентин, Карабелла, Слит и Тунигорн вытянулись на песке, прижавшись друг другу, и так и лежали, вслушиваясь в разнообразные лесные звуки и непрерывное журчание реки. Постепенно небо над Гихорной просветлело, и в жутком сером рассветном освещении Валентин увидел, какие разрушения причинила буря. На гихорнском берегу реки все деревья стояли без единого листочка, как будто ветер нес не песок, а огонь, да и на пьюрифайнском, по крайней мере, вблизи, картина была та же самая. Земля была покрыта

песком, местами лежавшим тонким слоем, а местами громоздившимся чуть ли не в барханы. Летающая лодка, на которой прибыли Тунигорн и Элидат, все так же стояла на том берегу, но ее металлическая обшивка была ошкурена до матового серого цвета. Единственная из больших лодок каравана Валентина лежала на боку, как мертвый морской дракон, выброшенный волнами.

Одна группа уцелевших, четверо или пятеро, собралась на том берегу. Еще с полдюжины, по большей части скандары личной охраны короналя, расположились на самом берегу немного ниже того места, где находился сейчас Валентин. Еще несколько отошли на сотню ярдов к северу, вероятно, искали трупы. Несколько мертвых тел уже лежали рядком около перевернутой летающей лодки. Валентин не увидел среди них Элидата. Но у него не было надежды на благополучный исход этой ночи для старого друга, и он не испытал никаких эмоций, лишь тупо заболело в груди, когда вскоре после рассвета один из скандаров принес Элидата, держа безвольно обвисшее дородное тело в четырех руках легко, как будто это был ребенок.

— Где он был? — спросил Валентин.

— С полмили по течению, мой повелитель, или немного дальше.

— Положите его и займитесь могилами. Мы сегодня же утром похороним всех на этом пригорке над рекой.

— Будет сделано, мой повелитель.

Валентин посмотрел в лицо Элидату. Глаза его были закрыты, а чуть приоткрытые губы словно улыбались, хотя с тем же успехом это могла быть гримаса, подумал Валентин.

— Вечером он выглядел очень старым, — сказал он Карабелле и повернулся к Тунигорну. — Он ведь и впрямь сильно постарел за минувший год, согласен? А теперь снова кажется молодым. Морщин как не бывало, он выглядит года на двадцать четыре, не больше. Тебе не кажется?

— Это я виноват в его смерти, — глухим, без всякого выражения, голосом сказал Тунигорн.

— То есть как? — вскинулся Валентин.

— Это я вызвал его из Замка-на-Горе. Я сообщил ему: приезжай скорее в Зимроэль, Валентин затевает странные дела, хоть я и не знаю точно, какие именно, и только ты один сможешь удержать его. И он приехал, и вот что с ним сталось. Если бы он остался в Замке…

— Нет, Тунигорн. Хватит об этом.

Но Тунигорн продолжал, будто не слышал слов правителя, видимо, уже не владея собой:

— Он стал бы короналем после твоего переезда в Лабиринт, долго и счастливо жил бы в Замке, был бы мудрым правителем, а теперь… теперь…

— Тунигорн, он не стал бы короналем, — мягким голосом сказал Валентин. — Он это знал и радовался, что его минует эта участь. Пойдем, старый друг, от твоего самобичевания его смерть стала для меня еще болезненнее. Сегодня утром он пришел к Источнику, а ведь я всем сердцем желал ему еще лет семидесяти земной жизни, но вышло так, как вышло, и ничего уже не вернуть, сколько бы мы ни повторяли «если бы». А у нас, переживших эту ночь, очень много дел. Так возьмемся за них. Да, Тунигорн?

— Какие еще дела, мой повелитель?

— Во-первых, погребение погибших. Я выкопаю ему могилу сам, своими руками, и пусть никто даже не смеет говорить, что это, дескать, не подобает. А когда мы покончим с этим, тебе придется придумать, как переправиться через реку и отправиться на своей машинке на восток, в Гихорну, чтобы узнать, как дела у Делиамбера, Тизаны, Лизамон и всех остальных. И, если они живы, привести их сюда, ко мне.

— А ты, Валентин? — спросил Тунигорн.

— Если мы сможем привести в действие оставшуюся летающую лодку, я отправлюсь дальше в Пьюрифайн, потому что должен, несмотря ни на что, добраться до Данипьюр и сказать ей то, что следовало сказать давным-давно. Ты найдешь меня в Илиривойне, куда я собирался с самого начала.

— Мой повелитель…

— Умоляю, хватит разговоров. Пойдемте, все! Нам еще нужно выкопать могилы и выплакаться. А потом продолжить путешествие. — Он еще раз посмотрел на лежавшего перед ним Элидата и подумал: «Я еще не верю в его смерть, но скоро придется поверить. И тогда в списке тяжких деяний, которые нужно замаливать, прибавится еще одно».

Глава 5

Хиссун взял за обыкновение прогуливаться вскоре после полудня, перед ежедневным совещанием регентского совета, по дальним закоулкам Замка, изучая это бесконечно сложное сооружение. Он уже довольно долго жил на вершине Горы, и эти места уже не пугали его. Скорее, он начал воспринимать их почти как свой истинный дом. Жизнь в Лабиринте воспринималась теперь как миновавшая, закрытая, запечатанная, отрезанная, задвинутая на дальнюю полку памяти часть прошлого. И при этом он твердо знал, что, даже пробродив по Замку пятьдесят лет или десять раз по пятьдесят, он все равно не узнает его во всех подробностях.

И никто не узнает. И никто, подозревал Хиссун, никогда не изучал Замок досконально. Говорят, что в нем сорок тысяч помещений. Так ли это? Проводил ли кто-нибудь тщательные подсчеты? Все коронали, жившие здесь, начиная с лорда Стиамота, старались оставить свой след в архитектуре Замка, и как утверждает легенда, в нем ежегодно прибавлялось по пять комнат. С тех пор как лорд Стиамот устроил на Горе свою

резиденцию, прошло восемь тысяч лет. Значит, тут действительно может быть сорок тысяч помещений, а может быть, и пятьдесят, и девяносто тысяч. Кто знает? В день можно посетить и подсчитать сотню комнат, за год не управишься со всеми, а к концу года где-нибудь прибавится еще несколько помещений, которые нужно будет отыскать и прибавить к списку. Невозможная задача. Невозможная.

Для Хиссуна Замок оказался самым поразительным местом на свете. На первых порах своего пребывания здесь он задался целью ознакомиться с центральной частью, где размещались двор короналя, правительственные учреждения и находились самые знаменитые постройки — Твердыня Стиамота, архив лорда Престимиона, часовая башня лорда Ариока, капелла лорда Кинникена и грандиозные церемониальные покои, окружавшие сердцевину, величественный зал, в который лорд Конфалюм поставил трон короналя. Точно так же, как любой провинциал-турист из глубинки Зимроэля, Хиссун бродил по Замку и натыкался на все новые и новые достопримечательности, включая такие, которых ни один турист-провинциал никогда не сможет увидеть, пока не превзошел в знаниях тех профессиональ-

ных экскурсоводов, что десятилетиями водят здесь любопытствующий народ.

По крайней мере центральная часть Замка была сформирована окончательно — давно уже никто не мог бы построить там ничего сколько-нибудь заметного, не разрушив того, что возвел кто-то из прежних короналей, а о таком нельзя было даже помыслить. Хиссуну удалось выяснить, что вроде бы последней постройкой в этой области был зал охотничьих трофеев лорда Малибора. Лорд Вориакс за свое непродолжительное царствование успел построить лишь несколько спортивных площадок далеко на восточном краю Замка. А лорд Валентин пока не удосужился добавить вовсе ничего, хотя иногда поговаривал, что хорошо бы устроить большой ботанический сад, куда можно было бы поместить все растения, которые он повидал за время своих скитаний по Маджипуру, и собирался взяться за эту затею, как только разделается с неотложными заботами управления и сможет выкроить время для того, чтобы всерьез заняться этим проектом. Судя по известиям о бедах, постигших Зимроэль, лорд Валентин, похоже, слишком долго раскачивался с этой затеей, думал Хиссун: болезни, распространившиеся на континенте, как выяснилось,

уничтожают не только сельскохозяйственные культуры, но и многие из необычных дикорастущих растений даже в отдаленных районах.

Решив, что внутренняя область освоена удовлетворительно, Хиссун приступил к исследованию загадочного и почти бесконечного пространства, лежащего за ее пределами. Он посетил подземные склепы, в которых размещались метеорологические машины, поддерживающие вечную весну на Замковой горе, невзирая на то, что ее вершина возносилась над уровнем моря на тридцать миль, достигая холодной темноты космоса. Эту технику создали в незапамятные времена, когда на Маджипуре еще умели решать подобные научные и технические задачи. Он бродил по огромной библиотеке, помещение которой змеилось по Замку громадными петлями, и, как говорили, содержала все книги, когда-либо изданные в цивилизованной вселенной. Он бывал в конюшнях, где гарцевали, фыркали и колотили в воздухе ногами, ожидая возможности пробежаться, королевские скакуны — великолепные, энергичные, искусственно выведенные животные, очень мало похожие на своих трудолюбивых родственников, имевшихся в каждом городе и на каждой ферме Маджипура. Он обнаружил туннели лорда Сан-

гамора, ряд связанных между собой помещений, накрученных, как связка сосисок, вокруг шпиля, торчащего на западном склоне Горы; их стены и крыша светились жутким сиянием, одна комната была темно-синей, другая — ярко-алой, третья — блекло-аквамариновой, четвертая — ослепительно желтой, пятая пульсировала мрачным красновато-коричневым свечением и так далее и так далее. Никто не знал ни предназначения этих туннелей, ни источника света, который сам по себе исходил от стен, сложенных из чего-то вроде брусчатки.

Приходя куда-то, Хиссун восхищался увиденным, не задавая вопросов. Как-никак он был псевдокороналем, одним из троих регентов огромного мира или, по крайней мере, значительной части оного. Но ореол власти образовался вокруг него еще до того, как волей Элидата он вошел в состав триумвирата. Он постоянно ощущал на себе чьи-то взгляды. Он знал, что эти взгляды означают. *Это фаворит лорда Валентина. Он взялся ниоткуда, он уже стал принцем, его возвышению не будет предела. Почитайте его. Повинуйтесь ему. Трепещите перед ним. Бойтесь его.* Поначалу он надеялся, что сможет остаться прежним среди этого внимания, но из этого ничего не вышло. *Я*

все тот же Хиссун, который водил туристов по Лабиринту, который перекладывал бумаги в Доме Записей, от которого друзья детства ехидно требовали перестать выпендриваться. Да, это чистая правда, но правда и то, что ему уже не десять лет, что он очень сильно изменился и стал глубже и шире воспринимать мир, после того как ознакомился в Регистре памяти душ с жизнью десятков людей и других существ, прошел курс обучения и тренировок в Замке-на-горе, познал уважение и ответственность — главное, ответственность, — которыми был удостоен в период регентства Элидата. И ходил он сейчас не так, как прежде — не как нахальный, но осторожный мальчишка из Лабиринта, постоянно глядевший во все стороны сразу, чтобы не пропустить растерянного приезжего, на котором можно бы подзаработать. Не как заваленный работой выше головы добропорядочный мелкий чиновник, дорожащий своим местом, но успевающий строчить прошения о переводе на должность повыше. Не как восторженный неофит, одуревший от близости властных персон государства и с величайшей оглядкой пытающийся найти себе место среди них. Теперь он был многообещающим молодым лордом, с полным правом

передвигающимся по Замку, уверенным в себе, своей безопасности и своих силах, знающим свою цель и свое будущее. Он надеялся, что не набрался высокомерия или самовлюбленности, но воспринимал себя нынешнего спокойно и без ложной скромности насчет того, кем стал и кем станет когда-нибудь.

Сегодня ноги привели его в ту часть Замка, которую он редко посещал, в северное крыло, раскинувшееся на просторном скругленном отроге Горы, плавно сбегавшем к отдаленным городам Гиюну и Госсифу. Там находились казармы стражников, кучка похожих на пчелиные ульи зданий, выстроенных во времена лордов Дизимоля и Ариока для целей, о которых никто теперь и догадаться не может, а также давно лишившиеся крыш, разрушающиеся приземистые строения, о которых и вовсе ничего не было известно. Когда он зашел сюда в прошлый раз, месяц назад, здесь трудилась группа археологов — несколько скандаров под руководством двух гэйрогов и дамы-врууна просеивали песок в поисках обломков керамики и тому подобного, и врууна рассказала ему, что, по ее мнению, эти постройки остались от форта эпохи лорда Дамланга, наследника Стиамота. Сегодня Хиссун

решил посмотреть, как продвигается их работа, но в руинах никого не оказалось, и раскопки, похоже, были завершены. Он немного постоял на вершине полуразрушенной древней стены, глядя на немыслимо далекий горизонт, частично ограниченный колоссальным плечом Горы.

Какие же города лежат в той стороне? Сначала, в пятнадцати-двадцати милях, Госсиф, пониже — Тентаг, а дальше, думал он, или Минимул, или Грил. А дальше вроде бы Сти, тридцатимиллионный город, с которым может равняться только Ни-мойя. Он не видел ни того, ни другого города и, возможно, никогда не увидит. Сам Валентин не раз говорил, что провел на Замковой горе всю свою жизнь, но ему так и не выпало случая посетить Сти. Мир слишком велик, и никому не под силу более-менее подробно ознакомиться с ним за одну-единственную жизнь. Пожалуй, он даже слишком велик для того, чтоб можно было вообразить его себе.

«И тридцать миллионов жителей Сти, и тридцать миллионов жителей Ни-мойи, и одиннадцать миллионов в Пидруиде, и многие миллионы в Алаизоре, Треймоуне, Пилиплоке, Мазадоне, Велатисе, Нарабале — каково им живется сейчас, в эту минуту?» — думал Хиссун. Когда вокруг

голод, паника, кликушество новоявленных пророков и самопровозглашенных новых короналей и понтификов? Он знал, что положение критическое. В Зимроэле такая неразбериха, что практически невозможно выяснить, что там действительно происходит. Ясно лишь, что ничего хорошего. А недавно поступили новости о том, что страшные признаки долгоносика, и ржавчинного гриба, и сажи, и еще Божество ведает чего замечены уже в сельскохозяйственных областях западного Алханроэля, а это значит, что в скором времени такое же безумие, очень вероятно, захлестнет и старший континент. Вообще-то, оно уже проявляется: в Тремойне и Стойене открыто поклоняются морским драконам, а в Амдлеморне и Норморке, уже на самой Горе, возникли загадочные рыцарские ордена — Рыцари Деккерета, Братство Горы и еще несколько. Тревожные, зловещие предзнаменования надвигающихся новых, еще больших треволнений.

Кое-кто — и таких немало — полагал, что Маджипур обладает неким врожденным иммунитетом к неизбежно свойственной всему сущему изменчивости, исходя лишь из того, что социальная система планеты практически не эволюционировала с тех пор, как тысячи лет на-

зад приняла свою нынешнюю форму. Но Хиссуну, тщательно изучившему историю Маджипура и материнского мира Земли, было ясно, что даже такое спокойное население, как обитатели Маджипура, тысячелетиями ведущие стабильное и благополучное существование, обласканное благоприятным климатом и плодородием земли, способной прокормить почти неограниченное количество народу, может, при утрате этого фундамента, с поразительной быстротой погрузиться в анархию и полный хаос. Это уже началось, и дальше будет только хуже.

Почему приключились эти напасти? Хиссун понятия не имел. Какие меры предпринимались для противодействия им? Ясно, что недостаточные. *Можно* ли что-нибудь сделать? Зачем вообще существуют правители, если не для поддержания благосостояния своего народа? И вот он тоже, в определенной степени, правитель, по крайней мере, на данный момент, пребывающий в великой изоляции Замковой горы высоко над рушащейся цивилизацией: плохо информированный, беспомощный. Но, конечно, основная ответственность за преодоление этого кризиса лежит не на нем. В таком случае как насчет истинных, помазанных властителей Маджипура?

Хиссун всегда думал о понтифике, захороненном там, на дне Лабиринта, как о слепом кроте, который не в состоянии представить себе, что происходит в мире, — даже если понтифик, в отличие от Тивераса, дееспособен, разумен и достаточно энергичен. Вообще-то понтифику нет необходимости внимательно следить за обстановкой в мире, для этого у него есть корональ; так следует из теории. Однако теперь Хиссун своими глазами увидел, что корональ, находящийся здесь, в заоблачных высях Замковой горы, тоже отрезан от реальности, так же надежно изолирован, как и понтифик в своей яме. Но корональ хотя бы время от времени устраивает великие паломничества, во время которых вступает в контакт со своими подданными. Но разве не этим сейчас занимается лорд Валентин и какая от этого помощь в исцелении язвы, разрастающейся в сердце мира? И вообще, где в данный момент находится Валентин? Какие действия он предпринимает? Кто в правительстве слышал от него хоть слово за несколько последних месяцев?

«Все мы мудрые и просвещенные люди, — думал Хиссун. — Все мы исполнены самых благих намерений, но делаем все неверно».

До начала заседания регентского совета оста-

валось уже совсем немного времени. Хиссун повернулся и короткой дорогой заспешил в глубину Замка.

Добравшись до Девяноста девяти ступеней, он заметил Алсимира, которого недавно назначил старшим среди своих помощников. Тот кричал и размахивал руками сверху. Перепрыгивая через две и даже три ступеньки, Хиссун помчался наверх, а Алсимир, не дожидаясь, побежал ему навстречу.

— Мы повсюду ищем тебя! — с трудом, задыхаясь, выкрикнул Алсимир, когда их еще разделяло с полдюжины ступеней. У него был необычно взволнованный вид.

— Ну, ты меня нашел! — рявкнул Хиссун. — В чем дело?

Алсимир остановился, перевел дух, и лишь потом ответил:

— Большой переполох. Час назад от Тунигорна пришло длинное послание из Гихорны…

— Из Гихорны? — Хиссун уставился на него, не веря своим ушам. — Во имя Божества, что он делает *там*?

— Этого я сказать не могу. Я знаю только, откуда пришло послание, и…

— Ладно, ладно! — Хиссун схватил Алсимира за

руку. — Что в нем говорится?!

— Откуда же мне знать? Никто не станет посвящать меня в государственные дела такой важности.

— Значит, еще и дела высокой важности?

— Диввис и Стазилейн сорок пять минут торчат в зале совета, разослали гонцов по всему Замку за тобой, половина высших лордов Замка уже собралась там, а вторая мчится со всех ног, и…

«Валентин умер», — сказал себе Хиссун, и его пробрал озноб.

— Пойдем со мною! — скомандовал он, и они помчались вверх по лестнице. Перед залом совета творилось нечто безумное: там толклись, совершенно растерянные, тридцать, если не сорок, мелких лордов и принцев с адъютантами. И с каждой минутой их становилось все больше и больше. Как только появился Хиссун, они, без единого слова, расступились, освобождая проход, по которому он и прошел, как большой парусный корабль, величественно прокладывающий путь через плавучее скопление морской драконовой травы. Около двери он оставил Алсимира, дав ему задание выведывать у собравшихся все, что удастся, и вошел в зал.

За главным столом сидели Стазилейн и Диввис.

Диввис почернел лицом и был угрюм, Стазилейн тоже был очень мрачен, явно подавлен, бледен, непривычно ссутулился и нервно теребил пальцами шевелюру. Тут же находились и почти все высшие лорды — Миригант, Элзандир, Манганот, Канталис, герцог Халанкский, Нимиан Дундилмирский и еще пять-шесть аристократов, одного из которых Хиссун видел лишь единожды, дряхлый принц Гизмаил, внук понтифика Оссьера, предшественника Тивераса в Лабиринте. Как только Хиссун вошел, все лица обратились к нему, и он застыл на мгновение, принизываемый взглядами людей, проведших всю жизнь в коридорах средоточия власти. Самый младший из них был на десять, если не на пятнадцать лет старше его. Они смотрели на него так, будто он один знал настоятельно необходимый им ответ на трудный и страшный вопрос.

— Мои лорды… — приветствовал всех Хиссун.

Диввис, вместо ответа поморщившись, придвинул ему через стол длинный лист бумаги и пробормотал:

— Прочтите. Если сами не знаете.

— Я знаю только, что это послание от Тунигорна.

— В таком случае читайте.

Потянувшись за листом, Хиссун, к своему изумлению, обнаружил, что у него дрожат пальцы. Бросив на них гневный взгляд, как будто обвиняя в мятеже, он заставил руку смириться.

Содержание письма подействовало на него, как удар по голове.

«…Валентин отправился в Пьюрифайн просить прощения у Данипьюр… шпион метаморфов выявлен в составе свиты короналя… из допроса шпиона стало известно, что метаморфы сами создали и распространили заболевания растений, уничтожающие сельскохозяйственные угодья…

…ужасная песчаная буря… погиб Элидат и еще много народу… корональ исчез в Пьюрифайне…

…погиб Элидат…

…корональ исчез…

…шпион в составе свиты…

…метаморфы сами создали заболевания…

…корональ исчез…

…погиб Элидат…

…корональ исчез…

…корональ исчез…

…корональ исчез…»

Хиссун, ошарашенный прочитанным, поднял голову.

— Вы уверены, что это послание подлинное?

— Абсолютно уверен, — ответил Стазилейн. — Оно поступило по тайным каналам связи. Шифр верный. Изложено определенно в манере Тунигорна, в этом я ручаюсь. Можете не сомневаться, Хиссун, это подлинное письмо.

— В таком случае, нам нужно разбираться не с одной катастрофой, а сразу с тремя.

— Очень похоже на то, — сказал Диввис. — И что вы, Хиссун, думаете по этому поводу.

Хиссун смерил сына лорда Вориакса медленным настороженным взглядом. Вроде бы в этих словах не было издевки. У Хиссуна мелькнула мысль, что ревность и надменное презрение, которые Диввис не очень-то скрывал, поубавились за те месяцы, что они работали вместе в регентском совете, что Диввис наконец-то решил принимать во внимание его способности, ведь никогда прежде он не позволял себе напрямую поинтересоваться мнением Хиссуна, да еще и перед множеством других высших аристократов.

— Прежде всего, — начал он, осторожно подбирая слова, — следует признать, что мы столкнулись не только с огромным стихийным бедствием, но и с диверсией, и даже восстанием. Тунигорн сообщает, что метаморф Й-Уулисаан в ходе допроса, который проводили Делиамбер

и Тизана, сознался, что эпидемия среди сельскохозяйственных растений — дело рук метаморфов. Думаю, мы можем доверять методам Делиамбера, и Тизана, как всем известно, умеет читать души — в том числе и души метаморфов. Так что ситуация сложилась в точности так, как ее в моем присутствии Слит обрисовывал короналю во время посещения Лабиринта в начале великого паломничества. Корональ не согласился с его мнением, что метаморфы начали войну против нас.

— И все же, — сказал Диввис, — как сообщает нам Тунигорн, корональ в ответ на это поспешил в Пьюрифайн, чтобы принести Данипьюр свои извинения за все притеснения, которым ее подданные подвергались на протяжении многих веков. Мы все хорошо знаем, что Валентин позиционирует себя как сторонника исключительно мирной политики, об этом говорит и милостивое отношение к тем, кто некогда сверг его с трона. Это благородно! И все же, Хиссун, сегодня я утверждаю, что нынешние поступки Валентина говорят не о пацифизме, а о безумии. Я утверждаю, что корональ, если он еще жив, лишился рассудка. Так что сегодня у нас недееспособный понтифик и недееспособный корональ — и закля-

тый враг примеряется к нашим глоткам. Что вы думаете на этот счет, Хиссун?

— Что вы неверно истолковали факты, которые сообщил нам Тунигорн.

В глазах Диввиса мелькнуло удивление и что-то вроде гнева, но контроля над собою он не утратил.

— Ах, вы так считаете? — произнес он ровным голосом.

Хиссун постучал пальцем по листу бумаги.

— Тунигорн пишет, что корональ отправился в Пьюрифайн, *а также* что шпиона поймали и заставили сознаться. Я не вижу там ни слова, указывающего, что лорд Валентин отправился в Пьюрифайн после того, как выслушал признание шпиона. Я думаю, что дело обстоит совсем наоборот: лорд Валентин приступил к осуществлению миссии умиротворения, разумность которой нам, конечно же, не пристало обсуждать, но которая целиком и полностью соответствует его характеру, хорошо известному всем нам, а информация от шпиона была получена уже *после* того, как он отбыл. Возможно, из-за бури Тунигорн не смог связаться с короналем, хотя можно предположить, что Делиамбер смог бы найти какой-то способ для этого. — Хиссун посмотрел

на полусферу глобуса обитаемого полушария Маджипура. — Вообще, что нам известно о нынешнем местонахождении короналя?

— Ничего, — чуть слышно ответил Стазилейн.

Хиссун вытаращил глаза от изумления. Рубиново-красный огонек, отмечавший передвижения лорда Валентина, не светился.

— Огонька нет, — сказал Хиссун. — Что это значит? Что он мертв?

— Может значить и это, — ответил Стазилейн. — А может быть, он просто потерял или повредил передатчик, который транслирует данные о его местонахождении.

Хиссун кивнул.

— А недавно случилась страшная буря, погубившая много народу. Пусть это и неясно из сообщения, но вполне логично допустить, что лорд Валентин был застигнут этой бурей по пути в Пьюрифайн, куда, по всей видимости, въехал из Гихорны, оставив Тунигорна и часть свиты позади…

— И мы никак не можем узнать, погиб ли он в этой буре или только потерял передатчик, — сказал Диввис.

— Будем надеяться, что Божество сохранило жизнь молодого Валентина, — неожиданно за-

говорил дряхлый принц Гизмаил, и голос его прозвучал так резко и скрипуче, что не верилось, будто он принадлежит живому существу. — Но жив он или мертв, мы обязаны решить проблему выборов нового короналя.

Хиссун на мгновение остолбенел, услышав слова старейшего из всех лордов Замка.

Он обвел взглядом зал.

— Я не ослышался? Неужели мы собрались для обсуждения государственного переворота?

— Вы слишком уж сильно выразились, — благодушно возразил Диввис. — Мы всего лишь хотим обсудить, следует ли Валентину продолжать исполнять обязанности короналя перед лицом выявившихся со всей определенностью враждебных намерений меняющих облик, учитывая хорошо известное всем нам его отношение к любым неприятностям. Если началась война — а в этом никто уже не сомневается, — тогда вполне резонно полагать, что Валентин отнюдь не тот человек, который может возглавлять нас в это время, если даже он еще жив. Но заменить его — не значит свергнуть. Существует вполне законный, конституционный путь удаления Валентина с трона Конфалюма, никаким образом не угрожающий ввергнуть Маджипур в конфликт и

вовсе не подразумевающий отсутствия любви и почтения к нынешнему короналю.

— Вы имеете в виду: позволить понтифику Тиверасу умереть?

— Совершенно верно. Что вы на это скажете, Хиссун?

Хиссун задумался. Как и Диввис, и Гизмаил, и, пожалуй, большинство из присутствовавших, он сейчас с тревогой и неохотой склонялся к выводу, что лорда Валентина и впрямь необходимо заменить кем-то более решительным, более агрессивным, даже более воинственным. Вообще-то мысль эта возникла у него не впервые и не сегодня, но он всегда держал ее при себе. И действительно, простой и законный способ передачи власти кому-нибудь другому существовал: нужно было всего лишь возвысить Валентина до титула понтифика.

Но Хиссун питал искреннюю, глубокую и неискоренимую преданность лорду Валентину, своему наставнику, воспитателю и строителю карьеры. Он, безусловно, лучше, чем кто-либо из этих людей, знал, какой ужас испытывал Валентин перед переселением в Лабиринт, которое кораль воспринимал не как возвышение, а как падение в непроглядную тьму бездны. И нане-

сти ему удар в спину в то самое время, когда он предпринимает какую-то героическую, хотя, возможно, и ошибочную попытку восстановить мир во всем мире, не прибегая к оружию… это было бы жестокостью, да, совершенно чудовищной жестокостью.

И все же этого требуют интересы государства. Было ли когда-нибудь время, когда государственные интересы требовали жестокости? Хиссун знал, что ответил бы на этот вопрос лорд Валентин. А вот в своем ответе уверен не был.

— Возможно, — сказал он после продолжительной паузы, — что Валентин не самый лучший корональ для нынешнего времени; я пока не могу однозначно высказаться по этому поводу и предпочел бы сначала подробнее изучить ситуацию и лишь после этого дать ответ. Сразу могу сказать, что мне очень не хотелось бы стать свидетелем насильственного отрешения его от должности — а бывало ли такое на Маджипуре хоть когда-нибудь? Мне кажется, что нет, но, к счастью, у нас, как мы только что выяснили, нет необходимости действовать таким образом. Однако мне кажется, что мы можем отложить рассмотрение вопроса о том, соответствует ли Валентин как правитель нынешнему кризису до другого раза. А сейчас

нам следует, независимо от всего остального, обсудить вопрос преемственности.

После этих слов напряжение в зале совета поднялось до совсем уж немыслимого уровня. Диввис разглядывал Хиссуна с таким видом, будто подозревал, что тот пытается проникнуть в самые сокровенные тайны его души. Герцог Халанкский вдруг покраснел, принц Банглекодский резко выпрямился в кресле, герцог Чордский подался всем телом вперед. Лишь двое стариков, Канталис и Гизмаил, хранили видимое спокойствие, как будто насущная проблема выбора конкретного человека на вторую по значимости должность в мире их не касается, поскольку жить им осталось всего ничего.

Хиссун между тем продолжал:

— Мы почему-то сразу упустили из виду еще один важнейший пункт сообщения Тунигорна — о гибели Элидата, которого все считали бесспорным преемником Валентина.

— Элидат не хотел становиться короналем. — Стазилейн сказал это так тихо, что вряд ли все расслышали его.

— Возможно, — ответил Хиссун. — Он, несомненно, не выказывал ни малейшего желания занять трон, ощутив на деле труд правления

во время своего регентства. Но я имел в виду лишь, что трагическая гибель Элидата лишила нас человека, которому наверняка предложили бы корону после того, как Валентин перестал бы быть короналем. И теперь у нас нет четкого плана преемственности, а мы ведь можем завтра узнать, что лорд Валентин тоже умер, или что Тиверас в конце концов умер, или развитие событий потребует от нас организовать уход Валентина с занимаемого поста. Нам необходимо подготовиться к любому из этих вариантов развития событий. Именно нам предстоит выбирать следующего короналя, но знаем ли мы, кто им станет?

— Вы предлагаете нам прямо сейчас установить порядок преемственности? — требовательно вопросил принц Манганот Банглекодский.

— Ясно, по крайней мере, одно, — сказал Миригант. — Корональ, отбывая в великое паломничество, назначил регента, а регент назначил еще троих — полагаю, с одобрения лорда Валентина, — когда ему тоже пришлось покинуть Замок. Эти трое несколько месяцев управляли нами. Так почему бы нам не выбрать нового короналя из этих троих?

— Ты пугаешь меня, Миригант, — сразу заго-

ворил Стазилейн. — Когда-то я считал, что быть короналем — это замечательно. Думаю, в детстве не я один был таков, но и большинство из вас придерживалось того же мнения. Я давно уже не ребенок, я видел, как переменился Элидат — и не в лучшую сторону, — когда ему на плечи свалилось бремя власти. Я готов первым присягнуть новому короналю. При том условии, что им будет не Стазилейн, а кто-то другой!

— Нельзя вручать корону, — сказал герцог Чоргский, — человеку, который слишком рвется к ней. Но, думаю, неразумно будет выбрать и того, кто ее боится.

— Благодарю тебя, Элзандир, — отозвался Стазилейн. — Я не вхожу в число кандидатов. Прошу всех это учесть.

— Диввис? Хиссун? — сказал Миригант.

Хиссун почувствовал, что у него непроизвольно задергалась щека и вдруг словно онемели руки и плечи. Он посмотрел на Диввиса. Старший соправитель усмехнулся и ничего не сказал. А у Хиссуна оглушительно рокотало в ушах и тяжело пульсировало в висках. Должен ли он что-то сказать? Если да, то что? Должен ли он сейчас, когда творится нечто немыслимое, встать перед всеми этими принцами и бодро объявить, что

он хочет стать короналем? Он чувствовал, что Диввис затеял какую-то непостижимую для него интригу, и в первый раз с тех пор, как он вошел сегодня в зал совета, не имел даже представления о том, что же делать дальше.

Молчание казалось бесконечным.

Потом он услышал свой собственный голос — спокойный, ровный, размеренный. Он говорил:

— Я думаю, на этом стоит остановиться. Были выдвинуты два кандидата: теперь уместно будет проанализировать их квалификацию. Не здесь. Не сегодня. На данный момент мы сделали, пожалуй, все, что возможно. Что вы скажете, Диввис?

— По-моему, Хиссун, вы рассуждаете очень здраво. Как, впрочем, и всегда.

— В таком случае, я предлагаю отложить дальнейшее обсуждение этой темы, — сказал Миригант, — до тех пор, пока мы не проанализируем все «за» и «против» и не дождемся новых известий о коронале.

Хиссун поднял руку.

— Но сначала еще один вопрос.

Постепенно все стихли, и он продолжил:

— Мне иногда хочется съездить в Лабиринт, навестить родных и повидаться кое с кем из знакомых. Я уверен, что было бы очень полезно,

чтобы кто-то из нас посоветовался с сановниками понтифика и узнал из первых рук о состоянии здоровья Тивераса. Вовсе не исключено, что в ближайшие месяцы придется выбирать сразу и понтифика, и короналя, и мы должны быть готовы к такому беспрецедентному развитию событий. Поэтому я считаю необходимым назначить официальное посольство из Замка в Лабиринт и предлагаю себя в качестве посла.

— Поддерживаю, — сразу же заявил Диввис.

Снова закипело обсуждение, потом все проголосовали, потом еще раз проголосовали за перерыв, после чего собрание распалось на несколько групп. Хиссун стоял в одиночестве и думал, как бы ему очнуться от этого сна. Он не сразу заметил, что рослый светловолосый Стазилейн разглядывает его, одновременно хмурясь и улыбаясь.

Встретившись с ним взглядом, Стазилейн чуть слышно сказал:

— Возможно, вы, Хиссун, делаете ошибку, покидая Замок в такое время.

— Возможно. Однако мне кажется, что лучше поступить именно так. Поэтому я рискну.

— В таком случае, перед отъездом провозгласите себя короналем!

— Стазилейн, вы шутите? Что, если Валентин

еще жив?

— Если он жив — вы знаете, как организовать его переход на место понтифика. А вот если он мертв, то вам следует занять это место, пока еще есть такая возможность.

— Я не пойду на это.

— Вы должны! В противном случае вы, вернувшись, увидите на троне Диввиса!

Хиссун усмехнулся.

— Ну, это как раз легко преодолимая трудность. Если Валентин мертв и Диввис заменит его, я позабочусь о том, чтобы Тивераса наконец-то отпустили на покой. Диввис немедленно станет понтификом и вынужден будет переехать в Лабиринт, и потребуется новый корональ — при единственном кандидате на этот титул.

— Клянусь Владычицей, вы меня изумляете!

— Неужели? По-моему, это самый очевидный ход развития событий. — Хиссун крепко пожал руку собеседника. — Сердечно благодарю вас за поддержку, Стазилейн. Но, уверяю вас, все закончится хорошо. Если мне суждено стать короналем при понтифике Диввисе, так тому и быть; я уверен, что мы с ним будем плодотворно сотрудничать. А сейчас давайте оставим эти рассуждения и будем молиться за благополучие и

успех лорда Валентина. Согласны?

— Безусловно, — ответил Стазилейн.

Они коротко обнялись, и Хиссун покинул зал совета. В просторном холле все так же мельтешил народ, но теперь там собралась уже сотня с лишним мелких лордов, встретивших его появление совершенно необычными взглядами. Но Хиссун не сказал никому ни слова и даже умудрился не встретиться ни с кем взглядом. Миновав толпу, он увидел Алсимира, который тоже смотрел на него с приоткрытым ртом и широко распахнутыми глазами, жестом подозвал его к себе и велел немедленно готовиться к отъезду в Лабиринт.

Молодой рыцарь взирал на него с неподдельным благоговением.

— Должен сказать, что последние несколько минут все тут говорят лишь о том, что ты станешь короналем. Хоть мне-то скажи, это правда?

— Наш кораль — лорд Валентин, — резко ответил Хиссун. — А теперь пойдем собираться. Я хочу выехать на рассвете.

Глава 6

Не дойдя дюжину кварталов до дома, Миллилейн услышала ритмичные выкрики, доносившиеся как раз с той стороны, куда она направлялась. «*Ях-тах, ях-тах, ях-тах, вуум*» или что-то в этом роде, совершенно бессмысленные звукосочетания, непрерывно, с натугой и напором сумасшедших выкрикиваемые тысячами глоток. Она остановилась и испуганно прижалась к старой обшарпанной кирпичной стене, поняв, что попала в капкан. Позади, на площади, бесновались пьяные лесовики — били стекла и задирали прохожих. Где-то восточнее рыцари ордена Деккерета устроили собрание во имя лорда Семпетурна. А теперь новое безумие. Ях-тах, ях-тах, ях-тах *вуум*. Тут некуда было свернуть. Тут негде было укрыться. Ей хотелось одного — добраться до дому целой и невредимой и закрыть дверь на засов. Мир сошел с ума. Ях-тах, ях-тах, ях-тах *вуум*.

Все происходившее походило на послание от Короля Снов, но в отличие от послания продолжалось час за часом, день за днем, месяц за месяцем. А ведь даже самые ужасные послания,

те, что потрясают человека до глубины души, длятся совсем недолго. А это никак не кончалось. И становится все хуже и хуже.

Непрекращающиеся волнения и грабежи. Питаться приходится чем-то малосъедобным, лишь изредка удается купить у лесовиков немного мяса. Они приносят со своих гор добытых зверей и продают мясо по невероятным, грабительским ценам тем, у кого еще остались деньги, а потом пьянствуют, буянят на улицах и отправляются восвояси лишь после того, как пропьют все доходы. А беды продолжают множиться. Ходят слухи, что морские драконы топят все суда, выходящие в море, и торговля между континентами практически прекратилась. Говорят, лорд Валентин умер. А короналей в Кинторе уже не один, а два, Семпетурн и некий хьорт, назвавшийся лордом Стиамотом. У каждого имеется свое небольшое войско, и они маршируют по улицам, скандируя лозунги и производя беспорядки; за Семпетурна стоял орден рыцарей Деккерета, а за второго — орден Тройственного меча или чего-то в этом роде. Кристофон стал рыцарем Деккерета. Она не видела его уже две недели. В Ни-мойе тоже был свой корональ, а еще где-то объявились два понтифика. А теперь еще и это: *ях-тах, ях-тах,*

ях-тах вуум.

В общем, чем бы ни был этот шум, она не испытывала ни малейшего желания приближаться туда, откуда он доносился. Скорее всего, еще один новый кораль с толпой истеричных сторонников. Миллилейн тревожно посмотрела по сторонам, прикидывая, хватит ли у нее смелости пройти по улице Дизимоля и оттуда пробежать переулками до Маламольского шоссе, от которого уже рукой подать до перекрестка с ее улицей, немного не доходя дамбы Вориакса. Если бы не переулки… она слышала немало странных, мягко говоря, историй о том, что происходит там в последнее время…

Близилась ночь. Заморосил легкий дождик, более похожий на густой туман. У нее кружилась голова и слегка подташнивало от голода, хотя она понемногу привыкала к этому состоянию. С юга, из пригорода Горячий Кинтор, где находились все геотермальные источники, донесся угрюмый гул гейзера Конфалюма, с обычной своей пунктуальностью отметившего очередной час. Миллилейн автоматически взглянула в ту сторону и увидела огромный столб пара, окутанный широкой серной мантией из желтого дыма и, казалось, заполняющей половину неба. Она всю

жизнь смотрела на гейзеры Горячего Кинтора и воспринимала их существование как само собой разумеющееся, но почему-то сегодня извержение напугало ее, как никогда прежде, и она снова и снова делала знак Владычицы, пока оно не начало стихать.

Владычица… Не оставила ли она своего попечения о Маджипуре? Куда делись ее ласковые послания, даровавшие покой и добрые советы? И, кстати, Король Снов тоже давно не дает о себе знать. Некогда, в былые, спокойные времена две силы поддерживали равновесие жизни каждого обитателя Маджипура, советовали, предостерегали, при необходимости наказывали. Возможно, они действуют и сейчас, но ситуация вышла из-под контроля, и ни Владычица, ни Король не могут справиться с нею, даже работая от зари до зари, чтобы вернуть положение в норму. Эта система отлично работала в мире, где большинство населения с готовностью выполняло закон. А вот сейчас вряд ли хоть кто-нибудь повинуется закону. Закона просто нет.

Ях-тах, ях-тах, ях-тах вуум.

А с другой стороны:

«Семпетурн! Лорд Семпетурн! Виват, виват, виват, лорд Семпетурн!»

Дождь заметно усилился. «Не стой на месте!» — приказала она себе. Лесовики бузят на площади, одному Божеству известно, что за безумие творится впереди, позади надрываются рыцари Деккерета. Куда ни сунься — везде плохо. И даже если среди рыцарей окажется Кристофон, она не желает его видеть — глаза стеклянные от воодушевления, руки вскинуты в новомодном варианте приветствия пылающей звезды… Она пустилась бегом. Через улицу Малибора до улицы Дизимоля, по ней до переулочка, выходящего на Маламольское шоссе. Неужели она решилась?

Ях-тах, ях-тах, ях-тах вуум.

Улица Дизимоля неожиданно оказалась занята какой-то процессией! Народ валил ей навстречу по девять или десять, как поток бездушных машин, руки у всех одинаковыми движениями раскачивались вверх-вниз, вправо-влево, вправо-влево, а из глоток в навязчивом ударном ритме вырывалось это самое, с позволения сказать, пение. Эти промаршируют прямо по ней, растопчут и не заметят. Она быстро свернула в переулок и увидела в его дальнем конце толпу мужчин и женщин с зелено-золотыми повязками, наперебой восхвалявших нового лорда Стиамота.

Обложили! Нынче вечером вокруг нее собра-

лись чуть ли не все безумцы города.

Оглядевшись в отчаянии по сторонам, Миллилейн заметила на левой стороне переулка немного приоткрытую дверь и поспешно нырнула туда. Она очутилась в темном коридоре, из дальнего конца которого доносились негромкое пение и резкий запах незнакомого благовония. Какое-то святилище. Может быть, один из новых культов. Но, по крайней мере, здесь вряд ли причинят ей вред. Можно будет переждать, пока все безумные толпы, собравшиеся снаружи, не перекочуют в другую часть города.

Она осторожно прокралась по коридору и заглянула в комнату в дальнем конце. Тьма. Густой аромат. С одной стороны возвышение, по бокам которого стоит что-то вроде двух маленьких высушенных морских драконов. Между ними стоит мрачный, безмолвный лиимен, три глаза которого горят, как тлеющие угли. Миллилейн показалось, что она узнала того самого уличного торговца, который когда-то продал ей порцию сосисок за пять крон. А может быть, и не тот. В конце концов, отличить одного лиимена от другого очень трудно.

К ней придвинулась фигура в балахоне с капюшоном — судя по запаху, гэйрог.

— Ты успела как раз к причастию, сестра, — прошептал он. — Добро пожаловать, и да пребудет над тобою благословение водяных королей.

— Водяных королей?

Гэйрог деликатно взял ее под локоть и так же деликатно ввел в комнату, присоединив к множеству коленопреклоненных, бормочущих что-то прихожан. Она опустилась на свободное место в заднем ряду. Никто не смотрел на нее, никто не смотрел на своих соседей, все взгляды были устремлены на лиимена, стоявшего между двумя высушенными морскими дракончиками. Миллилейн тоже смотрела на него. Она просто не решалась смотреть по сторонам, так как боялась, что узнает кого-нибудь из своих знакомых.

— Примите… пейте… приобщайтесь… — приказывал лиимен.

Собравшиеся передавали друг другу кубки. Миллилейн краем глаза разглядела, что каждый сразу подносил сосуд к губам и делал большой глоток, так что кубки то и дело доливали. Ближайшая посудина находилась в данный момент за три-четыре ряда коленопреклоненных верующих от нее.

— Мы пьем, — вещал лиимен. — Мы приобщаемся. Мы воспаряем и объемлем водяного

короля.

Ах да, вспомнила Миллилейн, водяными королями лиимены называют морских драконов. Ведь давно уже говорили, что они поклоняются морским драконам. Что ж, думала она, может быть, в этом что-то есть. Все остальное провалилось, значит, нужно препоручить мир морским драконам. Кубок между тем находился уже в двух рядах от нее, но двигался медленно.

— Мы приходили к водяным королям, и охотились на них, и извлекали их из воды, — вещал лиимен. — Мы ели их плоть и пили их молоко. Сие было их даром для нас, их великим жертвоприношением, ибо они боги, а богам подобает и приличествует давать свою плоть и свое молоко малым сущим, дабы те насыщались и сами становились подобны богам. И ныне приходит время водяных королей. Примите. Пейте. Приобщайтесь.

Кубок дошел до ряда, в котором находилась Миллилейн.

— Они суть великие нашего мира, — продолжал лиимен. — Они господа. Они монархи. Они истинная Власть, и мы пребываем в их власти. Мы и все прочие обитатели Маджипура. Примите. Пейте. Приобщайтесь.

Из кубка уже пила женщина, стоявшая слева от Миллилейн. А ее вдруг охватило нетерпение — она так проголодалась, ее так мучила жажда! — что она с трудом сдерживалась, чтобы не вырвать кубок у соседки, пока в нем что-то еще остается. Но она вытерпела, и наконец-то чаша оказалась в ее руках. Она заглянула туда — темное, густое, блестящее вино. Странное на вид. Она нерешительно пригубила. Вино оказалось сладким, и пряным, и плотным, и в первый миг она подумала, что ей никогда не доводилось пробовать подобного вина, но тут же ощутила в нем что-то знакомое. Сделала еще глоток.

— Примите. Пейте. Приобщайтесь.

Ну, конечно же, то самое вино, которым пользуются толкователи снов, чтобы слиться с сознанием клиента и истолковать тревожащее его сновидение! Да, сонное вино! За всю свою жизнь Миллилейн обращалась к толкователям снов всего пять-шесть раз, очень давно, и все же нельзя было не узнать специфический вкус напитка. Но ведь такое невозможно! Использовать сонное вино, даже держать его у себя, разрешается лишь толкователям снов. Это сильный наркотик. Все прочие употребляют его только под надзором толкователей. Но в этой тайной часовне, судя по

всему, имелись неограниченные его запасы, и прихожане хлебали его, как пиво…

— Примите. Пейте. Приобщайтесь.

Она поняла, что задерживает движение кубка. Повернулась к соседу справа с виноватой улыбкой, изготовилась пробормотать извинение, но он тупо смотрел вперед, не обращая на нее ни малейшего внимания. Тогда она пожала плечами, вновь поднесла чашу к губам и сделала большой глоток, потом еще и лишь после этого не глядя сунула посудину дальше.

И почти сразу же почувствовала действие вина. Ее качнуло, глаза закрылись, ей пришлось напрячься, чтобы не уронить голову. «Это потому, что я выпила на голодный желудок», — сказала себе она. Опустившись на пятки, расслабив спину, она принялась подпевать собравшимся, негромко выводившим бессмысленные повторяющиеся звуки: *оо-вах-мах-оо-вах-мах*, — столь же абсурдные, как и те крики, которые она слышала на улице, но здесь звучал более ласковый, нежный, хриплый, тоскующий плач: *оо-вах-мах-оо-вах-мах*. И когда она начала причитать вместе со всеми, ей показалось, что она слышит дальнюю музыку, диковинную, вроде как неземную, звуки множества колоколов, доносящиеся из

неведомого далека, выводящего мелодии, каждая из которых, прежде чем удавалось ее уловить, сменялась другой, а та — следующей. *Оо-вах-мах-оо-вах-мах,* пела она, а в ответ ей доносилась песнь колоколов, а потом она ощутила присутствие чего-то громадного рядом, возможно даже в этой самой комнате — чего-то колоссального, крылатого, древнего, наделенного немыслимой разумностью, превосходящей ее мыслительные способности настолько же, насколько ее разум превосходил разум певчей птички. Это нечто снова и снова обращалось по огромным неторопливым орбитам, и при каждом обращении оно разворачивало свои гигантские крылья и расправляло их до концов света. А когда они снова складывались, то задевали врата разума Миллилейн — это была лишь щекотка, лишь легчайшее прикосновение, взмах пера, и все же она чувствовала, с каждым касанием преобразовывается, поднимается над собой, становится частью некоего организма из множества умов: невообразимого, богоподобного. «Примите. Пейте. Приобщайтесь». С каждым прикосновением этих крыльев она приобщалась все глубже. *Оо-вах-мах-оо-вах-мах*. Она утратила себя. Миллилейн больше не было. Был только водяной король,

звучащий звоном колоколов, и составленный из множества умов ум, частью которого стала бывшая Миллилейн. *Оо. Вах. Мах. Оо. Вах. Мах*.

Она испугалась. Ее увлекало на дно моря, ее легкие заполнились водой, и боль сделалась нестерпимой. Она принялась отбиваться. Она больше не позволит этим громадным крыльям прикасаться к ней. Она выплывала обратно, она колотила кулаками, она пробивала путь наверх, к поверхности…

Открыла глаза. Выпрямилась — растерянная, испуганная. Вокруг продолжалось пение. *Оо-вах-мах-оо-вах-мах*. Миллилейн непроизвольно передернула плечами. «Где я? Что я наделала? Нужно сматываться отсюда», — сказала она себе и, почти в панике, поднялась и, неловко ступая, стала пробираться между молящимися к выходу. Никто не попытался остановить ее. Вино все еще дурманило ей голову, и Миллилейн пошатывалась, спотыкалась, хваталась за стену. Вот она вышла из комнаты. Миновала длинный, темный, пропахший благовониями коридор. Крылья продолжали помахивать вокруг нее, накрывали ее, тянулись к ее разуму. Что я наделала, что я наделала?

Снаружи, в переулке, было темно, поливал

дождь. Продолжались ли поблизости шествия и митинги рыцарей Деккерета, рыцарей Тройственного меча и всяких прочих? Какая разница! Пусть будет что будет. Она бросилась бежать, не понимая, куда бежит. Вдали раздался приглушенный мощный гул; она надеялась, что это гейзер Конфалюма. А голову долбили изнутри другие звуки. *Ях-тах ях-тах ях-тах вуум. Оо-вах-мах-оовах-мах*. Она чувствовала, как крылья смыкаются вокруг нее. Она бежала, спотыкалась, падала, поднималась и бежала дальше, бежала дальше.

Глава 7

Чем дальше они углублялись в провинцию метаморфов, тем более знакомым казалось Валентину все окружающее. И в то же самое время в нем росло подозрение, что он совершает жуткую, кошмарную ошибку.

Он вспоминал запах этих мест: сложную смесь ароматов, которая при каждом вдохе заполняла ноздри и заставляла кружиться голову. Густой, мускусный, сложный, сладкий и тяжелый дух роста и разложения, парящий под постоянными теплыми дождями. Он вспоминал плотный, липкий, влажный воздух и ливни, которые проливались почти ежечасно, стуча по кронам деревьев, смыкавшимся высоко над головой, стекали с одного блестящего листа на другой, так что до почвы доходило не так уж много воды. Он вспоминал фантастическое изобилие растений, где все проклевывалось и вырастало чуть ли не на глазах, но при этом в какой-то странной закономерности распределяясь по ярусам — высокие тонкие деревья, у которых на семь восьмых высоты не было не единой ветки, затем разворачивались в огромные зонтики из листьев,

связанных в плотную крышу лозами, лианами и эпифитами. Под ней шел ярус не столь рослых, пузатых более теневыносливых деревьев, затем ярус густых кустов, а ниже — лесная подстилка, прячущаяся в загадочной полутьме, почти бесплодная, влажная, тощая рыхлая почва, весело пружинящая под ногами. Он вспоминал окрашенные в яркие, насыщенные цвета, казалось бы, совершенно чуждые этому лесу столбы света, которые непредсказуемо пробивались сквозь полог, ненадолго позволяя разглядеть все поблизости с поразительной ясностью.

Но пьюрифайнские дождевые леса раскинулись в сердце Зимроэля на тысячи и тысячи квадратных миль, и, вполне возможно, разные их участки весьма походили один на другой. Где-то в этой части джунглей лежит столица меняющих облик, Илиривойн, но есть ли основания, спросил себя Валентин, считать, что я нахожусь неподалеку от него лишь потому, что запахи, звуки и весь вид этих джунглей похожи на запахи, звуки и виды, которые запомнил много лет назад?

В тот раз — когда во время путешествия с бродячими жонглерами возникла безумная идея подзаработать несколько роялов, выступая на празднике урожая у метаморфов, — с ними, по

крайней мере, были Делиамбер, способный с помощью вруунских заклинаний определить, куда нужно свернуть на развилке дороги, и отважная Лизамон Халтин, знающая джунгли как мало кто из людей. А вот в своей второй вылазке в Пьюрифайн Валентин мог полагаться лишь на самого себя.

Делиамбер и Лизамон, если они были еще живы — он не слишком надеялся на это, поскольку все эти недели не имел с ними контакта даже во сне, — находились где-то в сотнях миль позади него, на другом берегу Стейча. У него не было и никаких сведений от Тунигорна, которого он отправил искать их. Теперь с ним были только Карабелла, Слит и несколько телохранителей-скандаров. Карабелла, при всей ее отваге и выносливости, не обладала навыками следопыта. Сильные и храбрые скандары не отличаются большим умом. А проницательному и здравомыслящему Слиту в этих местах очень тяжело из-за парализующего страха перед меняющими облик, который привязался к нему еще в молодости, во сне, и от которого он так и не смог полностью избавиться. Со стороны короналя было явной глупостью скитаться по джунглям Пьюрифайна с такой жалкой свитой, но, похоже, безумие стало

отличительной чертой всех последних короналей, думал Валентин, особенно если учесть, что двоих подряд его предшественников, Малибора и Вориакса, постигла безвременная насильственная смерть именно в результате нелепых поступков. Возможно, для короналей это уже стало традицией.

И ему казалось, что все это время, день за днем, он не приближается к Илиривойну и не удаляется от него; что этот город в джунглях везде и нигде, что, возможно, он снялся с места и движется одновременно с ним на неизменном расстоянии, оставляя разрыв, который никогда не удастся преодолеть. Ибо столица меняющих облик, как он хорошо помнил, состояла из множества хлипких плетеных хижин, среди которых имелось лишь несколько более существенных построек. Уже тогда ему казалось, что этот импровизированный город-призрак вполне мог бы перелететь с одного места в другое по прихоти своих жителей, что это город-кочевник, город-видение, наподобие блуждающих огоньков джунглей.

— Валентин, смотри, — сказала Карабелла, — это тропа?

— Может быть, — ответил он.

— А может быть, и нет?

— Да, может быть, и нет.

Им попадались уже сотни таких тропинок — чуть намеченные царапины на земле джунглей, неразборчивые письмена, сообщавшие о чьем-то былом присутствии, оставленные то ли в прошлом месяце, то ли во времена лорда Деккерета, много тысяч лет назад. Какая-то палка, воткнутая в землю, возможно, с привязанным куском пера или обрывком ленты, неглубокие бороздки, как если бы здесь что-то протащили; а порой не было вообще ничего видимого, лишь психический полустертый отпечаток, свидетельствующий о пребывании здесь разумных существ. И ни один из этих следов никуда их не привел. Рано или поздно тропа исчезала, следы терялись, и впереди лежали только девственные джунгли.

— Разобьем лагерь, мой повелитель? — осведомился Слит.

Ни он, ни Карабелла до сих пор ни словом не осудили эту экспедицию, хоть и считали ее совершенно безрассудной. «Понимают ли они, — думал Валентин, — насколько остро он чувствует необходимость встретиться с королевой меняющих облик? Или из страха перед гневом короналя и мужа хранят почтительное молчание все недели, пока продолжаются безрезультатные скита-

ния, хотя втайне думают, что лучше бы сейчас находиться в цивилизованных провинциях и бороться с ужасным кризисом, который, вероятно, разворачивался там? Или они — что хуже всего — просто потакают ему в этой бешеной гонке по густым, непросыхающим из-за постоянных дождей лесам?» Он не осмеливался спросить своих спутников. Он лишь гадал, долго ли еще продлятся поиски, да боролся с все усиливающимся убеждением в том, что вовсе не отыщет Илиривойн.

Когда они расположились на ночь, он опять надел на голову серебряный обод Владычицы, вошел в транс, позволяющий выводить сознание за пределы тела, и устремился духом над джунглями на поиск Делиамбера, на поиск Тизаны.

Он полагал, что с их разумами будет легче связаться, поскольку его соратники обладали профессиональной чувствительностью к магии снов. Но хотя он повторял попытки из ночи в ночь, ему ни разу не удалось почувствовать даже намека на контакт. Может быть, дело в том, что они остались очень далеко? Валентин прежде не прибегал к мысленному общению на дальних расстояниях без помощи сонного вина. Не исключено также, что метаморфы каким-то образом

нарушают связь. Или его послания не достигают адресатов, потому что те мертвы. Или…

…Тизана… Тизана…

…Делиамбер…

…Вас вызывает Валентин… Валентин… Валентин…

…Тизана…

…Делиамбер…

Ничего.

Он попытался вызвать Тунигорна. Что бы ни случилось с прочими его соратниками, но Тунигорн, несомненно, жив и, при всей уравновешенности и защищенности разума, вполне можно было рассчитывать и на то, что он откроется на призывы Валентина. Вызывал он и Лизамон. И Зализана Кавола. Соприкоснуться хоть с кем-нибудь из них, ощутить отклик знакомого разума…

Потратив немало времени на тщетные попытки, он печально снял обод и убрал его в шкатулку. Карабелла вопросительно взглянула на него. Валентин качнул головой и пожал плечами.

— Полнейшая тишина.

— Не считая дождя.

— Да. Не считая дождя.

Дождь снова негромко барабанил по непрони-

цаемой лиственной крыше. Валентин мрачно всмотрелся в джунгли, но не увидел ровным счетом ничего — прожектор летающей лодки горел и будет гореть всю ночь, но за пределами участка, охваченного его светом, высилась непроницаемая стена мрака. Под прикрытием этой стены вокруг лагеря сейчас могли собраться незамеченными тысячи метаморфов. Сейчас он чуть ли не хотел этого. Все что угодно — даже внезапное нападение! — было бы лучше продолжающегося уже не одну неделю блуждания по неведомой и непознаваемой глуши.

«Сколько еще, — спросил он себя, — предстоит мне мотаться по этим дебрям? И как мы будем искать обратный путь (и найдем ли его вообще), если я решу, что эта затея была пустой?»

Он лежал и все с тем же мрачным настроем прислушивался к переменчивому ритму дождя, и постепенно им овладел сон.

И почти сразу же он почувствовал, что начинается сновидение.

По интенсивности, специфической яркости и теплоте он сразу узнал, что это не обычный сон, а, скорее, послание Владычицы — первое, посетившее его после отъезда с побережья в Гихорну, — и все же растерялся, поскольку ожидал воспринять

сознанием какой-нибудь ощутимый признак присутствия матери, но она никак не проявила себя, да и импульсы, пронизывающие его душу, казалось, исходили из совершенно другого источника. Король Снов? Конечно, он тоже обладал способностью проникать в умы издалека, но даже в такие необычные времена, как сейчас, не осмелился бы направить свой инструмент на короналя. Кто тогда? Валентин, настороженный даже во сне, сканировал границы сновидения, пытаясь найти ответ и не находя его.

В сновидении практически отсутствовала словесная составляющая; бесформенное и почти беззвучное, оно создавало впечатление едва ли не чистой абстракции. Но постепенно из него стали все яснее выделяться движущиеся формы и трудноуловимые перемены настроения, слагавшиеся в метафоры чего-то вполне конкретного — извивающиеся, переплетающиеся щупальца врууна.

— Делиамбер?

— *Это я, мой повелитель.*

— Где?

— Здесь. Недалеко от вас. Двигаюсь к вам.

Это было передано не с помощью какой-либо ментальной или, допустим, знаковой речи, а

исключительно посредством грамматики изменяющихся световых узоров и состояний ума, несущих однозначное значение. Через некоторое время сон покинул его, и он неподвижно лежал в полусне, прокручивая в мозгу то, что явилось к нему, и впервые за несколько недель почувствовал некоторую надежду.

Утром Валентин остановил Слита, готовившегося разбирать лагерь:

— Нет. Я решил остаться здесь на несколько дней. Или еще дольше.

Валентин успел заметить мелькнувшее на лице Слита выражение растерянности и сомнения; тот поспешил принять невозмутимый вид, кивнул и отправился передать скандарам, чтобы те оставили палатки на месте.

— Мой повелитель, по лицу вижу, что эта ночь принесла тебе какие-то новости, — сказала Карабелла.

— Делиамбер жив. Он с остальными следует за нами и пытается присоединиться. Но мы так петляли и так быстро двигались, что им пока не удалось догнать нас. Стоило им напасть на наш след, как мы меняли направление. Если мы немного постоим на месте, они наконец-то отыщут нас.

— Ты говорил с врууном?

— С его духом, его тенью. Но это был истинный дух, верная тень. Он скоро будет с нами.

Валентин был совершенно уверен в этом. Но прошел день, и еще день, и еще. Каждую ночь он надевал на голову свой обод и посылал сигнал, но не получал ответа. Охранники-скандары бродили вокруг поляны, как беспокойные звери; Слит все сильнее тревожился и тоже пропадал в лесу целыми часами, несмотря на свой извечный страх перед метаморфами, который, по его собственному признанию, ничуть не ослабел. Карабелла, видя, что обстановка накаляется, предложила ему и Валентину немного пожонглировать с нею втроем, чтобы вспомнить прошлое и за непростым занятием отвлечься от других забот, но Слит сказал, что у него нет настроения, и Валентин, согласившись на ее уговоры, так расстроился из-за того, что у него ничего не получалось, что готов был сдаться уже через пять минут, но Карабелла устыдила его.

— Конечно, у тебя все из рук валится! — сказала она. — Или рассчитывал, что навык сохранится, хотя ты несколько лет не упражнялся? Но если работать, он вернется. Ну, Валентин, лови! Лови! Лови!

Конечно же, она была права. Немного терпения, немного усилий, и у него появилось прежнее ощущение, что союз руки и глаза может перенести его туда, где время ничего не значит, а все пространство превращается в одну бесконечную точку. Скандары, хоть и знали, несомненно, что жонглирование когда-то было профессией Валентина, явно изумились, увидев, чем занимается кораль, и с широко раскрытыми от нескрываемого любопытства, смешанного с благоговением, глазами смотрели на образовавшуюся между Валентином и Карабеллой пеструю галактику стремительно летавших в разные стороны предметов.

— Эй! Эй! Эй! — вскрикивала она и быстро вела его к все более и более сложному. Они, естественно, не делали ничего такого, что могло бы сравниться с трюками, какие она непринужденно исполняла в былые времена, и даже с тем, чего удалось тогда достичь Валентину, который так и не смог приблизиться к уровню мастерства Карабеллы. Но у него получается, думал он, вполне прилично для человека, который почти десять лет всерьез не упражнялся в жонглировании. Через час, весь промокший от дождя и пота, он чувствовал себя лучше.

Появился Слит. Он некоторое время смотрел на них, как будто понемногу избавляясь от подозрительности и хандры, потом подошел поближе, и Карабелла без предупреждения метнула ему нож, дубинку и топорик, а он, небрежно ловя предметы, пустил их летать вокруг себя и так же непринужденно добавил к каскаду еще три предмета, которые кинул ему Валентин. На лице Слита вроде бы появилась тень напряжения, которую невозможно было бы представить себе десять лет назад, разве что в тех случаях, когда он исполнял свои отработанные приемы с завязанными глазами, но ничто иное не позволяло заподозрить хоть какого-то снижения его незаурядного мастерства. «Эй!» — воскликнул он, кидая дубинку и топорик Валентину, и принялся безжалостно переадресовывать остальные предметы Карабелле, прежде чем корональ успел поймать первый предмет. И они втроем — Карабелла, Валентин и Слит — продолжали жонглировать с величайшей серьезностью, как будто вновь стали странствующими жонглерами и готовились к выступлению перед королевским двором.

Глядя на виртуозную технику Слита, Карабелла решилась тоже воспроизвести несколько слож-

ных трюков из своего былого репертуара. Слит в ответ еще больше усложнил движения, и вскоре Валентин уже достиг предела своих возможностей. Тем не менее он старался не отставать от них и неплохо преуспевал в этом, лишь изредка роняя тот или иной предмет, пока не осознал, что его забрасывают с обеих сторон хохочущая Карабелла и сосредоточенный серьезный Слит, и тут у него сразу перестали гнуться локти и онемели пальцы, и все, чем он жонглировал, посыпалось наземь.

— Ах, мой повелитель, ну куда же это годится! — раскатился над поляной грубый и восхитительно знакомый голос.

— Залзан Кавол! — удивленно и радостно воскликнул Валентин.

Огромный даже для своего племени скандар подлетел к нему, стремительно изобразил знак пылающей звезды и, не говоря больше ни слова, подобрал с земли все, что уронил Валентин, и с маниакальным восторгом начал перебрасываться ими со Слитом и Карабеллой, используя сразу четыре руки; этот, доступный только скандарам, стиль жонглирования не способен долго поддерживать ни один, даже самый искусный, жонглер-человек.

Валентин всмотрелся в лесную полутьму и увидел, что под дождем бежит целая толпа — Лизамон Халтин, на плече которой устроился вруун, Тунигорн, Тизана, Эрманар, Шанамир, а из остановившейся неподалеку заляпанной грязью большой летающей лодки все вылезали его спутники, все, понял Валентин, кого он оставил в Гихорне, благополучно добрались сюда.

— Доставайте вино! — крикнул он. — Это необходимо отпраздновать! — и бросился к приехавшим, обнимая одного за другим, встав на цыпочки, обхватил великаншу, радостно хлопнул по плечу Шанамира, торжественно пожал руку величественному, как всегда, Эрманару и стиснул Тунигорна в объятии, от которого у кого-нибудь послабее надолго перехватило бы дух.

— Мой повелитель! — прогремела Лизамон. — Пока я жива, больше никуда не отпущу вас одного! Не сочтите за грубость, повелитель, но зарубите себе на носу: больше никогда! Никогда!

— Если бы я мог предвидеть, — подхватил Залзан Кавол, — что в тот же день, когда вы сказали, что оторветесь от нас на дневной переход и доберетесь до Стейча, мы попадем в такую страшную бурю и потом несколько недель будем искать вас… ах, мой повелитель, какого же вы мнения о

своей охране, если позволили себе вот так взять и удрать от нас? А потом Тунигорн сказал, что вы уцелели в бурю, но отправились в Пьюрифайн, не пожелав дождаться нас… ах, мой повелитель, мой повелитель… не будь вы тем, кто есть, я при встрече обвинил бы вас в измене самому себе, так и знайте, мой повелитель!

— Надеюсь, вы простите мне эту опрометчивость, — выговорил Валентин.

— Мой повелитель, мой повелитель!..

— Поверьте, я вовсе не собирался так надолго убегать от вас. И специально послал Тунигорна, чтобы он отыскал вас и отправил вслед за мною. И каждую ночь я отправлял вам послания — надевал обод и всеми силами мысли тянулся к вам, к тебе, Делиамбер, и к тебе, Тизана…

— Мы получали эти послания, мой повелитель, — сказал Делиамбер.

Правда?!

— Каждую ночь. И очень радовались тому, что вы живы.

— Но ни разу не ответили? — вопросительно произнес Валентин.

— Ну что вы, мой повелитель, — ответил врун, — мы отвечали всегда. Но знали при этом, что не достаем, что моих сил не хватает, чтобы

преодолеть такое расстояние. Мы пытались попросить вас задержаться где-нибудь и дать нам возможность догнать вас, но вы с каждым днем углублялись все дальше в джунгли, а мы постепенно отставали, и я никак не мог пробиться к вашему сознанию. Да, мой повелитель, не мог.

— Но в конце концов вам это удалось.

— Только с помощью вашей матери, Владычицы, — объяснил Делиамбер. — Тизана встретилась к ней во сне, в послании, сумела объясниться, и Владычица поняла ее — она поддержала силой своей мысли мое послание и перенесла его, куда я сам никогда не дотянулся бы. В результате нам все же удалось переговорить с вами. Мой повелитель, нам нужно очень многое сообщить вам.

— Да уж, — поддержал его Тунигорн. — Заранее предупреждаю, Валентин, ты очень удивишься.

— В таком случае удивляйте меня.

— Тунигорн, конечно же, рассказал вам, что мы уличили советника по сельскохозяйственным вопросам Й-Уулисаана в том, что он шпион метаморфов?

— Да, он успел сообщить об этом. Но как вам удалось его разоблачить?

— Едва вы отправились вперед, на берег Стейча,

как мы на первом же ночлеге застали Й-Уулисаана в процессе мысленной связи с кем-то, находящимся вдалеке. Я тут же попросил Залзана Кавола и Лизамон схватить его.

— Но откуда у Й-Уулисаана могла взяться такая сила? — спросил Валентин, изумленно моргая.

— Потому что он меняющий облик, — ответила Тизана, — а меняющие облик умеют каким-то образом сливаться разумами, используя при этом в качестве усилителей великих королей морских драконов.

Валентин застыл с таким видом, будто на него напали сразу несколько противников, и молча переводил взгляд с Тизаны на Делиамбера и снова на старую толковательницу снов. Он изо всех сил пытался вникнуть в смысл услышанных слов, но в них было столько странного, совершенно неведомого ему, прямо-таки непостижимого, что доходило это с большим трудом.

— То есть как это… — медленно проговорил он. — Метаморфы, значит, разговаривают друг с другом при поддержке морских драконов? Кто бы мог предположить, что драконы не просто разумны, но обладают столь мощным разумом?

— Они называют их водяными королями, — сказала Тизана. — И получается, что у этих самых

водяных королей и впрямь очень мощные умы. С их-то помощью шпион беспрепятственно передавал донесения.

— Донесения о чем? — с тревогой спросил Валентин. — И кому?

— Мы застали Й-Уулисаана с поличным, — продолжил рассказ Делиамбер. — Лизамон и Залзан Кавол схватили его, и он сразу начал менять облики. Мы хотели доставить его к вам на допрос, но вы отправились вперед, к реке, потом началась буря, и мы не смогли поехать за вами. Поэтому мы сами его допросили. Он признался, что был шпионом, и его задачей, мой повелитель, была помощь вам в планировании действий по борьбе с заболеваниями растений и другими бедствиями, после чего он сразу же информировал свое руководство о принятых решениях. Что было большим подспорьем для метаморфов, поскольку именно они занимаются созданием и распространением этих болезней.

У Валентина перехватило дыхание.

— Метаморфы… создают… и распространяют… болезни…

— Совершенно верно, мой повелитель. Й-Уулисаан во всем признался. Мы обращались с ним… э-э… не очень деликатно. Здесь, в Пьюрифайне,

в тайных лабораториях, метаморфы много лет выводили для всех наших сельскохозяйственных растений разнообразных вредителей, какие только встречались в истории. И когда все было готово, разослали тысячи замаскированных диверсантов; кстати, мой повелитель, кое-кто из них прямо являлся к крестьянам под видом сельскохозяйственных агентов, предлагая новые методы повышения урожайности, и во время посещения плантаций тайно заражал посевы. Каких-то тварей они засылали по воздуху с выпущенными перелетными птицами. Или распыляли в воздухе, так что зараза летела с ветром, как облако…

Валентин оторопело уставился на Слита.

— Получается, против нас идет война, а мы и не знаем об этом!

— Уже знаем, мой повелитель, — отозвался Тунигорн.

— И я скитаюсь по землям своих врагов, рассчитывая в своей глупости, что мне нужно всего лишь наговорить добрых слов, да распахнуть объятия пошире, и Данипьюр улыбнется в ответ, и Божество вновь благословит нас. А оказывается, что Данипьюр и ее народ уже вовсю воюют с нами не на жизнь, а на смерть, и…

— Нет, мой повелитель, — перебил его Делиамбер. — Данипьюр тут вроде бы ни при чем. Во всяком случае, по имеющимся у нас данным.

— Что-что?

— Й-Уулисаан служил некоему Фараатаа, сжигаемому ненавистью отщепенцу — в самом буквальном смысле: он не смог убедить Данипьюр поддержать свой план, поэтому откололся с многочисленными последователями и самостоятельно осуществляет его. Метаморфы разбились на две фракции, понимаете, мой повелитель? Фараатаа возглавляет радикалов, стремящихся к войне. Они рассчитывают уморить нас голодом, ввергнуть в хаос и заставить покинуть Маджипур. Тогда как Данипьюр производит впечатление более умеренной или, по крайней мере, менее жестокой.

— В таком случае я должен как можно быстрее добраться до Илиривойна и объясниться с нею.

— Вы не сможете попасть в Илиривойн, мой повелитель, — огорошил его Делиамбер.

— Это еще почему?

— Они разбирают свой город на части и носят его — прямо на спинах — по лесу. Я ощущаю его присутствие, когда творю заклинания — но место, откуда исходит ощущение, постоянно перемеща-

ется. Данипьюр убегает от вас, мой повелитель. Она не хочет встречаться с вами. Возможно, считает, что это будет политической ошибкой — не исключено, что она слабо контролирует свой народ и опасается усиления фракции Фараатаа, если в чем-то пойдет вам навстречу. Это лишь догадки, мой повелитель. Я уверен лишь в одном: вы не найдете ее, даже если будете беспрерывно рыскать по Пьюрифайну тысячу лет.

Валентин кивнул.

— Наверное, ты прав, Делиамбер. Ты *наверняка* прав. — Он зажмурился и попытался хоть немного упорядочить сумбур, образовавшийся в голове. Как же безнадежно он заблуждался насчет происходящего, как же превратно он все понимал! — Послушай, эта связь между метаморфозами при помощи разумов морских драконов — как давно это практикуется?

— Не могу точно сказать, мой повелитель. Какое-то время. Оказывается, морские драконы куда разумнее, чем мы привыкли считать. И у меня такое впечатление, что между ними и метаморфами, или, по крайней мере, некоторыми метаморфами, существует нечто вроде союза. Как говорится, темна вода во облацех.

— А сам Й-Уулисаан? Где он? Надо подробнее

расспросить его обо всем этом.

— Умер, мой повелитель, — сообщила Лизамон Халтин.

— Как же это случилось?

— Когда разразилась буря, все растерялись и он попытался сбежать. Мы схватили было его, но ветер вырвал его из наших рук, и мы не смогли сразу поймать его. На следующий день нашли тело.

— Невелика потеря, мой повелитель, — сказал Делиамбер. — Вряд ли он мог бы сказать много полезного помимо того, что мы успели узнать от него.

— И все равно, я хотел бы попытаться переговорить с ним, — ответил Валентин. — Ну, на нет и суда нет. Похоже, что мне и с Данипьюр тоже не удастся поговорить. И все же мне очень не хочется отказываться от этой затеи. Так ты считаешь, Делиамбер, что у нас нет никакой надежды отыскать Илиривойн?

— Думаю, что никакой, мой повелитель.

— Я вижу в ней союзницу, как ни странно вам это покажется. Корональ и королева метаморфов — в единой лиге против тех, кто обратил против нас биологическое оружие. Глупость, да, Тунигорн? Не тушуйся, скажи прямо: ты считаешь это

глупостью?

Тунигорн пожал плечами.

— Скажу откровенно: тут я тебе не советчик. Но считаю, что Делиамбер прав: Данипьюр избегает встречи с тобой и не позволит отыскать себя. И, полагаю, дальше терять время на эти скачки с препятствиями…

— Будет глупостью. Да. Безусловно, глупостью, когда у нас столько других дел.

Валентин умолк, взял пару первых попавшихся предметов для жонглирования у Залзана Кавола и принялся рассеянно перебрасывать их из руки в руку. «Гибель растений, голод, самозваные коронали, — думал он. — Безумие. Хаос. Биологическая война. Недвусмысленно проявленный гнев Божества. А корональ бестолково мотается по джунглям метаморфов с безумной затеей и горсткой спутников… Нет, нет…»

Он повернулся к Делиамберу.

— Ты хоть приблизительно представляешь себе, где мы находимся?

— По самой приблизительной прикидке, примерно в двух тысячах миль к юго-западу от Пилиплока, мой повелитель.

— И сколько времени нам может потребоваться, чтобы попасть туда?

— Я не советовал бы сейчас ехать в Пилиплок, — сказал Тунигорн.

— Это еще почему? — нахмурившись, осведомился Валентин.

— Опасно.

— Опасно? Для короналя? Тунигорн, я был там всего пару месяцев назад и не видел никакой опасности!

— За это время положение сильно изменилось. До нас дошли вести, что Пилиплок провозгласил себя независимой республикой. В городе сохранились значительные запасы продовольствия, и горожане боятся, что их изымут для поддержки Кинтора и Ни-мойи. Вот они и объявили, что выходят из содружества.

Валентин выпучил глаза, будто перед ним внезапно разверзлась пропасть.

— Выходят из содружества? Независимая республика? В этих словах нет никакого смысла!

— Тем не менее жители Пилиплока видят в них смысл. Не берусь предсказать, какой прием они окажут тебе в эти дни. Сдается мне, что разумнее будет отправиться куда-нибудь еще, пока ситуация не прояснится, — сказал Тунигорн.

— Да как я могу позволить себе бояться въехать в свой собственный город! — гневно воскликнул

Валентин. — Порядок в Пилиплоке восстановится, как только я прибуду туда!

— Разве можно быть в этом уверенным? — проговорила Карабелла. — Это же Пилиплок, вечно раздутый от самомнения, и вдруг корональ явится туда на обшарпанной летающей лодке, в грязных и заношенных одеждах… Думаешь, там будут кричать здравицы в твою честь? Они изменники, отлично знают это и предпочтут усугубить свою измену, нежели покорно вернуться под твою руку. Нет, я считаю, что в Пилиплок следует войти только во главе армии!

— Я тоже так думаю, — поддержал ее Тунигорн.

Валентин тревожно взглянул на Делиамбера, на Слита, на Эрманара. Те ответили ему мрачными, унылыми, безнадежными взглядами.

— Получается, что меня опять свергли? — произнес Валентин, не обращаясь ни к кому из них в отдельности. — И я снова бродяга в отрепье, да? Я не смею войти в Пилиплок? Я не *смею*? А самозваные коронали в Кинторе и Ни-мойе — у них, несомненно, есть армии, а у меня нет, так что мне не следует вообще никуда соваться. Так что же, мне остается одно — вернуться к жонглированию, да? — Он рассмеялся. — Нет, я так не

думаю. Я корональ и короналем останусь. Я-то надеялся, что покончил с восстановлением своего места в мире, но оказывается, что нет. Выведи меня из джунглей, Делиамбер. Отыщи мне путь на побережье, в какой-нибудь портовый город, который все еще хранит верность мне. А там мы займемся поиском союзников и вернем все на свои места, так?

— И где же мы будем искать союзников, мой повелитель? — спросил Слит.

— Везде, где получится, — ответил Валентин, пожав плечами.

Глава 8

На всем протяжении пути по долине Глайга из Замка в Лабиринт Хиссуну, куда ни глянь, попадались признаки неурядиц, творившихся в мире. Хотя в этой благодатной, плодородной части Алханроэля ситуация еще была далека от того накала, какого достигла дальше на западе или тем более в Зимроэле, он всюду видел и чуть ли не осязал тревогу — запертые ворота, испуганные глаза, желваки на скулах. А вот в Лабиринте, думал он, особенных изменений не заметно, может быть, потому, что запертые ворота, испуганные глаза и желваки на скулах всегда были присущи бытию Лабиринта.

Лабиринт, может быть, и остался прежним, а Хиссун точно изменился, и изменения, произошедшие в нем, стали для него очевидны, стоило ему въехать в Уста вод, величественный, даже помпезный портал, через который по традиции Властители Маджипура въезжали в город понтифика. Позади осталась подернутая легкой дымкой теплого предвечернего часа долина Глайга, благоуханные ветерки, зеленые холмы, радостный, ласкающий свет щедрого солнца. Впереди же

лежала вечная ночь непостижимых для посторонних спиралей Лабиринта, режущий блеск искусственного освещения, странная безжизненность воздуха, никогда не испытывавшего прикосновения ветра или дождя. И, переходя из одного царства в другое, Хиссун с замиранием сердца на мгновение представил себе, что массивные ворота наглухо закрылись за его спиной, что некий ужасающий барьер отделил его от всех красот мира, и по спине его пробежали холодные мурашки.

Он сам изумился тому, что какая-то пара лет жизни в Замке-на-Горе настолько сильно изменила его, что Лабиринт, который он вряд ли когда-нибудь любил, но где, без сомнения, чувствовал себя вполне уверенно, сделается для него столь неприятным. И еще ему показалось, что до этого момента он не понимал толком того ужаса, какой испытывал перед этим местом Валентин. Теперь Хиссун и сам почувствовал его привкус, вернее, намек на него, но и этого хватило, чтобы впервые осознать, каким кошмаром наполняется душа короналя, когда тот спускается в это подземелье.

Хиссун изменился и в ином отношении. Покидая Лабиринт, он был, по сути, никем — да,

новопосвященным рыцарем, но все равно мелкой сошкой, особенно для обитателей Лабиринта. Теперь же он возвращается сюда уже как принц Хиссун, член регентского совета всего мира. Обитатели Лабиринта слабо клюют на мишуру, зато на них производит впечатление власть, особенно когда к ней приобщается один из них. Они тысячами выстроились по сторонам дороги, ведущей от Уст вод к наружному кольцу Лабиринта, вставали на цыпочки и толкались, стараясь лучше рассмотреть его, а он въезжал в огромные ворота в летающей лодке, выкрашенной в цвета короналя, несущей на борту его герб, и его сопровождала свита, словно он сам был короналем. Его не приветствовали, не выкрикивали его имя. Такое в Лабиринте не было принято. Но смотрели. Молчаливые, откровенно встревоженные, вероятнее всего, завидующие, жители с угрюмым восхищением смотрели, как он проезжал мимо них. Он вроде бы разглядел в толпе своего друга детства Ванимуна и его хорошенькую сестру, Гиснета, Хойлана и еще с полдюжины дружков из Двора Гуаделума. Возможно, он ошибался, возможно, их поместила среди встречающих всего лишь непроизвольная игра фантазии. Он поймал себя на том, что хочет, чтобы они были здесь,

хочет, чтобы они видели его в аристократическом наряде, на величественной машине — его, маленького замухрышку Хиссуна из Двора Гуаделума, ставшего принцем-регентом Хиссуном, окутанным ореолом Замка, искрящимся вокруг него, как свет второго солнца. «Ведь можно же изредка позволять себе такую мелочную гордыню, верно? — спросил он себя. И ответил: — Да, а почему бы и нет? Даже святые наверняка испытывают порой самодовольство, а тебя никогда не обвиняли в святости. Так что дай себе минутное послабление, и хватит, переходи к делам. А то ведь, если перебрать с самовосхвалениями, может начаться несварение души».

Чиновники администрации понтифика встречали его на специальной площадке наружного кольца. Они приветствовали Хиссуна с соблюдением всех протокольных тонкостей и сразу увлекли его к лифту, предназначенному исключительно для Властителей и их посланников, который и доставил его на нижние, императорские уровни Лабиринта.

Его незамедлительно препроводили в покои, мало чем уступавшие по роскоши и комфорту тем, что предназначались для короналя. Алсимиру, Стимиону и другим помощникам Хиссуна

предоставили прекрасные комнаты по соседству. Как только порученцы закончили обустройство гостя, их глава обратился к Хиссуну:

— Верховный глашатай Хорнкаст будет очень рад пообедать с вами сегодня вечером, мой лорд.

Хиссун снова ощутил легкий трепет изумления. *Будет очень рад*. Лабиринт все еще очень крепко сидел в нем, и он до сих пор относился к Хорнкасту с чуть ли не благоговейным почтением, как к настоящему хозяину Лабиринта, кукольнику, дергающему за ниточки понтифика. *Будет очень рад пообедать с вами сегодня вечером, мой лорд.* Неужто правда? Хорнкаст! «Трудно даже представить, чтобы старец Хорнкаст мог быть очень рад чему-то, — думал Хиссун. — Да еще и «мой лорд» — не хухры-мухры. Ну-ну…»

Но он не мог позволить себе трепетать перед Хорнкастом — даже намек на это был бы недопустим. Когда за ним пришли гонцы от верховного глашатая, он сказался не готовым и тянул время еще минут десять. А потом, войдя в личную столовую глашатая, которая оказалась настолько великолепна, что сам понтифик мог бы трапезовать здесь без ущерба для своего сана, решительно подавил порыв почтительно приветствовать хозяина, хоть у него мелькнуло в голове:

«Это *Хорнкаст*!», и даже захотелось преклонить колени. «Но ведь ты *Хиссун*!» — сердито одернул он себя и остался стоять в величественной и даже чуть надменной позе. Хорнкаст, напомнил себе Хиссун, всего лишь государственный служащий, тогда как он куда выше рангом — принц Горы и член регентского совета.

И все же устоять перед мощной харизмой Хорнкаста было нелегко. Он был стар — его можно было даже назвать древним, — но выглядел крепким, энергичным и бодрым, как будто с него волшебством сбросили лет тридцать-сорок. Проницательный суровый взгляд, спокойная загадочная улыбка, глубокий сильный голос. Чрезвычайно любезно он подвел Хиссуна к столу и предложил ему какого-то редкого игристого вина глубокого алого цвета. Хиссун предусмотрительно отпивал из бокала очень редко, крошечными глотками. Верховный глашатай взял на себя и инициативу в беседе, чему Хиссун совершенно не противился. Начав с обычных светских любезностей, они постепенно перешли к более серьезным темам, прежде всего беспорядкам в Зимроэле и на западе Алханроэля (у Хиссуна быстро сложилось впечатление, что, несмотря на опыт и здравомыслие Хорнкаста,

все, что творится за пределами Лабиринта, тревожит его не больше, чем события в каком-то ином мире). Затем верховный глашатай перешел к неожиданной смерти Элидата, выразил надежду, что Хиссун, вернувшись на Гору, передаст его глубокие соболезнования, и при этом пристально смотрел на Хиссуна, как бы намекая: *я знаю, что кончина Элидата повлекла за собою коренное изменение порядка преемственности и что ты занял самое выигрышное положение, и поэтому, дитя Лабиринта, я крайне пристально наблюдаю за тобой*. Хиссун ожидал, что Хорнкаст, располагающий исчерпывающей информацией из внешнего мира, перейдет теперь к проблеме безопасности лорда Валентина, но, к его изумлению, высокопоставленный сановник понтификата решил поговорить о других, более приземленных вещах, в частности, об определенных нехватках, которые обнаруживаются сейчас в житницах Лабиринта. «Несомненно, эта тема была весьма болезненной для Хорнкаста», — думал Хиссун, но целью его поездки было обсуждение совсем иных вещей. Поэтому, воспользовавшись паузой в речах верховного глашатая, Хиссун все же перебил его:

— Мне кажется, что не стоит и далее обходить

молчанием важнейшее, на мой взгляд, из событий последнего времени — исчезновение лорда Валентина.

Эта реплика сразу нарушила непробиваемую вроде бы уравновешенность Хорнкаста; его глаза широко раскрылись, ноздри раздулись, а губы вдруг мелко задрожали.

— То есть как — исчезновение?

— Когда лорд Валентин отправился в путешествие по Пьюрифайну, мы утратили контакт с ним и так и не смогли восстановить его.

— Позвольте поинтересоваться: что корональ делал в Пьюрифайне?

Хиссун чуть заметно пожал плечами:

— Как мне дали понять, это была некая сугубо деликатная миссия. Во время той самой бури, которая лишила жизни Элидата, он потерял своих спутников. С тех пор мы ничего о нем не знаем.

— Вы считаете, что корональ погиб?

— Откровенно говоря, не имею понятия, а строить догадки — дело неблагодарное. Можете не сомневаться, что мы предпринимаем все возможные меры для восстановления контакта. Но я думаю, что мы должны, увы, считаться и с вероятностью смерти лорда Валентина. В Замке уже обсуждали такую перспективу. И выработали

первые наметки плана преемственности власти.

— Вот как?

— И, конечно, для этого плана первостепенное значение должно иметь состояние здоровья понтифика.

— Ах… да… Безусловно, понимаю вас.

— Осмелюсь предположить, что понтифик пребывает в неизменном состоянии?

Хорнкаст ответил далеко не сразу; он долго смотрел на Хиссуна неприятно оценивающим взглядом, как будто вел какие-то сложные политические расчеты, но в конце концов сказал:

— Вы не хотели бы нанести визит его величеству?

Этого предложения Хиссун едва ли не меньше всего ожидал от верховного глашатая. Визит понтифику? Он никогда и подумать не смел о таком! И сейчас он не сразу сумел вернуть лицу невозмутимое выражение, но все же ответил почти равнодушным тоном:

— Почту за высокую честь.

— В таком случае пойдемте.

— Сейчас?

— Сейчас, — подтвердил Хорнкаст.

Верховный глашатай дал сигнал, тут же появились слуги и принялись убирать остатки трапезы,

и уже через несколько минут Хиссун уже сидел бок о бок с Хорнкастом в маленькой курносой летающей лодке и ехал по узкому туннелю, спускаясь еще ниже. Потом машину пришлось покинуть и еще немного пройти пешком по коридору, где перед ними через каждые пятьдесят шагов распахивались, чтобы вновь плотно закрыться за спиной, тяжелые бронзовые двери. Хорнкаст открывал их, прикладывая ладонь к ничем не выделяющемуся участку каждой двери, и в конце концов, повинуясь его прикосновению, открылась последняя дверь, украшенная инкрустированным золотым символом Лабиринта, и они оказались в тронном зале верховного правителя.

Сердце Хиссуна со страшной силой колотилось в груди. Понтифик! Старый безумец Тиверас! Чуть ли не всю свою жизнь он сомневался, что этот человек вообще существует. Как дитя Лабиринта он всегда воспринимал понтифика неким сверхъестественным существом, прячущимся от всех здесь, в глубине, отшельником, тайно повелевающим миром, и даже сейчас, когда Хиссун свел короткое знакомство с принцами, герцогами, ближайшим окружением короналя, да и с самим короналем, понтифик все равно

оставался для него кем-то недосягаемым, обитающим в своем собственном царстве, невидимым, непознаваемым, невообразимо далеким от мира рядовых сущих.

И вот он перед ним.

Все в точности соответствовало легендам. Шар из голубого стекла, трубки, трубочки, провода, зажимы, чуть слышно побулькивающие разноцветные жидкости, втекающие в камеру жизнеобеспечения и вытекающие из нее, и в этом шаре старый, неимоверно старый человек, неестественно прямо сидящий на троне с высокой спинкой, поставленном на три небольшие ступеньки. Глаза понтифика были открыты. Но видели ли они что-нибудь. Был ли он вообще жив?

— Он больше не говорит, — пояснил Хорнкаст. — Это последнее из изменений в его состоянии. Но Сепултров, врач, утверждает, что мозг работает и в теле имеется жизненная сила. Подойдите на шаг-другой. Присмотритесь. Видите? Видите? Он дышит. Он моргает. Он жив. Он совершенно определенно жив.

Хиссуну казалось, будто он наткнулся на реликт былых времен, чудом сохранившееся доисторическое существо. Тиверас! Корональ

при понтифике Оссьере; сколько же поколений назад это было? Пережиток давней истории. Этот человек своими глазами видел лорда Кинникена. Он уже был стар, когда лорд Малибор пришел в Замок. И он все еще здесь, он жив, если, конечно, это состояние действительно является жизнью.

— Можете приветствовать его, — сказал Хорнкаст.

Хиссун знал требования этикета: прямо обращаться к понтифику нельзя, следует адресовать свои слова верховному глашатаю, а тот якобы доносил их до понтифика. Но правило это обычно не исполнялось в точности.

— Прошу вас передать его величеству приветствие от принца Хиссуна, сына Эльсиномы, явившегося нижайше выказать ему свои преданность и почтение.

Понтифик ничего не ответил. Понтифик ничем не показал, что слышал его.

— Еще недавно, — сказал Хорнкаст, — он в ответ на обращенные к нему слова издавал звуки, которые я научился понимать. Но теперь этого нет. Он не говорит уже несколько месяцев. Но мы все равно разговариваем с ним, даже несмотря на это.

— Передайте понтифику, — сказал Хиссун, —

что весь мир горячо любит его и что мы неизменно поминаем его в своих молитвах.

Молчание. Понтифик хранил полнейшую неподвижность.

— Еще скажите понтифику, — продолжал Хиссун, — что мир вращается в извечном порядке, что невзгоды приходят и уходят и что величие Маджипура будет сохранено.

Молчание. Никакой реакции.

— Вы закончили? — осведомился Хорнкаст.

Хиссун не сводил взгляда с непостижимой фигуры в стеклянном шаре. Он страстно желал, чтобы Тиверас простер к нему руку в благословляющем жесте, желал услышать от него пророческие слова. Но твердо знал, что ничего этого не случится.

— Да, — сказал он. — Я закончил.

— В таком случае пойдемте.

Верховный глашатай пропустил Хиссуна вперед. Выйдя из тронного зала, тот осознал, что его роскошные одежды промокли от пота и колени дрожат. Тиверас! «Даже если я проживу столько же, сколько он, — думал Хиссун, — все равно никогда не забуду этого лица, этих глаз, этого голубого стеклянного шара».

— Это молчание — новая фаза в его бытии, — сказал Хорнкаст. — Сепултров уверяет, что он

еще силен, и, вероятно, так и есть. Но не исключено, что это начало конца. Должен же когда-то настать конец, даже со всеми этими машинами.

— Вы думаете, это случится скоро?

— Молюсь об этом, но знать не знаю, как оно обернется. Мы ничего не делаем, чтобы ускорить его кончину. Решение за лордом Валентином… или его преемником, если Валентина больше нет на свете.

— Если лорд Валентин погиб, — сказал Хиссун, — то новому короналю предстоит немедленное возвышение в ранг понтифика. Если, конечно, он не решит еще продлить жизнь Тивераса.

— Воистину. Но если лорд Валентин умер, то кто же тогда, по вашему мнению, станет новым короналем?

Хорнкаст смотрел на него безжалостным испытующим взглядом. Хиссун почувствовал, что начинает обугливаться под огнем этих глаз, что его достигнутая с таким трудом практичность, ощущение того, кем он стал и чего ему суждено достичь, рассыпались в прах, оставив его растерянным и беззащитным. И явилось ужасающее видение того, как он стремительно, будто подброшенный катапультой, взлетает вверх, в круг

Властителей, становится в одно прекрасное утро короналем, приказывает отсоединить к полудню все эти трубки и провода, а к закату делается понтификом. Но ведь это же абсурд, в панике убеждал он себя. *Я? Понтифик? Через месяц?* Это можно было воспринимать лишь как шутку. Он сосредоточился, чтобы восстановить утраченное было равновесие, и с немалым усилием вернулся к своей первоначальной стратегии, которая в Замке казалась ему совершенно очевидной: если Валентин умер, короналем должен стать Диввис, после чего умирает наконец Тиверас, и Диввис переезжает в Лабиринт. Так должно быть — так и будет! Только так и не иначе.

— Конечно, о выборах преемника не может быть и речи, пока не станет доподлинно известно, что корональ мертв, мы же ежедневно возносим молитвы за его благополучие. Но если выяснится, что лорда Валентина действительно постигла скорбная участь, уверен, что принцы Замка сочтут за благо предложить взойти на трон сыну лорда Вориакса.

— Ах, вот как…

— И если события пойдут таким образом, то среди нас найдется влиятельная группа, считающая, что понтифика Тивераса следует наконец

отпустить к Источнику.

— Ах, вот как… — повторил Хорнкаст, — вот как… Вы с исчерпывающей прямотой изложили свое видение обстановки, не так ли? — Он еще один, последний раз, встретился с Хиссуном холодным, проницательным, всевидящим взглядом. А потом этот взгляд стал мягче, как будто глаза подернулись вуалью, и вдруг верховный глашатай сделался всего лишь дряхлым стариком на исходе затянувшегося утомительного дня. Хорнкаст отвернулся и медленно заковылял к дожидавшейся их летающей лодке.

— Пойдемте, принц Хиссун, — сказал он. — Уже поздно.

Время действительно было позднее, но Хиссун никак не мог заснуть. «Я видел понтифика, — снова и снова повторял он себе. — Я видел понтифика». Так он ворочался без сна половину ночи, в его голове неизменно пылал образ древнего Тивераса; и когда пришел сон, этот образ не смягчился, но разгорелся еще ярче — понтифик на троне, заключенный в стеклянный шар. «И плакал ли понтифик? — думал Хиссун. — И если плакал, то о ком?»

На следующий день, около полудня, Хиссун в сопровождении официального эскорта совершил

поездку наверх, во внешнее кольцо Лабиринта — во Двор Гуаделума, в обшарпанную квартирку, где так долго жил.

Эльсинома доказывала, что этого делать не следует, что посещение чуть ли не трущобного закоулка Двора Гуаделума, пусть даже ради свидания с родной матерью, будет вопиющим нарушением этикета со стороны принца Замка. Но Хиссун отмел все возражения.

— Мама, ты ни в коем случае не должна приходить ко мне. Я сам навещу тебя.

За то время, что они не виделись, она вроде бы не сильно изменилась. Разве что казалась сильнее, бодрее, даже повыше ростом, чем прежде. И еще, подумал он, в ее поведении появилась непривычная осмотрительность. Он раскрыл ей объятия, и она тоже вскинула руки, но нерешительно, как будто не узнавала родного сына.

— Мама! — сказал он. — Мама, ты ведь узнаешь меня, правда?

— Надеюсь на это.

— Мама, я не изменился.

— Твоя осанка… взгляд… одежда…

— Я все тот же Хиссун.

— Регент Маджипура принц Хиссун. И ты уверяешь, что не изменился?

— Мама, все меняется. Но кое-что остается прежним.

Она вроде бы немного смягчилась, позволила себе слегка расслабиться и принять своего сына в новом качестве. Он шагнул вперед и обнял ее.

Почти сразу же она отступила на шаг.

— Хиссун, что будет с миром? Ходят просто ужасающие слухи! Говорят, что целые провинции голодают. Что появляются самопровозглашенные коронали. И лорд Валентин… где лорд Валентин? Мы здесь, внизу, очень мало знаем о событиях наверху. Хиссун, что происходит в мире?

Хиссун покачал головой.

— На все воля Божества. Но, мама, можешь не сомневаться: если вообще для мира существует спасение от этих бед, мы спасем его.

— Когда я слышу от тебя это «мы», у меня бежит озноб по коже. Порой я в снах вижу тебя в Замке, среди великих лордов и принцев — вижу, как они смотрят на тебя, как они спрашивают о твоем мнении. Но разве такое возможно? Я начинаю кое-что понимать… знаешь, Владычица часто навещает меня в сновидениях, но все равно мне нужно так много понять… необходимо так много…

— Говоришь, Владычица часто навещает тебя?

— Бывает, даже два, а то и три раза в неделю. Неслыханная честь для меня. Но и это меня тревожит: я вижу ее усталой до изнеможения, ощущаю тяжкое бремя, гнетущее ее душу. Она приходит, чтобы поддержать меня, но, знаешь, я порой чувствую, что и сама должна помочь ей, поделиться с нею силой, дать ей поддержку…

— Так оно и есть, мама.

— Я правильно поняла тебя, Хиссун?

Он довольно долго молчал, оглядывая неприглядную комнатушку, старую, знакомую с раннего детства, обстановку, обветшавшие до дыр занавески, потертую мебель и думая о покоях, в которых провел минувшую ночь, и своих апартаментах на Замковой горе, и наконец сказал:

— Тебе недолго осталось жить здесь, мама.

— И куда же, по-твоему, я перееду?

Он снова замялся и негромко сказал:

— Я думаю, меня сделают короналем. И когда так случится, ты должна будешь переселиться на Остров и заняться новым, очень трудным делом. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Безусловно.

— И ты готова, мама?

— Я сделаю то, что должна, — ответила она, улыбнулась и тряхнула головой, будто не веря

своим ушам. Потом еще раз тряхнула головой, отбрасывая недоверие, и потянулась вперед обнять сына.

Глава 9

— Да будет слово провозглашено! — объявил Фараатаа.

Был час огня, полдень, и солнце над Пьюрифайном стояло в зените. Дождя сегодня не должно быть, дождь сегодня недопустим, ибо наступил день провозглашения слова, а это можно осуществить, лишь если с неба не падает ни капли воды.

Он стоял на высоченном помосте, сплетенном из ивовых ветвей, лицом к огромной поляне, которую расчистили в джунглях его последователи. Были повалены тысячи деревьев, на груди земли открылась широкая рана, и эту просторную пустошь, насколько хватал глаз, занимал, стоя плечом к плечу, его народ. По обе стороны от Фараатаа возвышались крутые пирамиды новых храмов, почти не уступавшие высотой его помосту. Их построили из скрещенных бревен, скрепленных в древние узоры, а на вершинах установили два знамени искупления, красное и желтое. Здесь, в джунглях, находился Новый Велализир. На будущий год в это же время, решил Фараатаа, эти обряды пройдут уже за морем, в

истинном Велализире, который наконец будет заново освящен.

Он произвел Пять превращений, легко и спокойно переходя от формы к форме: Красной женщины, Слепого великана, Освежеванного мужчины и Последнего короля, и каждое Превращение сопровождалось яростным шипением наблюдавших за ним, и когда он совершил пятое из Превращений и оказался перед ними в облике Грядущего принца, восторг достиг наивысшей степени. Его имя уже выкрикивали все громче и громче:

— Фараатаа! *Фараатаа!* ФАРААТАА!

— Аз есмь Грядущий принц и Явленный король! — выкрикнул он вслух то, что так часто кричал в своих снах.

И они ответили:

— Да здравствует Грядущий принц и Явленный король!

И он сказал:

— Соедините руки, слейте души — и воззовем к водяным королям.

И они соединили руки и души, и он почувствовал, как их сила вливается в него, и послал призыв:

— Братья в море!

Он слышал их музыку. Он ощущал их гигантские тела, волнующие глубины. Все короли откликнулись на зов: Маазмоорн, Гироуз, Шеитоон, Дийиз, Нарайин и другие. И присоединились, и влили свою силу, и сделались рупором для его слов.

И его слова устремились над миром, во все земли, ко всем, обладавшим способностью слышать:

— Внемлите, вы, кто враги нам! Знайте, что вам объявлена война, и вы уже побеждены. Пришла пора расплаты. Вам не устоять против нас. Вам не устоять против нас. Вы уже погибаете, и нет вам спасения.

А внизу, на поле, его народ кричал:

— Фараатаа! Фараатаа! Фараатаа!

Его кожа обретала блеск. Его глаза начинали светиться. Он становился Грядущим принцем, он становился Явленным королем.

— Четырнадцать тысяч лет вы владели этим миром, но теперь мы вернули его себе. Убирайтесь отсюда, пришельцы! Забивайтесь в свои корабли и проваливайте на звезды, откуда явились. Этот мир наш. Убирайтесь!

— Фараатаа! Фараатаа!

— Убирайтесь, или ощутите всю силу нашего гнева! Убирайтесь, или будете низвергнуты в

море! Убирайтесь, или вас не останется вовсе!

— Фараатаа!

Он широко развел руки. Он открыл всего себя потоку энергии, струящемуся от тех, чьи слитые воедино души волновались сейчас перед ним, и от водяных королей, бывших его опорой и поддержкой. Он знал, что время изгнания и скорби завершалось. Священная война почти выиграна. Захватчики их мира, расползшиеся по нему, как рой насекомых-вредителей, вот-вот будут сокрушены.

— Внемлите мне, о враги. Я — Явленный король!

И беззвучные голоса подхватили с оглушительной силой:

— Внемлите ему, о враги. Он Явленный король!

— Ваше время истекло! Час настал! Вам воздастся за ваши злодеяния, и никому из вас не уцелеть!

— Убирайтесь из нашего мира!

— Фараатаа! — кричали они в голос. — Фараатаа! Фараатаа!

— Аз есмь Грядущий принц и Явленный король!

И они отвечали ему:

— Да здравствует Грядущий принц, который есть Явленный король!

Часть IV
Книга понтифика

Глава 1

— Удивительный день, мой повелитель. Корональ должен, как попрошайка, обращаться за милостыней к Королю Снов, — сказал Слит, защищая лицо ладонью от горячего ветра, неумолимо дувшего им навстречу из Сувраэля. Еще несколько часов, и они причалят в Толагае, крупнейшем из портов южного континента.

— Нет, Слит, — вполголоса ответил Валентин, — не как попрошайка, а как брат по оружию, предлагающий объединить силы против общего врага.

Карабелла удивленно обернулась к нему.

— Брат по оружию? Никогда прежде не слышала от тебя таких воинственных речей.

— Но ведь мы на войне, верно?

— И ты будешь сражаться? И собственными руками пресекать жизнь?

Валентин пристально всмотрелся в ее лицо, заподозрив, что она почему-то решила недобро поддразнить его, но взгляд ее, как всегда, был полон ласки и любви.

— Ты же знаешь, что я ни за что на свете не стану проливать кровь. Но ведь воевать можно

и по-другому. Я уже воевал однажды, и ты была тогда рядом со мной — разве тогда я пресекал чью-нибудь жизнь?

— Но ведь кто тогда оказался вашими врагами? — резко бросил Слит (когда поблизости имелись посторонние, как сейчас, на корабле, он всегда соблюдал в речах формальный этикет). — Ближайшие друзья, обманутые меняющими облик! Элидат, Тунигорн, Стазилейн, Миригант — ведь все они вышли против вас. Естественно, вы щадили их! И вы хотели не истребить Элидата и Мириганта, а лишь привлечь их на свою сторону.

— Доминин Барджазид отнюдь не был моим близким другом. Но я пощадил и его; думаю, сейчас следует порадоваться этому.

— Да, вы проявили высокое милосердие. Но сейчас у нас совсем иной враг. Метаморфы — это гниль, жестокие черви…

— Слит!..

— Да, мой повелитель, они именно таковы! Твари, поклявшиеся уничтожить все, что мы построили в нашем мире.

— В *их* мире, Слит, — возразил Валентин. — Не забывайте, что это их мир.

— Был когда-то, мой повелитель. Они безого-

ворочно уступили его нам. Их всего несколько жалких миллионов, на планете, где хватит места…

— Стоит ли в очередной раз возобновлять этот надоевший спор, — вмешалась Карабелла, явно с трудом сдерживая раздражение. — Неужели вам нипочем огненное дыхание Субраэля, что у вас остаются силы на пустую болтовню?

— Я лишь хотел сказать, моя госпожа, что в войне за возвращение на престол можно было одержать победу, распахнув противнику дружеские объятия. Но сегодня у нас совсем другой враг. Фараатаа одержим ненавистью. Он не успокоится, пока жив хоть кто-то из нас, и вы считаете, что его можно победить любовью? Вы и впрямь так считаете, мой повелитель?

Валентин отвел взгляд.

— Чтобы Маджипур снова стал единым, мы используем все доступные нам меры и средства.

— Если вы искренни в своих словах, то должны настроиться на истребление врагов, — мрачно сказал Слит. — Не просто запереть их в джунглях, как сделал когда-то лорд Стиамот, а стереть их с лица земли, полностью вырезать их, навсегда ликвидировать угрозу цивилизации, которую они представляют собой…

— Стереть? Вырезать? Ликвидировать? — Валентин рассмеялся. — Слит, ты рассуждаешь, как доисторический человек!

— Мой повелитель, он имел в виду все это не в буквальном смысле, — поспешила вмешаться Карабелла.

— Да неужели? А по-моему — в самом буквальном. Верно, Слит?

Тот пожал плечами.

— Вы же знаете, что ненависть к метаморфам появилась у меня не сама собой, а частично является результатом послания — послания из тех самых земель, что лежат перед нами. Но даже невзирая на это, я считаю, что за все причиненное зло они заслужили смерть. И не собираюсь оправдываться в своем убеждении.

— И ты готов уничтожить миллионы живых мыслящих существ за преступления их предводителей? Слит, Слит, да ведь *ты* один опаснее для нашей цивилизации, чем десятки тысяч метаморфов!

На обычно бледных впалых щеках Слита выступила краска, но он промолчал.

— Не ищи в моих словах обиды, — добавил Валентин. — Я вовсе не хотел тебя обидеть.

— Короналю вовсе незачем просить прощения

у кровожадного варвара, состоящего у него на службе, — глухо ответил Слит.

— У меня и в мыслях не было смеяться над тобой. Я не согласен с тобой, вот и все.

— В таком случае останемся несогласными, — сказал Слит. — Будь я короналем, я истребил бы их всех.

— Но корональ я — по крайней мере, в некоторых частях мира. И пока я ношу этот титул, буду искать пути выиграть эту войну без истребления и ликвидации. Это тебя устроит?

— Меня устроит все, что решит корональ, и вы отлично знаете это, мой повелитель. Я лишь говорю вам, как поступил бы, если бы был короналем.

— Да избавит тебя Божество от такой участи, — сказал Валентин с вымученной улыбкой.

— И вас, мой повелитель, от необходимости отвечать насилием на насилие, ибо знаю, что это не в вашем характере, — ответил Слит, улыбнувшись еще принужденнее, и продолжил, отдав официальный салют: — Мы уже скоро будем в Толагае, а у меня еще не все предусмотрено. Позвольте покинуть вас, мой повелитель.

Валентин несколько секунд провожал взглядом своего советника и ближайшего помощника,

удалявшегося по палубе, а потом, прикрыв глаза ладонью от жгучего солнца, уставился навстречу ветру на южный континент, превратившийся уже в темную неровную ленту, опоясывающую весь горизонт.

Сувраэль! От одного этого слова по коже бежали мурашки.

Он никогда не думал, что доведется побывать здесь, на этом пасынке среди континентов Маджипура, в позабытом и заброшенном малонаселенном месте, унылом и засушливом, почти сплошь покрытом бесплодными труднопроходимыми пустынями, так мало похожем на остальную часть Маджипура, что можно было подумать, что это вообще кусок какой-то другой планеты. Хоть здесь и жили миллионы людей, собравшиеся в полудюжине городов, разбросанных по наименее непригодным для проживания регионам, Сувраэль уже много веков поддерживал с двумя основными континентами весьма ограниченные связи. Чиновники центрального правительства, которых отправляли туда работать на несколько лет, воспринимали назначение как ссылку. Известно было, что мало кто из короналей бывал там. Валентин слышал, что Сувраэль посетил лорд Тиверас в ходе одного

из своих великих паломничеств, и подумал, что некогда то же самое сделал и лорд Кинникен. И, конечно, все знали о знаменитом подвиге Деккерета, скитавшегося по Пустыне украденных снов в компании основателя династии Барджазидов, но это произошло задолго до того, как он стал короналем.

Из всего, что поставлял Сувраэль, на жизнь Маджипура как-то влияли только три вещи. Во-первых, ветер: из Сувраэля круглый год изливался поток обжигающего воздуха, который жестоко обрушивался на южные берега Алханроэля и Зимроэля и делал жизнь там почти столь же тяжелой, как и на самом Сувраэле. Во-вторых, мясо: на западной стороне пустынного континента туманы, поднимающиеся с моря, уходили далеко вглубь суши, обеспечивая влагой обширные пастбища, где разводили скот для отправки на другие континенты. И третьей из важнейших статей экспорта Сувраэля были сновидения. Уже тысячу лет Барджазиды входили в число Властей Маджипура и правили из своего великого домена, раскинувшегося вокруг Толагая: с помощью усиливающих мысли устройств, секрет которых ревностно охраняли, они наполняли мир своими Посланиями, строго, даже безжалостно прони-

кали в души, искали и находили любого, кто причинил вред согражданам или даже не воспрепятствовал подобному деянию, оказавшись его свидетелем. Барджазиды являлись, на свой суровый манер, совестью всего мира и долгое время служили жезлом и бичом, с помощью которых корональ, понтифик и Владычица Острова могли претворять в жизнь свой более мягкий и деликатный способ правления.

Метаморфы поняли могущество Короля Снов и, когда в начале правления Валентина глава Барджазидов, старый Симонан заболел, предприняли первую попытку переворота — они ловко подменили умирающего одним из своих. Что привело тогда к узурпации престола лорда Валентина младшим сыном Симонана, Доминином, хотя тот совершенно не подозревал, что на безрассудные действия его толкал вовсе не родной отец, а метаморф, присвоивший себе его внешность.

«И все же, — думал Валентин, — Слит в чем-то прав: не бывало еще такого, чтобы корональ обращался к Барджазидам чуть ли не как проситель, когда его трон уже не в первый раз оказывается в опасности».

В Суврaэль он отправился почти случайно. Вы-

бираясь и Пьюрифайна, Валентин и его спутники решили, что идти на северо-восток, в мятежный Пилиплок, будет неразумно, взяли резко на юго-восток, так как на побережье, прилегающем к Гихорне, нет ни одного портового города. В результате они оказались на полуострове, являющемся крайней юго-восточной оконечностью Зимроэля, в лежащей на отшибе от прочих населенных мест провинции Беллатул, влажной тропической местности, где росла высокая трава с режущими, как отточенная пила, листьями, залегали отвратительно воняющие трясины и водились пернатые змеи.

Населяли Беллатул в основном рассудительные, с виду угрюмые пучеглазые хьорты с огромными ртами, заполненными рядами упругих жевательных хрящей. Большинство из них зарабатывали себе на жизнь судоходством, перевозя промышленные товары со всего Маджипура в Сувраэль, где меняли на скот. Поскольку недавние мировые потрясения привели к резкому падению производства и почти полному прекращению перевозок между провинциями, оказалось, что обороты торговцев Беллатула значительно сократились, но, по крайней мере, там не было голода, потому что провинция по большей части само-

стоятельно обеспечивала себя продовольствием, полагаясь на развитый рыболовный промысел, а незначительное, в общем-то, сельское хозяйство не было затронуто болезнями, поразившими другие регионы. Обстановка в Беллатуле казалась спокойной, и провинция хранила верность центральному правительству.

Валентин рассчитывал найти корабль, который отвез бы его на Остров, где он намеревался еще раз обсудить стратегические планы с матерью. Но местные судовладельцы и капитаны решительно отговаривали его.

«Уже несколько месяцев туда не может пройти ни один корабль, — говорили они. — Там безумствуют драконы, они топят все суда, которые удаляются от берега или пытаются добраться до Архипелага. Плавание на север или на восток будет самоубийством». Они считали, что драконьи стада обойдут юго-восточную оконечность Зимроэля и уйдут в северные воды не раньше, чем через шесть, а то и восемь месяцев, и лишь тогда можно будет возобновить морское сообщение.

Перспектива застрять в далеком и безвестном Беллатуле ужаснула Валентина. Возвращаться в Пьюрифайн было явно бессмысленно, а любой переход по суше в обход провинции метаморфов

в бескрайнюю центральную область континента был бы рискованным и очень долгим. Но нашелся еще один вариант. «Мы можем отвезти вас в Сувраэль, ваше высочество, — сказали капитаны. — Драконы вообще не входили в южные воды, и путь туда совершенно свободен». Сувраэль? На первый взгляд идея показалась странной. Но затем Валентин подумал: а почему бы и нет? Помощь Барджазидов вполне могла оказаться полезной, и, уж конечно, не следовало отказываться от нее заранее. К тому же вполне мог существовать морской путь с южного континента на Остров или на Альханроэль, так или иначе огибающий область, где в невиданном количестве собрались непокорные морские драконы. Да. Да!

Что ж, значит, Сувраэль.

Плавание оказалось непродолжительным. И вот небольшая флотилия беллатулских судов, уверенно преодолевая горячий встречный ветер, входила в гавань Толагая.

Город, изнывавший на послеполуденной жаре, представлял собой унылое место. Безликое скопление грязно-желтых одно- и двухэтажных домишек, тянувшееся, насколько хватало глаз, вдоль берега и до гряды невысоких холмов, которые отмечали границу между прибрежной

равниной и суровой внутренней пустыней. Когда короналя со свитой препровождали на берег, Карабелла с тревогой взглянула на Валентина. Он ободряюще улыбнулся ей, но твердой уверенности в его лице не было. Можно было подумать, что они находятся не в десяти тысячах миль от Замковой горы, а в десяти миллионах.

Но перед зданием таможни ожидали пять роскошных летающих лодок, раскрашенных широкими пурпурными и желтыми полосами — цветами Короля Снов. Перед машинами стояли охранники в мундирах тех же цветов, а как только подошли Валентин и Карабелла, из одной из лодок вышел рослый крепкий мужчина с окладистой черной бородой, чуть тронутой сединой, и, прихрамывая, направился к ним навстречу.

Валентин отлично помнил эту хромоту, потому что некогда эта хромая нога принадлежала ему. Как и все тело с черной бородой, поскольку в нем находился Доминин Барджазид, бывший узурпатор власти, тот самый, по приказу которого личность лорда Валентина переселили в тело какого-то неизвестного золотоволосого мужчины, а его тело Барджазид забрал себе, чтобы в этом облике править на Замковой горе. И охромело это тело, когда с Валентином еще в юности про-

изошел дурацкий несчастный случай, когда он в компании Элидата катался верхом в карликовом лесу на Горе, близ Амблеморна.

— Добро пожаловать, мой повелитель, — очень тепло произнес Доминин Барджазид. — Вы оказали нам высокую честь этим визитом, на который мы надеялись уже много лет.

Он с видимым смирением приветствовал Валентина знаком пылающей звезды — и корональ заметил, что рука его при этом дрожала. Валентин и сам был сильно взволнован — ведь едва ли кому еще удавалось увидеть свое прежнее тело принадлежащее теперь другому человеку, и сейчас он испытывал тревожные и невеселые переживания. Победив Доминина, он отказался от рискованной попытки вернуть это тело себе, и все же сейчас пришел в немалое замешательство, увидев чужую душу, глядящую на мир его глазами. И, конечно, он был глубоко взволнован тем, что бывший преступник полностью раскаялся, очистился от греха предательства и совершенно искренен в своем гостеприимстве.

Кое-кто из сторонников Валентина считал, что Доминина следует казнить за его преступление. Но Валентин никогда не поддерживал таких разговоров. Возможно, какие-то правители

доисторических варваров могли карать своих врагов смертью, но ни одно преступление — даже покушение на жизнь короналя — на Маджипуре не наказывалось столь строго. К тому же свергнутый Доминин повредился рассудком, узнав, что тот, кого он считал своим отцом, Королем снов, оказался двойником-метаморфом.

Как-то еще наказывать и без того сокрушенного человека было бы просто бессмысленно. Вернувшись на трон, Валентин помиловал Доминина и передал его родным, которые доставили его обратно в Сувраэль. Там он постепенно выздоровел. Через несколько лет он попросил разрешения приехать в Замок, чтобы попросить прощения у короналя. «Я уже простил вас», — ответил Валентин, но Доминин все же приехал, смиренно и искренне преклонил колени перед ним в день аудиенции в тронном зале Конфалюма и очистил свою душу от бремени измены.

Теперь, думал Валентин, обстоятельства в корне переменились: он оказался в личных владениях Доминина в качестве едва ли не беженца.

— Мой венценосный брат Минакс поручил мне, мой повелитель, проводить вас во дворец Барджазидов, где вы будете нашим гостем. Вы

согласитесь поехать в моем обществе в передней машине?

Дворец находился в изрядном отдалении от Толагая, в суровой, даже неприглядной долине. Валентин частенько видел во сне это зловещее, пугающее сооружение из темного камня, увенчанное фантастическим множеством башен с острыми шпилями и угловатыми парапетами. Очевидно, так и было задумано — чтобы он внушал страх с первого взгляда.

— Ужасно! — прошептала ему на ухо Карабелла, когда они подъехали поближе.

— Подожди, — ответил Валентин. — Немного подожди.

Место, куда они попали, миновав огромную мрачную въездную арку с поднятой решеткой, совершенно не походило на устрашающие виды, оставшиеся за оградой. В просторных двориках звучала нежная музыка фонтанов, тяжелую жару сменил прохладный ароматный ветерок. Выйдя с Карабеллой под руку из летающей лодки, Валентин прежде всего увидел поджидающих слуг с холодным вином и шербетами, услышал негромкую приятную музыку, которую играли выстроившиеся перед машиной музыканты. А посреди всего этого продуманного беспоряд-

ка выделялись две фигуры в свободных белых одеждах; один человек был бледен, с мягкими чертами лица и заметным брюшком, а второй, напротив, тощ, с ястребиным профилем, загорелый почти дочерна под солнцем пустыни. На лбу человека с ястребиным лицом красовалась ослепительная золотая диадема, указывающая на его принадлежность к кругу Властителей Маджипура. Валентин, не дожидаясь представления, понял, что это Минакс Барджазид, сменивший на троне Короля Снов своего покойного отца. Вторым, более мягким с виду, был, несомненно, его брат Кристоф. Оба синхронно изобразили салют пылающей звезды, и Минакс, выйдя вперед, лично поднес Валентину чашу охлажденного голубого вина.

— Мой повелитель, — сказал он, — вы посетили нас в необычно тяжелые времена. Но какой бы мрачной ни казалась нам эта минута, мы приветствуем вас с искренней радостью. Мы в большом долгу перед вами, мой повелитель. Все, чем мы владеем, и все силы, какими мы располагаем, в вашем распоряжении. — Судя по подбору слов, ритму и интонациям речи, он тщательно готовил и неоднократно репетировал свое приветствие. Но затем Король снов подался вперед,

так что его блестящие суровые глаза оказались всего в нескольких дюймах от глаз короналя, и совсем другим голосом, приглушенным и более глубоким, сказал: — Вы можете укрываться здесь столько, сколько пожелаете.

— Вы неправильно поняли меня, ваше высочество, — так же тихо ответил Валентин. — Я прибыл к вам в поисках не убежища, а за помощью в предстоящей борьбе.

Эти слова, похоже, озадачили Короля Снов.

— Не сомневайтесь, я помогу вам всем, что только в моих силах. Но вы и вправду надеетесь как-то отбиться от бедствий, обрушившихся на нас? Должен сказать вам, мой повелитель, что крайне внимательно изучаю мир, — он прикоснулся к диадеме, символу и орудию своей власти, — и не вижу никакой надежды, ровно никакой.

Глава 2

За час до заката в Ни-мойе снова поднялся шум: тысячи, а может быть, и сотни тысяч голосов скандировали, надрывая горло: «Таллимон! Таллимон! Лорд Таллимон! Таллимон! Таллимон!» Звуки этого яростного ликующего вопля катились по холмам отдаленного района Гимбелук и мощной, неудержимой волной вторгались в тихие окрестности Парка сказочных зверей.

Уже третий день шли демонстрации в честь новейшего из новых короналей, и сегодня восторг достиг наивысшего уровня. Скорее всего, он сопровождался беспорядками, грабежами, массовыми разрушениями. Но Ярмуза Хитайна это не волновало. Он уже пережил самый страшный, пожалуй, за всю свою продолжительную бытность заведующим парком день, когда ему пришлось усомниться едва ли не во всем, что он считал правильным, рациональным и разумным; так почему теперь он должен тревожиться из-за скандальчика, который какие-то дураки устроили в городе?

В тот день его на заре опасливо разбудил юный помощник.

— Сэр, вернулся Вингол Найил. Он ждет у восточных ворот.

— Он привез большую добычу?

— О да, сэр! Три грузовые лодки битком забиты, сэр!

— Сейчас приду, — сказал Ярмуз Хитайн.

Вингол Найил, ведущий полевой зоолог парка, последние пять месяцев находился в экспедиции в охваченных волнениями областях северной части центрального Зимроэля. Ярмуз Хитайн не испытывал к нему особой симпатии, считая нахальным, самовлюбленным и чрезмерно хвастливым — всякий раз, когда ему случалось подвергаться опасности в погоне за каким-нибудь неуловимым зверем, он прилагал массу усилий, чтобы довести до всеобщего сведения не только сам факт этой опасности, но и то, что она была поистине смертельной. Но при всех этих недостатках, он был великолепным профессионалом, удачливым, неутомимым, бесстрашным собирателем диких животных. И получив первые известия о том, что неведомые диковинные существа наводят панику на обитателей района между Кинтором и Дюлорном, Найил, не теряя времени даром, отправился туда.

Его поездка, судя по всему, оказалась успеш-

ной. Добравшись до восточных ворот, Ярмуз Хитайн увидел, что Найил деловито расхаживает по ту сторону розового облачка энергощита, не позволяющего непрошеным гостям входить на территорию, а редким животным — покидать ее. Зоолог наблюдал за разгрузкой множества деревянных ящиков, содержимое которых шипело, рычало, ворчало, ухало и жужжало на разные голоса. Увидев Хитайна, Найил заорал:

— Хитайн! Я такого привез, что вы не *поверите!*

— А должен поверить? — сдержанно спросил Ярмуз Хитайн.

Пополнение парка уже началось — весь оставшийся персонал таскал ящики, доставленные Найилом, через ворота в карантинный корпус, где животных предстояло пересадить в клетки, пока не станет ясно, как их содержать и чего от них ждать, после чего их можно будет выпустить в один из просторных открытых вольеров.

— Осторожно! — закричал Найил, увидев, что двое служителей, сражавшихся с массивной ношей, чуть не уронили ящик набок. — Если это животное вырвется на свободу, нам всем придется плохо, а вам — в первую очередь! — и пояснил, повернувшись к Ярмузу Хитайну: — Это насто-

ящий цирк ужасов. Хищники — одни только хищники! — зубы, как ножи, когти, как бритвы. Будь я проклят, если понимаю, как мне удалось вернуться живым. Наверное, полдюжины раз я думал, что мне конец, а ведь я даже не записал ни минуты из этих впечатлений в Регистр душ. Какая была бы потеря для цивилизации, какая потеря! Тем не менее я дома. Пойдемте, вы должны немедленно увидеть все это!..

Да, это поистине можно было назвать цирком ужасов. С утра и почти до вечера Ярмуз Хитайн наблюдал, как в клетках прибавлялись все новые и новые ужасные, невиданные и даже немыслимые животные — уроды, монстры, чудовищные аномалии.

— Эти рыскали прямо на окраинах Мазадона, — рассказывал Найил, указывая на пару маленьких злобных зверьков с огненно-красными глазами и тремя ужасающе острыми десятидюймовыми рогами, торчащими изо лба. Ярмуз Хитайн по густой рыжеватой шерсти узнал в них хайгусов — но никогда прежде он не видел, чтобы хайгус был рогатым и настолько злым. — Мерзкие маленькие убийцы, — продолжал Найил. — Я своими глазами видел, как они набросились на одичавшего блава и убили беднягу за пять минут

— подпрыгивали и протыкали ему брюхо. Я изловил их, пока они кормились, а потом доедать тушу прилетела эта тварь. — Он указал на темнокрылого канавонга со зловещим черным клювом и единственным злобным глазом посреди раздутого лба: невинный падальщик таинственным образом превратился в существо из кошмарного сновидения. — Вам случалось видеть что-нибудь столь же уродливое?

— Не случалось и, честно говоря, не хочется, — ответил Ярмуз Хитайн.

— А придется. Придется. Уродливее, злее, противнее. Загляните хотя бы в эти коробки.

Ярмузу Хитайну не очень-то хотелось смотреть туда. Он всю жизнь занимался животными — изучал их повадки, заботился о них. Любил их в самом прямом смысле слова. Но это… это…

— Посмотрите-ка сюда, — продолжал Найил. — Карликовый думкар, в десять раз меньше нормального и в пятьдесят раз проворнее. Он не станет сидеть на песке и ковырять его рылом в поисках обеда. Нет, эта маленькая злючка предпочитает бегать за добычей по следам и готова без лишних рассуждений отхватить кому угодно ногу по щиколотку, так как пасть у нее совсем не по размеру. Или вот, например: это же манку-

лейн, верно?

— Конечно. Но ведь в Зимроэле нет манкулейнов.

— Я тоже так думал, покуда не увидел вот этого типчика неподалеку от Велатиса, на обочине горной дороги. Очень похож на стойензарского манкулейна, согласны? Но есть, по крайней мере, одно отличие. — Он присел на корточки перед клеткой, в которой находилось округлое многоногое существо, и издал гортанный рокочущий звук. Манкулейн ответил таким же рокотом, угрожающе вздыбил длинные и острые, как стилеты, иглы, покрывавшие все его тело, и задергался, как будто хотел уязвить наблюдателя сквозь частую проволочную сетку. — Иглы — вовсе не единственное его оружие, — сказал Найил. — Они *ядовиты*. Всего одна царапина — руку разнесет, и она будет болеть целую неделю. Это я точно знаю. А вот что будет, если игла вонзится глубже, не знаю и совершенно не желаю этого знать. А вы?

Ярмуз Хитайн содрогнулся. Ему тошно было думать, что эти ужасные существа поселятся в Парке сказочных зверей, который был основан в незапамятные времена как резерват для безобидных и нежных по большей части животных, оказавшихся на грани исчезновения из-за

распространения цивилизации на Маджипуре. Конечно, в коллекции парка было довольно много хищников, и Ярмуз Хитайн никогда не испытывал желания оправдываться за их пребывание здесь, поскольку они как-никак были созданиями Божества, и если им приходилось убивать, то лишь ради пропитания, а не из-за какой-то врожденной порочности. Но эти… эти…

«Эти звери — зло, думал он. — Их необходимо уничтожить».

Эта мысль поразила его. Ничего подобного прежде не приходило ему в голову. Животные — зло? Разве могут животные быть злом? Он мог сказать: *я считаю это животное очень уродливым*, или, *я думаю, это животное очень опасно*, но воспринимать его как зло? Нет. Нет. Животные, даже такие, не способны быть злом. Зло должно обретаться где-то вне животных: в их создателях. Нет, даже не там. У них тоже имеются свои причины выпустить этих зверей в мир, и причина не в простой злонамеренности как таковой, если я не сильно ошибаюсь. Где же тогда зло? «Зло, — сказал себе Хитайн, — повсюду, это всепроникающее явление, которое скользит и просачивается между атомами воздуха, которым мы дышим. Это всеобщая порча, затронувшая

всех. Кроме животных».

Кроме животных.

— Откуда же, — спросил Ярмуз Хитайн, — у метаморфов нашлись знания и умения, чтобы создать таких тварей?

— Метаморфы, как выяснилось, знают и умеют очень много всего, а вот мы так и не удосужились ничего узнать о них. Они сидели в своем Пьюрифайне и год за годом выращивали этих зверей, пока не накопили их сколько считали нужным. Можете представить себе место, где содержалось бы много таких тварей, — зоосад ужасов, где одни чудовища? А теперь они расщедрились и поделились ими с нами.

— Но можем ли мы утверждать, что эти животные вышли из Пьюрифайна?

— Я очень тщательно проследил ареал распространения. Векторы расходятся из точки юго-западнее Илиривойна. Это работа метаморфов, никаких сомнений. Просто не может быть, чтобы две-три дюжины новых кошмарных видов животных одновременно появились в одной области Зимроэля в результате спонтанных мутаций. Хитайн, мы знаем, что идет война, и это — оружие.

Пожилой собеседник кивнул:

— Боюсь, что вы правы.

— Худшее я припас напоследок. Посмотрите-ка сюда.

В клетке из тонкой, но очень густой проволочной сетки Хитайн увидел целую стайку возбужденных крылатых созданий, которые носились по тесной коробке, врезались в стенки, яростно колотили их кожистыми крылышками, падали на пол, поднимались и снова атаковали свое узилище. Они были совсем маленькими, около восьми дюймов длиной, с непропорционально большими ртами и блестящими красными глазами, похожими на бусинки.

— Дхиимы, — сказал Найил. — Я наловил их в двикковом лесу за Боргаксом.

— Дхиимы? — хрипло повторил Хитайн.

— И-мен-но! Я застал их за поеданием парочки мелких лесных братьев, которых, полагаю, они сами и убили. Жрали так увлеченно, что даже не заметили моего приближения. Я опрыскал их снотворным спреем и стал собирать. Но не успел уложить всех в коробку, как несколько штук очухались. Знаете, Ярмуз, мне очень повезло, что удалось спасти пальцы.

— Я отлично знаю дхиимов, — сказал, помедлив, Хитайн. — Два дюйма длиной, спинка в

полдюйма шириной. А эти размером с крысу.

— Да. Летающие крысы. Плотоядные крысы. Гигантский плотоядный дхиим, как вам новая классификация? В отличие от обычного, который может лишь ущипнуть и оцарапать, способен за десять минут обглодать до костей лесного брата. Милашки, правда ведь? Представьте себе, что рой таких налетает на Ни-мойю! Миллион, два миллиона — как москиты. Снижаются. Жрут все, что подвернется. Этакая саранча — плотоядная саранча…

Хитайн почувствовал, что в нем нарастает несокрушимое спокойствие. Слишком уж много он увидел сегодня. Слишком уж сильно его сознание переполнилось ужасом.

— Они изрядно осложнят жизнь, — мягким тоном заме-тил он.

— Да уж, еще как осложнят! Придется нам всем ходить в броневых доспехах. — Найил расхохотался. — Дхиимы — их шедевр! Посудите сами, Хитайн, зачем делать бомбы, когда можно выпустить на врага рой этих мелких летучих кусак? Так ведь, скажете, нет?

Ярмуз Хитайн не ответил. Он смотрел на клетку, где метались взбешенные дхиимы, будто перед ним раскрылась пропасть, уходящая к самому

центру мира.

Издалека впервые за этот день донеслись скандирующие выкрики: «Таллимон! Таллимон! Лорд Таллимон!»

Найил нахмурился и поднес ладонь к уху, чтобы лучше слышать.

— Таллимон… Они орут имя какого-то Таллимона?

— Лорд Таллимон, — отозвался Хитайн. — Новый корональ. Новейший из новых короналей. Он объявился три дня назад, и каждый вечер на Ниссиморнском проспекте собираются толпы его сторонников.

— У нас вроде бы работал Таллимон. Это его родственник?

— Это он и есть, — ответил Хитайн.

Вингол Найил оторопел.

— Что? Шесть месяцев назад он выгребал навоз из клеток, а теперь он корональ? Разве такое возможно?

— Нынче любой может стать короналем, — язвительно заметил Ярмуз Хитайн. — Но, похоже, на неделю-другую, не дольше. Что, если скоро подойдет ваша очередь, Вингол? — Он хохотнул и добавил: — Или моя.

— Ярмуз, но как такое могло произойти?

Хитайн пожал плечами. Указал широким взмахом руки на только что доставленных Найилом животных: рычащих трехрогих хайгусов, карликового думкара, одноглазого канавонга, дхиимов; все диковинные и устрашающие, источающие темный голод и ярость.

— Как такое могло произойти? — повторил он. — Если на мир валом сыплются такие странности, почему бы не сделать короналем уборщика навоза? Сначала жонглеры, потом уборщики навоза, потом, может быть, зоологи. А почему бы нет? Разве плохо будет звучать: «Вингол! Лорд Вингол! Слава лорду Винголу!»

— Ярмуз, перестаньте.

— Вы счастливо прятались в лесах со своими дхиимами и манкулейнами. А я был вынужден наблюдать за всем происходящим здесь. Вингол, я очень устал. Я слишком много видел.

— Лорд Таллимон! Подумать только!

— Лорд такой, лорд сякой, лорд разэтакий… Последний месяц прямо нашествие короналей, да еще и пара понтификов объявилась. Но они недолго держатся. Надеюсь, однако, что хоть Таллимон протянет подольше. Может быть, он, по крайней мере, защитит парк, — сказал Хитайн.

— От кого?

— От разъяренной толпы. Там, внизу, масса голодных, а мы продолжаем кормить животных. Мне передавали, что в городе подстрекатели подбивают народ ворваться в парк и зарезать всех зверей на мясо.

— Вы серьезно?

– *Они,* судя по всему, настроены весьма серьезно.

— Но ведь эти животные бесценны, последние в своем роде!..

— Попробуйте убедить в этом голодающих людей, Вингол, — чуть слышно сказал Хитайн.

Найил уставился на него.

— Неужели вы действительно думаете, что лорд Таллимон захочет остановить толпу, если она вознамерится напасть на парк?

— Но ведь он когда-то работал здесь. Он знает, насколько важно то, чем мы тут занимаемся. И должен испытывать хоть немного любви к этим животным. Или вы так не считаете?

— Ярмуз, он всего лишь подметал клетки.

— И все же…

— Ярмуз, он ведь и сам может быть голоден.

— Положение тяжелое, но не отчаянное. Пока еще — не отчаянное! К тому же много ли мяса они добудут от нескольких костлявых сигимойнов,

димилионов и зампидунов? Там сотни народу, каждому на один укус, а для науки — невозместимая потеря!

— Толпа неспособна к логическому мышлению, — ответил Найил. — К тому же, подозреваю, вы переоцениваете своего навозного короналя. Он может ненавидеть все это заведение — ненавидеть свою работу, ненавидеть вас, ненавидеть животных. Более того, он может счесть выгодным с политической точки зрения привести своих сторонников сюда, на этот холм, чтобы немного подкормить. Он ведь знает, как пройти в ворота, правда?

— Ну, полагаю…

— Это знают все сотрудники, до последнего уборщика. Где находятся пульты, как нейтрализовать поле, чтобы можно было пройти…

— Он этого не сделает!

— Вполне может сделать. Ярмуз, примите меры. Вооружите персонал.

— Вооружить? Чем? Вы серьезно считаете, что у меня тут есть оружие?

— Этот парк уникален. Если животные погибнут, то мир потеряет их окончательно и бесповоротно. Ярмуз, вы несете за них ответственность.

Издалека — ну, уже ближе, чем прежде, подумал Хитайн, — доносились крики: «Таллимон! Лорд Таллимон!»

— Вам не кажется, что они уже идут сюда? — осведомился Найил.

— Он так не поступит. Не поступит!

«Таллимон! Лорд Таллимон!»

— Определенно, ближе, — сказал Найил.

Из-за открытой двери в дальнем конце помещения послышался шум. Вбежал, задыхаясь, один из садовников, окликнул Хитайна по имени и уставился на него безумными глазами.

— Сотни людей! — воскликнул он. — Тысячи! Идут сюда, в Гимбелук!

Хитайн почувствовал, что сейчас впадет в панику. Он обернулся к сотрудникам.

— Проверьте ворота. Убедитесь, что все крепко заперты. Потом начинайте запирать ворота… всех животных, находящихся в открытых вольерах, необходимо отогнать как можно дальше к северной оконечности парка. Там у них будет больше шансов спрятаться в лесу. И…

— Это не выход, — перебил его Вигнол Найил.

— А что еще можно сделать? У меня нет оружия, Вигнол. *У меня нет оружия!*

— У меня найдется.

— Что вы имеете в виду?

— Я сотни, тысячи раз рисковал жизнью, собирая животных для этого парка. Особенно трудно дались мне те, которых я только что привез. Я буду защищать их! — Он отвернулся от Ярмуза Хитайна. — Эй! помогите мне погрузить эту клетку!

— Вигнол, что вы делаете?

— Неважно. Занимайтесь воротами. — Не дожидаясь помощи, Найил принялся поднимать клетку с дхиимами на ту самую летающую тачку, на которой ее привезли сюда. И тут до Хитайна дошло, каким оружием намеревался воспользоваться Найил. Он метнулся вперед и ухватил зоолога за рукав. Найил легко оттолкнул его и, не слушая хриплых протестующих выкриков, направил тачку к выходу из здания.

Крики погромщиков из города, продолжавших скандировать имя своего главаря, звучали все громче и громче. Они уничтожат парк, думал оцепеневший от ужаса Хитайн. И все же… неужели Найил на самом деле…

Нет. Нет! Он выбежал за дверь и в едва начавшихся сумерках разглядел вдали Вигнола Найила, который уже подъезжал к восточным воротам. И там продолжало греметь: «Таллимон!

Таллимон!»

Хитайн видел, как толпа вливалась на просторную площадь перед воротами, где каждое утро посетители дожидались часа открытия парка. И несуразная фигура в зловеще-красных одеждах с белой оторочкой — это что, действительно старый знакомец Таллимон? Стоит во весь рост на чем-то вроде паланкина, возвышаясь над толпой, и яростно размахивает руками, подгоняя толпу вперед. Энергетическое поле, служащее оградой парку, удержало бы, несомненно, двоих-троих, даже десяток, но отнюдь не было рассчитано на противостояние озверевшей толпе. Да и кому в былые времена пришла бы в голову мысль об озверевшей толпе? А вот сейчас…

— Остановитесь! — заорал Найил! — Уходите! А то хуже будет! Предупреждаю!

— Таллимон! Таллимон!

— Предупреждаю: уходите!

Его никто не слушал. Толпа перла вперед, как стадо взбесившихся бидлаков, сносящих все на своем пути. Хитайн в бессильном смятении глядел, как Найил дал знак одному из привратников, и тот отключил энергетический барьер ровно настолько, чтобы Найил успел вытолкнуть клетку с дхиимами на площадь, сорвать с дверцы

прочный засов и метнуться обратно под защиту светящегося розового тумана.

— Нет, — пробормотал Хитайн. — Даже ради спасения парка… нет… нет…

Дхиимы вырвались из клетки с такой быстротой, что казалось, будто оттуда вылился летучий поток, пестрящий золотистой шерсткой и множеством стремительно трепещущих черных крылышек.

Твари взвились на тридцать, сорок футов, повернулись, устремились вниз и с ужасающей силой и непреодолимой жадностью, будто не ели несколько месяцев, налетели на авангард толпы. В первые мгновения атакованные определенно не понимали, что происходит, и раздраженно отмахивались от дхиимов, как от назойливых насекомых. Но оказалось, что с дхиимами справиться не так легко, как с мошкарой. Они пикировали, вцеплялись, отрывали куски плоти, взлетали немного повыше, прямо на лету сжирали мясо и снова устремлялись вниз. Самозваный лорд Таллимон свалился с носилок и растянулся на земле, истекая кровью из дюжины ран. Дхиимы оказались поистине ненасытными и раз за разом налетали на передние ряды, предпочитая тех, кто уже пострадал, снова и снова кусали их,

зарывались все глубже в плоть, легко разрывали волокна обнаженных мышц, добираясь до нежных тканей, спрятанных под ними.

— Нет, — снова и снова повторял Хитайн, замерший на своем наблюдательном пункте за воротами. — Нет. Нет. Нет…

Мелкие создания не знали жалости. Толпа дрогнула и побежала, не выбирая дороги, все кричали, толкались, топтали друг друга в стремлении выбраться обратно на дорогу в Ни-мойю, упавшие лежали в алых лужах, а дхиимы продолжали свой круговорот и уже обглодали некоторых до костей, облепленных рваным тряпьем да оброненными впопыхах кусками мяса, которые тоже стремительно исчезали. Хитайн услышал рыдания и не сразу понял, что рыдает он сам.

И все сразу закончилось. Площадь окутала странная тишина. Погромщики разбежались, жертвы, валявшиеся на асфальте, уже не стонали, дхиимы, вероятно, ненадолго насытившиеся, некоторое время висели в воздухе, трепеща крыльями, а потом собрались в стайку и скрылись в ночи, отправившись одно Божество ведает куда.

Ярмуз Хитайн на трясущихся ногах медленно отошел от ворот.

Парк спасен. Парк спасен. Он повернулся к Вин-

голу Найилу, который стоял, воздев руки, сверкая глазами, и походил на ангела мщения.

— Зря вы это сделали, — сказал Хитайн, с великим трудом проталкивая звуки в горло, стиснутое спазмом от страха и отвращения.

— Они уничтожили бы парк.

— Да, парк спасен. Но ведь… но…

Найил пожал плечами.

— Я их предупреждал. Разве мог я позволить им уничтожить все, что мы здесь построили, ради нескольких кусков свежего мяса?

— И все равно, этого не стоило делать.

— Вы так думаете? Я нисколько не сожалею, Ярмуз. Нисколько! — Он вдруг задумался. — Впрочем, нет, об одном жалею. Что не успел отсадить нескольких дхиимов для нашей коллекции. Но времени действительно не было, и сейчас они уже далеко. И у меня нет ни малейшего желания снова ехать в Боргакс и искать там другие особи. А больше, Ярмуз, я ни о чем не сожалею. И иного выхода, кроме как выпустить их, у меня не было. Они спасли парк. Как я мог позволить этим безумцам уничтожить его? Как? Скажите, Ярмуз, как?

Глава 3

Хиссун проснулся очень рано, вышел на палубу речного судна, которое везло его обратно к Замковой горе, и его взгляду открылась залитая первыми лучами чистого утреннего солнца широкая долина, по которой плавно извивался Глайг.

Позади, на западе, где река широко разливалась, чтобы изогнуться и спрятаться за грядой холмов, все было закрыто непроглядным туманом, как в утро первого дня творения. Зато на востоке взгляду Хиссуна открылся безмятежный вид красных черепичных крыш великого города Пендивейна, казавшихся еще ярче в рассветном свете, а далеко впереди можно было различить извилистую полоску набережной Макропосопоса. А еще дальше лежали Апокрун, Стангардский водопад, Нимиван и другие города долины, насчитывающие самое меньшее пятьдесят миллионов жителей. Было принято считать, что жить в этих местах легко и приятно, однако сейчас и эти города окутала аура неминуемого разрушения, и Хиссун знал, что повсюду, вверх и вниз по Глайгу обыватели ждут, гадают, страшатся будущего.

Он хотел бы простереть к ним руки отсюда, с невысокого носа суденышка, обхватить их в ласковые объятия и прокричать: «Ничего не бойтесь! Божество нас не оставит! Все кончится хорошо!»

Но так ли это на самом деле?

Никто не в состоянии узнать волю Божества, думал Хиссун. Но, не имея этого знания, мы должны строить свою судьбу в соответствии с собственным представлением об уместности. Подобно скульпторам, мы час за часом вырезаем свою жизнь из дикого камня будущего, следуя образу, который держим в уме, и если замысел был хорош и работа выполнена искусно, то результат, что откроется после завершающего удара по зубилу, доставит удовольствие. Но если замысел небрежен, а работа тороплива, то фигура выйдет непропорциональной и неустойчивой. И можно ли будет сказать про свою неудачную работу, что она вышла такой по воле Божества? Или лучше будет признаться, что дело лишь в непродуманности плана?

Мой план, сказал он себе, никак нельзя считать плохо продуманным. И значит, все закончится хорошо, и значит, можно утверждать, что Божество с нами.

Он выстраивал, уточнял, и исправлял свой

план на всем протяжении своего поспешного путешествия вверх по реке, мимо Джеррика, и Гизельдорна, Саттинора, где уклон русла Глайга сильно увеличивается и течение ускоряется. К тому времени, когда он добрался до Амблеморна, самого юго-западного из Пятидесяти городов Горы, план действий выкристаллизовался и сложился воедино в его сознании.

Здесь приходилось покинуть судно, так как река кончалась. Вернее, она начиналась здесь, где сливалось сразу несколько притоков, зарождавшихся на Горе, из которых ни один не был судоходен. Далее он путешествовал по суше. Колонна летающих лодок двигалась вверх по склону, миновав сначала кольцо Городов подножия, затем Свободные города, затем Города-стражи, пройдя мимо Морволя, родины Элидата, Норморка с высоченными стенами и гигантскими воротами, Гиюна, где росли деревья с алой, или малиновой, или рубиновой, или багряной листвой, Гриила с хрустальным палисадом, Верхней Сиглы с пятью вертикальными озерами. Хиссун добрался до Внутренних городов — Банглекода, Бомбифейла, Перитоля и прочих, но все еще не достиг вершины немыслимо высокой горы.

— Она куда больше, чем я могла себе предста-

вить, — сказала Эльсинома, сидевшая рядом с сыном. Ей никогда прежде не доводилось покидать Лабиринт, и первое путешествие по миру, начавшееся с восхождения на Замковую гору, производило на нее ошеломляющее впечатление. Хиссун с удовольствием отмечал, что она с детским восторгом смотрит по сторонам широко раскрытыми глазами; бывали дни, когда от избытка чудес вокруг она даже лишалась дара речи.

— Подожди, — говорил он, — то ли еще будет.

Через Перитольский проход на Бомбифейлское плато, где состоялась решающая битва войны за восстановление Валентина на троне, мимо изящных шпилей Бомбифейла и дальше вверх, на уровень, где лежали Верхние города, по горной дороге, вымощенной блестящей красной брусчаткой, соединяющей Бомбифейл с Высоким Морпином, а оттуда по Большому Калинтейнскому шоссе, прорезающему поля изумительно красивых цветов, прямо к Замку лорда Валентина, который тяжело взгромоздился на самой верхушке и запустил щупальца кирпичной и каменной кладки в тысячах направлений по скалам и через ущелья.

Когда летающая лодка не спеша вползла на

площадь Дизимоля, лежавшую перед южным крылом Замка, Хиссун с изумлением увидел, что его поджидает целая делегация. Среди встречавших были Стазилейн, Миригант, Элзандир и целая толпа адъютантов и помощников. А вот Диввиса не было.

— Они собрались, чтобы провозгласить тебя короналем? — спросила Эльсинома, и Хиссун с улыбкой покачал головой.

— Очень сомневаюсь.

Направляясь к встречавшим по зеленой фарфоровой мостовой, он думал о том, какие перемены могли произойти здесь за время его отсутствия. Неужели Диввис провозгласил себя короналем и друзья хотят предупредить, что надо бежать отсюда, пока не поздно? Нет, нет, они улыбаются, они окружили его и радостно обнимают.

— Какие новости? — спросил Хиссун.

— Лорд Валентин жив! — выкрикнул Стазилейн.

— Слава Божеству! И где же он?

— В Сувраэле, — ответил Миригант. — Гостит во дворце Барджазидов. Это мне сообщил лично Король Снов, и в тот же день мы получили подтверждение от самого короналя.

— В Сувраэле! — повторил Хиссун, изумившись,

будто ему сообщили, что Валентин перенесся на неведомый прежде континент посреди Великого моря, а то и вовсе в иной мир. — Почему? Как он туда попал?

— Из Пьюрифайна он направился в Беллатул, — объяснил Стазилейн, — там узнал, что из-за огромного скопления буйных драконов путь на север закрыт, а в Пилиплоке, как вы, наверное, знаете, происходит мятеж. Поэтому местные моряки доставили его на южный материк, где он скоординировал свои действия с Барджазидами. Те обратят свои силы на восстановление здравомыслия в мире.

— Сильный ход.

— Несомненно. Затем он направляется на Остров, чтобы снова встретиться с Владычицей.

— А дальше? — спросил Хиссун.

— Дальше пока неясно. — Стазилейн пристально посмотрел в глаза Хиссуну. — Мы пока не можем понять, как сложатся ближайшие месяцы.

— Я сам об этом все время думаю, — ответил Хиссун. — Где Диввис?

— Уехал на охоту, — сказал Элзандир. — В лес под Франгиором.

— Но ведь это же несчастливое место для их

семейства, — заметил Хиссун. — Разве не там убили лорда Вориакса?

— Именно там, — подтвердил Стазилейн.

— Надеюсь, его сын будет осторожнее, — сказал Хиссун. — Его ждут великие дела. И, признаюсь, я удивлен, что его здесь нет, хотя о том, что я сегодня вернусь из Лабиринта, было известно заранее. — Он повернулся к Алсимиру. — Отыщи, пожалуйста, лорда Диввиса и передай ему, что начинается заседание Регентского совета, и мы ждем только его, — и продолжил, вновь обращаясь к принцам: — Я допустил величайшую бестактность, мои лорды, сразу приступив к обсуждению текущих дел с вами. И не представил эту даму, которая скромно стоит здесь. Это леди Эльсинома, моя мать, которая впервые видит мир, лежащий за пределами Лабиринта.

— Господа… — сказала она; ее щеки порозовели, но никаких других признаков смущения или растерянности она не выказала.

— Лорд Стазилейн… принц Миригант… герцог Элзандир Чоргский…

Каждый из вельмож приветствовал ее с величайшим почтением, как если бы перед ними была сама Владычица. И она отвечала с таким достоинством и спокойствием, что по спине Хис-

суна от восхищения пробежали мурашки.

— Пусть мою мать отведут в павильон леди Тиин и предоставят ей одеяния, достойные высших иерархов Острова. Я присоединюсь к вам в зале совета через час.

— Вряд ли лорду Диввису хватит часа, чтобы вернуться с охоты, — как бы между делом заметил Миригант.

Хиссун кивнул:

— Я тоже так думаю. Но я не виноват, что лорд Диввис выбрал для прогулки в лесу именно этот день. Нам нужно столько обсудить и сделать, что, боюсь, придется начать до его появления. А вы как думаете, мой господин Стазилейн?

— Полностью согласен.

— Значит, двое из троих регентов придерживаются одного мнения. Итак, господа, в зале совета через час?

Хиссун быстро успел вымыться и переодеться и через пятьдесят минут вошел в зал совета. Принцы уже собрались. Усевшись во главе стола рядом со Стазилейном, он окинул взглядом присутствующих и сказал без предисловий:

— Я консультировался с Хорнкастом и своими глазами лицезрел понтифика Тивераса.

По залу пробежал тревожный шепот.

Хиссун продолжал:

— Понтифик еще жив. Но это не жизнь в том смысле, какой мы с вами привыкли вкладывать в это слово. Он больше не говорит, даже не издает стонов и вздохов, которые составляли его язык в последнее время. Он обитает в ином царстве, очень, очень далеко отсюда, и я полагаю, что это царство лежит у самого входа на Мост Прощаний.

— В таком случае, скоро ли следует ожидать его смерти? — спросил Нимиан Дундилмирский.

— О, даже в нынешнем его состоянии, это может произойти не слишком скоро, — ответил Хиссун. — С помощью различных колдовских и механических приспособлений его могут удерживать от ухода еще несколько лет. Но я уверен, что продолжать откладывать этот уход не следует.

— Это должен решать лорд Валентин, — сказал герцог Халанкский.

Хиссун кивнул.

— Несомненно. К этому я скоро перейду. — Он поднялся, подошел к карте-полушарию и положил руку на середину Зимроэля. — Во время путешествия в Лабиринт и обратно я регулярно получал информацию. Я знаю о войне, которую объявил нам некий Фараатаа, о котором не

известно ничего, кроме имени. Я знаю, что метаморфы атакуют Зимроэль не только болезнями сельскохозяйственных растений, но и множеством выведенных ужасных животных, которые порождают дикий страх и растерянность. Я знаю о голоде в Кинторском регионе, об отделении Пилиплока, о мятеже в Ни-мойе. Мне не известно, что происходит в Дюлорне, и думаю, этого не знает никто по эту сторону Разлома. Зато я знаю, что запад Алханроэля быстро приближается к тому хаотическому состоянию, которое сложилось на западном континенте, и что беспорядки быстро распространяются на восток и уже достигли подножия Горы. Мы же, на фоне всего этого, пока что предприняли очень мало конкретных действий. Центральное правительство, похоже, полностью отсутствует, провинциальные герцоги ведут себя так, будто они совершенно независимы друг от друга, а мы сидим тут, на Замковой горе и в самом буквальном смысле слова витаем в облаках, не видя, что происходит на земле.

— И что вы предлагаете? — спросил Миригант.

— Несколько мер. Во-первых, собрать армию и окружить Пьюрифайн, полностью заблокировать его границы и прочесать джунгли, чтобы отыскать Фараатаа и его последователей. Уверяю

вас, это будет нелегким делом.

— Кто будет командовать армией? — поинтересовался герцог Халанкский.

— Позвольте мне перейти к этому чуть позже. Во-вторых, создать там же, в Зимроэле, еще одну армию и занять Пилиплок — желательно мирным путем, но если не получится, то силой — и вернуть его под власть центрального правительства. В-третьих, созвать всеобщий конклав правителей всех провинций и решить проблему рационального распределения провизии. Провинции, не затронутые пока бедствиями, будут делиться своими запасами с теми, кто страдает от голода. Необходимо будет недвусмысленно дать понять, что мы призываем к жертвам, но не требуем отдавать последнее. Провинции, не желающие делиться, если таковые найдутся, подвергнутся военной оккупации.

— Что-то слишком много армий получается, — сказал Манганот, — для общества, практически не имеющего военных традиций.

— Когда возникала нужда в армиях, — ответил Хиссун, — мы так или иначе собирали их. Так было во времена лорда Стиамота, а затем и в наши дни, когда началась война за возвращение трона лорду Валентину, и так будет сейчас, по-

скольку у нас нет выбора. Тем не менее должен заметить, что уже существует несколько неофициальных армий под командованием различных самопровозглашенных короналей. Мы можем использовать эти армии и самих псевдокороналей.

— Использовать предателей?! — выкрикнул герцог Халанкский.

— Любого, кого удастся использовать, — сказал Хиссун. — Мы предложим им присоединиться к нам, дадим им высокие ранги, далекие, впрочем, от того, какой они присвоили себе, и недвусмысленно дадим понять, что если они откажутся от сотрудничества, то будут уничтожены.

— Уничтожены? — повторил Стазилейн.

— Да, я употребил именно это слово.

— Даже Доминина Барджазида помиловали и отправили к братьям. Но лишать жизни, даже предателей…

— Да, вопрос действительно нешуточный, — перебил его Хиссун. — И предполагаю именно использовать, а не убивать их. Но, думаю, если кто-то не позволит использовать себя, его все же придется убить. Но, умоляю вас, давайте отложим частности на потом.

— Вы предполагаете использовать этих людей, — сказал принц Нимиан Дундилмирский. —

Рассуждаете прямо как кораль.

— Нет, — ответил Хиссун. — Я рассуждаю, как один из тех двоих, кого вы сами единодушно назвали, чтобы сделать потом окончательный выбор. К сожалению, лорд Диввис отсутствует. Я же, возможно, высказываюсь слишком решительно. Но уверяю вас, что давно обдумываю сложившиеся обстоятельства, не вижу альтернативы своим предложениям и буду настаивать на них, кто бы ни стал правителем.

— Правитель — лорд Валентин, — сказал герцог Халанкский.

— Он кораль, — согласился Хиссун. — Но мы вроде бы сошлись во мнении, что в условиях нынешнего кризиса нами должен управлять дееспособный понтифик, а не только кораль. Лорд Валентин, как вы только что сообщили, направляется на Остров для встречи с Владычицей. Я предлагаю отправиться туда же, переговорить с кораналем и убедить его, что миру необходимо, чтобы он взошел на трон понтифика. Если он сочтет мои рассуждения разумными, то выскажет свои пожелания насчет преемника. Я убежден, что новый кораль должен умиротворить Пилиплок и Ни-мойю и привлечь на свою сторону самозваных кораналей. Остальным из

нас предстоит возглавить войска, которые будут окружать владения метаморфов. Лично мне безразлично, кто наденет корону, Диввис или я; важно лишь, чтобы мы немедленно вышли на поле боя и взялись за восстановление порядка, с чем мы непростительно долго тянем.

— И как же мы решим? Бросим монетку? — раздался вдруг голос от двери.

Там стоял, глядя в лицо Хиссуна, Диввис — небритый, с всклокоченными волосами, в грязной охотничьей одежде.

Хиссун улыбнулся:

— Рад снова видеть вас, мой господин Диввис.

— Сожалею, что пропустил значительную часть совета. Так как, принц Хиссун: мы сегодня выбираем короналя и формируем армии.

— Короналя будет выбирать лорд Валентин, — спокойно ответил Хиссун. — На нас с вами ложится задача сформировать армии и возглавить их. И, боюсь, некоторое время ни у кого из нас, мой господин, не будет досуга на такие приятные занятия, как охота. — Он указал на свободное третье кресло во главе стола. — Не желаете присесть, господин Диввис? Я изложил совету ряд предложений и повторю их для вас, если вы уделите мне несколько минут. Так что,

мой господин Диввис, присядете и выслушаете? Присядете?

Глава 4

Итак, снова в море, сквозь жаркую дымку и зной: только огненный ветер Сувраэля теперь дует в спину и вместе с быстрым непрекращающимся течением с юго-запада стремительно несет корабли к северным землям. Валентин чувствовал и другие потоки, бурные, пронизывающие его душу. Слова, которые произнес верховный глашатай Хорнкаст на банкете в Лабиринте все еще звучали в нем, как будто он услышал их только вчера, а не в давние времена, с которых, казалось, минуло уже десять тысяч лет.

«Корональ — это воплощение Маджипура. Персонификация Маджипура. Корональ — это мир, а мир — это корональ».

Да. Да.

И пока он мотался по этому миру, с Замковой горы в Лабиринт, из Лабиринта на Остров, с Острова в Пилиплок, Пьюрифайн и Беллатул, из Беллатула в Сувраэль — а теперь снова из Сувраэля на Остров — дух Валентина все шире открывался страданиям Маджипура, его разум все явственнее воспринимал боль, растерянность, безумие, ужас, которые теперь разрывали

на части то, что еще недавно было самым благополучным и самым мирным из миров. Круглые сутки, без перерыва, его захлестывали излияния двадцати миллиардов измученных душ. И он с радостью и с нетерпением воспринимал и впитывал все, что Маджипур должен был влить в него, и охотно искал способы облегчить эту боль. Но напряжение выматывало. Слишком много обрушилось на него, он не успевал осознать и обобщить все это и часто ощущал себя сбитым с толку и подавленным, и от этого некуда было деться, потому что он был Властью королевства, и восприятие мира было его первостепенной и неизбежной обязанностью.

Почти весь день он простоял в одиночестве на палубе, глядя прямо вперед, и никто, даже Карабелла, не смел приблизиться к нему — настолько отчетливо ощущалась всеми сфера изоляции, в которую он заключил себя. Но через некоторое время Карабелла все же подошла к нему — нерешительно, робко, молча. Он улыбнулся и привлек ее к себе; ее бедро прижалось к его бедру, ее плечо оказалось у него под мышкой, но он продолжал молчать, поскольку на некоторое время перешел в царство, где не было места словам, где он был спокоен, где израненные участки его души могли

так или иначе обрести исцеление. Он твердо знал, что она не попытается вторгнуться туда.

Через некоторое время она посмотрела на запад и с трудом удержалась, чтобы не ахнуть. Но все равно промолчала.

Тогда он спросил, будто откуда-то из неведомой дали:

— Что ты видишь, любовь моя?

— Силуэт вдали. Наверное, силуэт дракона.

Он ничего не ответил.

— Но разве это возможно, Валентин? Нам ведь сказали, что в это время года в этих водах не бывает драконов. Но что же, в таком случае, я вижу?

— Ты видишь дракона.

— Моряки говорили, что их не будет. Но я точно вижу. Что-то темное. Что-то очень большое. Плывет в том же направлении, что и мы. Валентин, разве может здесь быть дракон?

— Драконы повсюду, Карабелла.

— А может быть, мне мерещится? Может быть, это всего лишь тень на воде… или плавучее скопление морской травы…

Он покачал головой.

— Ты видишь дракона. Дракона-короля, одного из великих.

— Ты так уверенно говоришь, Валентин, а ведь

даже не посмотрел.

— Да. Но это дракон.

— Ты чувствуешь его?

— Да, я чувствую его. Тяжелое присутствие гигантского дракона. Силу его разума. Глубину и широту его мыслей. Я почувствовал все это задолго до того, как ты заговорила.

— Ты теперь так много всего чувствуешь, — сказала она.

— Слишком много, — ответил Валентин.

Он продолжал неотрывно смотреть на север. Огромная душа дракона легла на него тяжким бременем. За несколько месяцев постоянного напряжения его чувствительность многократно выросла, теперь он был в состоянии без особого усилия направить свой разум куда хотел, более того, ему приходилось силой удерживать себя от этого. Хоть бодрствуя, хоть во сне, он бродил в глубинах души мира. Расстояние больше не казалось ему препятствием. Он чувствовал все, даже резкие горькие мысли метаморфов, даже медленные, пульсирующие эманации морских драконов.

— Но что же нужно этому дракону? — спросила Карабелла. — Валентин, он собирается напасть на нас?

— Сомневаюсь.

— Ты уверен, что нет?

— Карабелла, я ни в чем не уверен.

Он потянулся к огромному зверю в море. Он стремился прикоснуться к его разуму — своим. На мгновение возникло что-то вроде контакта — чувство открытия, чувство присоединения. Потом его оттолкнуло, как будто сильной рукой, но не пренебрежительно, без презрения. Как будто дракон говорил: «Не сейчас, не здесь. Еще рано».

— У тебя такой странный вид, — сказала она. — Дракон нападет на нас?

— Нет. Нет.

— Ты как будто испугался.

— Нет, я не испугался. Я просто пытаюсь понять. Но опасности не чувствую. Только прощупывание… разведка… этого могущественного разума, продолжающего наблюдать за нами…

— Может быть, он отсылает донесения меняющим облик?

— Думаю, такое возможно.

— Если драконы и меняющие облик заключили союз против нас…

— Так полагает Делиамбер со слов того, кто уже не доступен для допроса. По-моему, что дело тут сложнее. Я думаю, нам еще долго придется

выяснять, что связывает меняющих облик и морских драконов. Но уверяю тебя: я не чувствую опасности.

Она немного помолчала, глядя на него.

— Ты на самом деле можешь прочитать сознание дракона?

— Нет, нет… Я *чувствую* его сознание. Его присутствие. Карабелла, дракон — загадка для меня. Чем сильнее я стараюсь дотянуться до него, тем легче он отвергает меня.

— Он поворачивается. Он начинает удаляться от нас.

— Да. Я чувствую, как он закрывает свое сознание от меня — отодвигает меня, выталкивает.

— Валентин, чего он хотел? Что он узнал?

— Я и сам не прочь бы это узнать.

Вымотанный, потрясенный, он крепко вцепился в фальшборт. Карабелла положила ладонь на его руку, немного постояла так, потом отодвинулась, и они снова застыли в молчании.

Он не понял. Он так мало понимал. И он знал, что понять — жизненно важно. Он твердо знал, что лишь он, один на весь мир, способен пресечь усиливающийся распад и восстановить единение. Он, лишь он один может привести противоборствующие силы к гармонии. Но каким

образом? Как это сделать?

Когда много лет назад, после гибели брата, его неожиданно вознесли на вершину власти, он безропотно принял это бремя и отдавал трудам правления все свои силы, но иногда власть представлялась ему колесницей, которая безжалостно тянет его за собой. Но, по крайней мере, он имел подготовку, необходимую для правителя. Теперь же ему начало казаться, что Маджипур требует, чтобы он стал богом, а этому его никто не учил.

Он чувствовал, что дракон все еще здесь, где-то неподалеку. Но установить настоящий контакт с ним не удавалось, и в конце концов он оставил попытки. Он простоял на баке почти дотемна, глядя на север, как будто рассчитывал увидеть Остров Владычицы, сияющий в темноте, словно маяк.

Но до Острова оставалось еще несколько дней пути. Пока что флотилия миновала лишь широту юго-западной оконечности Алханроэля. На морском пути из Толагая на Остров приходилось огибать оконечность огромного Стойензарского полуострова, а потом держать путь прямо на север, мимо Родамаунтского архипелага, к порту Нуминор. Этот маршрут позволял воспользоваться всеми преимуществами постоянного южного

ветра и Родамаунтского течения, благодаря которым плавание из Субраэля на Остров оказывалось куда быстрее, чем в обратном направлении.

В тот вечер только и было разговоров, что о драконе. Зимой эти воды обычно изобиловали ими, поскольку драконы, уцелевшие после осеннего промыслового сезона, обычно уходили в Великое море мимо побережья Стойензара на восток. Но сейчас был отнюдь не зимний сезон, и как Валентин и все остальные давно заметили, драконы в этом году пошли необычным путем — на север мимо западного побережья острова, к какой-то таинственной цели в полярных морях. И во время этого плавания драконы встречались повсюду, во всяком случае, так казалось, и кто знает, почему так было? «Кто-то, может быть, и знает, — думал Валентин, — но не я. Точно не я».

Он тихо, почти ничего не говоря, сидел среди своих друзей и собирался с силами.

Ночью, лежа без сна рядом с Карабеллой, он вслушивался в голоса Маджипура. Он слышал, как плакали от голода в Кинторе и скулили от страха в Пидруиде, слышал злобные крики ополченцев, бегущих по мощеным улицам Велатиса, и лающие выкрики уличных ораторов в Алаизоре. Он слышал свое имя, упоминаемое пятьдесят

миллионов раз. Он слышал метаморфов, заранее празднующих в своих сырых лесах неизбежный триумф, он слышал драконов, перекликающихся мощными торжественными звуками в глубинах морей.

И вдобавок ко всему этому он ощущал прикосновение прохладной материнской руки ко лбу и слышал слова Владычицы: «Скоро ты Валентин, будешь рядом со мною, и я облегчу твою жизнь». А потом Король Снов объявил: «Нынче ночью, друг мой корональ, я продолжу осматривать мир в поисках ваших врагов и приложу все усилия, чтобы поставить их на колени». Это позволило ему немного передохнуть, но вскоре снова послышались крики тревоги и боли, затем пение морских драконов, затем шепот метаморфов. В конце концов ночь сменилась утром, и он встал с постели еще более усталым, чем лег накануне.

Но как только корабли миновали оконечность Стойензара и вошли в воды, лежащие между Алханроэлем и Островом, Валентину сделалось полегче. На него все так же валились страдания обитателей всех концов мира, но сила Владычицы здесь была очень велика и продолжала расти с каждым днем. Валентин чувствовал присутствие матери в своем разуме; она помогала, направ-

ляла, утешала его. В Сувраэле он красноречиво убеждал пессимистически настроенного Короля Снов в возможности восстановления мира. «Нет никакой надежды», — сказал Минакс Барджазид, на что Валентин ответил: «Есть, нужно лишь протянуть руку и ухватить ее. Я вижу, как это сделать». И Барджазид тогда сказал: «Сделать ничего нельзя, все потеряно», на что Валентин ответил: «Следуйте за мной, и я укажу путь». В конце концов ему удалось преодолеть мрачное настроение Минакса, и тот, все еще не веря в успех, все же пообещал ему поддержку. В начале плавания на север Валентин, как ему показалось, выронил осколок надежды, который нашел в Сувраэле, но теперь вроде бы снова нащупал его.

Но до Острова было уже совсем близко. С каждым днем он все выше поднимался над горизонтом, и каждое утро под лучами восходящего солнца его меловые утесы сначала обретали ослепительное бледно-розовое сияние, затем окрашивались в потрясающий алый цвет, который почти неуловимо переходил в золотой, а потом, когда солнце наконец полностью выходило на небосклон, становились абсолютно белыми, и белизна эта звенела над водой, как звук гигантских цимбал и всплески всеохватыва-

ющей неумолчной мелодии.

В нуминорском порту Владычица ожидала Валентина все в том же доме Семь стен. Снова иерарх Талинот Эсюлде проводила его к матери в Изумрудную гостиную, снова, когда он вошел туда, она стояла между двумя деревцами танигали в горшках и, улыбаясь, протянула руки ему навстречу.

Но он с первого взгляда заметил поразительные и тревожные перемены в ее облике, а ведь еще и года не прошло с тех пор, как они встретились в этой же комнате. Ее темные волосы теперь пестрели седыми прядями; теплый блеск глаз потускнел, и они сделались чуть ли не холодными. Время осилило даже ее царственную осанку, заставив плечи округлиться, подтянув голову ближе к ним и заставив ее выдвинуться вперед. Некогда он воспринимал ее, как богиню; теперь же она казалась ему богиней, постепенно превращающейся в старуху — очень смертную старуху.

Они обнялись. Ему показалось, она стала настолько легкой, что ее мог бы унести даже порыв ветерка. Они пригубливали прохладное золотое вино, и Валентин рассказывал о своих странствиях в Пьюрифайне, о путешествии в Суврaэль, о встрече с Доминином Барджазидом и о том

удовольствии, которое испытал, увидев, что его бывший враг вновь обрел здравый рассудок и подобающую лояльность.

— А что Король Снов? — поинтересовалась она. — Любезно ли он тебя принимал?

— В высшей степени. Между нами сложились поразительно теплые отношения.

— Барджазиды редко бывают дружелюбными. Я полагаю, что причиной тому — условия их жизни в этой стране и ужасные обязанности, возложенные на них. Но они вовсе не монстры, какими их зачастую считают. Минакс — жестокий человек, я чувствую это в его душе, когда наши сознания встречаются, что бывает нечасто, — но сильный и добродетельный.

— Он не предвидит в будущем ничего хорошего, но пообещал всемерно поддерживать все, что нужно будет сделать. В этот момент он хлещет мир самыми могущественными посланиями в надежде обуздать безумие.

— Это мне известно, — сказала Владычица. — В последние недели я чувствую, что его мощь изливается из Субраэля, как никогда прежде. Он прилагает огромные усилия. Как и я, в своем, более деликатном стиле. Но этого не хватит. Валентин, мир сошел с ума. Звезда наших врагов

восходит, а наша закатывается, и миром сейчас правят не понтифик и корональ, а голод и страх. Ты и сам это знаешь. Ты ощущаешь, что безумие давит на тебя, захлестывает тебя, грозит снести все на своем пути.

— То есть, мама, мы обречены на неудачу? Ты это хочешь сказать? Ты, источник надежды, носительница покоя…

В ее глазах появилась тень былой стальной силы.

— Я ни слова не сказала о неудаче. Я всего лишь сказала, что Король снов и Владычица Острова не в состоянии остановить поток безумия.

— Но ведь есть и третья Власть. Или ты, мама, считаешь, что я непригоден для этой войны?

— Ты пригоден для всего, чем сочтешь нужным заняться. Но, Валентин, даже три Власти — недостаточно. Хромое правительство не в состоянии справиться с кризисом такой силы, как нынешний.

— Хромое?

— Оно стоит на трех ногах. А должно быть четыре. Старику Тиверасу пора на покой.

— Мама…

— Сколько еще ты собираешься уклоняться от своей обязанности?

— Я ни от чего не уклоняюсь! Но, мама, какую пользу я смогу принести, заточив себя в Лабиринте?

— Ты считаешь, что от понтифика нет пользы? А это значит, что у тебя совершенно искаженное представление об устройстве нашего общества.

— Я понимаю важность поста понтифика.

— Тем не менее все время своего правления ты обходился без него.

— Я не виноват в том, что Тиверас уже впал в маразм к тому времени, когда я взошел на трон. И как мне следовало поступить? Переехать в Лабиринт, едва успев стать короналем? У меня не было понтифика, потому что мне его не досталось. К тому же обстановка просто не позволяла мне перейти на трон Тивераса. У меня было множество очень важных конкретных дел. И сейчас есть.

— Валентин, твой долг — обеспечить Маджипур понтификом.

— Нет, еще не время.

— И как долго ты намерен повторять это?

— Мне необходимо оставаться на виду. Необходимо так или иначе установить контакт с Данипьюр и убедить ее вступить в союз против Фараатаа, нашего врага, который уничтожит весь мир в стремлении вернуть его своему народу. Как

я смогу, находясь в Лабиринте…

— То есть ты снова собираешься в Пьюрифайн?

— Это приведет только к повторной неудаче. И все равно, я считаю делом первостепенной важности вступить в переговоры с метаморфами. Необходимо, чтобы Данипьюр поняла: я не таков, как правители прошлого, я вижу иную истину. Я уверен, что нельзя и дальше подавлять метаморфов и исторгать их из души Маджипура. Мы обязаны признать их и включить в общество как равных.

— И это можно сделать, лишь если короналем будешь ты?

— Я в этом убежден, мама.

— В таком случае, еще раз проанализируй эту свою убежденность, — сказала Владычица непререкаемым тоном. — Вдруг это не столько убежденность, сколько ненависть к Лабиринту?

— Я ненавижу Лабиринт и не делаю из этого тайны. Но я покорно, хоть и без радости, уйду туда, когда придет время. Но пока еще не пора. Возможно, осталось еще немного, но не пора.

— В таком случае, надеюсь, что это время не затянется. Пусть Тиверас наконец упокоится. И хорошо бы это случилось поскорее.

Глава 5

Может быть, и небольшой, но настоящий триумф, думал Фараатаа, получив приглашение на встречу с Данипьюр. Много лет он был изгоем и скитался по джунглям, много лет его не замечали, а если и замечали, то с презрением и насмешкой, а теперь Данипьюр с величайшей дипломатической любезностью приглашает его посетить ее в Доме канцелярий Илиривойна.

В первый момент у него появилось искушение отказаться от приглашения и надменно потребовать, чтобы она сама явилась к нему в Новый Велализир. В конце концов, она была для народа простым администратором и ее титул не имел родословной, восходящей к временам до изгнания, а он, по признанию множества соплеменников, был Грядущим принцем и Явленным королем, ежедневно общался с водяными королями и заслуживал куда большего почтения, нежели та, на какую могла претендовать любая Данипьюр. Но затем он передумал: гораздо эффективнее, сказал он себе, было бы прийти в Илиривойн во главе своих тысяч, чтобы Данипьюр и все ее прихвостни увидели, какой властью он обладает! Да

будет так, подумал он. Он согласен отправиться в Илиривойн.

Столица, расположившаяся на новом месте, по-прежнему выглядела убогой и недоделанной. Для нее, как обычно, выбрали открытое место в лесу, рядом с полноводным ручьем. Но улицы представляли собой всего лишь сырые тропинки, плетеные дома почти не имели украшений, их крыши были сплетены наспех и абы как, площадь перед Домом канцелярий была расчищена лишь частично, и повсюду все еще вились и сплетались лианы. Только сам Дом канцелярий имел какую-то связь с бывшим Илиривойном. По обычаю здание перенесли со старого места и собрали в центре города, где оно господствовало над всем городом; трехэтажная постройка из сверкающих бревен банникопа, облицованных по фасаду полированными досками болотного красного дерева, среди грубых хижин пьюриваров Илиривойна казалась чуть ли не дворцом. Но когда мы переправимся через море и восстановим Велализир, подумал Фараатаа, мы построим из мрамора и сланца настоящий дворец, который станет новым чудом света, и украсим его прекрасными вещами, которые мы возьмем как трофеи в Замке лорда Валентина. И тогда Данипьюр придется

склониться передо мной!

Но пока приходилось соблюдать этикет. Он предстал перед Домом канцелярий и произвел пять Превращений повиновения — Ветер, Песок, Лезвие, Течение, Пламя. В пятом облике он оставался до появления Данипьюр. На мгновение она выказала растерянность при виде той силы, с какой он явился в столицу; его последователи заполнили площадь и улицы до самых границ города. Но она тут же овладела собой и приветствовала Фараатаа тремя Превращениями приятия — Звездой, Луной и Кометой. На последнем из них Фараатаа преобразился в свой собственный облик и последовал за правительницей. Никогда еще он не бывал в Доме канцелярий.

Данипьюр казалась холодной, отстраненной, особенной. Фараатаа ощутил легкую вспышку благоговения — как-никак она занимала этот пост все время, которое он прожил на свете, — но тут же подавил его. Он знал, что ее высокомерие и самообладание всего лишь оборонительное оружие.

Она предложила ему трапезу из калимботов и гумбы и угостила вином бледно-лавандового цвета, на которое он посмотрел с неудовольствием, поскольку вино не входило в число тех напит-

ков, которые пьюриварыупотребляли в древние времена. Он не стал пить его и даже не поднял сосуд в новомодном приветственном жесте, что не осталось незамеченным.

Когда с формальностями было покончено, Данипьюр заговорила напрямик:

— Я люблю неменяющихся ничуть не больше, чем ты, Фараатаа. Но твоя цель недостижима.

— И какова же, по твоему мнению, моя цель?

— Избавить мир от них.

— Думаешь, это невозможно? — осведомился он с легким удивлением в голосе. — Почему же?

— Их двадцать миллиардов. Куда им деться?

— Неужели во вселенной нет других миров? Они пришли оттуда, пусть возвращаются обратно.

Она прикоснулась кончиками пальцев к подбородку; этот жест означал несогласие и отвращение к его словам. Фараатаа не позволил себе отреагировать на него раздражением.

— Когда они пришли, — сказала Данипьюр, — их было совсем мало. Теперь же их много, а сообщение Маджипура с другими мирами стало совсем незначительным. Неужели ты не понимаешь, сколько времени потребуется, чтобы вывезти с планеты двадцать миллиардов жи-

телей? Я думаю, мы никогда не сможем от них избавиться — они будут плодиться быстрее, чем грузиться на корабли.

— В таком случае, пусть остаются здесь, а мы продолжим войну против них. Они будут убивать друг друга из-за еды, и через некоторое время еда закончится, оставшиеся люди умрут от голода, и их города превратятся в обиталище призраков. И мы покончим с ними навсегда.

Снова кончики пальцев прикоснулись к подбородку.

— Двадцать миллиардов трупов? Фараатаа, Фараатаа, будь реалистом! Хотя бы представь себе, что это значит. В одной Ни-мойе намного больше народу, чем в Пьюрифайне, а сколько еще других городов? Подумай, какая поднимется вонь! Подумай, сколько болезней начнется из-за разложения такого количества плоти!

— Если они вымрут от голода, плоти останется немного. Даже разлагаться будет нечему.

— Фараатаа, ты так игриво рассуждаешь об этом…

— Разве? Ну, ладно, пусть игриво. На свой игривый манер я сокрушил угнетателя, под пятой которого мы корчились четырнадцать тысяч лет. Я игриво загнал их в хаос. Я игриво…

— Фараатаа!

— Данипьюр, я уже достиг очень многого — на свой игривый манер. И не только без помощи с твоей стороны, но в условиях твоего постоянного противодействия. И теперь…

— Выслушай меня, Фараатаа! Да, ты высвободил могучие силы и нанес неизменяющимся такой удар, какого я даже представить себе не могла. Но теперь пора остановиться и подумать о последствиях того, что ты сделал.

— Я уже все обдумал, — ответил он. — Мы вернем себе наш мир.

— Возможно. Но какой ценой! Ты обрушил на их земли разные болезни и вредителей — но удастся ли так же легко остановить этот мор? Ты вывел разных чудовищ и выпустил их на волю. А теперь ты намерен завалить мир миллиардами разлагающихся трупов. Или ты, Фараатаа, считаешь, что спасти мир и уничтожить его — одно и то же?

— Болезни исчезнут вместе с зараженными растениями, которые по большей части бесполезны для нас. Новых животных выведено немного, а мир велик. К тому же ученые заверили меня, что монстры не способны к размножению, и мы избавимся от них вскоре после того, как они выполнят

свою задачу. И в отличие от тебя я не очень-то боюсь разлагающихся трупов. Стервятники нажрутся досыта, а из оставшихся гор костей мы построим храмы. Победа за нами, Данипьюр. Мы вернем себе наш мир.

— Ты слишком самоуверен. Они еще не начали отбиваться — но что будет, когда начнут? Фараатаа, что, если они нанесут ответный удар? Я прошу тебя, Фараатаа, вспомни, что сделал с нами лорд Стиамот.

— Лорду Стиамоту для полной победы понадобилось тридцать лет.

— Да, — согласилась Данипьюр, — но и армии у него были малочисленные. А сейчас неизменяющихся в десятки, в сотни раз больше, чем нас.

— Но теперь мы владеем искусством насылать на них мор и чудовищ; во времена лорда Стиамота мы такого не умели. И их численное превосходство обратится против них же, когда закончатся запасы еды. Да они не тридцать лет — тридцать дней не смогут воевать против нас, когда голод раздирает их цивилизацию на части!

— Голодные воины могут сражаться гораздо яростнее раскормленных.

Фараатаа засмеялся.

— Воины? Какие воины? Данипьюр, ты гово-

ришь глупости. Они сделались совсем мягкотелыми.

— Во времена лорда Стиамота…

— Лорд Стиамот жил восемь тысяч лет назад. Все прошедшее время жизнь давалась им очень легко, и они превратились в расу трусливых недоумков. А самый большой недоумок это их лорд Валентин, блаженный дурачок, категорически не приемлющий насилия. Неужели мы должны бояться короля, у которого не хватает духу убивать врагов?

— Согласна, его бояться нечего. Но мы можем использовать его, Фараатаа. Именно это я и намерена делать.

— Каким образом?

— Ты же знаешь, что он спит и видит, как бы договориться с нами.

— Я знаю, — сказал Фараатаа, — что он явился в Пьюрифайн с глупой надеждой вступить в переговоры с тобою и что ты мудро избежала встречи с ним.

— Да, он приходил мириться. Да, я уклонилась от встречи. Мне необходимо было больше узнать о твоих намерениях, перед тем как торговаться с ним.

— Теперь ты знаешь мои намерения.

— Да, теперь знаю. И прошу тебя приостановить распространение болезней и поддержать меня, когда я буду встречаться с короналем. Твои действия препятствуют достижению моих целей.

— Каковы же твои цели?

— Лорд Валентин не похож на других короналей, которых я знала. Он действительно, как ты выразился, блаженный дурачок, не способный убивать. Отвращение к войне делает его податливым и управляемым. Я хочу добиться от него таких уступок, каких не дал бы нам ни один предыдущий корональ. Права снова поселиться в Алханроэле, возвращения нам священного города Велализира, голоса в правительстве, в общем, полного политического равенства в структуре жизни Маджипура.

— Куда лучше полностью уничтожить всю эту структуру и жить где нам заблагорассудится, не спрашивая ни у кого разрешения.

— Но нельзя же не понимать, что это невозможно. Ты не сможешь ни выслать с планеты двадцать миллиардов народу, ни истребить их. А вот что нам действительно по силам, так это заключить с ними мир. Пойми, Фараатаа, что Валентин — это возможность для нас достичь мира.

— Мир! Какое дурацкое, лживое слово! *Мир*! О нет, Данипьюр, я не хочу мира. Мне нужен не мир, а победа. И победа будет за нами.

— Победа, к которой ты стремишься, погубит всех нас, — возразила Данипьюр.

— Ничего подобного. А вот я считаю, что твои переговоры с короналем ничего не дадут. Если он пойдет на те уступки, которых ты собираешься просить, собственные принцы и герцоги свергнут его и поставят кого-нибудь безжалостного, и что тогда? Нет, Данипьюр, я должен продолжать войну до тех пор, пока в нашем мире не останется ни одного неизменяющегося. Все остальное будет означать продолжение рабства.

— Я запрещаю.

— Запрещаешь?

— Я Данипьюр.

— Совершенно верно. Но что из того? Я — Явленный король, о котором говорило пророчество. Как же ты можешь что-то запрещать мне? Неизменяющиеся трепещут передо мною. Я уничтожу их, Данипьюр. И если ты встанешь на моем пути, уничтожу и тебя. — Он поднялся и взмахом руки опрокинул нетронутый кубок с вином, разлив его содержимое по столу. Уже в дверях он обернулся, на мгновение принял облик, именуемый Рекой,

означающий презрение и непокорность, и вернулся к своему основному облику. — Война будет продолжаться, — сказал он. — Пока что я разрешаю тебе исполнять прежние обязанности, но предупреждаю: не пытайся предать меня и вступить в связь с врагами. Что касается блаженного лорда Валентина, его жизнь нужна мне. Его кровь омоет Скрижали богов в день нового освящения Велализира. Веди себя разумно, Данипьюр. А не то и с тобой будет то же самое.

Глава 6

— Корональ лорд Валентин и его мать, Владычица, находятся во внутреннем храме, — сказала иерарх Талинот Эсюлде. — Он просил передать вам, принц Хиссун, чтобы вы переночевали в королевской резиденции в Нуминоре и с утра отправились в путь наверх, к нему.

— Воля короналя — закон, — ответил Хиссун.

Он смотрел мимо иерарха на огромную белую стену Первого утеса, возвышающуюся над Нуминором. Она была ослепительно, до боли в глазах, яркой, почти не уступая самому солнцу. Когда несколько дней назад Остров появился в поле зрения впервые за время плавания из Алханроэля, он поймал себя на том, что прикрывает глаза рукой от этого мощного белого сияния и вообще хочет отвести взгляд, а Эльсинома, стоявшая рядом с ним, в ужасе отвернулась от открывшегося зрелища и воскликнула: «Я никогда не видела ничего столь яркого! Мы не ослепнем, глядя туда?» Но теперь, вблизи, белый камень уже не устрашал: его свет казался чистым, успокаивающим, как свет луны, а не солнца.

С моря дул ласковый прохладный ветерок, тот

самый, что нес его так быстро — но не настолько быстро, чтобы утихомирить нетерпение, нараставшее в нем день ото дня — от Алаизора до Острова. Нетерпение не отпускало его и теперь, когда он прибыл в твердыню Владычицы. Однако же он знал, что должен быть терпеливым и приспособиться к неторопливым ритмам Острова и его безмятежной хозяйки, иначе ему просто не удастся достичь тех целей, ради которых он оказался здесь.

И когда иерархи провожали его по небольшому тихому портовому городку в резиденцию, именуемую Семь стен, он и впрямь чувствовал, как нежные ритмы этого места овладевают им. Он думал о том, что чары Острова непреодолимы, что Остров является воплощением мира и спокойствия и всеми сторонами своего существования извещает о присутствии Владычицы. Даже бедствия, охватившие сейчас Маджипур, здесь казались ему нереальными.

Однако в ту ночь Хиссун долго не мог заснуть. Он лежал в роскошной спальне, обитой великолепными темными тканями старинного плетения, где некогда ночевали великий лорд Конфалюм, и Престимион, и, наверное, сам Стиамот; и ему казалось, что древние правители

все еще витают здесь, переговариваются друг с другом тихим шепотом и насмехаются над ним в этих разговорах: *выскочка, ничтожество, павлин*. «Это всего лишь шум прибоя внизу», — сердито сказал он себе. Но сон по-прежнему не приходил, и чем старательнее он пытался заснуть, тем меньше хотелось спать. Он встал, прошелся по комнатам, вышел во двор, подумав, что хорошо бы разбудить какого-нибудь слугу, который подал бы ему вина, но не обнаружил ни одной живой души и через некоторое время вернулся в спальню и снова закрыл глаза. На этот раз ему почти сразу показалось, что он чувствует, как Владычица легонько прикоснулась к его душе; это было не послание, не что-то содержательное, а именно прикосновение, нежное, как дыхание, ласково проходящее через его душу: «Хиссун, Хиссун, Хиссун…», навевавшее на него успокоение, за которым пришла легкая дрема, а потом и глубокий сон, недоступный для сновидений.

Утром величественная, невзирая на изящество, иерарх Талинот Эсюлде проводила его и Эльсиному на площадку у подножия огромного белого утеса, где ждали парящие сани, которым предстояло доставить их на верхние террасы Острова.

Подъем по вертикальной стене Первого утеса

— вверх-вверх-вверх, как во сне, совершенно ошеломил Хиссуна, он зажмурился и осмелился открыть глаза лишь после того, как сани не остановились на посадочной площадке. Посмотрев оттуда, он увидел залитую солнцем морскую гладь, простирающуюся до далекого Алханроэля, и два изогнутых рукава мола нуминорского порта, выдающиеся в море прямо под ним. Затем летающий фургон отвез их по заросшему густым лесом плато к подножию Второго утеса, который вздымался вверх так круто, что, казалось, заполнял все небо; там они переночевали в хижине на Террасе зеркал, где из земли, как таинственные древние идолы, торчали массивные плиты из полированного черного камня.

Затем последовал еще один подъем на санях на верхний, внутренний утес, вздымающийся на несколько тысяч футов над уровнем моря, где находилось святилище Владычицы. На вершине Третьего утеса воздух был настолько чистым, что даже находящееся за много миль виделось четко, будто сквозь увеличительное стекло. Высоко над головами лениво парили неизвестные Хиссуну громадные птицы с пухлыми красными телами и огромными черными крыльями. И снова Хиссун и Эльсинома поехали вглубь Острова, минуя

одну за другой плоские террасы, пока наконец не достигли места, где среди необыкновенно безмятежных садов были разбросаны в кажущейся хаотичности простые беленые каменные домики.

— Это Терраса поклонения, — сказала Талинот Эсюлде. — Преддверие Внутреннего храма.

На сей раз они переночевали в скромном, но очень милом уединенном тихом домике, с собственным мерцающим бассейном и тихим уютным садом, окаймленным виноградными лозами, толстые древние стволы которых словно вросли в непроницаемую стену. На рассвете слуги принесли им охлажденные фрукты и жареную рыбу, и вскоре после того, как они закончили завтрак, появилась Талинот Эсюлде, а с нею другая иерарх, суровая седовласая женщина с пронзительным взглядом. Она приветствовала их обоих неодинаково, Хиссуна — салютом, подобающим принцу Горы, но сделала этот жест с необычной поспешностью, попросту небрежно, а затем повернулась к Эльсиноме и, взяв обе ее руки в свои, долго тепло и пристально смотрела ей в глаза, и в конце концов сказала:

— Добро пожаловать на Третий утес. Меня зовут Лоривейд. Владычица и ее сын ждут вас.

Утро было прохладным и туманным, но казалось, что солнечный свет вот-вот пробьется сквозь низкие облака. Цепочкой, которую возглавляла Лоривейд и замыкала Талинот Эсюлде, они без единого слова прошли через сад, где каждый лист сверкал росой, и, миновав мост из белого камня, изогнутый столь изящно, что казалось, будто он может рассыпаться при малейшем ударе, достигли просторного луга, по другую сторону которого находился Внутренний храм.

Хиссуну еще не случалось видеть более красивого здания. Оно было построено из того же полупрозрачного белого камня, что и мост; основу его составляла невысокая ротонда с плоской крышей, от которой исходили, как лучи звезды, восемь длинных тонких крыльев. Никаких украшений: все чисто, целомудренно, просто, безупречно.

В ротонде помещался просторный восьмигранный зал, посреди которого находился восьмигранный же бассейн, и в этом зале их поджидали лорд Валентин и женщина, которая могла быть только его матерью, Владычицей.

Хиссун застыл было на пороге в недоумении, не зная, кому из этих Властей он должен поклониться в первую очередь, но тут же решил, что

преимущество должна иметь дама. Но в какой форме он должен выразить ей свое почтение? Он, конечно, знал знак Владычицы, но следует ли демонстрировать этот знак перед нею самой, как приветствуют знаком пылающей звезды корональ, или это окажется вопиющей бестактностью? Хиссун не знал что и думать. В ходе обучения его ни единым словом не подготовили к встрече с Владычицей острова.

Тем не менее он повернулся к ней. Она оказалась гораздо старше, чем он ожидал, с лицом, изрезанным глубокими морщинами и частой сеточкой вокруг глаз, с обильной сединой в волосах. Но яркая, теплая и сияющая, как полуденное солнце, улыбка красноречиво говорила о силе и энергичности; Хиссун почувствовал, что в этом удивительном сиянии стремительно тают его сомнения и страхи.

Он собирался преклонить перед нею колено, но она угадала его намерение, остановила его, легко качнув головой, прежде чем он успел согнуть ноги, и сама протянула ему руку. Хиссун, каким-то образом сообразив, чего от него ждут, на мгновение легонько прикоснулся кончиками пальцев к ее пальцам, и с изумлением ощутил такой мощный, потрясший все его существо прилив

энергии, что отскочил бы, если бы не настроился заранее на любые неожиданности. Зато тут же стало ясно, что таким образом Владычица укрепила его уверенность, силу и самообладание.

Потом он повернулся к короналю и прошептал:

— Мой повелитель…

Хиссуна удивили и встревожили перемены, произошедшие в облике лорда Валентина за время их последней встречи, которая случилась так давно, в Лабиринте, в начале злополучного великого паломничества. Тогда лорд Валентин был удручен страшной усталостью, но, несмотря на это, в его лице пробивался внутренний свет, некая неудержимая радость, которую не могла до конца погасить никакая усталость. Но сейчас он был не таков. Его кожа потемнела под жестоким солнцем Сувраэля, а волосы, напротив, посветлели, отчего он казался непривычно, по-варварски агрессивным. Ввалившиеся глаза прятались под полуопущенными веками, на исхудавшем лице появилось множество морщин, и не было видно и следа той солнечной дружелюбности духа, которая была самой заметной чертой его характера. Он казался совершенно незнакомым: мрачным, напряженным, отстраненным.

Хиссун начал делать знак пылающей звезды. Но лорд Валентин нетерпеливо перехватил его руку и крепко пожал ее. Это тоже не вселяло спокойствия. Корональ не обменивается рукопожатием ни с кем. К тому же в момент соприкосновения ладоней Хиссун опять ощутил хлынувший в него поток энергии. Правда, в отличие от той энергии, которую даровала ему Владычица, эта заставляла его нервничать, вселяла чувство неловкости.

Как только корональ выпустил его руку, Хиссун отступил и жестом подозвал к себе Эльсиному, которая стояла неподвижно у порога, как будто окаменела при виде двух Властей Маджипура в одной комнате.

— Мой повелитель, добрая Владычица, — произнес он натужным хриплым голосом, — позвольте представить вам мою мать, леди Эльсиному…

— Достойная мать достойного сына, — сказала Владычица. Это была первая ее реплика с тех пор, как Хиссун с матерью вошли в зал, и ее голос показался Хиссуну прекраснейшим из когда-либо слышанных: густой, спокойный, музыкальный. — Подойдите ко мне, Эльсинома.

Выйдя из оцепенения, Эльсинома двинулась по гладкому мраморному полу, и Владычица двинулась ей навстречу, и они сошлись у вось-

миугольного бассейна в центре Зала. Владычица вскинула руки и крепко и с неподдельной теплотой обняла Эльсиному, а когда женщины отступили друг от дружки, Хиссун увидел, что его мать как будто вышла на яркий солнечный свет после долгого пребывания в темноте. Глаза ее сияли, лицо порозовело; в ней не было видно ни намека на робость или страх.

Она перевела взгляд на лорда Валентина и начала делать знак пылающей звезды, но корональ остановил ее точно так же, как и Хиссуна, прикоснувшись пальцами к ее ладони.

— В этом нет необходимости, милая леди Эльсинома.

— Для меня это обязательно, мой повелитель, — уверенным тоном ответила она.

— Нет. Уже нет. — Корональ улыбнулся впервые за утро. — Все эти салюты и поклоны придуманы для игры на людях. В своем кругу мы прекрасно обходимся без них.

И продолжил, обращаясь к Хиссуну:

— Я, пожалуй, не узнал бы тебя, если бы не знал, что ты сегодня приедешь сюда. Мы так давно не виделись, что уже и забыли друг друга; во всяком случае, мне так кажется.

— Несколько лет, мой повелитель, и непростых

лет, — ответил Хиссун. — Время на все накладывает отпечаток, а в такие годы, как эти, отпечатки оказываются особенно впечатляющими.

— Да, так оно и есть. — Лорд Валентин подался вперед и принялся рассматривать Хиссуна столь пристально, что ему стало неловко, а потом сказал: — Некогда я думал, что хорошо тебя знаю. Но Хиссун, которого я знал, был мальчиком, прятавшим робость за хитростью. А сейчас передо мною стоит мужчина — даже принц, — в котором почти не осталось робости, а хитрость, полагаю, переродилась во что-нибудь более серьезное — скажем, в изобретательность. Или даже в государственную мудрость, если отчеты о твоей жизни, которые я получал, верны. Полагаю, тот мальчик, которого я когда-то знал, скрывается у тебя где-то в глубине. Но разглядеть его совсем непросто.

— И мне трудно, мой повелитель, узнать в вас того человека, который когда-то нанял меня в проводники по Лабиринту.

— Неужели я так сильно изменился?

— Да, мой повелитель. Я боюсь за вас.

— Если тебе так уж нужно бояться, то бойся за Маджипур. Не трать страхи на меня.

— Я боюсь за Маджипур, очень боюсь. Но как же

мне не бояться за вас, мой повелитель? Вы — мой благодетель. Высоким положением, которого я достиг, я обязан только вам. И когда я вижу вас таким подавленным, таким мрачным…

— Времена мрачные, Хиссун. Состояние мира отражается на моем лице. Но, возможно, мы еще увидим цветущую весну. Лучше расскажи мне: что нового в Замке? Насколько мне известно, лорды и принцы строят грандиозные планы.

— Совершенно верно, мой повелитель.

— Тогда рассказывай!

— Вы же понимаете, мой повелитель, что все эти планы будут представлены вам на утверждение, что Регентский совет не станет…

— Отлично понимаю. Расскажи мне, что предлагает Совет.

Хиссун набрал полную грудь воздуха.

— Во-первых, — сказал он, — мы намерены разместить армию по всей границе Пьюрифайна, чтобы лишить метаморфов возможности и дальше распространять заразу и другие ужасы.

— Ты имеешь в виду окружить Пьюрифайн или вторгнуться туда? — спросил лорд Валентин.

— Сначала окружить, мой повелитель.

— *Сначала?*

— Предполагается, что, взяв под контроль гра-

ницы, мы войдем в пределы провинции, чтобы отыскать мятежника Фараатаа и его сторонников.

— Ага. Арестовать Фараатаа и его сторонников! А что будет с ними, когда их арестуют? Кстати, я очень сомневаюсь, что это удастся — исходя из собственного опыта скитания в джунглях.

— Их ждет тюрьма.

— И все? Не планируется казнить предводителей?

— Мой повелитель, мы же не дикари!

— Конечно, конечно… И целью вторжения будет только и исключительно арест Фараатаа?

— Только и исключительно, мой повелитель.

— Эти планы не предусматривают свержения Данипьюр? Или кампании по полному истреблению метаморфов?

— Такие действия даже не рассматривались.

— Понятно… — Он говорил крайне сдержанным, даже чуточку насмешливым тоном, какого Хиссун никогда прежде не замечал за ним. — И какие еще планы предлагает Совет?

— Силами миротворческой армии занять Пилиплок, — по возможности, без кровопролития, — и взять под контроль прочие города и провинции, которые откажутся подчиняться

правительству. Также нейтрализовать всякие частные армии, собранные самозваными короналями, которые нынче объявляются тут и там, и по возможности призвать эти армии на службу правительству. И последнее: военная оккупация любой провинции, которая откажется принять участие в только что объявленной программе продовольственной поддержки пораженных областей.

— Можно сказать, исчерпывающая схема, — сказал лорд Валентин все тем же необычным подчеркнуто бесстрастным тоном. — И кто же возглавит эти армии?

— Совет предложил разделить командование между его светлостью лордом Диввисом, его светлостью лордом Тунигорном и мною, — ответил Хиссун.

— А как же я?

— Вы, естественно, будете осуществлять верховное командование всеми силами, мой повелитель.

— Естественно… естественно… — Взгляд лорда Валентина словно бы обратился внутрь него. Корональ долго молчал, по-видимому, обдумывая то, что сказал Хиссун. А тот пристально наблюдал за правителем. Было что-то очень неприятное в

строгой, сдержанной манере, с какой корональ задавал вопросы; казалось очевидным, что лорд Валентин, как и сам Хиссун, знал, к чему идет разговор, и Хиссун понял, что опасается того момента, который они оба старательно оттягивали. Но этот момент все равно уже близок. Корональ снова посмотрел на Хиссуна — глаза его при этом странно блеснули — и спросил:

— Выдвигал ли Регентский совет еще какие-нибудь предложения, принц Хиссун?

— Да, мой повелитель, еще одно.

— Какое же?

— Что командовать армией, которой предстоит оккупировать Пилиплок и другие мятежные области, будет носитель титула короналя.

— Корональ, как вы только что сказали… — Хиссун не пропустил мимо ушей официальность обращения, — будет верховным главнокомандующим.

— Нет, мой повелитель. Верховным главнокомандующим должен быть *понтифик*.

Последовавшая пауза затянулась, казалось, на тысячу лет. Лорд Валентин стоял почти неподвижно, его можно было бы принять за статую, если бы не чуть заметное трепетание век и редкое подергивание мускула на щеке. Хиссун напря-

женно ждал, не решаясь нарушить тишину. Теперь, когда эти слова, являющиеся, фактически, ультиматумом короналю, прозвучали, он поражался собственной безрассудности. Но сделанного не воротишь. Если лорд Валентин разгневается, лишит его титула и отправит вновь побираться на улицах Лабиринта, значит, так тому и быть: сделанного не воротишь.

Корональ расхохотался.

Этот хохот рождался где-то в самой глубине его тела и, как гейзер, прорывался через грудь к губам — громкий, гулкий не то смех, не то рев, какой можно было бы услышать от великана вроде Лизамон Халтин или Залзана Кавола, а не довольно субтильного лорда Валентина. Он хохотал и хохотал, пока у Хиссуна не зародилось опасение, что корональ повредился в рассудке, но именно тогда смех резко оборвался, и от нездорового веселья лорда Валентина не осталось ничего, кроме странной напряженной улыбки.

— Отлично сработано! — воскликнул он. — Ах, Хиссун, отлично сработано!

— Мой повелитель?..

— А скажи-ка мне — кто станет новым короналем?

— Мой повелитель, вы, несомненно, понимаете,

что это всего лишь предложения… они рассчитаны на повышение эффективности управления в условиях кризиса…

— Да, конечно. Но кому же, позволю себе спросить еще раз, предстоит осуществлять это самое повышение эффективности управления?

— Мой повелитель, выбор преемника всегда является прерогативой прежнего короналя.

— Совершенно верно. Но кандидаты для этого выбора… разве принцы и верховные советники не предложили несколько имен? Предполагалось, что пост унаследует Элидат, но Элидата, — Валентин вдруг вернулся к неофициальному обращению, — как ты, вероятно, знаешь, больше нет на свете. Итак, Хиссун, признавайся, кого же выбрали на Горе?

— Обсуждалось несколько имен, — осторожно сказал Хиссун, величайшим усилием заставляя себя прямо смотреть в лицо лорду Валентину. — Мой повелитель, если вам это непри…

— Несколько имен. Чьих же?

— Первым был назван его светлость лорд Стазилейн. Но он сразу же заявил, что не желает быть короналем. Затем назвали его светлость лорда Диввиса…

— Диввису не быть короналем! — повысил

голос лорд Валентин, бросив быстрый взгляд на Владычицу. — Он наделен всеми недостатками моего брата Вориакса, но не имеет ни одного из его достоинств. Кроме, пожалуй, отваги и определенной напористости. Этого недостаточно.

— Упоминалось еще одно имя, мой повелитель…

— Твое, Хиссун?

Хиссун попытался ответить: «Да, мой повелитель», — но у него перехватило горло.

— М… мое.

Лорд Валентин улыбнулся.

— И ты готов нести эту службу?

— Если мне будет это поручено, то да. Да.

Кородаль впился взглядом в Хиссуна, а тот, не моргнув глазом, выдержал этот суровый осмотр.

— Что ж, в таком случае, все решено, да? Мать одобряет мое повышение в должности. Регентский совет — тоже. И старина Тиверас, несомненно, согласится уступить мне место.

— Валентин… — начала, нахмурившись, Владычица.

— Нет-нет, мама, все в порядке. Я понимаю, что значит необходимость. Мне ведь не оставили возможности для колебаний, верно? Поэтому я принимаю свою судьбу. Нужно немедленно

сообщить Хорнкасту, что Тиверасу следует, наконец, позволить перейти Мост Прощаний. Ты, мама, наконец-то сможешь избавиться от своего бремени, о чем, я знаю, ты мечтаешь, и перейти к спокойной и легкой жизни бывшей Владычицы. А ваша, Эльсинома, работа только начинается. И твоя, Хиссун. Вот видишь: дело сделано. Все произошло именно так, как я предвидел, но, пожалуй, раньше, чем ожидал.

Хиссун, с удивлением и недоумением наблюдавший за короналем, заметил, что выражение лица Валентина изменилось: резкость, нехарактерная суровость покинули его черты, а в глаза вернулись прежние спокойствие, тепло и нежность; жуткая, напряженная, чуть ли не безумная ухмылка сменилась привычной доброй, нежной, любящей улыбкой.

— Вот и все, — тихо сказал Валентин и, подняв руки, изобразил знак пылающей звезды и крикнул во весь голос:

— Да здравствует корональ! Да здравствует лорд Хиссун!

Глава 7

Когда Хорнкаст вошел в зал совета, там уже находились трое из верховных министров понтификата. Сидевший, как обычно, в середине гэйрог Шинаам нервно подергивал раздвоенным языком, будто подозревал, что ожидаемый всеми смертный приговор должен быть вынесен не дряхлому созданию, которому он так долго служил, а ему самому. Рядом с ним пустовало кресло врача Сепултрова, а еще правее сидел Дилифон, сморщенный трясущийся человечек, который и сидеть-то в своем огромном, похожем на трон кресле мог только съежившись и крепко держась за подлокотники, но в глазах его горел огонь, которого Хорнкаст не видел уже много лет. В другом конце комнаты сидела толковательница снов Наррамиир, окутанная аурой мрачной болезненности и ужаса, для которой ни в малейшей степени не служила препятствием ее наколдованная неуместно чувственная красота, за которой она скрывала свое вековое тело. Как же долго, думал Хорнкаст, каждый из этих троих ждал этого дня? И что накопилось в их душах за время этого ожидания?

— Где Сепултров? — осведомился Хорнкаст.

— У понтифика, — ответил Дилифон. — Его час назад вызвали в тронный зал. Как нам сообщили, понтифик снова заговорил.

— Странно, что об этом не известили меня, — заметил Хорнкаст.

— Мы знали, что ты принимаешь послание от короналя, — сказал Шинаам, — и решили, что тебя не стоит тревожить.

— Настал тот самый день, да? — спросила непрерывно перебиравшая пальцами густые черные волосы Наррамиир, подавшись всем телом вперед.

Хорнкаст кивнул.

— Да, тот самый день.

— Прямо не верится, — заявил Дилифон. — Этот фарс так сильно затянулся, что я думал, он не кончится вовсе.

— Он закончится сегодня, — сказал Хорнкаст. — Вот декрет. Должен заметить, что формулировка найдена весьма элегантная.

— И впрямь, интересно, какими словами можно воспользоваться, чтобы приговорить правящего понтифика к смерти, — сказал Шинаам с визгливым смешком. — Думаю, этот документ будет достоин постоянного изучения множеством бу-

дущих поколений.

— Декрет никого не приговаривает к смерти, — ответил Хорнкаст. — Там нет никаких инструкций. Просто корональ лорд Валентин глубоко скорбит о кончине своего отца и отца всех жителей Маджипура великого понтифика Тивераса.

— Он, оказывается, хитрее, чем я думал! — сказал Дилифон. — Умудрился не запачкать рук!

— Им всегда это удается, — сказала Наррамиир. — Скажи-ка лучше, Хорнкаст, кто будет следующим короналем?

— Короналем был избран Хиссун, сын Эльсиномы.

— Молодой принц родом из Лабиринта?

— Он самый.

— Потрясающе. Значит, новой Владычицей будет…

— Эльсинома, — закончил Хорнкаст.

— Это же революция! — воскликнул Шинаам. — Валентин одним ударом опрокинул Замковую гору! Кто мог бы поверить в такое? Нет, правда? Лорд Хиссун! Разве такое возможно? И как с этим смирились принцы Горы?

— Думаю, у них просто не было выбора, — ответил Хорнкаст. — Но давайте выбросим из головы

проблемы принцев Горы. Мы обязаны решить собственные проблемы, поскольку наша служба сегодня заканчивается.

— Благодарение Божеству за это, — проворчал Дилифон.

Гэйрог обжег его сердитым взглядом.

— Не говори за всех.

— Для меня — безусловно. Но я имею в виду и понтифика Тивераса.

— Который сегодня, кажется, говорит сам за себя, — сказал Хорнкаст и посмотрел на документ, который держал в руке. — Должен обратить ваше внимание на несколько любопытных моментов. В частности, мои сотрудники до сих пор не смогли найти какого-либо описания надлежащей процедуры оповещения о смерти понтифика и провозглашения нового понтифика, поскольку такое событие происходило очень давно.

— Очень может быть, что никого из его свидетелей уже нет в живых, — сказал Дилифон. — Кроме самого понтифика Тивераса.

— Сомневаюсь, что он согласится помочь нам в этом вопросе, — сказал Хорнкаст. — Сейчас мы просматриваем архивы в поисках описания того, как осуществлялось оповещение о смерти Оссьера и воцарении Тивераса, но если не удастся

ничего найти, придется изобретать собственную церемонию.

Наррамиир, сидевшая с закрытыми глазами, сказала густым потусторонним голосом:

— Вы запамятовали. Среди нас все же есть один свидетель дня воцарения Тивераса.

Хорнкаст вскинул на нее изумленный взгляд. Все знали, что она очень стара, но никто не знал насколько; о ней было известно лишь, что она всегда была толковательницей снов верховного правителя. Но если она действительно застала эпоху пребывания Тивераса на троне короналя, значит, она еще старше, чем он предполагал. По спине верховного глашатая пробежали мурашки; он-то считал, что в его возрасте уже невозможно чему-либо удивиться.

— Неужели ты помнишь, как это было?

— Вижу все это как сквозь туман. Первое объявление сделали во Дворе колонн. Затем во Дворе Шаров, далее — на Площади Масок, в Зале Ветров и во Дворе Пирамид. И, в завершение — в Устах лезвий. Новый понтифик, прибыв в Лабиринт, обязан войти через Уста лезвий и пешком спуститься через все уровни до самого низа. Это я хорошо помню: Тиверас шагал через толпу, скандировавшую его имя, шел так быстро, что никто

не успевал за ним, и ни разу не остановился, пока не прошел весь Лабиринт до самого дна. Интересно, понтифик Валентин проявит такую же прыть?

— А тут еще одна любопытная новость, — сказал Хорнкаст. — Понтифик Валентин не намерен немедленно переселяться в Лабиринт.

— Что? — изумился Дилифон.

— Сейчас он находится на Острове с бывшей Владычицей, новым короналем и новой Владычицей. Понтифик проинформировал меня, что оттуда он отправится в Зимроэль, чтобы взять под контроль взбунтовавшиеся провинции. Он предвидит, что на это уйдет много времени, и просит меня отложить все торжества по поводу его воцарения.

— Как надолго? — осведомился Шинаам.

— Неизвестно, — ответил Хорнкаст. — Кто знает, сколько еще продлится этот кризис. И, пока он продолжается, понтифик намерен оставаться в верхнем мире.

— В таком случае, — сказала Наррамиир, — можно ожидать, что кризис не закончится, пока Валентин жив.

Хорнкаст взглянул на нее и улыбнулся.

— Ты отлично поняла его. Он изрядно недолюб-

ливает Лабиринт и, полагаю, будет использовать любой предлог, чтобы не переселяться сюда.

Дилифон медленно покачал головой.

— Но ведь это невозможно! Понтифик *обязан* жить в Лабиринте! Это же традиция! Ни разу за десять тысяч лет ни один понтифик не жил в верхнем мире!

— Но и Валентин никогда еще не был понтификом, — ответил Хорнкаст. — Думаю, что если мир переживет войну, которую развязали против нас меняющие облик, то за время его царствования случится еще немало перемен. Но должен признаться, что мне, в общем-то, безразлично, будет он жить в Лабиринте, или в Сувраэле, или на Замковой горе. Мое время прошло, как и твое, мой друг Дилифон, и твое, Шинаам, и, может быть, даже твое, моя госпожа Наррамиир. Поэтому грядущие преобразования крайне мало интересуют меня.

— Он *обязан* жить здесь! — повторил Дилифон. — Новый корональ просто не сможет выполнять свои обязанности, если рядом с ним в верхнем мире будет присутствовать понтифик.

— Может быть, в этом и состоит план Валентина, — предположил Шинаам. — Он принял титул понтифика, потому что уже не мог уклонять-

ся от этого, но намерен фактически исполнять обязанности короналя, оставив лорду Хиссуну роль своего помощника. Клянусь Владычицей, я не ожидал, что он окажется столь ловким интриганом.

— Я тоже, — добавил Дилифон.

Хорнкаст пожал плечами.

— Мы можем лишь гадать о том, какие у него могут быть планы и намерения. Ясно лишь одно: пока не закончится война, он здесь не появится. И его двор будет рядом с ним; мы же уйдем в отставку, как только на пост заступит новый правитель. — Он медленно обвел взглядом небольшой зал. — Позвольте напомнить, что мы говорим о Валентине как о понтифике, хотя передача власти еще не осуществилась. И у нас осталась последняя обязанность.

— У нас? — повторил Шинаам.

— Ты намерен уклониться от нее? — спросил Хорнкаст. — Что ж, старина, иди, спрячься под одеяло. Мы справимся без тебя. Потому что сейчас нам придется пойти в тронный зал и выполнить свой долг. Дилифон? Наррамиир?

— Я пойду с вами, — твердо сказал Шинаам.

Медлительную процессию, парад древностей возглавил Хорнкаст. Несколько раз приходилось

поджидать Дилифона; хотя его почти несли под руки двое дюжих помощников, ему все равно приходилось останавливаться, чтобы перевести дух. В конце концов они остановились перед громадными дверями обители правителя всего мира, и Хорнкаст привычным движением сунул руку в перчатку-опознаватель и прикоснулся к пульту открывания двери, зная, что делает это в последний раз.

Сепултров стоял перед шаром сложнейшей системы поддержания жизни, в котором пребывал понтифик.

— Очень странно, — сказал он. — Понтифик много месяцев молчал и вдруг опять заговорил. Вот, он пошевелился, сейчас…

И из голубого стеклянного шара послышались свист и бульканье, а потом голос Тивераса довольно внятно произнес, как когда-то:

— *Пора. Встать. Идти.*

— Те же самые слова, — сказал Сепултров.

— Жизнь! Боль! Смерть!

— Я думаю, он знает, — сказал Хорнкаст. — Я думаю, он должен знать.

Сепултров нахмурился.

— Что он знает?

Хорнкаст показал ему декрет.

— Это заявление, в котором лорд Валентин с прискорбием извещает о кончине великого императора Маджипура.

— Понятно… — протянул врач, и его ястребиное лицо потемнело от прилившей крови. — Значит, до этого все же дошло.

— Именно так.

— Пора? — спросил Сепултров и поднял трясущиеся руки над пультом управления.

Понтифик в последний раз разразился речью:

— Жизнь, величество. Смерть. Валентин — понтифик Маджипура!

Наступила жуткая тишина.

— Пора, — сказал Хорнкаст.

Глава 8

Из-за бесконечных перемещений по морю — сейчас с Острова снова на Зимроэль — Валентину уже стало казаться, что в одной из прошлых жизней он был, вероятно, легендарным капитаном Синнабором Лавоном, который в незапамятные времена предпринял первую из безуспешных попыток пересечь Великое море и повернул назад после пяти лет плавания. Очень может быть, что за это он был приговорен к цепи возрождений и бесконечному плаванию от земли к земле без права даже задержаться и отдохнуть где-нибудь. Но Валентин сейчас не ощущал усталости и не особенно тяготился скитальческой жизнью. Ведь ее можно было считать — в каком-то необычном, причудливом смысле — продолжением его великого паломничества.

Флот, подгоняемый благоприятным ветром, шел на запад и уже приближался к Пилиплоку. На сей раз задерживаться и менять курс из-за попадавшихся на пути драконов не пришлось ни разу, и корабли шли быстро.

Вымпелы на мачтах указывали строго вперед, на Зимроэль. Теперь флот шел не под зеленым с

золотом флагом короналя — он перешел к лорду Хиссуну, который плыл на Зимроэль другим путем. Корабли Валентина шли под красно-черным, с эмблемой Лабиринта, знаменем понтифика.

Он еще не привык ни к этим цветам, ни к этой эмблеме, ни к другим переменам в своем образе жизни. Теперь перед ним уже не делают знак пылающей звезды, и это хорошо: он уже много лет считал все эти салюты вопиющей глупостью. К нему больше не обращаются «мой повелитель», потому что понтифика следует называть «мой император». Валентин почти не видел в этом разницы, если не считать того, что ухо его давно привыкло к то и дело повторяющемуся словосочетанию, он воспринимал его как знак препинания, как ритмическую основу фразы, без которой речь звучала непривычно. Трудным оказалось другое — добиться того, чтобы люди вообще разговаривали с ним, ибо все знали с малолетства, что к понтифику нельзя обращаться напрямую, что все общение с ним ведется исключительно через верховного глашатая, даже если понтифик находится рядом и обладает прекрасным слухом. Понтифик же не имеет права лично отвечать обращающемуся к нему и тоже должен передавать свои реплики через

глашатая. Это оказалось первой из традиций понтификата, которую Валентин решительно отверг, а вот приучить окружающих оказалось куда сложнее. Своим верховным глашатаем он назначил Слита — этот выбор все сочли вполне естественным, — но строго-настрого запретил ему следовать древним глупостям и строить из себя уста и уши понтифика.

Из-за замшелых традиций никто не мог толком осознать, что понтифик действительно находится на борту корабля и разгуливает среди простого народа, открытый резким ветрам и яркому теплому солнечному свету. Все знали, что бытие понтифика должна окутывать тайна. Понтифик недоступен взглядам. Понтифику, как всем известно, следует пребывать в Лабиринте.

«Не полезу туда! — думал Валентин. — Я отдал другому свою корону, и право ставить слово «лорд» перед именем принадлежит другому, и Замок будет Замком лорда Хиссуна, если тому вообще удастся вернуться туда. Но хоронить себя заживо под землей я отказываюсь».

Карабелла вышла на палубу и направилась к нему.

— Эйзенхарт просил сказать тебе, мой повелитель, что если ветер не изменится, мы часов через

двенадцать увидим Пилиплок.

— Не «мой повелитель», — поправил ее Валентин.

Она ухмыльнулась.

— Очень трудно привыкнуть к «моему императору».

— Мне тоже. Но что сделано, то сделано.

— А можно я все равно буду наедине называть тебя «мой повелитель»?

— С какой это стати? Разве я повелеваю тобой или ты наливаешь мне вино и приносишь тапочки, как служанка?

— Ты же знаешь, Валентин, что я имею в виду совсем другое.

— В таком случае называй меня Валентином, а не повелителем. Я был твоим короналем, теперь я твой император — но не твой господин. Я думал, что между нами это давно уже решено…

— Я тоже так думаю… мой император.

Она рассмеялась, он тоже рассмеялся, притянул ее к себе, обнял одной рукой за плечи и сказал после короткой паузы:

— Я ведь уже не раз говорил тебе, что в некоторой степени сожалею и даже чувствую себя виноватым в том, что заставил тебя сменить привольную жонглерскую жизнь на обремененное

множеством обязанностей и условностей существование в замке. А ты каждый раз отвечала мне, что нет, нет, ерунда, ни в чем ты не виноват, я сама выбрала жизнь рядом с тобою.

— И это чистая правда, мой повелитель.

— Но теперь я стал понтификом… клянусь Владычицей, произношу это слово так, будто пытаюсь говорить на незнакомом языке! Я стал понтификом, самым настоящим понтификом, и ты можешь из-за меня снова лишиться оставшихся радостей жизни.

— Но почему, Валентин? Разве понтифик должен отказаться от жены? Никогда не слышала о таком обычае!

— Карабелла, понтифик должен жить в Лабиринте.

— Ну, вот, опять ты за старое!

— Это меня постоянно гложет. И если мне волей-неволей придется жить в Лабиринте, то и тебе придется поселиться там вместе со мною, но разве могу я просить тебя об этом?

— А ты просишь меня?

— Ты же знаешь, что я нисколько не хочу расставаться с тобою.

— И я — с тобою, мой повелитель. Но пока что мы не в Лабиринте, и уверена, что ты не испыты-

ваешь ни малейшего желания ехать туда.

— Но, Карабелла, если я должен — что тогда?

— Кто может сказать понтифику: «Должен»?

Он покачал головой.

— Но если я действительно должен? Ты сама отлично знаешь, что я очень не люблю это место. Но если необходимо… если того требуют интересы государства… если окажется, что без этого никак не обойтись… молю Божество, чтобы это было не так, но вдруг… если все же выяснится, что я все же должен переехать туда, в этот муравейник…

— …То я отправлюсь туда с тобой, мой повелитель.

— И откажешься от вольных ветерков, ярких солнечных дней, моря, леса и гор?

— Безусловно, ты сможешь выдумать предлог для любой поездки, даже если необходимость вынудит тебя переселиться под землю.

— А если не смогу?

— Мой повелитель, ты пытаешься решать проблемы, которых пока что даже не видно из-за горизонта. Мир в опасности, перед тобой стоят сложнейшие задачи, и никому не придет в голову пытаться загнать тебя в Лабиринт, пока эти задачи не разрешатся. А вот тогда и будем думать о том, где нам жить и как нам это понравится.

Или ты не согласен, мой повелитель?

Валентин кивнул.

— Ты совершенно права. Что-то я совсем расклеился.

— Вот и мне так кажется, и давай больше не будем говорить на эту тему. Если ты найдешь какой-нибудь способ без ущерба для чести и государственных интересов уклониться от переселения в Лабиринт, я буду очень рада, ну а если тебе все же придется поехать туда, я отправлюсь с тобой и даже не буду думать: ехать, не ехать… Неужели ты считаешь, что когда ты, будучи короналем, взял меня в жены, я не знала о том, что лорд Валентин рано или поздно станет понтификом Валентином? Согласившись стать твоей женой, я согласилась и на Лабиринт, точно так же, как и ты, мой повелитель, согласился на Лабиринт приняв корону, которую прежде носил твой брат. Так что, действительно, мой повелитель, давай больше не будем говорить об этом. Мой повелитель.

— Мой император, — поправил Валентин и, погладив плечи Карабеллы, легонько прикоснулся губами к ее губам. — Обещаю тебе, что больше не стану скулить по поводу Лабиринта. А ты пообещай обращаться ко мне, как положено.

— Как скажете, мой император. Слушаюсь, мой император. Будет исполнено, мой император.

И она, широко размахивая руками, сделала нечто вроде салюта, изобразив в воздухе пародию на символ Лабиринта.

Вскоре Карабелла спустилась в каюту, а Валентин еще долго стоял на палубе, глядел на горизонт в подзорную трубу и гадал, какой же прием может ждать его в свободной республике Пилиплок.

Вряд ли рядом с ним найдется хоть кто-то, не возражавший против его решения отправиться туда. Слит, Тунигорн, Карабелла, Хиссун — все они говорили о том, насколько это опасно и непредсказуемо, что пилиплокцы в своем безумии могут пойти на что угодно, даже захватить его в плен и сделать заложником для обеспечения своей независимости. «Если идти в Пилиплок, — сказала Карабелла теми же словами, что и несколько месяцев назад в Пьюрифайне, — то во главе армии, а ведь у тебя, мой повелитель, нет армии».

Хиссун выдвигал иной аргумент.

— Еще в Замке было решено, что когда будут сформированы войска, то против Пилиплока выступит армия под командованием короналя. Понтифик же будет осуществлять стратегиче-

ское командование, находясь на безопасном удалении.

— Нам не потребуется вести армию против Пилиплока, — ответил Валентин.

— Мой император?..

— Во время войны за возвращение трона я накопил немалый опыт усмирения мятежников без кровопролития. Если в Пилиплок явитесь вы, — теперь он в разговорах с Хиссуном, даже наедине, придерживался официального тона, — новый, никому еще не известный корональ, сопровождаемый солдатами, в городе, несомненно, начнется вооруженное сопротивление. Но если туда приедет понтифик собственной персоной, — интересно, посещал ли Пилиплок хоть один понтифик? — его встретят благоговейно, восторженно и не осмелятся поднять на него руку, даже если он войдет в город в одиночку.

Хиссун продолжал возражать, и в конце концов Валентин просто настоял на своем. Он знал, что по-другому нельзя: в первые дни своего понтификата, только что передав светскую власть короналя молодому преемнику, он еще не мог смириться с той декоративной ролью, которая, по всеобщему мнению, отводилась понтифику. К тому же он неожиданно выяснил, что от власти

нелегко отказаться даже человеку, который всегда считал, что не любит ее.

Впрочем, Валентин сознавал, что дело здесь отнюдь не в нежелании отдавать власть. Просто надо было избежать ненужного кровопролития. Хиссун, определенно, не видел возможности восстановить порядок в Пилиплоке мирным путем, Валентин же намеревался продемонстрировать, как это делается. В порядке, так сказать дополнительного обучения короналя искусству управления, думал Валентин. Если же попытка не удастся, что ж, значит, будет мне наука.

Утром, когда на горизонте действительно показался Пилиплок, расположенный на высоком берегу темного устья великой реки Зимр, Валентин приказал флоту выстроиться дугой, в которой его флагманский корабль «Леди Тиин» поместился в центре. Сам же он облачился в яркие красно-черные одежды понтифика, которые для него перед отъездом срочно сшили на Острове, и встал на носу корабля, чтобы, когда суда подойдут поближе, пилиплокцы смогли хорошо рассмотреть его.

— Они снова выслали навстречу драконобойские корабли, — сказал Слит.

Да. Как и в прошлый раз, когда Валентин в

качестве короналя прибыл в Пилиплок, откуда предполагал начать свое великое паломничество по Зимроэлю, встречать его вышла флотилия охотников за драконами. Но тогда они несли на мачтах яркие зелено-золотые вымпелы короналя и приветствовали гостя бодрыми звуками труб и барабанов. Теперь же над драконобойцами развевались иные флаги — желтые, перечеркнутые широкой алой полосой, столь же мрачные и зловещие, как и сами острохвостые корабли. Несомненно, это был флаг свободной республики, которой провозгласил себя Пилиплок, и суда вышли навстречу отнюдь не для того, чтобы сердечно приветствовать правителя.

Великий адмирал Эйзенхарт тревожно посмотрел на Валентина, помахал большим рупором, который держал в руке, и предложил:

— Я потребую, чтобы они уступили дорогу и проводили нас в порт, да, мой император?

К тому времени пилиплокские суда развернулись в линию, а самое большое из них, со страховидной зубастой носовой фигурой и необычными мачтами, увенчанными трезубцами, выдвинулось вперед и приблизилось к «Леди Тиин». Валентин узнал корабль Гуидраг, старейшей из капитанов-драконобойцев, и тут же увидел и ее

саму. Свирепая старуха-скандар стояла на палубе и кричала в рупор:

— От имени свободной республики Пилиплок требую остановиться и представиться!

Валентин протянул руку к Эйзенхарту.

— Дайте мне трубу, — сказал он и, приложив рупор к губам, закричал: — Это «Леди Тиин», я Валентин. Перейдите ко мне, Гуидраг, поговорим.

— Я не могу этого сделать, мой повелитель.

— Я сказал: Валентин, а не *лорд* Валентин, — отозвался он. — Вы понимаете, что я имею в виду? И раз вы не можете прийти ко мне, значит, я приду к вам. Приготовьтесь принять меня на борт.

– *Мой император*!.. — с ужасом воскликнул Слит.

Валентин повернулся к Эйзенхарту.

— Приготовьте ялик. Слит, тебе как верховному глашатаю придется поехать со мною. И тебе, Делиамбер.

— Мой император, умоляю... — начала было Карабелла.

— Если они намереваются взять нас в плен, — перебил ее Валентин, — ничего не помешает им сделать это, где бы я ни находился — у них или у нас. Их флот в двадцать раз больше нашего, и часть судов отлично вооружена. Итак, Слит,

Делиамбер…

— Мой император! — окликнула его Лизамон Халтин. — Никуда вы без меня не пойдете!

— Браво, Лизамон, — сказал, улыбнувшись, Валентин. — Командуешь понтификом! Я восхищен твоей решительностью. Но все же на сей раз я не возьму с собой никого из телохранителей, не возьму оружия, и единственной нашей защитой послужат эти одеяния. Эйзенхарт, ялик готов?

Маленькая лодочка на воздушной подушке уже висела на рее фок-мачты. Валентин забрался туда, жестом позвал мрачного, как туча, Слита и врууна, потом оглянулся на остальных своих спутников, собравшихся на палубе флагмана. Карабелла, Тунигорн, Эйзенхарт, Залзан Кавол, Лизамон, Шанамир и прочие смотрели на него, как на умалишенного.

— Вам следовало бы за столько лет научиться лучше понимать меня, — негромко сказал он и приказал спускать лодочку за борт.

Посудинка опустилась на воду, заработали моторы, шлюпка проплыла над невысокими волнами и остановилась у борта, где по приказу Гуидраг уже приготовили причальный крюк. Через минуту Валентин очутился на дощатой палубе, потемневшей от ничем не смываемой

крови добытых драконов. Перед ним стеной выстроилась дюжина громадных скандаров, самый мелкий из которых вдвое превосходил его размером, возглавляемая Гуидраг, у которой по сравнению с их предыдущей встречей, кажется, и зубов убавилось, и густой плотный мех заметно потускнел. Желтые глаза ее светились силой и властностью, но Валентин разглядел в них и некоторую неуверенность.

— Что это вы, Гуидраг, в этот раз так неприветливо встречаете меня? — осведомился он.

— Мой повелитель, я и подумать не могла, что вы решили вновь посетить нас.

— Да, так вышло, что пришлось к вам вернуться. И мне, что же, не следует рассчитывать на большее радушие, чем сейчас здесь?

— Мой повелитель… обстоятельства изменились, — сказала она, немного замявшись.

— Изменились? Свободная республика, да? — Он обвел взглядом палубу и другие корабли охотников за драконами, выстроившиеся широким фронтом. — Что такое свободная республика, Гуидраг? Я никогда прежде не слышал этого термина. Сделайте милость, объясните, что он значит.

— Я всего лишь капитан промыслового судна,

мой повелитель. В этих политических штуках не разбираюсь.

— В таком случае прошу прощения. Но тогда объясните мне хотя бы, зачем нужно было посылать этот флот, если не для того, чтобы приветствовать нас и проводить в порт?

— Меня послали вовсе не приветствовать вас, а прогнать прочь. Хотя, повторяю, мы и понятия не имели, что это вы, мой повелитель. Знали только, что идут имперские суда…

— А имперские суда теперь в Пилиплоке не приветствуются?

Последовала продолжительная пауза.

— Нет, мой повелитель, — чуть ли не заикаясь, ответила в конце концов старая морячка. — Не приветствуются. Мы, — как бы это сказать? — мы, мой повелитель, вышли из империи. Да, вспомнила, что такое свободная республика: это территория, которая управляется сама по себе, а не кем-то снаружи.

Валентин удивленно, хоть и не утрируя мимики, вскинул брови.

— Ах вот оно что! Неужели имперское правительство предъявляет столь тяжкие требования?

— Вы смеетесь надо мною, мой повелитель? Я в этих делах не разбираюсь. Знаю только, что

настали тяжелые времена, многое переменилось, и Пилиплок решил, что впредь будет сам определять свою судьбу.

— Потому что в Пилиплоке еще осталось продовольствие, а в других городах его нет, и Пилиплок решил, что кормить голодных будет для него слишком тяжким бременем? Так ведь, Гуидраг?

— Мой повелитель…

— И не называйте меня «мой повелитель», — сказал Валентин. — Ко мне теперь следует обращаться «мой император».

Эти слова, похоже, совсем вывели старую охотницу на драконов из равновесия.

— То есть вы больше не корональ, мой повелитель… мой император…

— Перемены происходят не только в Пилиплоке, — сказал он. — Сейчас я все покажу вам, Гуидраг. А потом вернусь на свой корабль, вы проводите меня в порт, и я побеседую с властями этой вашей свободной республики. Они-то, думаю, сумеют более внятно объяснить мне, что к чему. Так что, Гуидраг, позвольте, я покажу вам, кто я такой.

И он, взяв одной рукой руку Слита, другой — щупальце Делиамбера, без малейшего усилия вошел в состояние сна наяву, транс, позволяющий ему

напрямую общаться с чужими разумами, как при отправке послания. И из его души в душу Гуидраг устремился поток такой мощи, что даже воздух между ними засветился, ибо Валентин пользовался не только силой, что росла и накапливалась в нем во время тягот и испытаний, но и той, что отдавали ему Слит и вруун, и его сподвижники, оставшиеся на борту «Леди Тиин», и лорд Хиссун, и мать Хиссуна, и его родная мать, уже сложившая с себя обязанности Владычицы, и все остальные, любившие Маджипур, каким он был дотоле, и желавшие вновь видеть его таким же. Он легко дотянулся до Гуидраг, а затем до других охотников на драконов с ее корабля, до моряков на остальных судах флотилии и через воду, отделявшую их от берега, до граждан свободной республики Пилиплока, и передал им очень простое послание: что он пришел, чтобы даровать им прощение за недавние ошибки и принять от них новую присягу в верности великому содружеству, которое представляет собой Маджипур. И он также сказал им, что Маджипур неделим и что сильный должен помогать слабым, иначе погибнут и те и другие, потому что мир стоит на грани гибели и спасти его можно лишь совместным мощным усилием. И в завер-

шение послания он сообщил, что хаосу недолго уже длиться, поскольку понтифик, кораль, Владычица и Король Снов объединились, чтобы привести мир в порядок, и все снова станет единым целым, если только народ сохранит веру в справедливость Божества, от имени которого он правил теперь как верховный монарх.

Он открыл глаза. Он увидел, что Гуидраг покачнулась, оторопев, и медленно опустилась на колени, а вслед за нею и все остальные скандары. Затем она поднесла ладони к глазам, будто прикрывая их от нестерпимо яркого света, и благоговейно пробормотала:

— Мой повелитель… мой император… мой император…

— Валентин! — вдруг выкрикнул кто-то из стоявших в стороне. — Понтифик Валентин! — И этот крик один за другим подхватывали остальные моряки. — Понтифик Валентин! Понтифик Валентин! — И возгласы эти эхом покатились с корабля на корабль, перенеслись через воду туда, где возвышались древние валы Пилиплока:

— Валентин! Понтифик Валентин! Понтифик Валентин!

Часть V
Книга воссоединения

Глава 1

Когда королевскому экспедиционному корпусу оставалось несколько часов ходу вверх по реке до Ни-мойи, лорд Хиссун вызвал к себе Алсимира.

— Выясните, пожалуйста, существует ли еще большой особняк, который называли Ниссиморнский окоем. Если да, то я намерен реквизировать его под свою штаб-квартиру в Ни-мойе.

Старые друзья уже давно отказались от панибратской манеры в разговорах с ним. Хиссун не стал настаивать и тоже теперь говорил со всеми на «вы».

Он помнил этот дом — помнил всю Ни-мойю, ее белые башни и сверкающие аркады — так живо, будто провел в этом городе полжизни. А ведь в действительности до этого путешествия он ни разу не был в Зимроэле. Ни-мойю он видел чужими глазами. И сейчас он вернулся мыслями в то время, когда еще, в общем-то, мальчишкой, тайком, как ему казалось, смотрел воспоминания из Регистра душ, укрытого в глубинах Лабиринта. Как же ее звали, маленькую лавочницу из Велатиса, вышедшую замуж за брата герцога и унаследовавшую Ниссиморнский окоем? Иньян-

на, вспомнил он. Иньянна Форлана. Которая была воровкой на Большом базаре, пока в ее жизни не случилось поразительной перемены.

Все это происходило в конце правления лорда Малибора — лет двадцать — двадцать пять тому назад. Очень может быть, что она еще жива, думал Хиссун. И по-прежнему обитает в своем замечательном жилище. А тут я заявлюсь к ней и скажу: «Иньянна Форлана, а я вас знаю! И понимаю вас так же хорошо, как и самого себя. Мы с вами одного поля ягоды: любимчики удачи. И знаем, что истинными любимчиками удачи являются те, кто умеет наилучшим образом использовать собственное везение».

Ниссиморнский окоем стоял на своем месте, величественно возвышаясь на каменистом мысу над гаванью, и со своими балконами и портиками, словно плывущими в мерцающем воздухе, производил сказочное впечатление. Но Иньянна Форлана там больше не жила. Огромный дом теперь занимали орды переселенцев, которые спали по пять и шесть человек в одной комнате, которые царапали свои имена на стеклянной стене Зала окон, разводили дымные костры на верандах, выходящих в сад, и пачкали отпечатками грязных пальцев сияющие белые стены.

Большинство из них развеялось, как утренний туман, едва воины короналя вошли в ворота, но некоторые задержались и угрюмо разглядывали Хиссуна, как если бы он был захватчиком из какого-то другого мира.

— Прикажете очистить дом от этого сброда, мой повелитель? — спросил Стимион.

Хиссун кивнул.

— Только сначала дайте им еды и питья и скажите, что корональ сожалеет, но это здание очень подходит ему как резиденция. И спросите, не знают ли они что-нибудь о госпоже Иньянне, которой этот дом не столь давно принадлежал.

Он мрачно бродил из комнаты в комнату, сравнивая то, что видел, с восторженным восприятием этого дома, которое он позаимствовал из записанной памяти Иньянны Форланы. Перемены были удручающими. В доме практически не осталось места, которое не было бы так или иначе испачкано, изгажено, осквернено, изуродовано. Чтобы вернуть его в былое состояние, думал Хиссун, потребуется целая армия мастеров.

Со всей Ни-мойей дело обстояло точно так же, как и с Ниссиморнским окоемом. Хиссун удрученно бродил по Залу окон, откуда открывался потрясающий вид на все части города, рассматри-

вал сверху ужасающую картину разорения. Еще недавно это был самый богатый и великолепный город Зимроэля, не уступающий ни одному из городов Замковой горы. Теперь же белые башни, в которых проживало тридцать миллионов человек, почернели от дыма множества больших пожаров. Останки герцогского дворца торчали на великолепном цоколе, как трухлявый пень. Паутинная галерея, висевший высоко над землей — сотканный из особой ткани рукав длиной в милю, где раньше находились лучшие магазины города, — с одной стороны оторвалась от опоры и растянулась, как брошенный плащ, поперек проходящего под ней проспекта. Стеклянные купола Музея миров были разбиты, и Хиссуну не хотелось даже думать о том, что сталось с его сокровищами. Вращающиеся отражатели Хрустального бульвара остановились и были темными. Посмотрев в сторону гавани, он увидел, что там чернеет насколько пятен; по-видимому, это были днища плавучих ресторанов, где когда-то можно было в приятнейшей обстановке вкусить редчайшие деликатесы из Нарабаля, Сти, Пидруида и других далеких городов. Теперь же они, перевернутые, валялись на отмели.

У него было ощущение, будто над ним жесто-

ко посмеялись. Столько лет мечтать увидеть Ни-мойю, и когда это наконец удалось, город оказался изуродован настолько, что его, возможно, даже не удастся восстановить…

«Как же это произошло? — думал он. — Почему жители Ни-мойи, терзаемые голодом, впавшие в безумство паники, обратили злобу на свой родной город? И неужели подобное происходит по всему центральному Зимроэлю, неужели вся красота, которая создавалась тысячелетиями, уничтожена в единственной вспышке бессмысленного разрушения? Да, дорого обошлись нам эти века блаженного самодовольства», — говорил себе Хиссун.

В зал вошел Стимион. От одного из самовольных поселенцев ему удалось узнать, что госпожа Иньянна покинула Ни-мойю уже больше года назад, после того, как один из псевдокороналей решил занять ее дом под свой дворец. Куда она отправилась и вообще жива ли она еще, никто не знал. Герцог Ни-мойский со всей семьей сбежал еще раньше, как, впрочем, и большая часть аристократии.

— А где самозваный корональ? — спросил Хиссун.

— Тоже сбежал, мой повелитель. Все они сбежа-

ли — их тут было десять, а то и двенадцать, и они непрерывно грызлись между собой, но сбежали быстрее испуганных билантунов, когда месяц назад в город прибыл понтифик Валентин. На сегодня, мой повелитель, в Ни-мойе только один корональ, и его зовут Хиссун.

Хиссун вынужденно улыбнулся.

— И это, значит, мое великое паломничество, да? В таком случае, где музыканты, где парады? И разве годится показывать короналю такую грязь и разруху? Нет, Стимион, совсем не таким представлял я свой первый визит в Ни-мойю.

— Вы еще вернетесь сюда в счастливые времена, мой повелитель, и все здесь будет еще лучше, чем прежде.

— Вы так думаете? Уверены? Ах, друг мой, молюсь, чтобы вы оказались правы!

— Мой повелитель, — сказал, открыв дверь, Алсимир, — мэр города выражает вам свое почтение и просит разрешения посетить вас после полудня.

— Передайте ему: пусть придет вечером. У нас есть более срочные дела, нежели обмен любезностями с градоначальниками.

— Я передам ему, мой повелитель. Мне кажется, что его приводит в панику численность войска,

которое вы намерены расквартировать здесь. Он уже начал жаловаться на трудности с поставкой продовольствия и проблемы санитарного состояния города…

— Алсимир, он поставит столько провианта, сколько требуется, или этим займется другой, более толковый мэр, — ответил Хиссун. — Так и передайте ему. Скажите также, что скоро здесь будет лорд Диввис, армия которого не меньше моей, если не больше, а затем подойдет и его светлость Тунигорн с третьей армией, так что пусть он рассматривает нынешнюю ситуацию как репетицию настоящих трудностей, с которыми ему вскоре придется столкнуться. Но не забудьте и подсластить пилюлю: пусть знает, что общие потребности города в продовольствии несколько снизятся, когда я уйду отсюда, потому что я возьму несколько миллионов жителей с собой для усиления оккупационной армии, направляющейся в Пьюрифайн, и спросите заодно, каким образом лучше будет набирать добровольцев. И если он станет противиться, укажите ему, что мы пришли сюда не для того, чтобы строить ему козни, а чтобы спасти его провинцию от хаоса, хотя всем нам было бы приятнее сейчас развлекаться на Замковой горе, скажем, рыцарскими

турнирами. Если после всего этого он продолжит артачиться, закуйте его в цепи, выясните, есть ли у него заместитель, готовый добросовестно работать, а если такого не окажется, найдите кого-нибудь, кто возьмется за эту работу. — Хиссун усмехнулся. — Ну, хватит обсуждать мэра. Есть ли какие-нибудь новости о его светлости Диввисе?

— Есть, и много, мой повелитель. Он покинул Пилиплок и следует за нами вверх по Зимру со всей возможной быстротой, набирая по пути армию. Депеши от него поступали из Порт-Сайкфорджа, Стенвампа, Оргелиуза, Импемонда и Облиорн-Вейла. В последней сказано, что он приближается к Ларнимискулусу.

— Который, если мне память не изменяет, находится в нескольких тысячах миль к востоку отсюда, верно? — добавил Хиссун. — Так что нам придется еще немного подождать его. Что ж, когда прибудет, тогда и прибудет — все равно ускорить его движение мы не можем. В любом случае я уверен, что выдвигаться к Пьюрифайну, прежде чем мы встретимся с ним здесь, не имеет смысла. — Он печально улыбнулся. — Будь этот мир хотя бы вдвое меньше, нам было бы втрое легче. Алсимир, отправьте Диввису в Ларнимискулус и, пожалуй, в Белку, Кларищанз и еще

несколько городов по пути сообщения, что мы, дескать, выражаем свое высочайшее желание поскорее снова увидеть его.

— Это действительно так, мой повелитель? — спросил Алсимир.

Хиссун посмотрел ему в глаза.

— Это действительно так, Алсимир!

Для кабинета он выбрал просторный зал на третьем этаже. Из просмотренных некогда воспоминаний он знал, что еще в те времена, когда домом владел Калейн, брат герцога Ни-мойского, здесь размещалось собрание старинных книг, переплетенных в кожи редких зверей. Но книг не осталось вовсе, и лишь большой изрезанный стол стоял посреди комнаты. За этим столом, разложив карты континента, Хиссун обдумывал предстоящие действия.

Хиссун отнюдь не обрадовался, когда Валентин отплыл в Пилиплок и оставил его на Острове Сновидений. Он намеревался лично усмирять Пилиплок силой оружия, но у Валентина был иной план, и ему пришлось подчиниться. Тогда ему стало ясно, что, хоть он и носит титул короналя, но некоторое время ему придется играть совершенно не обычную роль, поскольку рядом с ним находится энергичный, полный сил понти-

фик, не намеренный скрываться от мира во тьме Лабиринта. В истории, которую он старательно изучал в Замке, не находилось подобных прецедентов. Даже самые известные и честолюбивые коронали — лорд Конфалюм, лорд Престимион, лорд Деккерет, лорд Кинникен — безропотно переселялись под землю, когда заканчивался их срок правления в Замке.

Но с другой стороны, продолжал рассуждать Хиссун, беспрецедентным было и нынешнее положение в мире. И нельзя было не признать, что поездка Валентина в Пилиплок — Хиссун считал этот план форменным безумием — вылилась в блестящую стратегическую победу.

Подумать только: мятежный город, как и предсказывал Валентин, чуть ли не с готовностью спускает новый флаг и единодушно покоряется понтифику! Какая же магия, гадал Хиссун, позволила ему с такой уверенностью осуществить столь рискованный шаг? Но разве не той же тактики придерживался он, когда возвращал себе трон в войне, случившейся много лет назад? За известной всем кротостью и мягкостью Валентина крылись удивительные сила и решимость. Притом, думал Хиссун, кротость была не притворством, а истинной чертой характера Валентина,

самой глубинной его сущностью. Что говорить: великий правитель с его неповторимым стилем и впрямь уникальное существо…

А теперь понтифик с небольшой свитой поднимается по Зимру дальше на запад, из одной разоренной области в другую, и так же мягко убеждает народ вернуться в разум. Из Пилиплока он отправился в Ни-мойю и оказался здесь на несколько недель раньше Хиссуна. Самозванцы разбежались, не дожидаясь его появления, вандалы и мародеры прекратили бесчинства, как говорилось в донесении. Деморализованные обнищавшие жители великого города миллионами вышли приветствовать своего понтифика, как будто он мог мановением руки вернуть мир в прежнее состояние. Это значительно упростило дело для Хиссуна, пришедшего сюда после Валентина: не пришлось тратить время и силы на подчинение Ни-мойи. Он обнаружил, что город тих и готов к всестороннему сотрудничеству.

Хиссун водил пальцем по карте. Валентин отправился в Кинтор. Весьма рискованная затея — город давно уже стал твердыней еще одного самозваного короналя — Семпетурна, — создавшего частную армию под названием Рыцари ордена Деккерета. Хиссун очень опасался за понтифика,

но не мог предпринять никаких действий в его защиту, поскольку Валентин даже слышать об этом не хотел. «Я не поведу армию ни в один город Маджипура», — заявил он, когда они на Острове обсуждали план действий, и Хиссуну оставалось только подчиниться его воле. Власть понтифика превыше всего.

Но куда Валентин направится из Кинтора? Скорее всего, в область Разлома, решил Хиссун. А оттуда, по всей вероятности, в приморские города — Пидруид, Тиломон, Нарабаль. Ведь никому до сих пор не известно, что происходит на том дальнем берегу, куда устремились миллионы и миллионы беженцев из внутренних районов Зимроэля. Но Хиссун явственно представлял себе, как Валентин без устали переезжает из города в город и усмиряет хаос одной лишь пламенной силой своей души. По воздействию на мир эта поездка станет чем-то вроде великого паломничества понтифика. Но ведь понтифику, с тревогой думал Хиссун, великое паломничество не положено…

Он заставил себя отвлечься от мыслей о Валентине и вернулся к текущим делам. Во-первых, дождаться здесь Диввиса. Отношения с ним и дальше будут очень непростыми. Но Хиссун

знал, что все грядущие успехи его царствования в значительной степени определятся тем, как ему удастся поладить с этим честолюбивым и завистливым человеком. Вероятно, предоставить ему широкие полномочия, заставить всех генералов этой войны ясно понять, что единственным начальником для него является корональ. Но при этом непрерывно и строго контролировать все его действия. Если это вообще возможно.

Хиссун быстро чертил на карте линии. Одна армия, под командованием Диввиса, направится на запад, до Кинтора или даже Мазадона, чтобы закрепить порядок, восстановленный там понтификом, и будет попутно продолжать пополняться. Оттуда она свернет на юг и встанет кордоном вдоль верхней границы провинции метаморфов. Вторая армия — его армия — пойдет из Ни-мойи по берегам Стейча и запечатает восточную границу Пьюрифайна. А потом давить, как клещами, с двух сторон, пока не удастся изловить мятежников.

Но что же все эти солдаты будут есть, если на континенте губительный голод? Разве прокормишь многомиллионную армию корешками и орехами? Он встряхнул головой. Если придется, будем питаться корешками, орехами и травой.

Камнями и грязью. Жуткими зубастыми тварями, которых выпускают против нас мятежники. И одолеем их, и покончим с этим безумием.

Хиссун поднялся, подошел к окну и уставился на полуразрушенную Ни-мойю, которая сейчас, когда сумерки прикрыли часть ее страшных ран, производила не столь удручающее впечатление. Из стекла на него смотрело собственное отражение. Он отвесил ему шутливый поклон. *Добрый вечер, мой повелитель! Да пребудет с тобою благословение Божества, мой повелитель!* Лорд Хиссун… Говорят, на каком-то из древних языков слово «лорд» как раз и означало: повелитель… Просто удивительно слышать. *Да, мой повелитель, нет, мой повелитель, будет исполнено, мой повелитель.* Перед ним делают знак пылающей звезды. Пятятся от него в благоговейном восторге. Судя по всеобщему отношению, он, и в самом деле, корональ. Может быть, рано или поздно он к этому привыкнет. Ведь последняя перемена, случившаяся с ним, не была совсем уж неожиданной. Но даже несмотря на это, он не мог до конца поверить в ее реальность. Возможно, дело в том, что с самого начала и по сей день его царствование проходило в условиях малокомфортабельного и очень нервного путешествия

по Зимроэлю. Реальным его новый статус станет, решил Хиссун, когда он наконец вернется на Замковую гору — в Замок лорда Хиссуна! — и начнет подписывать указы, давать аудиенции и председательствовать на грандиозных церемониях, что, по его представлениям, было настоящим занятием короналя в мирное время. Но настанет ли когда-нибудь этот день? Он пожал плечами. Глупый вопрос — как и большинство вопросов. Когда наступит, тогда и наступит. А пока есть над чем поработать. Хиссун вернулся к своему столу и еще с час продолжал изучать карты.

Затем вернулся Алсимир.

— Мы с мэром подробно побеседовали, мой повелитель. Он обещает всестороннюю помощь. И сейчас он ждет внизу, в надежде, что вы соизволите лично выслушать, как сильно он будет стараться эту помощь оказывать.

Хиссун улыбнулся:

— Что ж, пригласите его сюда.

Глава 2

Достигнув наконец Кинтора, Валентин приказал Эйзенхарту причалить не в самом городе, а на другой стороне реки, в южном пригороде Горячий Кинтор, славившемся природными чудесами в виде гейзеров, фумарол и озер с кипятком. Он хотел войти в город неторопливо и спокойно, чтобы самозваный «корональ», безраздельно властвовавший в городе, был заблаговременно извещен об этом.

Конечно, так называемый лорд Семпетурн не мог не знать о его появлении. Валентин плыл из Ни-мойи вверх по Зимру, не скрывая ни своей персоны, ни своей цели. Он останавливался едва ли не во всех крупных городах по пути, встречался с представителями муниципальных властей, где они еще имелись, получал уверения в поддержке армий, которые должны были ликвидировать опасность со стороны метаморфов. И повсюду, даже в тех городах, где он не останавливался, народ выбегал смотреть на флот императора, направляющийся в Кинтор, все размахивали руками и кричали: «Понтифик Валентин! Понтифик Валентин!»

В остальном же путешествие проходило безрадостно, потому что даже с реки было хорошо видно, что эти города, еще не так давно оживленные и процветающие, превратились в собственные призраки: портовые склады стояли с выбитыми окнами, и в проемы было видно, что они пусты, на рынках не было ни продавцов, ни покупателей, набережные заросли сорным кустарником. И где бы он ни сходил на берег, бросалось в глаза, что оставшиеся жители, хоть и кричат ему здравицы и приветственно машут руками, совершенно утратили надежду: они не решались оторвать от земли взгляды потухших глаз, сутулились, как от изнеможения, лица их были пусты.

А вот сойдя на берег в Горячем Кинторе, фантастическом месте, где взревывали гейзеры, шипели, испуская облака бледно-зеленого газа, бесчисленные фумаролы, булькала вода в кипящих термальных озерах, Валентин увидел на лицах толпы, собравшейся на набережной, кое-что еще: тревогу, любопытство, даже азарт, как будто они ждали начала каких-то спортивных состязаний.

Валентин отлично знал, что они горят желанием увидать, какой прием окажет ему лорд

Семпетурн.

— Еще пара минут, и можно будет отправляться, мой император! — крикнул Шанамир. — Летающие лодки уже спускают по пандусу.

— Никаких лодок, — отозвался Валентин. — Мы войдем в Кинтор пешком.

Он услышал, как привычно уже ахнул с утрированным ужасом Слит, увидел на его лице знакомое недовольство. Лизамон Халтин побагровела от досады; Залзан Кавол хмурился; Карабелла тоже забеспокоилась. Но никто не осмелился возразить ему. Так было уже довольно давно. Он думал, что дело не в том, что он стал понтификом; смена одного броского титула на другой была, в общем-то, тривиальным делом. Вероятнее, они полагали, будто он с каждым днем все глубже и глубже погружается в мир, куда для них хода нет. Они перестали понимать его. У него же сложилось ощущение, что всякие обыденные вопросы безопасности не имеют к нему никакого отношения, он чувствовал себя неуязвимым, непобедимым.

— Каким мостом вы хотите воспользоваться, мой император? — спросил Делиамбер.

С того места, где они стояли, были видны четыре моста: один кирпичный, один из множества

каменных арок, один тонкий, блестящий и прозрачный, как будто сделанный из стекла, и четвертый, ближайший к ним, представлял собой воздушное сооружение из легких качающихся канатов. Валентин рассматривал их по очереди и переводил взгляд на прямоугольные башни, возвышавшиеся в Кинторе, далеко за рекой. Он разглядел, что у каменного моста обрушился один из средних арочных пролетов. Словно без этого у понтифика мало работы, подумал он, вспомнив, что его титул в древние времена означал «строитель мостов».

— Друг мой, Делиамбер, — сказал он. — Я когда-то знал названия этих мостов, но теперь они вылетели у меня из головы. Напомни их мне, пожалуйста.

— Справа находится Мост снов, ваше величество. Ближе к нам — Мост понтифика, следующий, тот, что сломан и непроходим — Кинторский мост. Выше по течению находится Мост короналя.

— Ну что ж, значит, нам само Божество велело идти по Мосту понтифика! — сказал Валентин.

Шествие открывали Залзан Кавол и несколько его собратьев скандаров. За ними шла Лизамон Халтин, далее не спеша шли бок о бок Валентин

и Карабелла, потом Делиамбер, Слит и Тизана. Замыкали процессию остальные участники немногочисленной свиты верховного правителя. А следом, чуть отставая, без чьего-либо указания, тащилась стремительно увеличивающаяся толпа.

Когда Валентин уже почти взошел на мост, худая темноволосая женщина в выцветшем оранжевом платье выскочила из толпы и бросилась к нему с криком:

— Мой император! Мой император!

Лизамон Халтин перехватила незнакомку, когда той оставалось всего три-четыре шага до Валентина, и встряхнула, как куклу.

— Нет… постойте… — пробормотала женщина, прежде чем Лизамон успела отшвырнуть ее обратно в толпу. — Ничего плохого… у меня подарок для понтифика…

— Отпусти ее, Лизамон, — спокойно сказал Валентин.

Та послушалась, хоть и скорчила недовольную гримасу, но осталась вплотную к понтифику, готовая пресечь любое движение подозрительной особы. Женщину трясло так, что она еле-еле держалась на ногах. Она даже не сразу смогла заговорить, лишь несколько секунд беззвучно

шевелила губами. Но в конце концов собралась с силами:

— Вы действительно лорд Валентин?

— Да, я был лордом Валентином. Но теперь я понтифик Валентин.

— Да, конечно, конечно! Я знаю. Говорили, что вы умерли, но я никогда в это не верила. Никогда! — Она низко склонила голову. — Мой император!.. — Ее все так же била крупная дрожь. Она казалась молодой, но в этом нельзя было поручиться, поскольку голод и лишения изрезали ее лицо глубокими морщинами, а кожа была бледнее, чем даже у Слита. — Меня зовут Миллилейн, — представилась она, протянув руку. — Я хочу дать вам вот это.

В руке у нее оказалось нечто вроде длинного тонкого костяного кинжала, который она держала за острие.

— Покушение! — пророкотала Лизамон и замахнулась, чтобы нанести сокрушительный удар.

Валентин жестом остановил ее.

— Подожди. Что это такое у вас, Миллилейн?

— Зуб… священный зуб… зуб водяного короля Маазмоорна…

— Вот как…

— Чтобы защищать вас. Подсказывать вам. Он величайший из водяных королей. Этот зуб — драгоценность, ваше величество. — Теперь только ее рука мелко дрожала. — Я сначала думала, что поклонение им — грех, ересь, даже преступление. Но потом вернулась, прислушалась, поняла. Мой император, водяные короли совсем не зло! Они истинные владыки! Мы им подвластны, мы и все остальные, кто живет на Маджипуре. Я принесла вам, ваше величество, зуб Маазмоорна, величайшего из них, верховного владыки…

— Валентин, нам нужно идти, — негромко сказала Карабелла.

— Да, — согласился он и, протянув руку, осторожным движением взял зуб у женщины. Он оказался дюймов десяти в длину, странно прохладный на ощупь и блестящий, словно светился изнутри. Как только Валентин обхватил его пальцами, ему на мгновение почудилось, будто он слышит доносящийся издалека колокольный звон или какой-то иной звук, похожий на колокола, хотя мелодия совершенно не походила ни на какую колокольную музыку, которую ему доводилось слышать.

— Благодарю вас, Миллилейн, — серьезно сказал он. — Я буду бережно хранить это.

— Мой император… — прошептала она и отступила на нетвердых ногах в толпу.

Валентин неторопливо пошел дальше — по мосту в Кинтор.

Переход занял час, а то и больше. И задолго до того, как они подошли к другому концу моста, Валентин увидел толпу, поджидавшую его на том берегу, и почти сразу понял, что это не просто толпа, поскольку стоявшие впереди были одеты одинаково, в зеленую с обильным золотом униформу — цвета короналя. Значит, это армия, армия короналя лорда Семпетурна.

Залзан Кавол с еще более хмурым, чем обычно, видом оглянулся.

— Мой император?..

— Идем, как шли, — ответил Валентин. — Когда подойдем вплотную, пропустите меня вперед и оставайтесь по бокам от меня.

Он почувствовал, что Карабелла в страхе крепко стиснула пальцами его запястье.

— Помнишь, — сказал он, — как в самом начале войны за возвращение трона мы подошли к Пендивейну и обнаружили у ворот десятитысячное ополчение, а нас было всего несколько десятков?

— Мы не в Пендивейне. Пендивейн не бунтовал против тебя. Там тебя ждал у ворот не самозваный

корональ, а всего лишь перепуганный провинциальный толстячок-мэр.

— На самом деле это одно и то же, — ответил Валентин.

Он дошел до конца моста. Тут дорогу ему преградили солдаты в зелено-золотых мундирах. Офицер, стоявший в переднем ряду, с выпученными от страха лихорадочно блестящими глазами хрипло прокричал:

— Кто вы такие, что пытаетесь войти в Кинтор без позволения лорда Семпетурна?

— Я понтифик Валентин, и мне не требуется ничье позволение, чтобы войти в любой город Маджипура.

— Чужеземец, корональ лорд Семпетурн не дозволяет вам сойти с этого моста!

Валентин улыбнулся.

— Разве может корональ, если это действительно корональ, что-то запрещать или позволять понтифику? Ну-ка, друг мой, отойдите в сторону!

— Ни за что. Вы такой же понтифик, как и я.

— Вы отказываетесь признавать меня? Думаю, ваш корональ должен сам сказать это мне в лицо, — негромко ответил Валентин.

Он двинулся дальше; по сторонам от него шли Залзан Кавол и Лизамон Халтин. Дерзкий офицер

неуверенно взглянул на солдат справа и слева от себя и натужно расправил плечи. Солдаты демонстративно схватились за рукояти оружия. Валентин неторопливо шел вперед. Строй вместе с командиром отступил на полшага, потом еще на полшага, прожигая Валентина злыми взглядами. Тот шел, не замедляя и не ускоряя шаг, и строй продолжал отступать.

Но вот шеренга раздалась, и перед Валентином оказался низкорослый коренастый человек с багровым лицом. Он был облачен в белую мантию короналя поверх зеленого дублета, а на голове у него, поверх роскошной шапки черных волос, красовалась довольно точная копия короны пылающей звезды.

Вскинув обе руки ладонями вперед, он громко крикнул:

— Стоп! Ни шагу дальше, обманщик!

— И чьей же властью отдан такой приказ? — без тени раздражения спросил Валентин.

— Моей собственной, ибо я корональ лорд Семпетурн!

— Ах, значит, вы корональ, а я обманщик? Совсем ничего не понимаю. В таком случае, от кого же вы получили титул короналя, лорд Семпетурн?

— От Божества, поручившего мне власть, пока пустует трон на Замковой горе!

— Так-так… — протянул Валентин. — Но насколько мне известно, трон отнюдь не пустует. У Маджипура есть корональ лорд Хиссун, получивший титул законным путем.

— Самозванец не может производить законных назначений, — продолжал напирать Семпетурн.

— Но я тот самый Валентин, который был короналем до него и теперь стал понтификом — по общему признанию, тоже волей Божества.

Семпетурн мрачно ухмыльнулся.

— Вы были самозванцем, когда объявили себя короналем, и остаетесь самозванцем сейчас!

— Разве такое возможно? Неужели все принцы и лорды Горы, и понтифик Тиверас — пусть будет благостен его сон в Источнике, — и моя родная мать, Владычица, неужели все они заблуждались?

— Я скажу, что вы мастер обмана, и проклятие, обрушившееся на Маджипур, тому доказательством. Потому что Валентин, избранный короналем, был темноволос, а ваши волосы сверкают золотом!

Валентин рассмеялся.

— Но ведь это старая история, мой друг! Вы не

могли не слышать о том, как меня колдовством пересадили из собственного тела в вот это!

— Ну, сказать-то можно что угодно.

— Но с этим согласились все остальные Власти мира.

— Значит, вы гений обмана, — отрезал Семпетурн. — Но я не стану больше пререкаться с вами; у меня много важных дел. Убирайтесь обратно в Горячий Кинтор, садитесь на корабли и уплывайте. Если я завтра в это же время обнаружу вас в этой провинции, вам придется горько пожалеть.

— Я действительно скоро уеду, лорд Семпетурн. Но сначала попрошу вас сделать еще одно важное дело. Вот эти ваши солдаты — я слышал, вы назвали их рыцарями Деккерета? — очень понадобятся нам на востоке, на границах Пьюрифайна, где корональ лорд Хиссун разворачивает армию. Отправляйтесь к нему, лорд Семпетурн. Вступите под его командование. Выполняйте его приказы. Нам известно, что вы лично формировали эти войска, и мы не станем отстранять вас от командования, но вы должны включиться в общую работу.

— Да вы же сумасшедший! — воскликнул Семпетурн.

— Я так не считаю.

— Оставить мой город беззащитным? Отправиться куда-то за тысячи миль, чтобы выполнять приказы очередного узурпатора?!

— Лорд Семпетурн, это необходимо.

— В Кинторе только я решаю, что необходимо!

— Так больше не будет, — сказал Валентин. Он без малейшего усилия перешел в состояние транса наяву, направил в сторону Семпетурна тончайший луч своего сознания, немного поиграл, и краснолицый коротышка недоуменно нахмурился. Валентин передал в сознание Семпетурна образ Доминина Барджазида в теле, которое некогда принадлежало ему самому, и спросил:

— Вы узнаете этого человека, лорд Семпетурн?

— Он… он… это бывший корональ лорд Валентин!

— Нет, — возразил Валентин и обрушил на кинторского псевдокороналя всю мощь своего разума.

Семпетурн покачнулся, чуть не упал, удержался на ногах, ухватившись за одного из своих спутников в зелено-золотой одежде, и сделался от прилившей к лицу крови цвета спелого черного винограда.

— Кто этот человек? — спросил Валентин.

— Это брат Короля Снов, — пролепетал Семпетурн.

— И почему он так похож на лорда Валентина, каким тот был прежде?

— Потому… потому что…

— Ну, говорите же.

Колени Семпетурна затряслись, он медленно наклонился, почти касаясь дрожащими руками земли.

— Потому что он украл тело короналя и благодаря этому смог узурпировать власть… и потом милосердием того самого человека, которого сверг…

— Так-так… И кто же, в таком случае, я?

— Вы лорд Валентин, — упавшим голосом ответил Семпетурн.

— Неверно. Еще раз скажите, Семпетурн: кто я?

— Валентин… понтифик… понтифик Маджипура…

— Ну, наконец-то. И если я понтифик, то кто же корональ?

— К-к… кого из-изволите назначить, мой император.

— Я назначил лорда Хиссуна, который ждет вас, Семпетурн, в Ни-мойе. Итак, собирайте своих

рыцарей, отправляйтесь на восток и верно и безропотно служите короналю. Идите, Семпетурн! *Идите!*

Он еще раз отправил всплеск силы к Семпетурну, и тот зашатался, окончательно потрясенный, и упал на колени.

— Мой император… мой император… простите меня…

— Я задержусь в Кинторе на пару дней, — сказал Валентин, — и прослежу, чтобы здесь все было в порядке. А затем, думаю, придется отправиться дальше на запад, где предстоит еще больше работы.

Он повернулся и увидел, что Карабелла смотрит на него так, будто у него выросли крылья или рога. Он улыбнулся ей и сложил губы, изобразив поцелуй. «Изматывающий труд, — подумал он. — Теперь хорошо бы выпить пару добрых бокалов вина, если оно еще осталось в Кинторе…»

Он взглянул на драконий зуб, который все это время держал в руках, погладил его пальцами, снова услышал колокольный звон и подумал, что ощущает в душе странное движение, будто там взмахивают могучие крылья. Он взял у Карабеллы шелковый платок осторожно завернул зуб и вручил со словами:

— Побереги эту штуку у себя, моя госпожа. Потом я возьму ее у тебя. Думаю, она мне пригодится.

Окинув взглядом толпу, он снова увидел ту женщину, Миллилейн, которая преподнесла ему зуб. Она не отрываясь смотрела на него, и глаза ее пылали так, что страшно становилось — будто бы она с трепетом и восторгом взирала на какое-то божественное существо.

Глава 3

Хиссун не сразу понял, что разбудил его громкий спор, происходивший прямо за дверью его спальни. Он сел, нахмурился, поморгал спросонья. В большом окне слева виднелось красное рассветное зарево на восточном горизонте. Он очень поздно лег, готовясь к ожидаемому в этот день прибытию Диввиса, и, конечно, ему совершенно не хотелось просыпаться ни свет ни заря.

— Что там творится?! — рявкнул он. — Во имя Божества, объясните, что случилось!

— Мой повелитель, мне необходимо немедленно увидеть вас, — прозвучал голос Алсимира. — Часовые говорят, что вас нельзя будить ни в коем случае, но я просто обязан доложить!

Хиссун тяжело вздохнул.

— Я вроде бы проснулся. Так что заходите.

В двери повернулся ключ, отпиравший задвинутый им изнутри засов, и появился чрезвычайно взволнованный Алсимир.

— Мой повелитель!..

— Что случилось?

— На город напали, мой повелитель!

Хиссун вдруг почувствовал, что полностью

проснулся.

— Напали? И кто же?

— Невиданные чудовищные птицы. Крылья, как у морских драконов, клюв вроде косы, и с когтей капает яд.

— Таких птиц не бывает.

— Это, несомненно, какие-то зловредные твари, созданные метаморфами. Они налетели на Ни-мойю незадолго до рассвета, громадной стаей — сотни, если не тысячи. Известно уже о самое меньшее полусотне жертв, и дальше будет только хуже. — Алсимир подошел к окну. — Смотрите, мой повелитель, вон они, над старым герцогским дворцом…

Хиссун уставился туда. В ясном утреннем небе кружила стая ужасных образин; птицы были огромными, крупнее гихорнов, крупнее даже милуфт, и куда более уродливыми. Крылья у них были не птичьи, а черные кожаные, растянутые между вытянутыми пальцами, и действительно очень походили на крылья морских драконов. Страшные, длинные, кривые клювы — ярко-красные, а длинные вытянутые когти — ярко-зеленые. В поисках добычи они стремительно пикировали, налетали, снова взмывали вверх и опять пикировали на кого-то, а внизу, на улицах, люди

метались в ужасе в поисках укрытия. Прямо на глазах Хиссуна какой-то мальчик лет десяти-двенадцати неосмотрительно появился на улице, с книжками под мышкой, явно направляясь в школу, вышел из дому прямо на пути одной из тварей. Та камнем рухнула вниз и, расправив крылья футах в десяти над землей, выбросила вперед неожиданно длинные ноги. Сверкнули когти, распоров курточку и оставив кровавый след на спине, и птица стремительно взмыла вверх, а мальчик рухнул наземь, несколько секунд бился в жутких конвульсиях и замер. Тут же с неба вслед за убийцей упали, как камни, еще три-четыре птицы и принялись жрать.

Хиссун выругался сквозь зубы.

— Хорошо, что разбудили меня. Какие-нибудь меры уже приняты?

— Пока что успели отправить на крыши сотен пять лучников. И собираем, где получится, дальнобойные энергометы.

— Этого мало. Очень мало. Для нас главное — не допустить общей паники в городе — если двадцать миллионов перепуганных гражданских кинутся бежать, то поголовно затопчут друг друга насмерть. Необходимо продемонстрировать им, что мы с самого начала взяли ситуацию под кон-

троль. Пошлите на крыши пять тысяч лучников. Десять тысяч, если наберется. Пусть отбивать нападение выйдут все, кто умеет держать лук. Немедленно разослать отряды по всему городу, чтобы их видели, чтобы в нас верили.

— Будет исполнено, мой повелитель.

— И оповестите горожан, чтобы сидели по домам, не высовывались на улицы, пока не будет приказа. Пока сохраняется опасность, никто не должен выходить, какой бы срочной и важной ни казалась нужда. Пусть Стимион немедленно известит Диввиса, что у нас тут возникли небольшие трудности, и если он по-прежнему намерен сегодня утром войти в Ни-мойю, следует держать ухо востро. И еще: пошлите кого-нибудь к старичку, который заведует зоопарком редких животных — это совсем рядом с городом, на холме. Китан, Гитан… не помню уже, хоть разговаривал с ним лишь на той неделе. Пусть расскажут ему, что здесь происходит, если он еще сам не знает, и привезут сюда под надежной охраной. И пусть принесут сюда несколько тушек этих тварей, чтобы он мог их осмотреть. — Хиссун снова повернулся к окну. Тельца мальчика уже не было видно из-под злобных тварей — их собралось чуть ли не десяток; они яростно толкались, пробиваясь

к добыче. Рассыпанные учебники делали картину особенно жуткой. — Метаморфы! — горестно воскликнул корональ. — Посылают чудовищ против детей! Ну, Алсимир, они дорого заплатят за это. Мы скормим Фараатаа его собственным монстрам. А теперь идите; у нас еще множество дел.

Пока Хиссун наспех завтракал, к нему потоком шли новости. Количество погубленных летучими убийцами уже перевалило за сотню и продолжало быстро возрастать. В городе заметили еще по меньшей мере две стаи, и теперь птиц насчитывалось уже тысячи полторы, если не больше.

Но и работа стрелков сразу стала приносить результаты: птицы представляли собой неплохие мишени для лучников, поскольку из-за своих размеров летали довольно неуклюже и к тому же совсем не боялись стрелков. Так что их истребление было лишь вопросом времени, и даже если бы из Пьюрифайна выпустили новые стаи, положение практически не ухудшилось бы. Горожане быстро узнали о новой напасти, и очень мало кто рисковал выйти на улицу, да и приказ короналя успели донести до дальних предместий. И птицы зловеще кружили над опустевшей безмолвной Ни-мойей.

Довольно скоро Хиссуна известили, что Ярмуз

Хитайн, директор Парка сказочных животных, прибыл в Ниссиморнский окоем и сразу взялся за препарирование одной из убитых птиц. Хиссун уже встречался с ним несколько дней назад. В городе оказалось множество других разнообразных жутких и смертоносных тварей, и зоолог дал немало полезных советов по поводу того, как бороться с ними. Спустившись во двор, Хиссун увидел, что Хитайн, немолодой человек с впалой грудью и печальными глазами, стоит на коленях над тушей птицы — такой большой, что Хиссун в первый момент подумал, что их там несколько.

— Вам случалось видеть таких? — спросил Хиссун.

Хитайн поднял голову. Он был бледен, руки у него дрожали; ученому явно было не по себе.

— Никогда, мой повелитель. Даже в ночных кошмарах.

— Могут это быть кошмары метаморфов?

— Вне всякого сомнения, мой повелитель. Сразу видно, что эта птица не естественного происхождения.

— Вы считаете, что это какое-то искусственное создание?

Хитайн покачал головой.

— Не совсем так, мой повелитель. Я думаю, что

они созданы путем генетических манипуляций из существующих животных. Несомненно, за основу взята милуфта — вы слышали о таких? Крупнейшая на Маджипуре птица-падальщик. Но ее значительно увеличили и превратили в нечто вроде птицеящера, хищника, а не падальщика. Взять хотя бы ядовитые железы у основания когтей — таких нет ни у одной птицы Маджипура, зато в Пьюрифайне водится рептилия аммазоар, вооруженная именно таким образом. Ее-то определенно взяли за образец в данном случае.

— А как насчет крыльев? — поинтересовался Хиссун. — Они заимствованы у морских драконов?

— В определенной степени. Крылья, как вы видите, вовсе не птичьи, а свойственные млекопитающим — кожаная перепонка, растянутая между удлиненными пальцами. Такие крылья у дхиимов, у летучих мышей и, как вы заметили, у морских драконов. Ведь драконы, как вы, возможно, знаете, мой повелитель, млекопитающие.

— Да, я знаю, — сухо ответил Хиссун. — Но драконы не используют крылья для полета. С какой же целью, по-вашему, нужно было приделывать птице драконьи крылья?

Хитайн пожал плечами.

— Могу твердо сказать, что не ради улучшения аэродинамики. Возможно, лишь для того, чтобы птицы выглядели страшнее. Если живой организм создают специально как оружие…

— Да, да. Значит, вы уверены, что эти птицы просто-напросто еще одно новое оружие метаморфов?

— Полностью уверен, мой повелитель. Как я уже сказал, это не естественная форма жизни, в природе на Маджипуре никогда не встречалось ничего подобного. Столь крупное и опасное животное никак не могло остаться незамеченным на протяжении четырнадцати тысяч лет.

— Значит, придется добавить к обвинительному заключению еще один пункт. Но, Хитайн, кто бы мог подумать, что меняющие облик достигли таких впечатляющих успехов в науке?

— Это очень древняя раса, мой повелитель. Они могут хранить много подобных секретов.

— Будем надеяться, — сказал, поежившись, Хиссун, — что они не заготовили против нас ничего худшего.

Впрочем, уже вскоре после полудня нападение было практически отбито. Убитые птицы исчислялись многими сотнями, и все более-менее

целые тушки стаскивали на просторную площадь перед главными воротами Большого рынка, где они и лежали большой вонючей кучей. Уцелевшие же, поняв, наконец, что в Ни-мойе им уже не достанется ничего лучше, чем стрелы, постепенно улетели куда-то в северные холмы, и в городе остались лишь считаные единицы злобных тварей. Хиссун с прискорбием узнал, что во время обороны Ни-мойи погибло несколько лучников — на них напали сзади, пока они целились. «Тяжелая цена, — думал он, — но, увы, необходимая». Ни в коем случае нельзя оставлять крупнейший город Маджипура в заложниках у стаи птиц.

Примерно с час Хиссун передвигался по городу на летающей лодке, дабы удостовериться, что можно разрешить горожанам выходить на улицы. Потом вернулся в Ниссиморнский окоем и сразу же узнал от Стимиона, что суда с войсками, возглавляемыми Диввисом, начали прибывать в порт Стрэнд-Виста.

Все время с тех пор, как во Внутреннем храме Острова Валентин передал ему корону, Хиссун с изрядной тревогой представлял себе первую свою встречу в качестве короналя с человеком, страстно рвавшимся к этому титулу и так и не

получившему его. Он знал, что в любом намеке на слабость Диввис увидит предлог для того, чтобы после окончания войны попытаться так или иначе отстранить его и захватить вожделенный трон. Хиссун, правда, никогда не слышал прямых разговоров о том, что Диввис способен на подобное предательство, но и причин верить в его добропорядочность у него не было.

А сейчас, собираясь отправиться в Стрэнд-Висту, чтобы приветствовать старшего по возрасту принца, Хиссун почувствовал, что на него снизошло странное спокойствие. В конце концов, он кораль и получил титул законным путем, его вольной волей выбрал человек, который ныне является понтификом. Нравится Диввису такое положение вещей или нет, он должен принять его — и примет.

Добравшись до набережной Стрэнд-Висты, Хиссун изумился, увидев, какую громадную армаду собрал Диввис. Похоже, он реквизировал все суда, которые попались ему между Пилиплоком и Ни-мойей — насколько видел глаз, ими были буквально забиты широкая река и огромное озеро, образовавшееся там, где с юга впадал полноводный Стейч.

Но пришвартованным к набережной стояло

лишь одно судно; Стимион сказал, что это флагманский корабль Диввиса. Сам же Диввис ждет на борту прибытия лорда Хиссуна.

— Оповестить его, чтобы вышел на берег приветствовать вас, мой повелитель? — спросил Стимион.

Хиссун улыбнулся:

— Я сам пойду к нему.

Выйдя из летающей лодки, он неторопливо направился к аркаде, за которой лежали причалы. Он был при всех регалиях правителя, его советники также имели самый официальный вид, стражники тоже при полном параде, и с каждой стороны процессии растянулась цепочка из дюжин лучников на случай, если страшные птицы выберут этот момент, чтобы вернуться. Принятое Хиссуном решение самому идти к Диввису противоречило этикету, но он знал, что выглядит со стороны весьма величественно — именно как кораль, соизволивший оказать редкую честь своему верному подданному.

Диввис встречал его у трапа. Он тоже позаботился о своем внешнем виде и, несмотря на жару, обрядился в великолепную черную мантию из лучшего хайгусового меха, а на голову надел роскошный сверкающий шлем, который вполне

мог бы сойти и за корону. Пока Хиссун поднимался по трапу, Диввис возвышался над ним, как великан.

Но вскоре они оказались лицом к лицу, и хоть Диввис и был намного крупнее, во взгляде Хиссуна оказалось столько твердости и холода, что они практически компенсировали разницу в росте. Некоторое время никто не проронил ни слова.

Затем Диввис — Хиссун знал, что он обязан так поступить, в противном случае его поведение было бы открытым вызовом, — сделал знак пылающей звезды и опустился на колено, присягая новому короналю.

— Хиссун! Лорд Хиссун! Да здравствует лорд Хиссун!

— И вам здравствовать, Диввис; в предстоящей нам борьбе мы не обойдемся без вашей отваги и вашего опыта. Встаньте, мой друг. Встаньте!

Диввис выпрямился и без колебаний встретился взглядом с глазами Хиссуна. При этом на лице его отразилась такая смесь эмоций, что корональ, пожалуй, не уловил их все. Впрочем, ему, кажется, удалось распознать зависть, гнев и горечь — но при этом еще и определенное уважение, даже скупое восхищение и что-то вроде легкого веселья, как будто Диввис не мог удержаться от

улыбки, наблюдая странные игры судьбы, которая свела их здесь в новых ролях.

Диввис обвел рукой расстилавшийся за его спиной речной простор:

— Ну что, мой повелитель, неплохое войско я привел вам?

— Да, Диввис, огромная сила. Собрать такую громадную армию — это поистине блестящее достижение. Но кто знает, что вообще может потребоваться в борьбе с армией фантомов… У меняющих облик может найтись еще немало мерзких сюрпризов для нас.

— Да, мой повелитель, я уже слышал о птицах, которые напали на вас нынче утром, — ответил Диввис с легким смешком.

— Нет, господин мой Диввис, это было совсем не смешно. Это были настоящие чудовища; они с налету убивали народ на улицах и тут же пожирали еще трепещущие тела. Я своими глазами видел из окна спальни, как эта ужасная участь постигла ребенка. Но мы, кажется, перебили их, если не всех, то почти всех. И в свое время перебьем и их создателей.

— Странно слышать от вас столь мстительные речи, мой повелитель.

— Разве это мстительность? — возразил Хис-

сун. — Впрочем, если вы так считаете, то, наверное, так оно и есть. Прожив несколько недель в этом разоренном городе, поневоле станешь мстительным. Глядя на чудовищ, которых наши враги натравливают на ни в чем не повинных граждан, станешь мстительным. Пьюрифайн похож на какой-то отвратительный нарыв, из которого по цивилизованным землям разливается ядовитый гной. Я собираюсь вскрыть этот нарыв и тщательно продезинфицировать его. И, уверяю вас, Диввис: с вашей помощью я жестоко отомщу тем, кто развязал эту войну против нас.

— Вы, мой повелитель, рассуждаете совсем не так, как лорд Валентин. От него я, пожалуй, никогда не слышал ни слова о мести кому бы то ни было.

— Помилуйте, Диввис, с чего бы мне рассуждать так же, как лорд Валентин? Я Хиссун.

— Он решил сделать вас своим преемником.

— Да, и тем же решением Валентин передал мне исполнительную власть. Так что с врагами буду разбираться я — и вряд ли так, как делал бы это лорд Валентин.

— В таком случае, хотелось бы узнать, что вы планируете делать.

— Думаю, вы уже это знаете. Я намерен войти

в Пьюрифайн по Стейчу, вы в это время обойдете провинцию с запада. Мы зажмем мятежников в клещи, захватим Фараатаа и положим конец нашествиям чудовищ, вредителей и болезней. А затем понтифик соберет уцелевших мятежников и в своем милосердном духе отыщет решение проблемы той заслуженной ненависти, которую питают к нам меняющие облик. Но я уверен, что прежде мы должны продемонстрировать силу. И если придется пролить кровь тех, кто проливал нашу, — что ж, мы не остановимся перед этим. Что скажете, Диввис?

— Скажу, что не слышал более здравых рассуждений от короналя с тех пор, как трон принадлежал моему отцу. Но, полагаю, понтифик отреагировал бы на ваши воинственные речи по-другому. Он в курсе ваших планов?

— В подробностях мы их пока не обсуждали.

— А будете?

— Понтифик сейчас находится в Кинторе или еще западнее, — ответил Хиссун. — Дела задержат его там довольно долго, а потом ему придется так же долго возвращаться на восток. К тому времени, думаю, я уйду глубоко в Пьюрифайн, и у нас вряд ли найдется возможность для консультаций.

Диввис с хитрецой взглянул на него.

— Ах, теперь понимаю, мой повелитель, как вы собираетесь решать вашу проблему.

— Какую проблему вы имеете в виду?

— Исполнение обязанностей короналя, при том, что понтифик разъезжает по миру, вместо того чтобы, как положено, прятаться от мира в Лабиринте. Думаю, что для нового, начинающего короналя такое положение крайне затруднительно, и мне бы это весьма не понравилось, окажись я в такой ситуации. Но если вам удастся постоянно сохранять большое расстояние между собой и понтификом и списывать на это расстояние расхождения между своей и его политикой, то вы и впрямь сможете действовать почти так же, как если бы у вас были полностью свободные руки. Верно, мой повелитель?

— Диввис, мне кажется, что мы вступаем на опасную почву.

— Разве?

— Несомненно. К тому же вы преувеличиваете ту разницу мировоззрений, что существует у нас с Валентином. Действительно, он вовсе не воинственный человек, и это всем хорошо известно, и ему самому, в первую очередь. Я думаю, именно поэтому он передал трон Конфалюма мне. Я

убежден, что мы с понтификом понимаем друг друга, и мне не хотелось бы дальше обсуждать затронутую вами тему. А сейчас, Диввис, думаю, самое время вам пригласить меня в каюту, где мы с вами выпьем по бокалу-другому вина. Потом отправимся в Ниссиморнский окоем, где выпьем еще. И после обеда подробно обсудим план военных действий. Что вы на это скажете, господин мой Диввис, а?

Глава 4

Возобновившийся дождь быстро смывал карту, которую Фараатаа начертил на глинистом речном берегу. Но это ничего не значило. Он весь день снова и снова рисовал этот чертеж, хотя ему это уже не требовалось — все его мельчайшие детали накрепко отпечатались в сознании. Илиривойн — здесь, Авендройн — там, новый Велализир — там. Реки, горы. Позиции двух наступающих армий…

Позиции двух наступающих армий…

Этого Фараатаа не предвидел. В своих планах он не учел возможности вторжения неменяющихся в Пьюрифайн, и это было грандиозным просчетом. Слабый и трусливый лорд Валентин никогда не решился бы на такое. Валентин, скорее, приполз бы к Данипьюр и елозил бы носом в грязи, униженно умоляя ее заключить мирный договор. Но Валентин уже не был короналем, вернее, он стал другим королем, высшего ранга, но с меньшими полномочиями — разве поймешь безумное устройство общества у этих неменяющихся! — и теперь у них новый корональ, какой-то лорд Хиссун, оказавшийся, как неожиданно выяснилось,

человеком совсем иного сорта…

— Аарисиим! — позвал Фараатаа. — Есть какие-нибудь новости?

— Очень мало, о Явленный король. Ждем донесений с западного фронта, но они поступят еще не скоро.

— А с фронта по Стейчу?

— Мне сообщили, что лесные братья все еще не желают поддерживать нас, но мы все-таки добились от них помощи в разворачивании птицеядных лиан.

— Уже неплохо. Но успеем ли мы разложить их вовремя, чтобы остановить продвижение лорда Хиссуна?

— Наверняка успеем, о Явленный король.

— Сознайся, — потребовал Фараатаа, — ты говоришь так, потому что это правда, или потому что считаешь, будто мне приятно будет это услышать?

Аарисиим уставился на него, раскрыв рот, и так растерялся, что начал стремительно менять облик, сделавшись сначала хрупкой занавеской из колеблющихся на сквозняке веревок, затем кучей переплетенных длинных жестких палок с утолщениями на концах. Вернувшись после этого в собственный облик, он негромко сказал:

— Ты очень несправедлив ко мне, о Фараатаа!

— Возможно.

— Я не сказал тебе ни слова лжи.

— Если это правда, то правда и все остальное, и я буду считать это правдой, — мрачно проговорил Фараатаа. Дождь усилился и уже вовсю гремел над головой по смыкающимся в крышу кронам деревьев. — Иди и возвращайся, когда получишь новости с запада.

Аарисиим исчез в сумраке под деревьями. Фараатаа, терзаемый волнением, хмурый, принялся в очередной раз чертить карту.

На западе стоит армия, бесчисленные миллионы неменяющихся, и их возглавляет лорд с заросшим волосами лицом, которого зовут Диввис, и он сын прежнего короналя лорда Вориакса. Мы убили твоего отца, когда он охотился в лесу. Знал ли ты об этом, Диввис? Охотник, выпустивший смертоносную стрелу, был пьюриваром, но тогда у него было лицо лорда из Замка. Вот видишь — жалкие метаморфы могут убить короналя! Мы и тебя можем убить, Диввис. Мы убьем тебя, если ты столь же опрометчив, как и твой отец.

Но Диввиса который наверняка не знает о том, какой на самом деле была причина гибели его

отца — народ пьюриваров охранял эту тайну, как ни одну другую, — вовсе нельзя отнести к числу опрометчивых, мрачно размышлял Фараатаа. Его штаб-квартиру бдительно охраняли посвященные рыцари, и сквозь эту охрану убийца никак не смог бы проникнуть, чью внешность ни надень. С силой втыкая в землю любовно сохраняемый деревянный кинжал, Фараатаа все глубже и глубже прочерчивал на берегу линии, изображавшие продвижение войск Диввиса. Они шли от Кинтора вдоль внутренней стены великих западных гор, прорубая дороги в девственных лесах, где никто не ходил с начала времен, сметая все перед собой, заполняя Пьюрифайн бесчисленными воинами, преграждая путь к сельскохозяйственным угодьям, оскверняя священные ручьи, вытаптывая священные рощи…

Фараатаа был вынужден выпустить против этих орд захватчиков свою армию пиллигригормов. К сожалению, самое мощное биологическое оружие, имевшееся в его распоряжении — странствующих сухопутных рачков размером с ноготь, с панцирем, не поддающимся ударам молотка, и множеством ножек, которые, стараниями его искусников-генетиков резали, как пилы, — пришлось пустить в дело досрочно; он намеревался

на заключительном этапе войны выпустить их в Ни-мойю или Кинтор. Пиллигригормы были ненасытны — ежедневно съедали в пятьдесят раз больше собственного веса, — и удовлетворяли свои аппетиты, набрасываясь на любых представителей теплокровных форм жизни, попадающихся на пути, и сжирая их изнутри.

Пятьдесят тысяч таких пауков, по расчетам Фараатаа, за пять дней полностью парализовали бы жизнь столь крупного города, как Кинтор. Но теперь, из-за того, что неменяющиеся решили вторгнуться в Пьюрифайн, ему пришлось выпустить пиллигригормов не в городе, а на своей собственной земле и надеяться, что они смогут привести армию Диввиса в расстройство и заставить отступить. Но донесений о том, насколько успешной оказалась эта тактика, пока не поступало.

На другой стороне джунглей, где корональ лорд Хиссун вел на юг вторую армию по единственному пути — реке Стейч, — Фараатаа намеревался выставить непроницаемые сети из неописуемо липких птицеядных лиан, растянуть эти сети на сотни миль, преграждая неизменяющимся дорогу, чтобы вынудить захватчиков забирать все дальше и дальше в обход, пока они не отклонятся

так далеко, что утратят ориентировку. Главный недостаток этой стратагемы состоял в том, что управиться с лианами могли только лесные братья, поганые обезьяны, выделяющие с потом вещество, растворяющее клей лиан. Но у лесных братьев нет причин любить пьюриваров, которые веками охотятся на них из-за очень вкусного мяса, так что добиться их содействия в осуществлении этого плана было весьма непросто.

Фараатаа почувствовал, что в нем все сильнее и сильнее разгорается гнев.

Все начиналось так хорошо. На сельскохозяйственные районы обрушились болезни и вредители растений, сельское хозяйство практически уничтожено на обширной территории, голод, паника, массовые переселения — все шло по плану. И специально выведенные животные внесли хороший, пусть и не столь масштабный, вклад — добавили страхов населению и сильно осложнили жизнь в городах…

Но враги понесли от этих действий не столь сильный урон, как предполагалось. Он рассчитывал, что кровожадные гигантские милуфты ввергнут Ни-мойю, уже и без того близкую к хаосу, в настоящую панику, но никак не ожидал, что к тому времени в городе окажется армия

лорда Хиссуна, и птицы, предназначенные для охоты на неизменяемых, сами станут легкой добычей лучников. И вот у Фараатаа не осталось милуфт, и вырастить их удастся лет через пять, не раньше…

Зато остались пиллигригормы. Остались миллионы ганнигогов в переносных баках — только выпускай. Остались квексы, остались вригсы, замбинаксы, маламоласы. В его распоряжении имелись разные другие средства: красная пыль, туча которой, выпущенная ночью на город, способна отравить всю воду на несколько недель, пурпурные споры, из которых выводятся черви, поражающие любых травоядных животных, и даже кое-что похуже. Фараатаа пока не решался пустить в дело эти свои резервы, так как ученые предупреждали, что их не удастся легко обуздать после того, как с неизменяющимися будет покончено. Но теперь, когда нападению подвергся его народ, Фараатаа без колебаний использует все, что может причинить вред врагу.

Вернулся Аарисиим, робко подошел.

— Имеются новости, о Явленный король.

— С какого из фронтов?

— С обоих, о король.

Фараатаа поднял на него взгляд.

— И насколько же они плохи?

Аарисиим замялся с ответом.

— На западе враги уничтожают пиллигригормов. У них есть металлические трубки, извергающие огонь, от которого их панцири плавятся. И враги быстро преодолевают район, где мы выпустили пиллигригормов.

— А на востоке? — холодно спросил Фараатаа.

— Мы не успели вовремя развернуть лианы, и они прорвались через лес. Разведчики докладывают, что они ищут Илиривойн.

— Им нужна Данипьюр. Они хотят заключить с нею союз против меня. — Глаза Фараатаа сверкнули. — Да, Аарисиим, все это плохо, но мы исправим положение! Вызови сюда Бенууиаба, и Сиимии, и еще кое-кого. Мы сами отправимся в Илиривойн и захватим Данипьюр, прежде чем они до нее доберутся. И покончим с нею, если понадобится, — с кем тогда они будут вступать в союз? Они ищут пьюривара, обладающего властью, но смогут найти лишь Фараатаа, а Фараатаа не станет заключать договоры с неменяющимся.

— Захватим Данипьюр? — не веря своим ушам, повторил Аарисиим. — Покончим с Данипьюр?

— Если будет нужно, — сказал Фараатаа, — я покончу со всем миром, но не отдам его им!

Глава 5

Вскоре после полудня они добрались до Престимионовой долины, области в восточной части Разлома, которая, как сообщили Валентину, в недавнем прошлом была крупным центром сельского хозяйства. Путешествуя по разоренному Зимроэлю, он сплошь и рядом видел удручающие картины — заброшенные фермы, обезлюдевшие города, следы самой отчаянной борьбы за выживание — но Престимионова долина, несомненно, производила чуть ли не самое тяжелое впечатление.

Тут, сколько видел глаз, чернели выжженные поля, а люди молча, стоически переносили обрушившуюся на них беду.

— Мы растили лусавендру и рис, — сказал хозяин дома, в котором остановился Валентин, плантатор Нитиккимал, являвшийся, судя по повадкам, мэром района. — Потом объявилась лусавендровая сажа, все посевы погибли, и нам пришлось сжечь поля. И сеять заново можно будет не раньше, чем через два года. Но мы остались, мой император. Никто отсюда, из Престимионовой долины, не сбежал. Провианта у

нас мало — вы, наверное, знаете, что мы, гэйроги, мало едим, но даже нам не хватает, — и работы у нас нет, мы тоскуем от безделья, нам тошно смотреть на землю, на которой нет ничего, кроме пепла. Но это *наша* земля, и мы остаемся здесь. Но, мой император, будем ли мы когда-нибудь снова сеять здесь?

— Уверен, что будете, — ответил Валентин. И задумался, не обманывает ли он своих подданных ложными надеждами.

Нитиккимал жил в расположенном в верхней части долины большом особняке, выстроенном из толстенных бревен черного граннимарового дерева и покрытого черепицей из зеленого сланца. Но внутри было промозгло, и дуло отовсюду, как будто плантатор не находил в себе сил для ремонта, который в дождливом, сыром климате Престимионовой долины необходимо было делать регулярно.

В тот день Валентин отдыхал в одиночестве в просторных хозяйских покоях, которые уступил ему Нитиккимал, прежде чем пойти в общинный зал на встречу с местными жителями. Перед ним лежала толстая пачка депеш, догнавших его здесь. Он узнал, что Хиссун далеко углубился в провинцию метаморфов со стороны Стейча и

теперь ищет Новый Велализир — такое название мятежники присвоили своей столице. Валентин невольно задумался о том, повезет ли Хиссуну больше, чем ему самому во время поисков бродячего города Илиривойна. Диввис же набрал вторую, еще более многочисленную армию и наступает на земли пьюриваров с другой стороны. Мысли о том, что может натворить в этих джунглях воинственный Диввис, тревожила Валентина. «У меня ведь были совсем другие намерения, — думал он. — Я не хотел посылать армии в Пьюрифайн. Как раз без этого я рассчитывал обойтись». Однако он понимал, что иного выхода у него не осталось. И нынешнему времени нужны Диввисы и Хиссуны, а не Валентины; он будет играть отведенную ему роль, они — свои роли, и если будет на то воля Божества, раны, нанесенные миру, когда-нибудь начнут заживать.

Он пролистал остальные депеши. Новости из Замка: регентом назначен Стазилейн, и на его плечи легла вся рутина повседневного управления. Валентину было искренне жаль его. Стазилейн, великолепный жизнелюбивый Стазилейн, сидит за столом и подписывает бесчисленное множество бумажек… «Чего только не творит с нами время!» — думал Валентин. Мы, считавшие,

что смыслом жизни на Замковой горе является охота и тому подобные развлечения, вдруг приняли на себя тяжкую ответственность и взвалили на плечи весь несчастный истерзанный мир. Как же далек отсюда Замок, как далеки радости того времени, когда мир, казалось, управлялся сам собой и круглый год стояла цветущая весна!

Донесения от Тунигорна, который тоже едет по Зимроэлю, немного отставая от Валентина, и занимается повседневной организационной работой: распределением провизии, сохранением имеющихся запасов, захоронением мертвецов и прочими мероприятиями по борьбе с голодом и возможными эпидемиями. «Лучник Тунигорн, знаменитый охотник Тунигорн… теперь он оправдывает, да и все мы оправдываем, — думал Валентин, — легкость и комфорт нашего беззаботного отрочества на Горе!»

Он отодвинул кучу писем. И вынул из шкатулки хранившийся там зуб дракона, тот самый, который та женщина, Миллилейн, неожиданно вложила ему в руку, как только он прибыл в Кинтор. Едва прикоснувшись к нему, он понял, что это не просто странная безделушка, амулет, дань слепому суеверию. Но лишь сравнительно недавно, вновь и вновь возвращаясь к подарку,

изучая его свойства и возможности — тайно, всегда тайно, присутствовать при этих занятиях он не дозволял даже Карабелле, — Валентин начал понимать, что же такое дала ему Миллилейн.

Он легко дотронулся до сияющей поверхности. Предмет казался чрезвычайно хрупким, чуть ли не просвечивал насквозь. Но при этом он был тверд, как крепчайший камень, его концы были остры, словно тщательно заточенные лезвия из наилучшей стали. На ощупь зуб был прохладным, и все же в нем как будто присутствовала огненная сердцевина.

В сознании Валентина зазвучал колокольный перезвон.

Сначала торжественный, медленный, чуть ли не похоронный, затем быстрее, еще быстрее. Дальнейшее ускорение ритма перерастало в каскад мелодий, которые так торопились перейти одна в другую, что заглушали финальные ноты предыдущей темы, а потом все мелодии звучали одновременно, образуя сложную, головокружительную симфонию изменений. Да, теперь он знал эту музыку, он понял, что это музыка водного короля Маазмоорна, существа, известного обитателям суши как Дракон лорда Кинникена, самого могущественного из обитателей этой

огромной планеты.

Валентину потребовалось немало времени, чтобы понять, что музыку Маазмоорна он слышал задолго до того, как этот талисман попал к нему в руки. Еще в начале нынешних скитаний, во время плавания из Алханроэля на Остров Сновидений на «Леди Тиин», он увидел сон о массовом паломничестве — пилигримы в белых одеждах, и он среди них, устремились к морю, откуда им навстречу двигался великий Дракон лорда Кинникена с распахнутой пастью, в которой исчезали ринувшиеся туда паломники. И пока дракон приближался к земле, пока он так же легко, как плыл по воде, выбирался на берег, от него исходил колокольный перезвон такой ужасающей мощи, что крошился и распадался сам воздух.

Точно такой же колокольный звон исходил от зуба. И, используя этот зуб в качестве путеводной нити, он мог бы, полностью сосредоточившись в собственной душе и отправив себя в полет через мир, вступить в контакт с грандиозным сознанием великого водяного короля Маазмоорна, которого неосведомленные именуют Драконом лорда Кинникена. Вот какой подарок сделала ему Миллилейн. Но откуда же она узнала, каким обра-

зом он — и только он! — мог им воспользоваться? Да и знала ли она это вообще? Может быть, она подарила ему этот зуб лишь потому, что это была ее святыня, может быть, она и представления не имела о том, что его можно использовать особым образом, как фокус для сосредоточения…

— Маазмоорн. Маазмоорн.

Он пробовал так и этак. День за днем он подходил все ближе к истинной связи с водным королем, к настоящей беседе, к соприкосновению личностей. Вот уже совсем рядом. Может быть, нынче вечером, может быть, завтра или послезавтра…

— Маазмоорн, ответь мне. К тебе обращается понтифик Валентин.

Он больше не боялся этого устрашающе огромного разума. Благодаря своим тайным погружениям в глубь собственной души Валентин начал понимать, насколько превратное представление об этих океанских гигантах сложилось у сухопутных обитателей Маджипура. Да, водяные короли страшны, но их не нужно бояться.

— Маазмоорн. Маазмоорн.

«Ну, вот, почти… почти…» — думал он.

— Валентин! — прозвучал за дверью голос Карабеллы.

Из транса он вышел так резко, что даже подскочил и чуть не упал с кресла. Но тут же овладел собой, положил зуб в шкатулку и вышел.

— Нужно идти в городское собрание, — напомнила Карабелла.

— Да. Конечно. Сейчас.

Звуки мистических колоколов все еще звенели в его душе.

Но сейчас у него было другое первоочередное дело. И зубу Маазмоорна придется еще немного подождать.

Через час Валентин сидел на возвышении в зале городского собрания, и перед ним медленно тянулась череда фермеров, которые кланялись и подносили ему для благословения свои инструменты — косы, мотыги и тому подобное, — как будто понтифик мог простым возложением рук вернуть процветание, присущее в прежние времена этой местности, пораженной ныне зловредной гнилью. Он задумался было, не являлись ли действия этих селян, подавляющее большинство которых составляли гэйроги, какой-нибудь древней верой. Но это было крайне маловероятно: ни один из правящих понтификов никогда раньше не посещал Престимионову долину да и вообще не бывал в Зимроэле, так что для подобно-

го верования просто не было оснований. Скорее всего, местные жители просто выдумали этот обряд, когда узнали, что он намерен посетить их.

Но это нисколько не беспокоило его. Ему подносили орудия, он прикасался то к рукояти одного инструмента, то к лезвию другого, то к древку третьего, улыбался самым любезным образом и находил для всех теплые слова, и крестьяне отходили от него, сияя.

Уже ближе к ночи в зале заволновались, и Валентин, подняв голову, увидел, что к нему приближается странная процессия. Толпа раздалась по сторонам, и по проходу к нему медленно шествовала женщина-гэйрог, достигшая, судя по практически бесцветной чешуе и обвисшим волосам-змеям, глубокой старости. Ее бережно поддерживали две соплеменницы помоложе. К тому же она, похоже, была слепа, но, несмотря на явную немощность, держалась очень прямо и ступала так, будто готова была снести любую стену, попадись она на пути.

— Это Аксимаан Трейш! — прошептал плантатор Нитиккимал. — Вы слышали о ней, ваше величество?

— К сожалению, нет.

— Самая знаменитая производительница луса-

вендры в наших местах. Неисчерпаемые знания, кладезь мудрости. Вероятно, вот-вот умрет, но все же настояла, чтобы ее доставили на встречу с вами.

— Лорд Валентин! — произнесла старуха неожиданно четким и звонким голосом.

— Нет, уже не лорд Валентин, — ответил он, — а понтифик Валентин. Вы оказали мне большую честь своим визитом, Аксимаан Трейш. Ваша слава опередила ваше личное присутствие.

— Понтифик… Валентин…

— Дайте мне руку, — сказал Валентин.

Он пожал скрюченные древние пальцы. Старуха встретилась с Валентином взглядом, хотя он понял по неподвижности зрачков, что она не видит ровным счетом ничего.

— О тебе говорили, что ты узурпатор, — заявила она. — Сюда приезжал маленький краснорожий человечек и говорил, что ты не настоящий корональ. Но я не стала слушать его и ушла. Я не знаю, настоящий ты или самозванец, но думаю, что не тому краснорожему рассуждать о таких вещах.

— Его зовут Семпетурн. Я встречался с ним, — сказал Валентин. — Теперь он поверил, что я был истинным короналем и стал истинным понтификом.

— И ты соберешь мир воедино, истинный понтифик? — все тем же редкостно ясным и выразительным голосом спросила Аксимаан Трейш.

— Мы все соберем его воедино, Аксимаан Трейш.

— Нет, понтифик Валентин, это уже без меня. Я умру на следующей неделе, а может, через неделю, и никто не назовет мою смерть безвременной. Но я хочу, чтобы ты сейчас пообещал мне, что мир станет таким, как был — для моих детей, для детей моих детей. И если ты пообещаешь, я встану перед тобой на колени, но если твое обещание окажется ложью, то пусть Божество покарает тебя, понтифик Валентин, как карает сейчас нас всех!

— Обещаю вам, Аксимаан Трейш, что мир будет не только восстановлен, но и станет лучше, чем прежде, и в моих словах нет обмана. Но я не хочу, чтобы вы вставали передо мною на колени.

— Я сказала, что встану, значит, так и будет! — И, к его изумлению, отмахнулась от своих сопровождающих, как от мух, рухнула на колени и, согнувшись, коснулась пола лбом, хотя трудно было ожидать от нее такой гибкости, ибо с виду она больше всего походила на кусок кожи, пролежавший на солнце сто лет и совершенно

одеревеневший. Валентин наклонился было, чтобы поднять ее, но одна из женщин — ее дочь, бесспорно, дочь — отдернула его руку и тут же в ужасе уставилась на свою ладонь, дерзнувшую прикоснуться к понтифику. Старуха же встала — медленно, но без посторонней помощи — и сказала: — Знаешь, сколько мне лет? Я родилась когда понтификом был Оссьер. Наверное, в мире нет никого старше меня. А умру я при понтифике Валентине, и ты восстановишь мир.

«Эти слова, пожалуй, надо понимать как пророчество, — подумал Валентин. — Хотя еще больше они походят на приказ».

— Так и будет, — сказал он, — и вы, Аксимаан Трейш, доживете и сами увидите, как это будет.

— Нет. Нет. Когда первое зрение уходит, появляется второе. Моя жизнь, можно сказать, кончена. Но твой путь я вижу очень ясно. Ты спасешь нас, сделав то, что сам считаешь невозможным. И закрепишь свое деяние едва ли не самым нежелательным для себя поступком. И хотя ты совершишь невозможное, а потом наступишь на горло своим желаниям, все равно будешь знать, что поступил правильно, и возрадуешься этому, понтифик Валентин. А теперь иди, понтифик, и исцели нас. — Ее раздвоенный язык стремитель-

но трепетал в приоткрытом рту. — Исцели нас, понтифик Валентин! Исцели нас!

Она повернулась и медлительно прошествовала к выходу, чуть ли не с презрением отвергая помощь сопровождавших ее женщин.

Лишь через час с лишним Валентин смог расстаться с фермерами Престимионовой долины — они обступили его, как будто всерьез наивно верили, что эманации, испускаемые персоной понтифика, способны преобразовать их жизнь и волшебным образом вернуть родные места в блаженное состояние, в каком они пребывали до появления лусавендровой сажи, — когда Карабелла, сжалившись над ним, сделала вид, будто падает от усталости. Лишь после этого удалось уйти. И всю дорогу до поместья Нитиккимала понтифик явственно видел перед собою образ Аксимаан Трейш. Он слышал ее голос: «Ты спасешь нас, сделав то, что сам считаешь невозможным. И закрепишь свое деяние едва ли не самым нежелательным для себя поступком. И хотя ты совершишь невозможное, а потом наступишь на горло своим желаниям, все равно будешь знать, что поступил правильно, и возрадуешься этому, понтифик Валентин. А теперь иди, понтифик, и исцели нас. Исцели нас, понтифик Валентин!

Исцели нас!»

Фоном для этих речей звучала колокольная музыка водяного короля Маазмоорна. На сей раз он находился очень близко и, казалось, уже можно было прорваться к нему, установить-таки контакт с этим неимоверно громадным обитателем моря. Сегодня же, этой же ночью…

Карабелла, взволнованная событиями дня, не смогла уснуть, пока не рассказала о своих впечатлениях. Явление дряхлой фермерши-гэйрога поразило и ее, и она вновь и вновь возвращалась к монологу Аксимаан Трейш, жуткой неотразимой силе взгляда ее невидящих глаз, к загадкам ее пророчества. Но в конце концов она легонько поцеловала Валентина в губы и затихла в темноте на необъятной хозяйской кровати, где ночевала вместе с мужем.

Валентин выждал несколько нескончаемых минут. Потом сжал в руке зуб морского дракона.

— Маазмоорн!

Он стиснул зуб с такой силой, что многочисленные острые углы врезались в ладонь, и собрал все силы своего сознания, чтобы отправить его за тысячи миль от Престимионовой долины, в море — куда?.. к полюсу? — где пребывает сейчас правитель океанов.

— Маазмоорн!

— Я слышу тебя, земной брат, Валентин-брат, король-брат.

Наконец-то!

— Ты знаешь, кто я такой?

— Я знаю тебя. Я знал твоего отца. Я знал многих и многих до тебя.

— Ты говорил с ними?

— Нет. Ты первый. Но я знал их. Они не знали меня, но я их — знал. Я совершил много, много круговращений в океане, Валентин-брат. И наблюдал все, что происходило на суше.

— Тебе известно, что происходит сейчас?

— Известно.

— Нас уничтожают. Вы участвуете в этом уничтожении?

— Нет.

— Вы руководите мятежниками-пьюриварами в той войне, которую они ведут против нас. Нам это известно. Они поклоняются вам, как богам, а вы учите их, как уничтожить нас.

— Нет, Валентин-брат.

— Я точно знаю, что они поклоняются вам.

— Да, так оно и есть, потому что мы — боги. Но мы не поддерживаем их восстания. Мы лишь даем им то, что дали бы любому, кто обращается

к нам за пропитанием, но у нас нет цели изгнать вас из этого мира.

— *Но вы наверняка должны ненавидеть нас!*

— Нет, Валентин-брат.

— *Мы охотимся на вас. Убиваем вас. Едим вашу плоть, пьем вашу кровь и делаем безделушки из ваших костей.*

— Да, это правда. Но почему мы должны ненавидеть вас, Валентин-брат? Почему?

Валентин не сразу нашелся с ответом. Он лежал, обливаясь холодным потом и дрожа от благоговения, рядом со спящей Карабеллой и обдумывал услышанное: спокойное признание короля вод, что драконы являются богами — что бы это могло значить? — и отрицание соучастия в восстании и вдобавок поразительное утверждение, что драконы не держат обиды на земных обитателей Маджипура за все зло, что те творили против них многие тысячи лет. Слишком уж много всего открылось ему в единый миг там, где прежде был лишь колокольный перезвон да ощущение отдаленного, невнятного присутствия чего-то.

— *Значит ли это, Маазмоорн, что вы не знаете гнева?*

— *Мы понимаем чувство гнева.*

— *Но не испытываете его?*

— Гнев нецелесообразен, Валентин-брат. Отношение ваших охотников к нам вполне естественно. Оно — часть жизни, неотъемлемая сторона Бытия. Как и я, как и ты. Мы приемлем То, Что Есть во всех его проявлениях. Вы убиваете нас, когда мы проходим мимо земли, которую вы именуете Зимроэлем, и используете нас для своего блага; бывает, что мы убиваем тех из вас, кто плавает на кораблях, когда обстоятельства требуют того, и таким образом используем вас для своего блага, и это То, Что Есть. Некогда пьюривары убили нескольких из нас в каменном городе, который ныне мертв. Посчитав, что совершили чудовищное преступление, они разрушили свой собственный город. Но они не поняли. Никто из вас, детей суши, не понимает. Это просто То, Что Есть.

— А как насчет сопротивления, которое мы оказываем пьюриварам и хаосу, обрушенному ими на нас? Неужели наше сопротивление неправомерно? Или мы должны смириться перед своей участью, потому что это То, Что Есть?

— Ваше сопротивление, Валентин-брат, тоже часть Того, Что Есть.

— В таком случае, Маазмоорн, твоя философия недоступна мне.

— От тебя и не требуется ее понимания, Валентин-брат. Но это тоже То, Что Есть.

Валентин снова умолк. Пауза оказалась еще продолжительнее первой, но он внимательно следил, чтобы контакт не прервался.

В конце концов он сказал:

— Я хочу положить конец этой эпохе разрушения. И намерен сохранить то положение, которое мы, дети суши Маджипура, понимаем как То, Что Есть.

— Это вполне естественно.

— Я хочу, чтобы ты помог мне.

Глава 6

— Мой повелитель, мы поймали меняющего облик, — сказал Алсимир, — который клянется, что у него срочное сообщение для вас, и сообщить его он может только вам.

Хиссун нахмурился.

— Вы думаете, шпион?

— Вероятнее всего, мой повелитель.

— Или даже убийца.

— Такую возможность тоже нельзя исключать. Но, думаю, он пришел не за этим. Я знаю, что он из меняющих облик, и любые предположения тут будут рискованны. Однако же я участвовал в его допросе. Он кажется искренним. *Кажется*.

— Искренность метаморфов! — рассмеялся Хиссун. — Они ведь сумели пристроить своего шпиона даже в ближнюю свиту лорда Валентина!

— Да, я слышал об этом. Но что же с ним делать-то?

— Думаю, привести его ко мне.

— А если он затеял какую-нибудь из своих штучек с превращениями?

— В таком случае нам придется двигаться быст-

рее, чем он. В общем, Алсимир, ведите его сюда.

Хиссун понимал, что риск в таком решении действительно имелся. Но того, кто называет себя гонцом от врагов, никак нельзя прогонять, и, уж конечно, нельзя казнить кого бы то ни было по одному только подозрению. И, сознался он себе, ему самому будет крайне интересно увидеть своими глазами одного из метаморфов, которых он уже несколько недель разыскивал в этих промокших насквозь джунглях, а они так ловко ускользали от него.

Его лагерь располагался близ рощи огромных двикковых деревьев где-то близ восточной границы Пьюрифайна, невдалеке от берега Стейча. Деревья и впрямь были поразительными — высоченные, толщиной с хороший дом, с блестящей ярко-красной корой, прорезанной глубокими трещинами, огромными листьями. Под каждым листом могли бы укрыться от обычного в этих местах ливня человек двадцать, а плоды еще более громадные, с летающую лодку в обхвате, скрывали под грубой кожурой опьяняющую мякоть. Но созерцание ботанических чудес не могло компенсировать тоску и трудности бесконечного марша по дождевым лесам метаморфов. Дожди шли почти непрерывно, все плесневело и

гнило, в том числе, иногда думал Хиссун, и мозги. Армия продвигалась фронтом протяженностью более ста миль, и второй по значению город метаморфов Авендройн должен был располагаться примерно посередине этой линии. Но они не видели ни городов, ни следов прежних поселений, ни троп, оставленных при бегстве, и ни единого метаморфа. Как будто эта раса была мифической, а джунгли — необитаемыми.

Диввис, насколько было известно Хиссуну, столкнулся с такими же трудностями на противоположной стороне Пьюрифайна. Метаморфы немногочисленны и города свои, судя по всему, устраивают переносными. И сейчас они попросту перелетают с места на место со всем своим скарбом, как местные ночные насекомые с прозрачными крылышками. Хотя, возможно, они принимают облик деревьев и кустов и стоят себе, сдерживая смех, прямо посреди обтекающего их войска короналя. Если так, эти громадные двикки вполне могут быть разведчиками метаморфов, думал Хиссун. Сейчас побеседуем с этим шпионом, или гонцом, или убийцей, или кем еще он может быть; возможно, удастся узнать от него что-нибудь или, по крайней мере, развлечься новым впечатлением.

Уже через несколько минут вернулся Алсимир с пленником и надежной охраной.

Пленник — чрезвычайно высокий, тонкий до хрупкости, обнаженный, если не считать полоски кожи, прикрывающей чресла, — производил странно тревожное впечатление, как и все те немногочисленные пьюривары, которых Хиссуну доводилось видеть раньше. Кожа и тонкие упругие пряди волос имели странный бледно-зеленоватый цвет. На лице, почти лишенном черт, рот был просто безгубой щелью, нос — всего лишь шишкой, очень раскосые узкие глаза едва виднелись под веками. Он казался встревоженным и не особенно опасным. Тем не менее Хиссун очень жалел, что рядом с ним нет никого, наделенного способностью заглядывать в умы, скажем, Делиамбера, или Тизаны, или самого Валентина, для которого чужие секреты частенько оказывались вовсе не секретами. Кто знает, какие неприятные сюрпризы может замышлять этот метаморф?

— Кто ты такой? — спросил Хиссун.

— Меня зовут Аарисиим. Я служу Явленному королю, который известен вам под именем Фараатаа.

— Он послал тебя ко мне?

— Нет, лорд Хиссун. Он не знает, что я здесь. —

Метаморф вдруг затрясся всем телом, задергался, и на мгновение контуры его тела смазались и как будто потекли. Телохранители короналя подались вперед и отгородили метаморфа от Хиссуна, на тот случай, если эти телодвижения предшествуют нападению, но Аарисиим тут же овладел собой и вернулся к прежнему облику. — Я пришел, чтобы предать Фараатаа, — тихо проговорил он.

— То есть ты приведешь нас туда, где он скрывается? — спросил, оторопев, Хиссун.

— Да, приведу.

«Это чересчур хорошо для того, чтобы оказаться правдой», — подумал Хиссун, обводя взглядом стоявших вокруг Алсимира, Стимиона и других ближайших советников и помощников. Они, судя по всему, испытывали те же сомнения, и на их лицах читались и скепсис, и настороженность, и враждебность, и тревога.

— Почему же ты решился на это? — спросил он.

— Он нарушил закон.

— И до тебя это дошло только сейчас, когда восстание…

— Мой повелитель, я имею в виду наш закон, а не ваш.

— Вот как… И что же он такого сделал?

— Он отправился в Илиривойн, захватил Данипьюр и намерен убить ее, — сказал Аарисиим. — По закону носящая титул Данипьюр неприкосновенна. По закону Данипьюр нельзя лишить жизни. Он не слушает никаких советов. Он взял ее в плен. К своему стыду, я был среди тех, кто помогал ему. Я думал, что он лишь хочет арестовать ее, чтобы не дать возможности заключить союз с неизменяющимися против нас. Он говорил, что не станет убивать ее, если не станет очевидно, что поражения не избежать.

— И сейчас он лишился надежды?

— Нет, лорд Хиссун. Он вовсе не считает, что война проиграна, он готов выпустить против вас новых тварей и новые болезни и думает, что до победы всего один шаг.

— Зачем же, в таком случае, убивать Данипьюр?

— Чтобы гарантировать себе победу.

— Безумие!

— Я тоже так считаю, мой повелитель. — Глаза-щелочки Аарисиима широко раскрылись и вспыхнули каким-то необычным резким светом. — Конечно, он видит в ней опасную соперницу, к тому же настроенную против войны

и склоняющуюся к миру. Если устранить ее, исчезнет угроза его власти. Но и это еще не все. Он собирается убить ее на алтаре — принести ее кровь в жертву водяным королям, чтобы они и дальше поддерживали его. Он построил храм, похожий на тот, что был в Старом Велализире, и хочет лично уложить ее на жертвенный камень и собственноручно прервать ее жизнь.

— И когда это должно случиться?

— Нынче ночью, мой повелитель. В час хай-гуса.

— Нынче ночью?

— Да, мой повелитель. Я торопился изо всех сил, но твоя армия настолько велика, и я боялся, что меня убьют, если твои воины обнаружат меня, прежде чем я отыщу твою личную охрану… Мне бы прийти вчера или позавчера, но это было невозможно…

— И сколько же времени нужно, чтобы добраться до Нового Велализира?

— Дня четыре. Может быть, три, если очень уж поспешить.

— Значит, Данипьюр погибла! — в гневе выкрикнул Хиссун.

— Если жертвоприношение не состоится сегодня…

— Ты сказал: этой ночью?

— Да, и луны, и звезды будут в нужном положении… но если он передумает в последний момент…

— И часто Фараатаа случалось передумывать? — спросил Хиссун.

— Никогда, мой повелитель.

— Получается, мы не в состоянии успеть туда вовремя…

— Да, мой повелитель, — угрюмо ответил Ааарисиим.

Хиссун скорчил гримасу и уставился на рощу гигантских двикк. Данипьюр погибнет… Это значит, что не останется никакой надежды на взаимопонимание с меняющими облик. Из того, что было ему известно, следовало, что лишь она, и никто другой, способна смягчить ярость мятежников, и лишь с нею можно добиться хоть какого-то компромисса. Если ее не станет, останется лишь воевать насмерть.

— Где сейчас понтифик? — обратился он к Алсимиру.

— Точно западнее Кинтора, может быть, уже и до Дюлорна добрался. В общем, где-то в Разломе.

— Можно передать ему сообщение?

— Каналы связи с этой областью очень нена-

дежны, мой повелитель.

— Это я и сам знаю. Мне нужно, чтобы вы как угодно передали ему эту новость, причем не позже, чем через два часа. Пробуйте все возможные и невозможные способы. Привлеките волшебников. Устройте молебен. Свяжитесь с Владычицей: пусть она усыпит его и передаст послание. Повторяю, Алсимир, все возможное и невозможное, вы меня понимаете? Он во что бы то ни стало должен узнать, что Фараатаа втемяшилось в голову наступающей ночью убить Данипьюр. Сообщите ему об этом. Как угодно, но обязательно. И не забудьте сказать, что спасти ее может лишь он один. Не знаю как, но может.

Глава 7

А тут, сказал себе Валентин, нужно будет не только взять зуб Маазмоорна, но и надеть обод Владычицы. В передаче не должно быть никаких сбоев, никаких искажений; ему предстоит использовать все имеющиеся возможности.

— Встань рядом со мною, — сказал он Карабелле и добавил, обращаясь к Делиамберу, Тизане и Слиту: — А вы встаньте вокруг. Когда я потянусь к вам, возьмите меня за руку. Ничего не говорите, только держите за руку, и все.

Стояло ясное, солнечное, свежее и сладкое, как алабандиновый нектар, утро. А в Пьюрифайне, далеко на востоке, уже сгущалась ночь.

Он надел на голову обод. Он стиснул в кулаке зуб водяного короля. Он глубоко, до головокружения, вдохнул свежий сладкий воздух.

— Маазмоорн!

Валентин вложил в вызов столько силы, что она ударила и по окружающим: Слит вздрогнул, Карабелла зажала уши ладонями, щупальца Делиамбера внезапно задрожали.

— Маазмоорн! Маазмоорн!

Зазвучали колокола. Медленно, тяжело повер-

нулось громадное тело, вкушавшее покойный отдых в холодных северных водах. Донесся шелест расправляемых больших черных крыльев.

— *Слышу тебя, Валентин-брат.*

— *Помоги мне, Маазмоорн.*

— Помочь? Чем же я могу тебе помочь?

— *Позволь мне пролететь по миру на твоей силе.*

— *Что ж, иди со мною, король-брат, Валентин-брат.*

Все оказалось до изумления просто. Он вдруг сделался невесомым и заскользил, и поплыл, и воспарил, и полетел. Под ним огромной дугой лежала поверхность планеты, уходившая на восток, в ночь. Водяной король нес его легко и уверенно; так великан мог бы нести котенка на ладони. Вперед, вперед над миром, который был сейчас полностью открыт для него. Он ощутил, что слился с планетой воедино, что воплотил в себе двадцать миллиардов обитателей Маджипура, людей, скандаров, хьортов, метаморфов и всех остальных, движущихся внутри него, как кровяные тельца по жилам. Он находился везде одновременно; он был всей печалью мира, и всей его радостью, всем его желанием, и всей его нуждой. Он сделался всем. Он превратился в

кипящую вселенную противоречий и конфликтов. Он чувствовал жар пустыни, теплый дождь тропиков и холод высоких вершин. Он смеялся, плакал, умирал, занимался любовью, ел, пил, танцевал, дрался, бешено скакал по неизвестным холмам, трудился в полях и прокладывал дорогу через густо переплетенные лианами джунгли. В океанах его души огромные морские драконы вырвались на поверхность, взревели чудовищными дрожащими голосами и снова нырнули на неимоверные глубины. Глядя вниз, он видел переломы мира, его шрамы и увечья там, где земля вздыбилась и рухнула на самое себя, и понимал, каким образом это можно исцелить, снова сделать целостным и безмятежным. Ибо все стремится вернуться к безмятежности. Все умещается в То, Что Есть. Все является слагаемыми бескрайней цельной гармонии.

Но во всей этой гармонии ощущался единственный визгливый, хриплый, надрывный диссонанс. Он рассек ткань мира, как нож, оставляя за собой кровавый след. Он грубо нарушил целостность сущего.

Но даже этот диссонанс, как точно было известно Валентину, являлся составляющей Того, Что Есть. И все же он, этот диссонанс, бурлящий,

хрипящий и ревущий в своем безумии чуть ли не на другом конце мира, хоть и был элементом Того, Что Есть, начисто отвергал То, Что Есть. Эта сила яростно протестовала против всего остального. Она восставала против любых намерений восстановить гармонию, заштопать ткань бытия, возродить его целостность.

— Фараатаа!

— *Кто здесь?*

— *Я понтифик Валентин.*

— *Валентин-глупец. Валентин-сопляк.*

— Нет, Фараатаа. Валентин — понтифик.

— *Для меня это ничего не значит. Я — Явленный король.*

Валентин расхохотался, и его смех пролился над миром, как золотой медовый дождь. Взмахнув крыльями великого короля драконов, он взмыл почти до края неба, откуда поверх тьмы была видна вершина Замковой горы, пронзающей небеса на другой стороне мира, и Великое море за нею. Посмотрев оттуда вниз на джунгли Пьюрифайна, он опять расхохотался, и смотрел с неимоверной высоты, как разъяренный Фараатаа шатался и корчился под лавиной этого смеха.

— Фараатаа!

— *Что тебе нужно?*

— Ее нельзя убивать, Фараатаа.

— Кто ты такой, чтобы говорить мне, что можно, а что нельзя?

— Я — Маджипур.

— Ты глупец Валентин. А я — Явленный король!

— Нет, Фараатаа.

— Нет?!

— Я вижу светящееся в твоем разуме древнее предание. Грядущий принц, Явленный король — как ты смеешь притязать на эти титулы? Ты не этот принц. И никогда тебе не быть этим королем.

— Ты зря надеешься сбить меня с толку всякой чушью. Убирайся, пока я не вышвырнул тебя.

Валентин действительно почувствовал то ли толчок, то ли нажим. Почувствовал и без труда отразил.

— Грядущий принц совершенно чужд ненависти. Неужели, Фараатаа, ты будешь отрицать это? Это неотъемлемая часть легенды твоего родного народа. У него нет жажды мщения. Он не вожделеет разрушения. В тебе же, Фараатаа, нет ничего, кроме ненависти, жажды мщения и разрушительности. Если лишить тебя этих свойств, от тебя останется лишь пустая шелуха.

— Дурак!

— Твои притязания — обман.

— Дурак!

— Если ты, Фарааттаа, воистину тот король, каким провозгласил себя, то позволь мне лишить тебя гнева и ненависти.

— Ты, глупец и несешь чушь!

— Ну, же, Фарааттаа. Опомнись. Освободи Данипьюр. И позволь мне исцелить твою душу.

— Данипьюр умрет не позже чем через час.

— Нет, Фарааттаа.

— Смотри!

Плотно переплетенные кроны деревьев расступились, и взору Валентина явился Новый Велализир, озаренный мятущимся светом множества факелов. Храмы из связанных между собой бревен, знамена, алтарь, уже горящий погребальный костер. Величественно спокойная женщина-метаморф, прикованная к каменной плите. Вокруг нее чуждые пустые лица. Ночь, деревья, звуки, запахи. Музыка. Пение.

— Освободи ее, Фарааттаа. А потом приди ко мне вместе с нею, и мы вместе восстановим все, что можно восстановить.

— Ни за что! Я своей собственной рукой предам ее богам. И ее жизнью искуплю давний грех Кощунства, когда мы принесли в жертву соб-

ственных богов, и в наказание за это сюда были посланы вы.

— Ты заблуждаешься даже в этом, Фараатаа.

— В чем же я заблуждаюсь?

— Тогда, в Велализире, боги предались вам добровольно. Они сами себя принесли в жертву, а вы не поняли этого. Вы создали миф о Кощунстве, но это ложный миф. Фараатаа, все это ошибка, с начала до конца. В тот давний день водяной король Низнорн и водной король Домситор пожертвовали собою точно так же, как ныне водяные короли предаются нашим охотникам во время своих странствий вокруг Зимроэля. И ты этого не понимаешь. Ты не понимаешь вообще ничего.

— Безумие. Глупость.

— Отпусти ее, Фараатаа. Пожертвуй своей ненавистью, как водяные короли жертвуют собой.

— Я убью ее своими руками.

— Этого нельзя делать. Отпусти ее, Фараатаа.

— НЕТ!

Страшная сила, вложенная в это «нет», оказалась неожиданностью: взметнувшись ввысь, как океанская волна в яростном приливе, она достигла Валентина и обрушилась на него гневным

ударом, ошеломила его и на мгновение ввергла в хаос. Пока он приходил в себя, Фараатаа нанес еще один удар, третий и четвертый, и все они попадали в цель, словно кузнечный молот. А потом Валентин ощутил силу водяного короля, служащую ему опорой, перевел дыхание, собрался и снова обрел свою собственную силу.

И простер ее к мятежному вождю.

Он хорошо помнил события многолетней давности — последний час войны за возвращение трона, когда он в одиночестве вошел в Судебный зал Замка и обнаружил там узурпатора Доминина Барджазида, охваченного неудержимой яростью. И Валентин обратил к нему любовь, дружбу, огорчение от того, что произошло между ними. Он обратил к нему надежду на мирное урегулирование разногласий, прощение совершенных грехов, гарантию безопасного ухода из Замка. На все это Барджазид ответил вызовом, ненавистью, гневом, презрением, дерзостью, объявлением вечной войны. Валентин не забыл ничего из этого. И теперь все повторялось заново: исполненный ненависти враг, отчаянное сопротивление, категорический отказ свернуть с пути смерти и разрушения, отвращение и глумливая насмешка, презрение и неприятие.

Он не ожидал, что Фараатаа выкажет больше готовности пойти навстречу, нежели когда-то — Доминин Барджазид. Но, оставаясь самим собою, продолжал верить в возможность торжества любви.

— Фараатаа!

— *Валентин, ты сопляк.*

— *Если ты намерен стать тем, кем объявил себя, то отбрось ненависть и приди ко мне с миром.*

— *Оставь меня, Валентин.*

— *Я взываю к тебе.*

— *Нет. Нет. Нет. Нет.*

На сей раз Валентин был готов к яростному неприятию, которое обрушилось на него каменной лавиной. Он принял всю силу ненависти Фараатаа, отринул ее и предложил взамен любовь, доверие и открытость, но получил взамен еще больше неизменной, непреклонной, непримиримой ненависти.

— Ты не оставляешь мне иного выхода, Фараатаа.

Молча пожав плечами, Фараатаа направился к алтарю, на котором лежала связанная королева метаморфов. Вот он поднял кинжал из полированного дерева.

— Делиамбер! — позвал Валентин. — Карабелла! Тизана! Слит!

Они тут же схватили его, кто за руки, кто за локти, кто за плечи. Он почувствовал, как в него хлынула их сила. Но ее не хватало. Он воззвал к миру, нашел на Острове его новую Владычицу, мать Хиссуна, и взял силы у нее, а потом и у прежней Владычицы — своей матери. Но даже этого не хватало. Впрочем, у него имелись еще резервы. — Тунигорн! — позвал он. — Стазилейн! На помощь. — И они присоединились. Он отыскал Залзана Кавола. Он отыскал Эйзенхарта. Он отыскал Эрманар. Он отыскал Лизамон. Но и со всеми ними сил не хватало. Значит, прибавим еще. — Хиссун! Поделитесь со мною вашей силой. Поделитесь со мною вашей стойкостью.

— Я здесь, мой император.

Вот! Теперь получится. Он снова, как наяву, услышал голос Аксимаан Трейш: «Ты спасешь нас, сделав то, что сам считаешь невозможным». Да. Теперь это окажется возможным.

— Фараатаа!

Единственный импульс, подобный звуку гигантской трубы, устремился от Валентина через полконтинента — в Пьюрифайн. В долю мгновения он преодолел путь и нашел свою цель,

которой являлся даже не Фараатаа, а ненависть, наполнявшая его, слепая, гневная, непреклонная страсть, требующая отомстить, разрушить, стереть с лица земли, изгнать. Валентин нашел ее и удалил, высосал из Фараатаа одним непреодолимым глотком, впитал в себя всю эту пылкую ярость, поглотил, взял из нее ее силу и отбросил прочь. А Фараатаа остался пустым.

Какой-то миг его рука еще продолжала подниматься над головой, мышцы оставались напряженными, ноги прочно упирались в землю, оружие было нацелено в сердце Данипьюр. И вдруг Фараатаа испустил беззвучный вопль, нематериальный звук, пустоту, ничто. И застыл неподвижно, вытянувшись во весь рост. Но он уже представлял собою лишь пустую скорлупу, шелуху. Кинжал выпал из безжизненных пальцев.

— Уходи! — велел Валентин. — Во имя Божества, уходи!

И Фараатаа упал ничком и больше не шевелился.

Все стихло. Мир застыл в ужасающей неподвижности. «Ты спасешь нас, — сказала Аксимаан Трейш, — сделав то, что сам считаешь невозможным». И он не испытывал колебаний.

Из безмерной дали он услышал голос водяного короля Маазмоорна:

— *Ты закончил свое путешествие, Валентин-брат?*

— Да. Мое путешествие закончено.

Валентин открыл глаза. Положил зуб, снял с головы обод. Посмотрел вокруг и увидел, что Карабелла, Слит, Делиамбер, Тизана стоят бледные и испуганно смотрят на него.

— Все кончено, — чуть слышно сказал он. — Данипьюр останется жива. Из джунглей больше не будут выходить чудовища.

— Валентин…

Он взглянул на Карабеллу.

— Что, любовь моя?

— С тобой все в порядке?

— Да, — ответил он. — Я в полном порядке. — Он очень устал и испытывал очень странные ощущения. Но… он действительно был в полном порядке. Он сделал то, что следовало. У него не было выбора. И дело было закончено.

— Наши дела здесь закончены, — сказал он Слиту. — Попрощайтесь от моего имени с Нитиккималом и прочими местными обитателями и скажите им, что все будет хорошо и что я даю в этом торжественную клятву. И, не откладывая,

двинемся в путь.

— Дальше, в Дюлорн? — спросил Слит.

Понтифик улыбнулся и покачал головой.

— Нет. На восток. Прежде всего в Пьюрифайн, чтобы встретиться с Данипьюр и лордом Хиссуном и положить начало новому миропорядку, в котором отныне нет места ненависти. А потом, Слит, мы отправимся домой. Пора, пора!..

Глава 8

Церемония коронации происходила под открытым небом, на площади Вилдивара, откуда открывался изумительный вид на Девяносто девять ступеней и ближние окрестности Замка. Никакие традиции или правила не требовали обязательного проведения коронации в тронном зале Конфалюма, просто последние устраивали именно там, но на сей раз понтифик Валентин настойчиво рекомендовал провести церемонию на воздухе. И, конечно же, никто и не подумал возражать против прямо высказанного желания понтифика.

Итак, согласно воле понтифика все собрались под ласковым весенним небом Замковой горы. Двор был щедро украшен цветами — садовники доставили в огромных кадках цветущие халатинговые деревья, нисколько не повредив их, и по обеим сторонам двора выстроились деревца, усыпанные малиновыми с золотом, чуть ли не светящимися цветами. Кроме халатингов здесь пестрели танигалы и алабандины, караманги и сефитонгалы, эльдироны, пиннины и десятки других прекрасных цветущих растений. Вален-

тин приказал, чтобы повсюду были цветы — и повсюду были цветы.

Зато имелась древняя традиция, диктовавшая размещение Властителей во время церемонии. Если на коронации удавалось присутствовать всем, то они становились ромбом: во главе — новый корональ, напротив него понтифик, а по бокам Владычица Острова и Король Снов. Но нынешняя коронация отличалась от всех тех, которые когда-либо проводились на Маджипуре, потому что с сегодняшнего дня Властей стало пять, и нужно было изобрести новую конфигурацию.

И ее изобрели. Понтифик и корональ стояли бок о бок. Справа от короналя лорда Хиссуна, чуть поодаль, стояла его мать Эльсинома, Владычица Острова. Слева от понтифика Валентина стоял Минакс Барджазид, Король снов. И замыкала эту изогнутую цепочку, стоя лицом к остальным четырем, Данипьюр Пьюрифайнская, пятая, только что присоединенная Власть Маджипура.

По бокам и чуть сзади расположились ближайшие советники и помощники: рядом с понтификом стояли Верховный глашатай Слит и леди Карабелла, короналя сопровождали Алсимир и Стимион, с Владычицей явилась группа

иерархов — Лоривейд, Талинот Эсюлде и еще несколько, Король снов взял с собою братьев Кристофа и Доминина, а Данипьюр окружало с дюжину пьюриваров в сияющих шелковых мантиях; они сбились в кучку и, похоже, до сих пор не верили, что являются почетными гостями важнейшей церемонии на вершине Замковой горы.

Чуть поодаль расположились принцы и герцоги: Тунигорн, Стазилейн, Диввис, Миригант, Элзандир и прочие, а также делегаты из дальних земель — Алаизора, Стойена, Пилиплока, Ни-мойи и Пидруида — и почетные гости — Нитиккимал из Престимионовой долины, Миллилейн из Кинтора и еще несколько человек, которых судьба свела с понтификом во время его странствий по миру, и даже багроволицый коротышка Семпетурн, искупивший свою измену более чем достойным поведением во время Пьюрифайнской кампании, находился здесь. Он с благоговейным ужасом смотрел по сторонам и то и дело изображал руками то знак пылающей звезды, адресуясь к лорду Хиссуну, то знак понтифика — Валентину, и судя по тому, насколько часто он повторял эти символы преданности, они получались у него непроизвольно. Было тут и несколько человек из Лабиринта, друзья

детства нового короналя — Ванимун, бывший в то время ему чуть ли не братом, и тоненькая, с миндалевидными глазами сестра Ванимуна Шулейра, и Хойлан, и трое братьев Хойлана, и еще несколько человек, и все они тоже стояли с широко раскрытыми глазами и ртами, боясь лишний раз пошевелиться.

Как обычно, было море разливанное вина. Как обычно, все молились. Как обычно, звучали гимны. Говорились традиционные речи. Но не успела еще церемония дойти до середины, как понтифик Валентин поднял руку, изъявив желание говорить.

— Друзья мои… — начал он.

И сразу присутствующие принялись взволнованно перешептываться. Понтифик обращается к другим — даже к Властям, даже к принцам! — «Друзья!» Как необычно… только Валентин так может…

— Друзья мои, — повторил он. — Позвольте мне сказать несколько слов, ибо вряд ли вам в будущем доведется часто слышать меня. Как-никак пришло время лорда Хиссуна, мы находимся в Замке лорда Хиссуна, и мне тут уже не место. Я лишь хочу поблагодарить вас за то, что вы оказали нам честь прийти сюда сегодня… — Снова

шепот: понтифик благодарит, понтифик говорит, что ему оказали честь! — …и призвать вас радоваться не только сегодня, но и впредь, поскольку мы вступаем в эпоху примирения. В этот день мы утвердим в должности короналя, который будет еще много лет мудро и милосердно править вами и направлять начавшееся восстановления этого мира. Мы приветствуем сегодня в качестве новой Власти Маджипура другого монарха, бывшего до последнего времени нашим врагом и, волею Божества, больше не являющегося им, ибо теперь Данипьюр и ее народ влились в течение жизни Маджипура как равные среди равных. И если будет на то добрая воля со всех сторон, то можно будет искупить древние обиды и перейти к примирению.

Он сделал паузу, взял у слуги бокал с искрящимся вином и высоко поднял его.

— Я почти закончил. Осталось лишь испросить для этого праздника благословения у Божества… а также у наших великих братьев морских, с которыми мы делим этот мир… чья снисходительность, возможно, позволяет нам населять малую часть этого огромного мира… и с которыми мы наконец вступили в общение. Им мы обязаны спасением в дни установления мира и

перевязывания ран; будем надеяться, что они не откажутся указать нам путь и в грядущем.

А теперь, друзья, приближается главный миг церемонии коронации — новый корональ примет корону пылающей звезды и взойдет на трон Конфалюма. Правда, мы сейчас находимся не в тронном зале. По моей просьбе; ладно, что греха таить — по моему приказу. Мне хотелось сегодня в последний раз подышать вольным воздухом Замковой горы, ощутить на своей коже теплое солнце. Я уеду отсюда нынче же вечером, а со мною возлюбленная супруга Карабелла и все мои добрые товарищи, которые много лет пребывали рядом со мною и пережили вместе со мною множество удивительных приключений. Мы отправляемся в Лабиринт, где будет отныне мой дом. Когда я был очень далеко отсюда, в местности, именуемой Престимионова долина, одна мудрая старуха, уже завершившая ныне свой земной путь, сказала мне, что для всеобщего спасения я должен сделать то, что считаю невозможным — и я совершил невозможное, потому что это было необходимо, — а затем то, чего хочу меньше всего на свете. А чего же мне настолько не хочется? Полагаю, покинуть любимую Гору и спуститься в Лабиринт, где должен жить

понтифик. И я это сделаю. Сделаю без горечи и гнева. Я делаю то, что положено, и радуюсь этому, ибо я понтифик и этот Замок теперь не мой, я же буду двигаться дальше, как было задумано Божеством.

Понтифик улыбнулся и указал бокалом, по очереди, на короналя, на Владычицу, на Короля снов и на Данипьюр. А затем пригубил вино и передал его леди Карабелле, чтобы та тоже сделала глоток. И закончил речь:

— Перед нами Девяносто девять ступеней. За ними лежит главная святыня Замка, где и завершится сегодняшняя церемония. Затем предстоит торжественный обед, сразу после которого я и мои спутники двинемся в путь, потому что дорога до Лабиринта неблизкая, а мне не терпится наконец попасть домой. Лорд Хиссун, не проводите ли вы нас в зал? Будьте любезны, лорд Хиссун!